

ЧЕТВЕРТЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ
ЧТЕНИЯ ИМЕНИ ПРОФЕССОРА Н. А. ПЬЯНОВА

ЧЕТВЕРТЫЕ
теоретико-правовые
чтения

ИМЕНИ ПРОФЕССОРА

Н.А. ПЬЯНОВА

г. ИРКУТСК - 2022 г.

ЧЕТВЕРТЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ
ЧТЕНИЯ ИМЕНИ
ПРОФЕССОРА Н. А. ПЬЯНОВА

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Иркутск, октябрь – ноябрь 2022 года

ЧЕТВЕРТЫЕ
теоретико-правовые
ЧТЕНИЯ

ИМЕНИ ПРОФЕССОРА

Н.А. ПЬЯНОВА

г. ИРКУТСК - 2022 г.

ЧЕТВЁРТЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ
ЧТЕНИЯ ИМЕНИ
ПРОФЕССОРА Н. А. ПЬЯНОВА

Материалы конференций

Иркутск, октябрь – ноябрь 2022 г.

Иркутск, 2023

**УДК (321:340)
ББК Х01.лО**

Редакционная коллегия:

С. А. Комаров, д-р юрид. наук, проф. (науч. ред.);
Н. С. Нижник, д-р юрид. наук, проф.;
И. А. Кузьмин, канд. юрид. наук, доц. (науч. ред.);
М. Ю. Спиринов, канд. юрид. наук, доц. (отв. ред. и сост.);
А. В. Степанов, магистр религиоведения;
М. Г. Тирских, канд. юрид. наук, доц.

Четвёртые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н. А. Пянова: материалы конференций (октябрь – ноябрь 2022 г.) / отв. ред. и сост. М. Ю. Спиринов; [науч. ред. С. А. Комаров, И. А. Кузьмин]. – Иркутск: Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права, 2023. – 403 с.

В сборнике представлены результаты исследований актуальных проблем государственно-правовой действительности, а также иных специальных аспектов взаимодействия государства и права с общественными институтами.

Материалы сборника представляют интерес для всех, кто занимается изучением проблем современного государства, общества и права, специальным аспектам их взаимодействия. Сформулированные положения могут быть использованы при изучении и преподавании философии, теории государства и права, конституционного права, социологии, религиоведения, теологии, культурологии и других гуманитарных дисциплин в высших и средних специальных учебных заведениях.

*Сборник издан при поддержке проекта
«Байкальский этнорелигиозный дискуссионный клуб
«Время говорить!» (куратор проекта А. В. Степанов)*

ISBN 978-5-6048721-6-1

© Авторы
© Межрегиональная
ассоциация теоретиков
государства и права, 2023

**МАТЕРИАЛЫ ЧЕТВЁРТЫХ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ ЧТЕНИЙ
ИМЕНИ ПРОФЕССОРА Н. А. ПЬЯНОВА**

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Вступительное слово</i>	7
I. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	
<i>Василевич Г. А., Василевич Д. Г.</i> Конституционная модернизация системы сдержек и противовесов в Республике Беларусь	8
<i>Дергунов А. А.</i> Обеспечение блага как цель преимущественного права	21
<i>Деревскова В. М.</i> Судебная реформа 1864 г. как средство преодоления социальных проблем в России во второй половине XIX в.	30
<i>Изотов А. Н.</i> Об основополагающих задачах правовой аксиологии	41
<i>Искандаров Ш. Ф., Данакари Л. Р., Ивентьев С. И.</i> Право человека на уважительное отношение к себе (в контексте естественных прав)	48
<i>Кузьмин И. А.</i> К вопросу об участии общественности в закреплении и реализации института наказания	69
<i>Романенко Н. С.</i> Индекс заинтересованности законодателя как оценочная (качественная) правовая категория	78
<i>Самусевич А. Г.</i> Понятие и структура механизма конституционного правоприменения: постановка проблемы	88
<i>Слепнёв А. А.</i> Особенности соотношения норм публичного и частного права на примере взаимодействия норм статьи 115 УПК РФ и статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»	95
<i>Спирин М. Ю.</i> Современная российская общая теория пра-	

ва: традиционализм и/или развитие? (о некоторых проблемах и перспективах)	100
<i>Тирских М. Г.</i> Правовые детерминанты преобразования политических режимов	108
<i>Чигринский Н. С.</i> Реформирование правового регулирования свободы совести в России в постсоциалистический период	114
<i>Чиркаев С. А.</i> Юридический приоритет: основания классификации	119
<i>Шишкин С. И.</i> Пути цифровизации муниципальной власти...	129

II. СОЦИАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>Агапов О. Д.</i> Духовный суверенитет России: вклад общества, государства и церкви	138
<i>Висневский И. В.</i> Стефан Винокуров – первый законоучитель центральной школы фельдшерниц Восточной Сибири в г. Иркутске	147
<i>Волосова Е. Б.</i> О востребованности теологического образования в современном обществе	152
<i>Китаев В. А.</i> 250 лет Иерусалимскому кладбищу	158
<i>Мерзлякова И. С.</i> Проблемы реализации и защиты имущественных прав ребенка как субъекта семейных правоотношений	166
<i>Полюшкевич О. А.</i> Особенности обучения праву государственных и муниципальных служащих	176
<i>Рожков А. О.</i> Технический, процедурный, нарративный и социальные уровни формирования социального порядка в видеоиграх	180
<i>Степанов А. В., Индуцкая О. И.</i> Кремация в свете погребальных традиций православного вероисповедания: история вопроса в России и Иркутской области	185

III. ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ

<i>Андрюгалова Е. А.</i> Конституционные (уставные) суды в субъектах РФ: к вопросу об упразднении	197
---	-----

<i>Брылева Т. В.</i> Региональный парламентский контроль: проблемы правового регулирования	204
<i>Быстров В. Д.</i> Соотношение судебной практики и судебного нормотворчества в российской правовой системе	210
<i>Вальтер В. В.</i> Государственно-правовая политика по мобилизации населения в ряды Красной Армии в годы Великой Отечественной войны	215
<i>Вершинина М. К.</i> Право как инструмент повышения качества жизни	230
<i>Витовская Я. Д.</i> К вопросу об ограничении родительских прав как меры ответственности за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей	235
<i>Габдрашитова А. С.</i> К вопросу о структуре и содержании внутривластной функции государства	239
<i>Колобынина Е. А.</i> Особенности Конституции Великобритании на современном этапе	248
<i>Коновалова В. А.</i> Сепаратизм в современном мире	253
<i>Кужлев К. И.</i> Анализ проблемы усечения российского идеологического многообразия	259
<i>Ласкина Д. Е.</i> О соотношении сущности и содержания юридической ответственности	266
<i>Маракеева М. А.</i> К вопросу о взаимосвязи общетеоретической правовой доктрины с прикладными юридическими науками (на примере взаимосвязи теории государства и права с криминалистикой)	271
<i>Обухова Т. Н.</i> Реабилитация в системе механизмов восстановления нарушенных прав в РФ	280
<i>Самко Д. А.</i> Белая милиция vs. Красная милиция: организационные модели службы в период Гражданской войны в России	287
<i>Сараева Е. Р.</i> Проблемы законоотворчества в РФ	301
<i>Сотникова Е. С.</i> Суд присяжных как форма непосредственной демократии в России и зарубежных странах	305
<i>Спиридонова Н. Е.</i> Марксистский тип понимания права: прошлое и современное	313
<i>Творонович В. А.</i> Правовые проблемы информационной безопасности	321

<i>Терентьева Д. П., Ушакова А. А.</i> Влияние искусственного интеллекта на развитие юридической науки	326
<i>Тользак А. Е.</i> Правотворчество как стадия правового регулирования	333
<i>Цветкова Д. А.</i> Публичные услуги и государственные функции: правовые проблемы разграничения	342
<i>Шуплецов Н. С.</i> Разумности в правотворческой и в правореализационной деятельности по удовлетворению материальных потребностей государства	350

IV. ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ВЗГЛЯД МОЛОДОГО УЧЁНОГО

<i>Голубева О. А., Мерзлякова П. О.</i> Экологический туризм: общая характеристика и правовое регулирование	357
<i>Ким Г. Е.</i> Нормативно-правовые основы развития института губернатора на современном этапе	366
<i>Лунченкова А. А.</i> Нормативно-правовые основы регулирования сферы здравоохранения РФ: федеральный и региональный ракурс	376
<i>Мерзлякова П. О., Голубева О. А.</i> Правовой и социально-психологический аспекты отбора кандидатов на прохождение службы в ОВД	387
<i>Мурашов Р. Ю.</i> Роль избирательного права в формировании партийной системы России	394

Вступительное слово

Уважаемые читатели! Вашему вниманию предлагается сборник статей участников научных мероприятий, проведённых под эгидой Четвёртых международных теоретико-правовых чтений имени профессора Н. А. Пьянова в октябре – ноябре 2022 года: Международной научно-практической конференции «Право как средство преодоления общесоциальных проблем» (21 октября 2022 г.), Всероссийской студенческой научно-практической конференции «Право как средство разрешения экономических, политических, социальных и идеологических проблем: взгляд молодых исследователей» (5 ноября 2022 г.), Второй научно-практической конференции «Церковь, государство и общество: исторические, политико-правовые и идеологические аспекты взаимодействия» (18 ноября 2022 г.).

Память о большом Человеке, Учителе и выдающемся теоретике государства и права из Восточной Сибири – профессоре Николае Андреевиче Пьянове остаётся сильным объединяющим началом для академической, профессиональной и студенческой общественности, представленной в Чтениях авторами из Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Таджикистан.

Широта междисциплинарной тематики и научных интересов поражает, охватывая многочисленные грани государственно-правовой действительности и проблематики во всём разнообразии авторских интерпретаций. Для более удобного использования все материалы сборника распределены по четырём разделам, первые два из которых включают работы «взрослых» исследователей, а другие – результаты научных изысканий студентов вузов. Качественной разносторонней проработке подверглись основные задачи и перспективы правового регулирования общественных отношений, проблемы и перспективы социального регулирования, проблемы государственно-правовой действительности глазами молодёжи и основы правового регулирования с позиции молодых учёных.

Оргкомитет Четвёртых теоретико-правовых чтений выражает искреннюю благодарность Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права в лице её президента – профессора Сергея Александровича Комарова и куратору Байкальского этнорелигиозного дискуссионного клуба «Время говорить!» Андрею Васильевичу Степанову, благодаря деятельной поддержке которых, настоящий проект продолжает жить и развиваться.

**С уважением и надеждой на сотрудничество,
оргкомитет Четвёртых теоретико-правовых
чтений имени Н. А. Пьянова**

І. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Г.А. Василевич*
Д.Г. Василевич**

DOI: 10.47905/9785604872161_8

КОНСТИТУЦИОННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. В статье анализируются особенности системы сдержек и противовесов, получившей закрепление в Республике Беларусь на конституционном уровне по итогам республиканского референдума от 27 февраля 2022 года. Обращается внимание на взаимодействие таких республиканских органов как Президент, Всебелорусское народное собрание, Парламент, Правительство. Подчеркивается, что по инициативе Президента существенно сужены его полномочия в пользу Парламента, а также Всебелорусского народного собрания. Тем самым расширена база народного представительства.

Ключевые слова: система сдержек и противовесов, народное представительство.

CONSTITUTIONAL MODERNIZATION OF THE SYSTEM OF CHECKS AND BALANCES IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. The article analyses peculiarities of the system of checks and balances, fixed in the Republic of Belarus on the constitutional level following the results of the republican referendum of February 27, 2022. Attention is paid to the interaction of such republican bodies as the President, the All-Belarusian People's Assembly, the Parliament and the Government. It is emphasized that the President has significantly narrowed his powers in favor of the Parliament,

* *Василевич Григорий Алексеевич*, доктор юридических наук, профессор, Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь).

Vasilevich Grigoriy Alexeevich, Doctor of legal sciences, Professor (Belarus state university, Minsk, Republic of Belarus).

** *Василевич Дмитрий Григорьевич*, кандидат юридических наук, доцент, Международный университет «МИТСО» (г. Минск, Республика Беларусь).

Vasilevich Dmitriy Grigorievich, Candidate of legal sciences, Associate professor, International University «MITSO» (Minsk, Republic of Belarus).

as well as the All-Belarusian People's Assembly. Thus the base of people's representation is expanded.

Key words: *system of checks and balances, people's representation.*

27 февраля 2022 года в Беларуси состоялся республиканский референдум по вопросу о внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь. Внесение изменений и дополнений в Конституцию поддержали 82,86 процента, принявших участие в голосовании, то есть от 5,4 миллиона граждан Беларуси. Против принятия изменений и дополнений проголосовали 686.165 участников референдума, что составило 12,8 процента от проголосовавших и 10,07 процента от внесенных в списки для голосования [1].

Если в целом оценивать концепцию изменений и дополнений Конституции, то есть основания утверждать о сохранении базовых конституционных ценностей и лишь о модернизации Конституции, что наиболее наглядно проявилось в совершенствовании вертикальной структуры системы сдержек и противовесов. На горизонтальном уровне существенных изменений не произошло: сохранилась ранее сложившаяся парадигма властных отношений между органами представительной и исполнительной власти.

Конституция на момент ее принятия 15 марта 1994 года отражала уровень развития всего общества, в том числе, как в свое время отмечал Фердинанд Лассаль, расстановку политических сил, то есть фактические отношения в обществе (российском, белорусском) [2, с. 17]. Это же можно отметить применительно к конституционным изменениям, которые произошли в результате референдумов 1996, 2004, 2022 годов. Конечно, существуют и иные факторы, которые влияют на предмет конституционного регулирования. В научной литературе к ним, справедливо, относят не только политические воззрения на собственность, власть, волю и усмотрение субъектов, готовящих конституционные изменения, но и уровень общественного сознания [3, с.16–20], что перекликается с позицией Ф. Лассаля. Относительно формы правления, системы органов государственной власти при подготовке Конституции Республики Беларусь были различные оценки. На рассмотрение Конституционной комиссии предлагалось около десяти вариантов новой Конституции Республики Беларусь [4]. Основные споры сводились

к определению формы правления – президентская или парламентская республика, системы органов местного самоуправления, праву собственности на землю, прежде всего, на земли сельскохозяйственного назначения.

В ситуации конструктивного сотрудничества Президента со Всебелорусским народным собранием, когда признается его авторитет и принимаемые акты, можно утверждать о существовании президентской по форме правления республики. Однако при наличии конфликта между ветвями власти президентская республика может трансформироваться в республику, в которой доминирует коллегиальный представительный орган надпарламентского типа – Всебелорусское народное собрание. В этом смысле можно утверждать о трансформации президентской республики в республику широкого народного представительства.

Конституция создает основу для проведения в стране реформ, но и сама испытывает влияние законодательства, потребности общественной практики [5, с. 135]. Так, с учетом предложений Президента в нее также на референдуме (24 ноября 1996 года) были внесены изменения и дополнения. На референдуме 1996 года был поддержан президентский проект. В итоге полномочия Президента были усилены. Появился двухпалатный парламент. Правительство было наделено дополнительными полномочиями. Конституционный Суд утратил право возбуждать производство по делам по собственной инициативе. Это неудивительно в силу его политической ангажированности; отхода от соблюдения принципа беспристрастности. Дошло дело до того, что (до проведения в 1996 году референдума) в Конституционном Суде после публичных выступлений Президента воспроизводился на бумаге текст его выступления: шел поиск того, за что можно объявить Президенту импичмент.

Конституция любого современного государства не является застывшим документом. Возникает необходимость конституционно закрепить важнейшие социальные ценности, предусмотреть дополнительные гарантии для устойчивого развития общества и государства [6, с. 3–33].

На наш взгляд, если Конституция себя не исчерпала, желательно избегать коренной ломки конституционно-правовых отношений, осуществлять их модернизацию при сохранении базовых

норм. Преимущество такого подхода заключается в том, что это позволяет реагировать на возникшие в процессе реализации конституционных принципов и норм проблемы, дефекты правоприменения. Если же происходит полное обновление текста, то какое-то время понадобится для формирования новой практики. Поэтому выступаем за модернизацию конституции, что рассматривается в литературе как эволюционный процесс обновления конституционных норм, придания им системности [5, с. 99].

Следующий блок наиболее крупных изменений и дополнений в наших конституциях касается совершенствования системы сдержек и противовесов. Они направлены на защиту интересов государства, обеспечение независимости должностных лиц, занимающих высокие руководящие должности. На наш взгляд, истоками системы сдержек и противовесов являются нормы об избирательной системе и референдумах. Они также претерпели некоторые изменения. Предусмотрено, что не только возрастной, но и иные цензы для депутатов и других лиц, избираемых на государственные должности, определяются соответствующими законами.

Отличительной особенностью белорусской Конституции является сохранении нормы о праве отзыва депутатов избирателями. По поводу данной нормы были острые дискуссии, много возражений было именно со стороны депутатского корпуса.

Произведен ряд иных принципиальных изменений в системе сдержек и противовесов, что переформатирует парадигму властных отношений на общегосударственном уровне. В соответствии со ст. 80 белорусской Конституции Президентом может быть гражданин Республики Беларусь по рождению, не моложе 40 лет, обладающий избирательным правом, постоянно проживающий в Республике Беларусь не менее 20 лет непосредственно перед выборами, не имеющий и не имевший ранее гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа иностранного государства, дающего право на льготы и другие преимущества. Таким образом, повышен минимальный возраст для занятия должности Президента, с 10 до 20 лет увеличена продолжительность проживания в Беларуси непосредственно перед выборами. Хотя нет конституционного запрета иметь имущество за рубежом, но установлено ограничение на обладание документом иностранного государства, предоставляющим какие-либо преимуще-

ства. Для Беларуси это актуально в связи с принятием Польшей закона о Карте поляка. Согласно ему, например, лица, которые идентифицируют себя в качестве лиц польской национальности, приобретают ряд льгот в области получения образования, трудоустройства и др. В Беларуси около 300 тысяч граждан идентифицируют себя в качестве представителей польской национальности. Конституционный Суд Республики Беларусь в рамках его полномочий 7.04.2011 г. принял решение «О позиции Конституционного Суда Республики Беларусь по Закону Республики Польша «О Карте поляка». Результатом его рассмотрения явилось внесение в законы, в том числе о государственной службе, запрета государственному служащему получать карту поляка. Предусматривается ограничение срока на занятие должности Президента, однако эти нормы действуют с момента вступления в силу конституционных изменений.

Согласно изменениям и дополнениям, вносимым в Конституцию Республики Беларусь, значительно расширяются полномочия палат Парламента в кадровой сфере. Дополнительными полномочиями наделяется Конституционный Суд. Он получает право осуществлять толкование Конституции (ранее таким правом обладал Парламент). По предложению Президента он вправе проверять конституционность проектов законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию; о соответствии Конституции законов, принятых Парламентом, до их подписания Президентом.

Ранее все законы до их подписания Президентом в порядке предварительного контроля проверялись на соответствие Конституции. Такая практика была введена декретом Президента от 26.06.2008 г. № 14 «О некоторых мерах по совершенствованию деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь». Практика показала, что сплошной конституционный контроль законов до их подписания является излишним. Кроме того, отсутствовала состязательность при рассмотрении такого рода дел. На недостатки сплошного предварительного конституционного контроля автором обращалось внимание в ряде публикаций [7, с. 208]. Предлагалось определить круг наиболее важных законов, которые подлежат предварительной проверке в Конституционном Суде до их подписания Президентом [7, с. 208]. Но полагаем, что в нашей Конституции найден еще более рациональное решение, хотя оно и повторяет

в определенной степени подход российского законодателя. Однако это не умаляет заслуги разработчиков проекта изменений. Всегда существовала практика использования лучшего зарубежного опыта.

Согласно новой редакции ст. 100 Конституции Беларуси Президент вправе в течение 14-дневного срока, который отводится ему на подписание закона либо его возврата в Парламент, обратиться в Конституционный Суд с предложением о проверке конституционности закона. Как и в Российской Федерации, срок для подписания такого закона приостанавливается на время рассмотрения предложения Конституционным Судом. Заключение Конституционного Суда Беларуси должно быть принято в более короткие сроки – не позднее десяти дней со дня внесения Президентом соответствующего предложения. Если Конституционный Суд подтвердит конституционность закона, Президент подписывает его в пятидневный срок со дня принятия Конституционным Судом соответствующего заключения. В случае признания Конституционным Судом закона не соответствующим Конституции Президент возвращает его в Палату представителей. В связи с этим выскажем некоторый комментарий к данным нормам Конституции. Полагаем, что Президент может фактически не подписать закон и после проверки его конституционности. Но по истечении 14-дневного срока, с учетом срока приостановления, он должен считаться подписанным. На наш взгляд, Президент в рамках установленного срока и после подтверждения конституционности закона вправе также его вернуть в Парламент для повторного рассмотрения по иным причинам, не связанным с несоответствием Конституции. Конечно, практика правоприменения покажет, как будут реализованы указанные нормы Конституции.

Высоко оцениваем тот факт, что в данном случае учтен подход, сформулированный в Конституции РФ, когда не все законы до их подписания Президентом, а лишь те, в отношении которых у Президента есть сомнения в их конституционности, подлежат проверке. Более того в российской Конституции предусмотрен оптимальный срок для рассмотрения такого закона и обязательные для реализации акта Конституционного Суда последствия. Это более рациональный подход. Существовавшая в Беларуси на протяжении 14 лет практика предварительного контроля, когда Консти-

туционный Суд в пятидневный срок обязан был принять решение, причем консультативного характера, в определенной мере девальвировала последующий конституционный контроль. Сейчас она вводится в рациональное русло.

С учетом укрепления статуса Конституционного Суда можно было бы на конституционном уровне исключить дифференциацию актов Конституционного Суда на заключения и решения, указав на заключения, которые он принимает по обращениям уполномоченных субъектов.

Обеспечению верховенства Конституции, о чем идет речь в ст. 7, защите государственного суверенитета правовыми средствами могла бы содействовать реализация предложения о закреплении в ней, а в настоящее время в Кодексе о судоустройстве и статусе судей предложения, согласно которому Конституционный Суд должен обладать правом проверки возможности исполнения решения иностранного или международного суда, налагающего обязанности на Республику Беларусь, в случае, если это решение противоречит основам публичного правопорядка нашей республики [8, с. 142].

Особое внимание привлекают изменения и дополнения белорусской Конституции, касающиеся Всебелорусского народного собрания. Его статус принципиально отличается от статуса ранее проводимых, начиная с 1996 года, раз в пять лет Всебелорусских народных собраний. Они являлись органами с совещательными полномочиями. Рекомендуемые в его резолюциях решения реализовывались посредством издания актов Главы государства, Правительства, принятия законов. Делегаты ранее проводимых Всебелорусских народных собраний не имели постоянного статуса. Сейчас ситуация принципиально меняется. В соответствии со ст. 89-1 Всебелорусское народное собрание (далее – ВНС) становится высшим представительным органом народа Республики Беларусь (как сказано в Конституции – высшим представительным органом народо-властия). Оно определяет стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающие незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие.

Исходя из положений Конституции о статусе ВНС, следует вывод, что оно является не только высшим коллегиальным пред-

ставительным, но и высшим нормотворческим органом, так как его акты по юридической силе выше даже законов. В этой связи важно обеспечить наиболее высокую степень легитимности при формировании ВНС и его функционировании, уделить особое внимание повышению его авторитета среди граждан.

Право Всебелорусского народного собрания заслушать отчет Премьер-министра о выполнении социально-экономического развития Республики Беларусь (п. 3 ст. 89-3 Конституции), право Всебелорусского народного собрания отменять правовые акты Правительства, если они противоречат национальным интересам, право Президента отменять любые акты Правительства (п. 25 ст. 84) отражает новую парадигму властных отношений в системе координат – Президент, Всебелорусское народное собрание, Правительство. Возможны разногласия между Президентом и Всебелорусским собранием, когда, например, Всебелорусское народное собрание решит отменить акт Правительства, хотя Президент полагает постановление Правительства вполне приемлемым и с точки зрения соответствия закону и с точки зрения целесообразности его действия. В то же время конституционные полномочия Всебелорусского народного собрания позволяют ему отменить акт Президента об отмене акта Правительства, то есть восстановить действие акта Совета Министров, если идет речь о национальной безопасности. Конечно, это крайние ситуации, но потенциально они возможны в условиях напряженного конфликта интересов. Их необходимо избегать. В литературе обращается внимание на различные механизмы (процедуры) разрешения конфликта. Указывается на согласительные, судебные и иные процедуры [8, с. 153–199].

Существенно усиливает влияние Правительства на социально-экономическую сферу тот факт, что в настоящее время законопроекты, следствием принятия которых может быть сокращение государственных средств, создание или увеличение расходов, вносятся в Палату представителей при наличии заключения Правительства (ранее – с согласия Президента либо по его поручению – Правительства). Выскажем предположение, что такая позиция Правительства также становится важной и при подготовке проектов указов Президента, особенно, если уже состоялось одобрение Палатой представителей программы деятельности Правительства.

При широкой трактовке полномочий Всебелорусского народного собрания, полагаем, что оно имеет возможности для отмены решения Президента об отставке Правительства или роспуске палат Парламента. Однако более определенно по данному вопросу может высказать свою позицию Конституционный Суд при возникновении необходимости протолковать соответствующие нормы Конституции.

Следует также учитывать, что, если ранее декреты и указы Президента Республики Беларусь относились к законодательным актам, а декреты даже считались по юридической силе выше законов, то, согласно новым изменениям, декреты как вид актов исключаются из конституционного текста, а указы и распоряжения Президента должны соответствовать закону. Таким образом, складывается новая правовая пирамида, на вершине которой находятся Конституция и законы. На практике, на наш взгляд, возникнут вопросы о роли и значении директив Президента. Они ранее и в настоящее время в Конституции не упоминаются. Но в Законе «О нормативных правовых актах» директивы отнесены к указам программного характера. На данный момент принято десять директив. Лишь одна, первая директива, утверждена указом. Остальные директивы были оформлены как самостоятельные акты. С учетом пересмотра полномочий Президента и появления в политической системе Всебелорусского народного собрания полагаем, что директивы утратят свою прежнюю роль программного документа.

В ст. 89-2 проекта Конституции определено, что в состав ВНС входят делегаты. Делегаты ВНС в силу сохранения за ними по общему правилу полномочий в течение срока избранного на пять лет ВНС должны быть наделены не меньшим объемом прав и обязанностей, чем члены Парламента, включая право на обращения, предложения, запросы, прием должностными лицами, указы и их исполнение, проявление нормотворческой инициативы, отзыв, особенности привлечения к ответственности, досрочного прекращения полномочий и др.

Закон конкретизирует многие положения Конституции о ВНС. На наш взгляд, делегатами ВНС могут быть дееспособные лица, достигшие возраста 21 года. Они должны отвечать всем требованиям, установленным для избрания в Парламент. Возрастной ценз, конечно, может вызвать различные оценки. Не исключаем и

18-летний возраст, но исходим из того, что решения ВНС обладают более высокой силой, чем законы, которые могут принимать депутаты Палаты представителей, достигшие 21 года.

Сам термин «делегаты» предполагает, что этих лиц кто-то делегирует в состав ВНС. Вместе с тем, действующий Президент и Президент, прекративший исполнение своих полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности либо досрочно в случае его отставки, входят в состав ВНС *ex officio*: на наш взгляд, положения данной статьи следует трактовать так, что они приобретают статус делегатов по должности – делегатов от народа. В силу этих и иных причин они не должны приобретать статус «делегата» посредством избрания каким-либо органом в состав ВНС.

Делегат Всебелорусского народного собрания принимает участие в работе Всебелорусского народного собрания без отрыва от трудовой (служебной) деятельности.

Коллегиальным органом, обеспечивающим в порядке, установленном законом, оперативное решение вопросов, входящих в компетенцию Всебелорусского народного собрания, является Президиум.

Заседания Всебелорусского народного собрания проводятся не реже одного раза в год. В Конституции указана общая максимальная численность делегатов – не более 1200 человек, но конкретный порядок его формирования должен быть оговорен в законе о ВНС. С учетом предложенной численности делегатов можно утверждать о расширении народного представительства в ВНС как органе государственной власти. За тридцать два года народное представительство, например в белорусском Парламенте, сократилось, начиная с 1990 года, с 485 парламентариев до 174.

Решения Всебелорусского народного собрания являются обязательными для исполнения и могут отменять правовые акты, иные решения государственных органов и должностных лиц, противоречащие интересам национальной безопасности, за исключением актов судебных органов. Таким образом, в актах ВНС будет воплощаться суверенная воля народа. На наш взгляд, тем самым укрепляется народный суверенитет, углубляются отношения между народом и государством, на важность которых справедливо обращено внимание Б.С. Эбзеевым [9, с. 196–201].

Таким образом, Конституция содержит нормы, которые могут придать новые импульсы работе представительных органов, то есть тех институтов власти, которые наиболее близки к народу. Представительная демократия способна исключить консервацию системы отношений, дать гражданам больше возможностей для самовыражения. Представительная демократия реализуется посредством избрания гражданами своих представителей в органы публичной власти, а также органы общественного территориального самоуправления. Обычно в конституциях, включая и белорусскую, выделяют три ветви власти – законодательную, исполнительную, судебную. Каждую из этих ветвей олицетворяют соответствующие органы (система органов). Однако в этой триаде сложно расположить местные Советы депутатов. В Беларуси, как известно, их три уровня [10]. Они не относятся к законодательной ветви власти, тем более – к исполнительной ветви. К ней надо относить Парламент (сочетает функции законодательной и представительной ветви власти, являясь коллегиальным органом), а также местные Советы депутатов (на начало 2022 года их 1309) и в настоящее время – ВНС. Президент (глава государства) также является представительным органом народа. Конечно, есть основания для того, чтобы на примере органов местного самоуправления, к которым согласно белорусскому законодательству, относятся местные Советы депутатов и органы территориального общественного самоуправления, рассматривать их как одно из звеньев системы сдержек и противовесов по вертикали.

По существу, можно вести речь о том, что указанные органы составляют представительную ветвь власти. То есть представительная ветвь власти благодаря вносимым изменениям и дополнениям получает еще один уровень. На факт наличия представительной ветви власти можно было бы в перспективе указать в ст. 6 Конституции.

Какое количество звеньев представительной власти, зависит от политической воли законодателя, так как нет императивного образца относительно их количества. Важно правильно распределить полномочия между различными уровнями публичной власти, обеспечить их разумную автономию, справедливо разрешать возникающие споры между различными уровнями. Представительство в составе ВНС местных Советов депутатов усилит внимание к

местным выборам, повысит роль депутатского мандата, активизирует избирательный процесс. Да и делегаты ВНС, сохраняя свои полномочия в течение пяти лет, будут всегда рядом с избирателями в трудовых коллективах, по месту жительства. У них будет возможность взаимодействовать, решать местные и общегосударственные вопросы.

Следует признать, что в процессе обсуждения проекта изменений Конституции, предлагаемых на республиканский референдум, положения о Всебелорусском народном собрании вызвали значительное число споров, высказывались различные мнения от отрицания его необходимости до полной поддержки идеи о функционировании ВНС. Ставились вопросы о том, насколько необходимо включать в его состав представителей исполнительной и судебной власти. Отметим, что, на наш взгляд, представителей этих ветвей власти в составе ВНС будет значительно меньше, чем от парламента, органов местного самоуправления. Кроме того, такой нестандартный подход, как создание и функционирование ВНС в системе государственной власти, является расширением демократических основ, обеспечением более широкого участия граждан в управлении делами государства. Конечно, привычно только и говорить о трех ветвях власти: законодательной, исполнительной и судебной, подчеркивать (вполне обоснованно) заслуги Дж. Локка и Ш. Монтескье в развитии теории разделения властей. Но Дж. Локк и Ш. Монтескье обращали внимание на важность другого аспекта – взаимодействие властей. Ш. Монтескье писал: «необходимое течение вещей заставляет все власти действовать согласованно, что нередко упускается из виду» [11, с. 165].

В этом плане участие в работе ВНС представителей исполнительной и судебной власти не нарушает концепцию разделения властей (концепцию разделения труда), но, наоборот, повышает их ответственность за разумность (конституционную законность) принимаемых решений. Никто не посягает на самостоятельность судов при разрешении конкретных споров.

Подчеркнем главное: в книге Ш. Монтескье основное внимание уделено многообразию законов во всех сферах общества и их «духу» в разных видах деятельности. Поэтому, как отмечает Ю.А. Тихомиров, в настоящее время речь идет о верховенстве права и закона в обществе и государстве, означающем соизмерение

всех действий органов, организаций и граждан с правовыми принципами и нормами [12, с. 103].

Профессор Ю.А. Тихомиров обращает внимание на такую важную современную тенденцию правового развития в XX – XXI веках как конституционализацию «государственной и общественной жизни, когда конституция становится основой национальной правовой системы, и эту роль ей предстоит выполнять реально» [12, с. 99]. Анализируя позиции Ш. Монтескье, он делает логичный вывод, что новый дух законов, о котором Ш. Монтескье, – это «введение стабильного «человеческого измерения» всех институтов общества, государства и мирового сообщества. Его идея о разделении властей живет, но нуждается в модификациях. А вот идея духа законов и нынешнего верховенства права требует повышенного внимания» [12, с. 104]. В этом заключается главное, а не в формально-догматичном «разделении» властей.

Источники и литература

1. ЦИК Беларуси утвердил итоги референдума по Конституции. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ЦИК Беларуси утвердил итоги референдума по Конституции – Российская газета (rg.ru) (дата обращения: 07.03.2022).
2. Лассаль Ф. О сущности Конституции. Сочинения. – Т. 2. – М., 1925. – 475 с.
3. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. – 2-е изд. – Москва: РЮИД «Сашко», 2000. – 528 с.
4. Василевич Г.А. Проекты Конституции Республики Беларусь: поиск оптимальной модели (1990–1994 гг.). – Минск: Право и экономика, 2014. – 308 с.
5. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в современном мире. – М.: Наука РАН, 2016. – 320 с.
6. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. В.Е. Чиркин. – Москва: Норма, 2013. – 656 с.
7. Василевич Г.А. Проблемы оптимизации конституционного контроля в Республике Беларусь // Конституционный контроль: современные тенденции развития и совершенствования: материалы Международной конференции, посвященной 20-летию Конституционного Суда Республики Беларусь (Минск, 27–28 июня 2014 г.). – Минск: Белорусский Дом печати, 2014. – 256 с.

8. Юридический конфликт / О.А. Акопян, С.Б. Балахаева, А.А. Головина [и др.]; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – Москва: ИНФРА-М, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2017. – 312 с.

9. Эбзеев Б.С. Народный суверенитет // Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного Закона России) / Л. В. Андриченко, С.А. Боголюбов, В.И. Васильев и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; ИД «Юриспруденция», 2013. – 592 с.

10. Местное самоуправление в Беларуси и зарубежных странах / под общ. ред. Г.А. Василевича и Г.Г. Куневича. – Минск: Право и экономика, 2022. – 400 с.

11. Монтескье Ш. О духе законов. – СПб.: Издание Л.Ф. Пантелева, 1900. – 798 с.

12. Тихомиров Ю.А. О новом «Духе законов» или ... прощай, Монтескье? // Сравнительное конституционное обозрение. – 2011. – № 2 (81). – С. 97–105.

А.А. Дергунов*

DOI: 10.47905/9785604872161_21

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЛАГА КАК ЦЕЛЬ ПРЕИМУЩЕСТВЕННОГО ПРАВА

Аннотация. В статье рассматривается обеспечение блага в качестве одной из целей введения преимущественного права. Устанавливается, что необходимость получения блага детерминировано не только биологическими, но и социальными потребностями. Разграничиваются феномены «интерес» и «потребность». Определяется, что само по себе преимущественное право не является благом. В тоже время делается вывод о том, что преимущественное право направлено на обеспечение гармонизации индивидуальных и общих интересов. Отмечается, что механизм получения блага в рамках преимущественного права реализован с помощью двух взаимосвязанных инструментов – изъятий и дополнений.

* *Дергунов Александр Алексеевич*, соискатель, Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия).

Dergunov Alexandr Alexeevich, Applicant, Saratov state law academy (Saratov, Russia).

Иллюстрируются примеры в пользу представленного довода. Выводятся опорные компоненты общетеоретической характеристики преимущественного права.

Ключевые слова: преимущественное право, благо, потребность, интерес, правовое преимущество, норма-изъятие, норма-дополнение, исключение.

SECURING THE GOOD AS THE PURPOSE OF THE PREEMPTIVE RIGHT

Abstract. *The article considers the provision of benefits as one of the purposes of the introduction of pre-emptive right. It is established that the need to receive benefits is determined not only by biological, but also by social needs. The phenomena of «interest» and «need» are differentiated. It is determined that the preemptive right itself is not a good. At the same time, it is concluded that the pre-emptive right is aimed at ensuring the harmonization of individual and common interests. It is noted that the mechanism of obtaining benefits within the framework of the preemptive right is implemented with the help of two interrelated tools – exemptions and additions. Examples in favor of the presented argument are illustrated. The basic components of the general theoretical characteristics of the preemptive right are derived.*

Key words: *preemptive right, benefit, need, interest, legal advantage, norm-withdrawal, norm-addition, exception.*

Все компоненты, входящие в систему правовых преимуществ, направлены на удовлетворение законных интересов субъектов. Подобное относится и к такому преимуществу, которое обозначается юридическим термином «преимущественное право».

Преимущественное право – это самостоятельная разновидность правовых преимуществ, подразумевающая юридически закрепленную эксклюзивную возможность отдельных субъектов претендовать в соответствии со специальными правилами, выступающими дополнением к общим предписаниям на нормативно оговоренное благо [20, с. 94-95].

Здесь хотелось бы отметить, что преимущественное право, как и всякое правовое преимущество, олицетворяет собой определенного рода благо, именно в силу того, что оно удовлетворяет тот или иной интерес. «Удовлетворение... есть благо или счастье в их особенных определениях и во всеобщем ...» [5, с. 166-167].

Конечно, понятие «благо» не стоит однозначно связывать лишь с удовлетворением интересов, что, по большому счету соответствует позиции Г. Гегеля. Более чем выверенной в данном контексте представляется позиция Ю.Ю. Ветютнева: «представление о благе как о предмете, способном удовлетворять потребности человека, является вполне достаточным в качестве промежуточной рабочей версии, необходимой для круга юридически охраняемых благ» [3, с. 109].

Вместе с тем, необходимо понимать, что правовое преимущество, исходя из предложенной выше доктринальной дефиниции, ориентированы на интересы, а не на потребности. Интересы и потребности тесно связанные, но не тождественные феномены. По мнению В.В. Субочева, интерес – осознанная необходимость «поиска блага для удовлетворения потребности... потребность способна удовлетворить именно благо, ради получения которого субъект и вступает в различные социальные связи» [16, с. 8].

Тем самым можно предложить следующий алгоритм: интерес – это детерминанта удовлетворения потребностей, что олицетворяет собой обладание (получение) блага. Право, как явление социальной действительности, а соответственно, и подразумеваемые правом преимущества непосредственно направлены на интерес, так как если потребность – это и биологическая и социальная категория, то сфера «действия интереса лежит только в социальном, в связи с чем, интерес всегда социален» [10, с. 15]. Конечно, грань между биологическими и социальными факторами на практике достаточно тонкая, поскольку сложно не согласиться с тем, что «признание за человеком места в социальной среде не означает исчезновения природных качеств, оказывающих прямое влияние на его действия» [19, с. 62]. В частности, законодательное предписание о том, что родители имеют преимущественное право обучение и воспитание своих детей [25], содержит как биологические, так и социальные мотивации, безусловно, с доминированием последних [8; 13].

Право нацелено на интерес и потому, что «потребность представляет собой явление психическое и не может быть зафиксирована юридически» [3, с. 111]. К тому же надо учитывать, что обладателем преимущественного права может быть и государство, которое в силу общесоциальной составляющей своей сущности

стремится к обеспечению удовлетворения наиболее широкого спектра благ [26; 27]. В последнем заключается целевое предназначение преимущественного права как нормативного продукта генерального субъекта правотворчества – государства.

«С точки зрения права, - пишет Ю.Ю. Ветютнев, - критерием блага является причастность к социальному единству; благами могут считаться лишь социально полезные явления...» [3, с. 114].

Выражая согласие с высказанной позицией, хотелось бы заметить, что индивидуальные интересы и потребности в доминате своей не всегда и не обязательно находятся в конфликте с тем, что государство посредством права обозначает как общее благо. Право, как государственная воля общества, способна аккумулировать притязания классов, слоев и групп населения [1, с. 60-61].

Правовые преимущества в целом и преимущественное право в частности, как раз и направлены на обеспечение гармонизации индивидуальных и общих интересов, равно как и на их максимальное достижение.

При этом преимущественное право само по себе благом не является. Это лишь инструмент государства по скорейшему и наиболее полному его приобретению. Однако, если рассматривать данный ракурс буквально, то можно предположить, что существование преимущественного права тоже можно воспринимать как благо, поскольку обладание таким правом предполагает потенциальную вероятность удовлетворения интересов и потребностей субъекта, наличие у которого такого права юридически зафиксировано. «Благо в правовом значении, - верно отмечает П.П. Ланг, - следует рассматривать как собирательный образ ценности, общепризнанной и установленной в нормативном порядке, обеспеченной со стороны государства» [9, с. 15].

Ценность преимущественного права как раз и состоит в том, что оно представляет собой нормативно закрепленную государством возможность получения какого-либо блага. Механизм такого получения действует посредством двух взаимосвязанных, но не однопорядковых инструментов – изъятий и дополнений.

Изъятие – лексема достаточно многозначная, которая может означать как исключение (из правила), так и исходить от глагола «изымать», то есть «субирать», «удалять», «устранять» [11, с. 200].

Изъятие традиционно воспринимается как один из компонентов дихотомии, в которую, в качестве второй составляющей, входит исключение. «Специальные нормы-изъятия, – верно указывал И.Н. Сенякин, – определяют исключения из общего правила, содержат некоторые отклонения от него» [15, с. 77]. Исключение, действующее посредством изъятия, выводит из-под регламентирующего эффекта общего правила определенный пласт (сферу, группу) общественных отношений [18, с. 46]. В массиве исключений преобладают именно исключения-изъятия, критерии классификации которой обусловлены многообразием жизненных обстоятельств и которые могут олицетворять собой правовые преимущества [17, с. 29-30].

Вместе с тем, нельзя автоматически причислять абсолютно все изъятия к исключениям из правил. А.Г. Бордакова провела детальный и, на наш взгляд, удачный анализ соотношения исключений и изъятий, подтверждающий тезис о том, что изъятия могут воплощаться как в исключениях, так и специальных правилах [2, с. 59-61].

Здесь надо признать, что высказанная синтагма не нова, так как гораздо раньше об этом писал А.Ф. Черданцев: «признак изъятия, ограничения сферы действия общих норм является общим для специальных и исключительных норм» [21, с. 74].

Соответственно, преимущественное право также может быть объективировано посредством изъятия. Так, например, трудовое законодательство регламентирует преимущественное право на оставление на работе при сокращении численности или штата работников (ст. 179 Трудового кодекса РФ). Как верно отмечает А.Н. Герасимов, количество работающих, их численность, структура и штатное расписание – это, по большому счету, прерогатива работодателя [6, с. 39]. Однако законодатель ограничивает усмотрение последнего вышеуказанной нормой, которой предоставляется преимущественное право некоторым категориям субъектов, при сокращении на работе. «Отсутствие учета прав таких граждан на оставление на работе может вылиться в санкции для работодателя» [12, с. 119]. Тем самым происходит изъятие некоторых субъектов из-под диспозитивной возможности работодателя принять решение об их сокращении.

Равным образом преимущественное право может осуществляться и на основе юридического дополнения. «Специальные нормы-дополнения, - абсолютно точно отмечал И.Н. Сенякин, - призваны расширить содержание генерального установления, создать дополнительные гарантии и льготы для субъектов соответствующих правоотношений» [15, с. 75-76].

Полностью солидаризуясь с приведенной позицией, тем не менее, хотелось бы отметить следующее. Использование дополнений, как уже отмечалось, может привести не только к расширению объема правомочий, но и к их ограничению; термин «льготы» стоит воспринимать в расширительном толковании, позволяющим проецировать его на все правовые преимущества, в том числе, безусловно, и на преимущественное право.

Более того, по нашему мнению, именно для преимущественного права отчасти служит верным утверждение о том, что «норма-дополнение – это просто дополнительное правило, которое устанавливается сверх, в дополнение к основному» [4, с. 51]. С.Ю. Суменков подвергает высказанную апорию резкой критике, которую можно признать справедливой, но лишь по отношению к исключениям [18, с. 48-53]. Что же касается специального правила, то приведенная цитата в доминате своей верна, хотя некоторое неодобрение может вызвать употребление наречия «просто».

На наш взгляд, фигурирование дополнения нивелирует само названное слово. «Норма-дополнение способствует развитию правового регулирования вширь в целях достижения полноты юридического опосредования общественных отношений» [15, с. 76]. Преимущественное право благодаря дополнению дает возможность предоставить (а, значит, и получить) какое-либо благо, сверх, в дополнение к основному. В частности, как думается, не стоит отрицать, что занятие работником (сотрудником) вышестоящей должности подразумевает не только ответственность, но и выгоду, в том числе и материального плана [24].

В этой связи интересным видится положение, зафиксированное в ч. 7 ст. 36 Федерального закона от 19 июля 2018 г. «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» устанавливает буквально следующее: «Пре-

имущественное право на замещение должности в уголовно-исполнительной системе при прочих равных условиях предоставляется сотруднику, имеющему более высокие результаты профессиональной деятельности, квалификацию, уровень образования, большую продолжительность стажа службы (выслуги лет) в уголовно-исполнительной системе или стажа (опыта) работы по специальности, либо сотруднику, допущенному к государственной тайне на постоянной основе» [22].

Здесь можно констатировать дополнение, выражающееся в установлении преимущественного права на занятие должность определенным субъектам, которое действует сверх, за пределами «прочих равных условий». По мнению В.П. Грибанова, преимущественные права – это случаи, «...когда при всех прочих равных условиях преимущество предоставлено законом определенной группе лиц, обладающих какими-либо особыми признаками» [7, с. 295].

Тем самым можно сделать вывод, что механизм осуществления преимущественного права как раз и состоит в имплементации дополнительной возможности на получение блага в нормативное предписание. Например, более чем красноречивое предписание содержится в одном из нормативных актов Правительства РФ. Согласно данному документу, единовременная выплата предоставляется сотрудникам в зависимости от очередности принятия их на соответствующий учет (абз. 1 п. 31). Однако абз. 2 п. 31 в дополнение устанавливает несколько категорий сотрудников (сотрудники, имеющие трех и более детей либо одного и более ребенка-инвалида, проживающих совместно; сотрудники – Герои Российской Федерации; сотрудники – ветераны боевых действий на территории Афганистана), имеют преимущественно право на получение единовременной выплаты по отношению к иным категориям сотрудников, также принятых на учет в том же году [29].

По нашему мнению, данное положение ярко демонстрирует действие дополнения в проекции к преимущественному праву: есть общий порядок очередности предоставления выплаты; в дополнение устанавливают категории субъектов, которые могут получить выплату (благо) вне общей очереди. В данном аспекте, пожалуй, можно согласиться с А.Г. Репьевым, который в качестве одного из

признаков преимущественного права называет такой как «предпочтительность» [14, с. 17].

Кроме того, приведенная иллюстрация убедительно доказывает следующие опорные компоненты в общетеоретической характеристике преимущественного права: а) является специальным правилом; б) объективируется в специальной норме; в) имплементирован в специальный статус субъекта, который обладает преимущественным правом.

Источники и литература

1. Байтин М.И. Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. – Изд. 2-е. – Москва, 2005. – 554 с.
2. Бордакова А.Г. Нормы-изъятия и исключения в праве: проблемы разграничения // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 8 (147). – С. 59-61.
3. Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы. – Москва, 2013. – 200 с.
4. Волегов Ю.Б. Значение дифференциации для совершенствования трудового законодательства // Советское государство и право. – 1983. – № 1. – С. 50-61.
5. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – Москва, 1990. – 524 с.
6. Герасимов А.Н. У кого есть преимущественное право остаться на работе // Трудовое право. – 2012. – № 5. – С. 39-45.
7. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – Москва, 2000. – 410 с.
8. Кузнецова Л.В. Становление и развитие гражданского воспитания школьников в России: автореф. дис. ...д-ра пед. наук. – Москва, 2006. – 50 с.
9. Ланг П.П. Идеи блага в праве // Вопросы экономики и права. – 2020. – № 142. – С. 15-19.
10. Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы как правовая категория. – Санкт-Петербург, 2004. – 359 с.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57.000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 19-е изд. – Москва, 1987. – 797 с.
12. Оспичев И.М. Преимущественное право на оставлении на работе при сокращении: законодательное регулирование нуждается в доработке // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2019. – № 41. – С. 118-120.

13. Плоткин М. М. Теория и практика социального воспитания школьников: автореф. дис. ...д-ра пед. наук. – Москва, 2003. – 38 с.
14. Репьев А.Г. «Преимущественное право» и «правовой приоритет» в юридической доктрине и законодательстве // Вестник Российской правовой академии. – 2019. – № 1. – С. 14-20.
15. Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права. – Саратов, 1987. – 96 с.
16. Субочев В.В. Законные интересы. – Москва, 2008. – 495 с.
17. Суменков С.Ю. Исключения в праве и преимущества в праве: критический анализ оценки соотношения // Вестник СГЮА. – 2019. – № 4 (129). – С. 27-38.
18. Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. – Москва, 2016. – 372 с.
19. Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретические основы, юридическая оценка, системный анализ. – Саратов, 2012. – 345 с.
20. Туранин В.Ю. Полиаспектное дефинирование понятия «преимущественное право» // Проблемы научной мысли. – 2022. – Т. 2. – № 8. – С. 92-95.
21. Черданцев А.Ф. Толкование советского права: (теория и практика). – Москва, 1979. – 166 с.
22. Федеральный закон от 19.07.2018 г. «О службе в уголовно-исполнительной системе РФ и о внесении изменений в Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 06.11.2022).
23. Федеральный закон от 30.11.2011 г. «О службе в органах внутренних дел РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 05.12.2022).
24. Федеральный закон от 30.12.2012 г. «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 09.12.2022).
25. Федеральный закон от 29.12.2012 г. «Об образовании в РФ» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 02.09.2022).
26. Федеральный закон от 29.12.1994 г. «О библиотечном деле» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 23.10.2022).

27. Федеральный закон от 26.05.1996 г. «О Музейном фонде РФ и музеях в РФ» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 17.11.2022).

28. Закон РФ от 9.10.1992 г. «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 14.12.2022).

29. Постановление Правительства РФ от 30.12.2011 г. № 1223 «О предоставлении единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам органов внутренних дел РФ, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии РФ и имеющим специальные звания полиции, а также иным лицам, имеющим право на получение такой выплаты» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 16.12.2022).

В.М. Деревскова*

DOI: 10.47905/9785604872161_30

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 Г. КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

***Аннотация.** В статье рассматривается значение судебной реформы 1864 г. в разрешении социальных противоречий в российском обществе и реформировании государственного аппарата. Социальные конфликты, которые необходимо было преодолеть, носили сословный, этнический и конфессиональный характер. В ходе проведенного исследования делается вывод о неоднозначности результатов разрешения конфликтов и их результатов.*

***Ключевые слова:** судебная реформа 1864 г., волостные суды, инородческие суды, народные суды, судебная реформа в Сибири, Порт-Артурский окружной суд.*

* *Деревскова Валентина Михайловна*, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (г. Иркутск, Россия).

Derevsikova Valentina Mikhailovna, Candidate of legal sciences, Associate Professor, Irkutsk law institute affiliated to the University of Prosecutor's office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia).

JUDICIAL REFORM OF 1864 AS A MEANS OF OVERCOMING SOCIAL PROBLEMS IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

***Abstract.** The article discusses the significance of the judicial reform of 1864 in resolving social contradictions in Russian society and reforming the state apparatus. The social conflicts that had to be overcome were class, ethical and confessional in nature. In the course of the study, a conclusion is made about the ambiguity of the results of conflict resolution and their results.*

***Key words:** judicial reform of 1864, volost courts, foreign courts, people's courts, judicial reform in Siberia, Port Arthur District Court.*

Судебная реформа 1864 г. занимает особое место в истории развития России. Эту реформу относят к буржуазным реформам периода 1860–1870-х гг. и их проведение связывают с кризисом российского государства и общества. При рассмотрении судебной реформы 1864 г. всегда подчеркивают ее прогрессивный характер (отделение суда от администрации, всесловный суд, равенство всех перед судом), рассматривают проблемы, связанные с тем, что независимый суд вводился в абсолютной монархии и отсюда и так называемая судебная контрреформа. Но также необходимо понимать, что российское общество на тот период времени находилось в глубочайшем социальном кризисе и была острая необходимость отмены крепостного права, кроме того, народы, которые проживали на территории Российской империи, по-разному были включены в состав государства и в разное время, в связи с этим существовали противоречия внутри таких обществ и взаимоотношения с российскими властями также выстраивались неодинаково. Социальный конфликт – это борьба за свои идеи и интересы, результатом которой является решение противоречий мирным или насильственным путем [11, с. 85].

В первую очередь в России существовал кризис крепостнической системы и конфликт между помещиками и крепостными крестьянами, разрешение которого необходимо было провести в кратчайшие сроки, иначе этот конфликт мог быть решен насильственным путем со стороны крестьянства. Эту проблему должна была разрешить крестьянская реформа 1861 г. Однако в рамках указанной реформы встал вопрос о том, чем заменить вотчинную

юстицию. Освободив крестьян от власти помещика, когда он, в том числе и разрешал споры между ними и сам судил крестьян в случае совершения правонарушения, необходимо было предоставить крестьянам право защищать свои права в суде. Для этого был создан крестьянский суд (волостной суд) из крестьян (выборный) и для крестьян, который разрешал споры на основе обычного права. Судебная реформа 1864 г. предусматривала создание сословных судов (мировые и общие суды), куда могли обратиться поданные вне зависимости от своей сословной принадлежности. Дела, превышающие подсудность волостных судов, должны были рассматриваться мировым судом. Однако были ликвидированы все сословные суды, кроме крестьянского суда. Оставшиеся от прежней судебной системы военные и религиозные суды можно отнести к специализированным, с учетом все же того, что последние не только судили верующих по определенным категориям дел, но и лиц духовного звания (церковные суды для православных и шариатские суды для мусульман).

С одной стороны волостные суды были выборными судами и судили своих же по нормам обычного права, которые были понятны крестьянам, здесь самым важным было примирение сторон и справедливое разрешение конфликта. Во всех волостях миром в судах кончалось более половины всех дел [1]. Но, с другой стороны, они фактически изолировали крестьян, как в правовом смысле, так и как сословие. В.М. Вороновский считал, что принятое положение «О земских участковых начальниках» 1889 г. расширяла компетенцию волостного суда, поскольку суд утратил значение домашнего крестьянского суда и стал полноправным звеном в системе всего местного судоустройства. Помимо крестьян, он судил мещан, посадских, ремесленных и цеховых, и затрагивал интересы решительно всего сельского населения [2, с. 10].

Необходимо отметить, что речь шла о сельском населении, среди которых, конечно, мещан, ремесленников было немного, но при этом помещики не включались в эту категорию. Самым главным в этих изменениях, что волостной суд, будучи судебным органом, был подчинен администрации (уездный съезд в качестве апелляционной инстанции, а в губернское присутствие – кассационной инстанции, т.е. отказались принципа отделения суда от администрации). Вторая и третья инстанции уже осуществляла пересмотр

на основе законов, а не обычаев, которых администрация уезда и губернии, конечно же, не знала. Провозглашалось судебной реформой 1864 г. равенство перед судом, но равенства крестьян с другими сословиями не было, сословная структура продолжала сохраняться.

Таким образом, создание волостного суда свидетельствовало о том, что с одной стороны разрешался конфликт между помещиками и крестьянами, когда первые потеряли судебную власть, с другой стороны наличие сословного суда у крестьян в полном объеме не указанные противоречия не устранили. Некоторые авторы усматривали в создании и функционировании волостных судов переходный этап в подготовке крестьянского населения к восприятию новой общеимперской организации правосудия, что позволило бы впоследствии унифицировать органы местного суда и утвердить в качестве единой его формы мировой суд [1; 13, с. 185]. С этим сложно согласиться, поскольку волостные суды были созданы по крестьянской реформе 1861 г., а мировой суд как всесословный суд – по судебной реформе 1864 г. и существовали оба вплоть до 1917 г. и объяснить это необходимостью развивать правосознание крестьян сложно, поскольку эти же самые крестьяне, если была превышена подсудность волостного суда могли обращаться в мировой суд.

Необходимо отметить, что в Царстве Польском (Привислинский край) по судебной реформе, проводившейся в 1875 г. сельские суды (гминные), избирались на сходах, то есть были похожи на волостные суды, при этом Польша была единственной территорией в Российской империи, где суд сельской общины был включен в имперскую судебную систему. Правительство считало, что сельская община являлась надежной опорой в борьбе со шляхетским сепаратизмом [7, с. 26]. Конфликт между шляхетством и крестьянами был разрешен лучшим способом, когда крестьяне могли судить крестьян, но не были изолированы, как волостные суды.

Судебная реформа 1864 г. в отношении нерусских народов Российской империи по-разному решала вопрос. Например, в отношении коренных народов Сибири, у которых существовало свое инородческое управление и суд. Внутри самого родового общества произошли значительные перемены по сравнению с 1822 г., когда

по Уставу об управлении инородцев была введена дифференцированная система общественного управления и суда для оседлых, кочевых и бродячих инородцев. В конце XIX в. обострение аграрного вопроса в европейской части России и строительство Транссибирской магистрали привело изменению общественного устройства сибирского крестьянства и инородческого населения и вызывало необходимость реформирования административного устройства в отношении населения Сибири. Народы Сибири сделали заметный шаг в социально-экономическом и культурном развитии, и род как административно-хозяйственная единица распался, произошло имущественное расслоение. Сибирская администрация неоднократно указывала на произвол князцов и старейшин у инородцев, сосредоточивших у себя судебную власть и использования из множества обычаев наиболее подходящий, злоупотребляя своей властью и осуществляя произвол в отношении своих сородичей [8, с. 25]. Показателен пример, жалобы инородца Матвея Халеева (в крещении Матвей Николаевич Стуков) на своего богатого сородича Банту Манходоева в Верхоленское окружное полицейское управление.

Суть жалобы заключалась в следующем. Матвей Халеев, инородец Ленского ведомства после смерти отца 8-летним ребенком был отдан на воспитание богатому влиятельному сородичу (шаману) Мондохоеву, у которого он проработал 15 лет, а после того, как он заболел, выгнал его, не дав даже теплой одежды. Халеев после этого устроился на работу к другому лицу за 81 рубль в год. Однако родовое начальство по просьбе Монходоева, человека богатого, как указывалось в жалобе, принуждал Халеева вновь вернуться к Мондохоеву. Сначала Халеев жаловался в родовую управу, поскольку считал, что за 15 лет он все отработал, поскольку с самого начала его использовали в качестве работника.

Через родовую управу (1-я инстанция) жалоба 23 декабря 1882 г. была отправлена в инородческую управу (2-я инстанция), но возвращена, поскольку были представлены документы: 1) мировая подписка, в которой Халеев обязался прожить у Монходоева безвозмездно 1 год и 23 дня и затем заплатить последнему 62 рубля, которые отец Халеева брал в долг у Монходоева; 2) копия договора, по которому мать Халеева и Монходоев заключили 11 марта 1868 г., заверенным в родовом управлении, о том, что Халеева пе-

редает своего сына на проживание Монходоеву до 23 летнего возраста. Монходоев должен был ребенка кормить, одевать и платить за отца Халеева повинности и матери дать 23 рубля. После окончания срока Матвей Халеев должен был заплатить долг отца 62 рубля и отработать 15 дней. 30 декабря 1882 г. Халеев вновь жалуется в Ленскую инородную управу и указывает, что за 15 лет все отработал и ничем не обязан Монходоеву, мировую подписку подписал под влиянием родового начальства, а мать в преклонном возрасте (старуха) дала в суде незаконную подписку.

Ленская инородная управа, ссылаясь на российское законодательство, постановила освободить Халеева от обязательств Монходоеву, мать не имела права заключать договор о передаче сына на срок более годовичного срока и признал право Халеева на взыскание с Монходоева денег за 15 лет работы. Постановление стороны могли обжаловать. 8 ноября 1884 г. в Ленскую родовую управу вновь поступило прошение от Халеева, который указал, что хоть и принято было решение в его пользу, но Монходоев по-прежнему требует денег и «заставляет перед родовыми властями дать документ в котором я должен за отца 50 рублей и взял обязательства с моего брата на 50 рублей». Халеев указывает на то, что «он и брат ничего не должны, поскольку он все отработал, и наследство отца не получили и Монходов все это делает для закабаления». В конечном итоге Халеев был вынужден жаловаться в Верхотенское окружное полицейское управление [4, л.л. 1, 2, 7, 15, 21].

Еще в середине XIX в. обычное право для большинства народов Сибири уже было пройденным этапом, и генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев предлагал управление инородцев подчинить общеимперскому законодательству [5, с. 327]. Принятое в 1892 г. новое Положение об инородцах мало что меняло в их положении и в существовании у них словесной расправы, судебное разбирательство по делам, изъятым из юрисдикции инородческих инстанций, возлагалось на окружную полицию. «Временные правила о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири» от 13 мая 1896 г., которыми и ознаменовалось проведение судебной реформы 1864 г. в сибирском крае, по-прежнему не решило вопросов подчинения инородцев мировым и общим судам и отмены применения норм обычного права. Такие выводы можно сделать на основании того, что законом подсуд-

ность инородческих инстанций определялась следующими правилами: гражданские иски, предъявляемые инородцами к своим соплеменникам, иски между русским и инородцем, если будет достигнуто соглашение об обращении в инородческий суд и преступлении и проступки сибирских кочевых и бродячих инородцев, за исключением возмущения, намеренного убийства, разбоя и насилия, фальшивомонетничества, похищения казенного и общественного имущества и кормчества (незаконного изготовления спиртных напитков) [6, с. 74–75].

В данном случае видно, что также как и с освобожденным крестьянством, инородцы были юридически обособлены, а подчинение их общероссийским законам и судам не только решило было эту проблему, но и социальную проблему внутри инородцев, поскольку в этом были заинтересованы рядовые инородцы, которые в большей степени страдали от злоупотреблений своих состоятельных родовых начальников, нежели от местных властей.

Если в отношении крестьянства и инородцев судебная реформа 1864 г. не ликвидировала их правовой и социальной обособленности, что нами рассматривается как минус, хотя при этом отмечаем, что эти группы полностью не устранялись из общеимперской реформированной судебной системы, то, например, сохранение обособленной системы «народных судов», рассматривающих дела по нормам мусульманского права (семейные и наследственные дела) и по нормам обычного права (гражданские споры, кражи, драки, похищение женщин, кражи и грабежи, если они не представляли опасности для жизни и здоровья) в отношении горского населения Дагестанской области по судебной реформе в 1875 г. положительно [9, с. 49–50]. Дагестан официально вошел в состав Российской империи в 1813 г. после победы России в русско-иранской войне 1804–1813 гг. [10, с. 7] и нормы шариата с преобладанием мусульманского населения и обычное право нельзя было полностью отменить.

Необходимо отметить, еще важный момент, что Российская империя представляла собой крупное многонациональное государство, объединявшее народы со значительными социально-экономическими, культурными и конфессиональными отличиями. Эта ситуация определяла дифференцированный подход российских властей к интеграции различных территорий и народов, их населя-

ющих, в состав империи и это необходимо было учитывать при проведении судебной реформы, что и было отмечено.

При этом реформа 1864 г. была распространена и за пределами Российской империи. Порт-Артурский окружной суд, открытый в 1900 г. и действовавший до 1906 г. входил в округ Иркутской судебной палаты, но работал на территории Квантунской области за пределами Российской империи. По договору с Китаем Россия получила в аренду территорию для постройки железной дороги (КВЖД) через Маньчжурию от Читы до станции Порт-Артур и Дальний. Создание судов и их деятельность регламентировались «Временным положением об управлении Квантунской области» от 16 августа 1899 г.

В ст. 84 положения определяла, что действие Судебных уставов 1864 г. распространяется в соответствии с «Временные правила о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири» от 13 мая 1896 г., но с изменениями и дополнениями. Судебными учреждениям Квантунской области рассматривались не только гражданские и уголовные дела российских поданных, или когда одной из сторон выступал российский и (или) иностранный поданный, а другой стороной – китайский поданный, но и споры китайцев между собой, но с определенными ограничениями. В ст. 91–92 указывалось, что гражданские споры между китайцами подлежат разрешению местными народными судами на основании обычаев, за исключением споров, возникших на основе документов, удостоверенных российскими властями или между ними, имеется взаимное соглашение. Ст. 94–95 аналогичным образом решали вопрос относительно уголовных дел.

Делами о преступлениях и проступках между китайцами рассматривались местными народными судами, за исключением преступлений против христианской веры, государственной власти, по государственной и общественной службе, против постановлений о повинностях государственных и земских, против государственного имущества и доходов казны, против общественного порядка (благочиния и народного здравия), создание преступных сообществ и содержание притонов, ложное сообщение о преступлении и лжесвидетельство, укрывательство беглых, порча телеграфов и путей сообщений, против законов о состояниях, против жизни, здоровья, свободы и половой неприкосновенности (убийство, при-

чинение вреда здоровью повлекшее смерть, умышленное причинение тяжких телесных повреждений, изнасилование, мужеложество с насилием или в отношении малолетних, незаконное задержание и заключение), против собственности (насильственное завладение недвижимым имуществом, поджог, умышленное уничтожение чужого имущества, хищение казенного имущества, подлог российских документов), а также все преступления совершенные китайцами в отношении русских или иностранных поданных [3, с. 995–956].

По воспоминаниям члена прокурора Порт-Артурского окружного суда Б.И. Околовича большинство дел, рассмотренных Порт-Артурским окружным судом, где сторонами были китайцы, это были уголовные дела, в основном грабежи и разбои, сопряженные с убийствами. Больше всего в Китае от разбоев страдали сельские жители, чаще всего разбойники (хунхузы) врываются ночью в дома и требуют денег, ценное имущество, а при отказе хозяев отдать имущество пытали и убивали. Околович подчеркивал, что первое время после занятия русскими Квантуна разбои в области были очень распространены и много таких дел было рассмотрено российским судом.

Так в декабре 1899 г. в деревне Лян-я-гоу 8 хунхузов ночью ворвались в дом китайца Чин-сен-кхина, взломав дверь. Хозяина ударили саблей по спине, после чего тот отдал ящик с 10 долларами. Брата хозяина, который отказался отдавать деньги, пытали, посадив в железный котел, под которым развели огонь, после того как последний потерял сознание, убили ударом сабли по голове. Но жестокость проявляли не только профессиональные преступники, но и рядовые жители.

Китайка Лиу-сье была приговорена судом к годичному тюремному заключению с лишением всех прав особенных за истязание 14-летней девочки, которая была куплена у бедных родителей. В последующем Лиу-сье предполагала ее использовать в качестве проститутки. У девочки были отморожены пятки, и по указанию Лиу-сье китаец отрезал бритвой отмороженные пятки и сильно забинтовал ноги, чтобы приостановить их рост. Лиу-сье заставляла девочку скорее выучиться ходить на забинтованных ногах и запрещала пользоваться палкой при ходьбе и держаться за стены, в случае нарушении запретов била палкой и морила голодом. Когда у

девочки началось гниение, чтобы не было запаха, хозяйка девочку выгнала жить во двор в холодное время. Девочка занималась приготовлением опия, которым торговала хозяйка. Мучения девочки прекратились только тогда, когда жена полицейского, жившего по соседству, заявила о преступлении в полицию. Подсудимая Лиусье вину свою не признала, поскольку считала, что, купив девочку, она могла распоряжаться ней по своему усмотрению [12, ст. 2033–2034].

Рассмотрение большей части уголовных дел, совершенных китайцами на Квантунском полуострове, осуществлялось российским судом и это имело большое значение, поскольку в традиционном китайском обществе существовали противоречия между разными социальными группами, хотя при этом действовали народные суды.

На основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. Судебная реформа 1864 г. проводилась в период, когда российское общество и государство переживало глубокий кризис, при этом при рассмотрении подготовки и реализации реформы, как правило, обращают внимание на изменение в государственном аппарате и вопросов организации суда и судопроизводства на буржуазных правовых принципах. При этом перед разработчиками Судебных уставов 1864 г. стоял вопрос и о разрешении социальных конфликтов в российском обществе, в конечном счете, население могло защищать свои права в общих судах (мировых и общих судах) это имело огромное значение. Но часть населения Российской империи в силу сословной или этноконфессиональной принадлежности по определенным гражданским и уголовным делам подлежала местным судам. Для одних групп это была определенного рода обособленность и может оцениваться отрицательно (крестьяне, инородцы Сибири), для других как необходимость (народы Кавказа, китайцы).

Источники и литература

1. Безгин В.Б. Волостной суд сельской местности (вторая половина XIX – начало XX века) // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 12. – URL: www.sisp.nkras.ru.

2. Вороновский В.М. Волостной суд и новый проект его устройств. – Санкт-Петербург, 1904. – 38 с.
3. Временное положение об управлении Квантунской областью: Именной высочайший указ, данный Сенату от 16 августа 1899 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Том XIX. 1899. Отделение 1. № 17513. – Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1902. – 1356 с.
4. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 151. Оп. 1. Д. 406.
5. Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. Сибирь в системе имперского регионализма. (1822–1917 гг.). – Иркутск, 2009. – 389 с.
6. Деревскова В.М. Вопросы реформирования судебной системы коренных народов Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – 2014. – № 7. – С. 69–78.
7. Деревскова В.М. Проблемы реализации судебной реформы 1864 г. и вопросы типологии судебной системы Российской империи // Сибирский юридический вестник. – 2021. – № 4. – С. 20–32.
8. Деревскова В.М. Пространственно-временные проблемы реализации судебной реформы 1864 г. // Сибирский юридический вестник. – 2014. – № 4. – С. 21–29.
9. Деревскова В.М. Религиозные суды в России после проведения судебной реформы 1864 г. // Церковь, государство и общество: исторические, политико-правовые и идеологические аспекты взаимодействия: материалы Международной научно-практической конференции (Иркутск, 27 марта 2020 г.) / науч. ред. И.А. Арзуманов, С.А. Комаров, А.Е. Спирин]. – Москва: Изд-во МАТГиП; ООО «СамПолиграфист», 2020. – С. 42–51.
10. Магамаров Ш.А. Присоединение Дагестана к России: традиционные и новые концепции // История, археология и этнография Кавказа. – 2013. – № 4. – С. 5–9.
11. Омелаенко Н.В. Социальный конфликт: диагностика, причины, управление // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2019. – № 4. – С. 85–96.
12. Полицоров И. Русский суд в Китае на Квантуне // Закон и суд: Вестник Русского юридического общества. – 1935. – № 6. – Ст. 2031–2038.
13. Степанова С.О. Создание и развитие волостного суда во второй половине XIX – начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Грамота. – 2012. – № 7. – Ч. 1. – С. 183–185.

DOI: 10.47905/9785604872161_41

ОБ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ ЗАДАЧАХ ПРАВОВОЙ АКСИОЛОГИИ

Аннотация. Аксиология – относительно новый раздел философского, наиболее общего знания. В области юриспруденции аксиологические начала разработаны пока не так системно, как в других социальных науках. С одной стороны это связано с позитивистским пониманием самого права, с другой – обилием в правовой науке аксиоматических утверждений, не имеющих научного обоснования, например это касается положения тех или иных прав в иерархии прав и свобод.

Ключевые слова: правовая аксиология, философия права, естественное право, юридический позитивизм, нормы поведения, правовые нормы, социальная эволюция, права человека, права общества.

ON THE FUNDAMENTAL TASKS OF LEGAL AXIOLOGY

Abstract. Axiology is a new section of the most general knowledge like a philosophical. In the field of jurisprudence, axiological principles have not been developed as systematically as in other social sciences, yet. On the one hand, this is due to the positivist understanding of the law, on the other hand, the abundance of axiomatic statements in legal science that have no scientific justification, for example, it concerns the provision of certain rights in the hierarchy of rights and liberties.

Key words: legal axiology, philosophy of law, natural law, legal positivism, norms of behavior, legal norms, social evolution, human rights, society's rights.

Аксиологическая проблематика в праве становится актуальной тогда, когда общество сталкивается с необходимостью серьёзного переустройства, реформации. В первую очередь она

* *Изотов Андрей Николаевич*, аспирант, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия).

Izotov Andrey Nikolaevich, Postgraduate student, Irkutsk state university (Irkutsk, Russia).

предполагает оценку действующему праву, но с каких позиций должна быть дана такая оценка?

Право – ключевая категория во всей юридической науке, и юриспруденция, как наука социальная, направлена главным образом на изучение этого социального явления. Подходов к пониманию права существует масса, однако подавляющее большинство из них сводится к той или иной трактовке его как объективно существующего феномена социальной жизни. В связи с этим считаем необходимым первоначально определить общее понятийное поле, которое позволит улучшить коммуникацию.

Так, позитивистское понимание права, несмотря на его обоснованную популярность, не применимо для использования в настоящей статье. Понимание права как закона, источником которого является государственная власть, и их отождествление, концептуально исключает аксиологическую проблематику из сферы правопонимания [4], поскольку, как писал Г. Кельзен, само по себе «право представляет ценность как раз потому, что оно есть норма» [5, с. 87].

Понимание права с точки зрения естественно-правовой школы в большей степени соответствует теме статьи, поскольку постулирует существование некоего «естественного права», обладающего приматом над позитивным правом. Кроме того, именно естественно-правовая школа отводит особую роль ценностной иерархии, основанной в большей степени на нравственных идеалах. «Нравственный идеализм определяет направление и цель развития общественной среды» [8]. Основной недостаток классической теории естественного права заключается в догматизации положения о правовых началах, которые рассматривались в качестве непреложных истин, некоего «общественного идеала». Главной ошибкой этих утопий была абсолютизация абсолютного и игнорирование относительного в общественном идеале [4].

Получив, по сути, дальнейшее развитие в работах В.С. Нерсесянца естественно-правовая теория была преобразована им в новую либертарную теорию. Сохранив присущие классической теории типы правопонимания как юридического (от *ius* – право) и легистского (от *lex* – закон) [6, с. 32], Нерсесянец предложил под правом понимать формальную систему равенства, всеобщую и необходимую форму свободы в общественных отношениях людей и

всеобщую справедливость. При этом автор отстаивал идею о том, что общеобязательной силой должен обладать не всякий, а только правовой закон. Общеобязательность закона обуславливается не его властным характером, а его правовой природой и правовым содержанием. Чтобы претендовать на общеобязательность, закону надлежит иметь необходимые правовые качества, быть выражением свободы, равенства и справедливости. Однако, отменяя «неправовое» прошлое общества, социалистическое, средневековое право и прочие «несправедливые», «несвободные», не основанные на идее равенства» системы социальной регуляции, либертарная теория, тем самым, возводит непреодолимый забор между прошлым, настоящим и будущим права. Она искусственно создает эволюционный разрыв, исключает поступательность, последовательность формирования и развития правовой системы [1].

В настоящей статье мы намерены разделять понимание *ius* и *lex*, при этом, не отбрасывая исторического контекста их существования и взаимодействия. Важность такого контекста связана с тем, что аксиологизация, как процесс определения ценности неразрывно связан с субъектом, производящим оценку. Это неизбежно ведет к тому, что оценивающий сопоставляет оцениваемый объект со своим историко-культурным контекстом, тогда как оцениваемый объект, существовавший в иных условиях, мог быть оценен современниками принципиально иначе. Например, по всей видимости, именно такая ситуация нашла свое отражение в описанной выше позиции В.С. Нерсесянца относительно «неправовых» правовых систем. По этой же причине существует риск того, что выводы о ценности объектов, которым предстоит быть употребляемыми в будущем, с позиции настоящего, точно также могут быть искажены восприятием оценивающего. Поэтому для повышения объективности такой оценки она должна, во-первых, охватывать максимально возможную историческую экспозицию оцениваемого объекта; во-вторых, оценка должна производиться не с позиции ценности для одного из элементов системы, а с позиции значимости для всей системы.

Итак, социальная жизнь, как социальная форма существования материи характеризуется одной особенностью – способностью наименьших социальных единиц (индивидов) к сознанию. При этом, важно, что человеческое сознание, развившееся в ре-

зультате непрерывной эволюции биологических видов, сохранило одни из важнейших своих первобытных инстинктов, например, позволявший его предкам выживать в опасном внешнем мире – инстинкт самосохранения. Вместе с тем, эволюционируя, человек постоянно находился в тесном взаимодействии со своими сородичами, соплеменниками, что предопределило развитие в нем ещё одного фундаментального инстинкта – иерархического (или инстинкта сохранения группы) [2].

Благодаря перечисленным инстинктивным навыкам сохранения собственной жизни индивида и жизни сообщества (семьи, группы, племени), человеческий вид смог за достаточно небольшой (в сравнении с оценками возраста начала биологической формы существования материи) промежуток времени развиться настолько, что перестал подстраиваться под внешние условия среды и стал, наоборот изменять окружающую его среду, подстраивая её под себя.

Повинуясь фундаментальному диалектическому закону перехода количественных изменений в качественные, человеческая социальная система вместе с ростом числа индивидов со временем развивалась и усложнялась. И если раньше пра-людям для организации совместной деятельности, будь то охота, собирательство, воспитание потомства или иное, было достаточно инстинктивного осознания индивидом своей роли в группе, то на определенном этапе развития социума, такого осознания стало недостаточно и потребовались иные, дополнительные регуляторы определения социальных ролей и меры общественно-полезного (либо, напротив, общественно-вредного) поведения. Постепенно эти древние регуляторы превращались в различные верования, суеверия, табу, обычаями [9], затем, по мере их апробирования на практике и дальнейшего усложнения социальной формы существования материи, они становились нормами морали, основами религиозных учений и, наконец, первыми источниками права.

Критерием для выбора одних постулируемых и требуемых норм поведения и отбраковывания других ещё долгое время служил естественный отбор – основной фактор эволюции. И действительно, если одни нормы поведения способствовали выживанию первобытных человеческих групп, они закреплялись в социальной памяти, если же какое-либо поведение становилось причиной гибели

ли такой группы, то и соответствующая норма поведения гибла вместе с ней, а выжившие члены группы, примкнув к другим сообществам могли сообщить им о негативном опыте, таким образом, сформулировав запрет, на некоторое поведение.

Так, для поддержания социальной стабильности стали появляться нормативы, регулирующие общественную жизнь индивидов, ограничивая их индивидуальные проявления, не допускающие поступков, наносящих вред коллективному характеру жизнедеятельности популяции [9].

Итак, мы видим, что инстинкты, явились теми качествами элементов биологической системы, которые в условиях естественного отбора способствовали их развитию, следовательно, движению биологической эволюции. Социальная форма существования материи находится на качественно более высоком уровне по сравнению с биологической, и, хотя по своей сути люди – это биологическая форма, человечество в то же время представляет собой особую, социальную форму её существования, и вот на этом новом уровне инстинкты уже не способны обеспечить движение и развитие теперь уже не биологической, но социальной эволюции требующей гораздо более сложных регуляторов. Драйвером социального развития служит культура вообще и различные социальные нормы в частности (в том числе право), которые являются качествами (свойствами) социально-культурных целостностей по аналогии с пониманием инстинкта как качества биологической особи.

Как видно из представленного краткого историко-эволюционного экскурса, именно древние инстинкты человека во многом предопределили возникновение в социальной жизни человека норм, которые перерождаясь и видоизменяясь, эволюционировали в такое явление как право. Пожалуй, именно такое право можно было бы назвать естественным правом, и именно такое его понимание должно быть использовано правовой аксиологией, дабы обходиться без применения такой весьма субъективной категории, как «общественный идеал». При этом отметим, что именно потребность в сохранении собственной жизни и сохранении устойчивой структуры сообществ заставила людей регламентировать поведение своё и окружающих.

С этой точки зрения на вопрос о ценностной характеристике элементов права, особое значение приобретает противодействие

двух разнонаправленных сил: первой, направленной на защиту интересов индивидов, и второй, направленной на защиту интересов социума. При этом никак нельзя пренебречь одним направлением в пользу другого, поскольку природа человека, как уже было отмечено выше, одновременно является и биологической, и социальной.

Исходя из такого понимания диссипативной системы, справедливым будет применение для её осмысления общеправового закона единства и борьбы противоположностей, в котором противоположностями будут являться индивидуальное и общественное. Единство их заключается в том, что один человек без социальных связей не в полной мере человек [3], также как и общество немислимо без человека. По сути, таким образом, формулируется основная, первичная, и в то же время основополагающая проблема правовой аксиологии, заключающаяся в иерархическом взаиморасположении прав человека и общества. Разрешение её, на наш взгляд, должно производиться не только поиском и формулированием универсального ответа, некоего мифического «общественного идеала», при претворении в жизнь которого человек и общество окажутся в равновесном состоянии. Именно борьба противоположностей является залогом развития системы. Поэтому означенная проблема может быть разрешена только путем создания динамической методики определения положения социальной системы.

Исторически превосходство человека над обществом или общества над человеком могут быть зафиксированы при рассмотрении коллективистических и индивидуалистических цивилизаций. Коренное различие между ними состоит как раз в месте и роли человека и общества в социальном процессе. Соответствующий подход к проблеме определяет вектор исторической динамики, механизмы функционирования социума. При этом коллективистические общества охватывают большую часть истории. В качестве индивидуалистических обществ выделяют древние демократии и современный капитализм [10]. При этом представляется, что процесс смены ролей человека и общества в точках бифуркации может сопровождаться кризисными явлениями.

Полагаем, что для правильной настройки правовых связей системы человек-общество требуется определение актуального вектора такого развития и осмысление необходимости его корректировок для согласования его с тенденциями социальной эволю-

ции, коих на сегодняшний день выделяют четыре. Во-первых, постоянный рост численности. Во-вторых, численный рост объединений (групп, сообществ). В-третьих, заселение всех пригодных для жизни континентов и экологических ниш. В-четвертых, последовательный рост знания. Эти тенденции между собой тесно связаны: рост знания предполагает рост численности группы, которая это знание аккумулирует, а вместе с ним и общей численности человечества. Освоение новых экологических ниш автоматически ведет к разнообразию культур, а, следовательно, к аккумуляции нового знания [7].

Таким образом, право, как один из основных инструментов для урегулирования противоречий между субъектами, может и должно способствовать поступательному, эволюционному развитию человечества. А главное, снимать существующее между элементами системы напряжение для минимизации негативных явлений такого противостояния, особенно в критических точках процесса. Для этого, полагаем необходимо создание методики определения состояния динамической системы человек-общество, а также разработка новых способов регулирования желательного (полезного) и нежелательного (вредного) поведения не только в виде запретов и наказаний, но, главное, в форме стимулирования.

Источники и литература

1. Архипов С.И. Либертарная теория права Вл.С. Нерсесянца: достоинства и недостатки // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2015. – № 5. – С. 5–14.
2. Боброва Л.А. Что такое мышление? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3: Философия. Реферативный журнал. – 2020. – № 3. – С. 64–77.
3. Дзевенис А.А. Философия человека // Дальневосточный аграрный вестник. – 2014. – № 3. – С. 66–84.
4. Исайчев М.А. Правовая аксиология П.И. Новгородцева // Философия права. – 2015. – № 2 (69). – С. 115–119.
5. Кельзен Г. Чистое учение о праве. - 2-е изд / пер. с нем. – Санкт-Петербург: Издат. дом «Алеф-Пресс», 2015. – 542 с.
6. Нерсесянц В.С. Философия права. – М.: Норма, 2005. – 656 с.

7. Перепелкин Л.С. Социальная эволюция: некоторые дискуссионные вопросы // Историческая психология и социология истории. – 2013. – № 2. – С. 5–28.

8. Фролова Е.А. П. И. Новгородцев как философ теории естественного права // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2018. – № 4. – С. 57–64.

9. Флиер А.Я. История культуры: от инстинкта к обычаю, от обычая – к свободе // История и современность. – 2013. – № 2. – С. 36–51.

10. Чернавин Ю.А. Права человека и права общества как система: философский взгляд на проблему // Lex Russica. – 2018. – № 5. – С. 7–18.

Ш.Ф. Искандаров*

Л.Р. Данакари**

С.И. Ивентьев***

DOI: 10.47905/9785604872161_48

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА УВАЖИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К СЕБЕ (В КОНТЕКСТЕ ЕСТЕСТВЕННЫХ ПРАВ)

«Уважение других даёт повод к уважению самого себя»
Рене Декарт [9].

***Аннотация.** В статье рассматриваются явления «уважение к себе» (самоуважение) и «уважение к другим» в контексте личных прав человека и гражданина. В связи с чем, авторы исследуют их составные элементы, как разумность, порядочность, зрелость, целостность и гармоничность. Так же авторы поддерживает мнения, что уважение –*

* **Искандаров Шарафджон Фахриддинович**, кандидат юридических наук, доцент, Таджикский национальный университет (г. Душанбе, Республика Таджикистан).

Iskandarov Sharafdjon Fakhriddinovich, Candidate of legal sciences, Associate professor, Tajik national university (Dushanbe, Republic of Tajikistan).

** **Данакари Лилия Ричарди**, кандидат философских наук, доцент, Волгоградский государственный университет (г. Волгоград, Россия).

Danakari Lylia Richardi, Candidate of philosophical sciences, Associate professor, Volgograd state university (Volgograd, Russia).

*** **Ивентьев Сергей Иванович**, юрисконсульт, теолог, специалист в сфере национальных и религиозных отношений, ООО «ДЭЛИЛ» (г. Казань, Россия).

Iventiev Sergey Ivanovich, Legal adviser, Theologian, Specialist in the field of national and religious relations, «DELIL» LLC (Kazan, Russia).

это способность считаться с границами и интересами других людей, видеть и признавать их достоинства, замечать индивидуальность, соблюдать социально-допустимый формат общения, взаимодействовать, не причиняя морального или физического вреда. В ходе исследования также рассматриваются такие понятия, как достоинство, самоуважение, самооценка, честь и т.д. В работе представлена авторская классификация понятия «уважения». В ходе исследования сделаны выводы, что концепт «уважение» относится к духовной, нравственной и правовой категории, право человека и гражданина на уважение представляет собой духовно-нравственную ценность, которая взаимосвязана с душой, духом и достоинством человека.

Ключевые слова: Бог, человек, душа человека, дух человека, духовность, нравственность, уважение, чувство, ценность, духовно-нравственная ценность, самоуважение, права человека, право на уважение.

THE HUMAN RIGHT TO BE TREATED WITH RESPECT FOR ONESELF AND OTHERS (IN THE CONTEXT OF NATURAL RIGHTS)

Abstract. *The article deals with the phenomena of «self-respect» (self-respect) and «respect for others» in the context of the personal rights of a person and a citizen. In this connection, the authors explore their constituent elements, such as reasonableness, decency, maturity, integrity and harmony. The authors also support the opinion that respect is the ability to reckon with the boundaries and interests of other people, to see and recognize their dignity, to notice individuality, to observe a socially acceptable format of communication, to interact without causing moral or physical harm. The study also examines such concepts as dignity, self-respect, self-esteem, honor, etc. The paper presents the author's classification of the concept of «respect». The study concluded that the concept of "respect" refers to a spiritual, moral and legal category, the right of a person and a citizen to respect is a spiritual and moral value that is interconnected with the soul, spirit and dignity of a person.*

Key words: *God, man, human soul, human spirit, spirituality, morality, respect, feeling, value, spiritual and moral value, self-respect, human rights, the right to respect.*

Исторически термин «уважение» всецело принадлежит философии (И. Кант, М. Бубер, Э. Левинас и др.). На сегодняшний день «уважение» занимает положение нравственной категории эти-

ки, однако и другие науки проявляют к нему интерес. Уважение является объектом исследования социологии, психологии, педагогики и права. По мнению И. Канта, абсолютное уважение к личности составляет нравственное основание морали и права. Через чувство уважения человек утверждает достоинство – как своё, так и того человека, уважение к которому он выказывает [7, с. 116].

В своих работах «Основы метафизики морали» и «Метафизика морали» И. Кант указывает на то, что в обращении с людьми необходимо помнить, что каждый человек имеет внутреннюю ценность, то есть достоинство. Морально правильным является уважительное обращение с человеком, не ожидая, что он вызовет у нас чувство уважения к себе. Необходимо руководствоваться не нашими желаниями, а осознанием и принятием долга. По мнению большинства исследователей, уважение имеет двойственную природу.

В первом случае уважение проявляет себя как оценка заслуг и достижений человека (уважение, как оценка). Во втором случае уважение это признание прав человека и его внутренней ценности (уважение как признание). Однако взгляд исследователей на уважение не ограничивается анализом этических содержаний. Также имеет место правовое восприятие природы уважения, которое наиболее значимо в рамках настоящей статьи. Мнения многих исследователей совпадают в том, что уважительное обращение включает в первую очередь стремление воздержаться от причинения вреда другим и нарушения их прав. «Действовать уважительно по отношению к другим означает главным образом не знаки уважения, а непосредственное признание прав окружающих» [1, с. 188-192].

Право на уважительное отношение к себе или уважительное отношение к себе как качество личности – способность уважать самого себя, то есть адекватно оценить степень, насколько Я состоялся в плане разумности, порядочности, зрелости, целостности и гармоничности. Право человека на уважение невозможно рассматривать вне контекста существующей концептуальной проблемы человеческого уважения, которая носит явный духовно-нравственный, идеологический, политический, аксиологический, социальный, семейный, религиозный, национальный и этнический характер.

В настоящее время проблема уважения актуальна, так как имеет давние корни, связана с особенностями социального, религиозного, семейного и национального устройства человеческого общества. К большому сожалению, до сих пор данная проблема не решена.

Зачатки неуважения человеком других людей появились тогда, когда некоторые люди стали считать себя исключительными и выше других, чуть не богоизбранными людьми, с которыми, по их мнению, напрямую может или должен общаться Бог-Творец, стали искусственно производить человеческое «расслоение» и создавать так называемые социальные касты (социальные группы: жрецы, фараоны, рабовладельцы, воины, рабы и др.).

Этот неверный и пагубный принцип неуважения человеком другого был заложен в основу государства и созданную сословную систему, которая выражала неравенство даже в положении и привилегиях, а также в так называемые американские и западные принципы демократии или «народовластия».

Аналогичная ситуация может проследиваться на уровне семьи или рода. Часто старшие требуют к себе уважения от младших или других членов своей семьи, проявляя открыто своё неуважение и пренебрежение к ним (например, это взаимоотношения между тещей и зятем, свекровью и снохой, авторитарной женой и мужем, старшими и младшими детей и т.д.

Согласно Философскому энциклопедическому словарю, демократия (от греч. *demos* – народ и *kratos* – власть) – форма государственно-политического устройства общества, при которой народ является источником власти [29, с. 131].

По нашему мнению, понятие «демократия» имеет другую этимологию и смысловую нагрузку. Негативная коннотация данного слова раскрывается в самом контексте, поскольку при «народовластии» решение принимает всё равно определённая группа людей, как правило, власть имущие. Это не народное вече, как в Древней Руси, где принимает решение весь народ.

В литературе имеется мнение, что слово «демократия» происходит от слова «демон» и имени человека «Кратий», который придумал новую форму рабства, как труд рабов за деньги [22, с. 24-28]. Получается, что составной частью слова «демократия» является не слово «народ», а слово «демон».

Следовательно, слово «демократия» состоит из двух слов: «демон» (др.-греч. δαίμων – божество) и «власть» (от греч. kratos – сила, господство, власть).

Большая Российская энциклопедия указывает, что слово «демократия» от греч. δῆμος – земля, область, народ.

В магии земля часто используется для вершения зла. Следовательно, слово «демократия» ассоциируется со злой (демонической) силой.

Истинный смысл слова «демократия», данный в настоящей работе, подтверждается негативными результатами продвижения западной и американской демократии по миру, отсутствием равенства между людьми и реализации принципа «свой-чужой».

Полагаем, что этимология слова «демократия», указанная в словарях, является неточной и даёт искажённое представление о сути данного понятия.

Так называемые средствами массовой информации и самими же социальными группами (сословиями), имеющими капиталы и власть, «элиты» (англ. фр. élite от лат. eligo «избранный; лучший») продолжают эту вековую традицию неуважения и пренебрежения к человеку и своему народу, другим социальным группам и государствам.

В основном так называемые «элиты» не являются ни духовными, ни моральными авторитетами (идеалами) для народа. По этой причине средства массовой информации не должны именовать власть (деньги) имущих, определённые социальные группы (кино- и артистические) элитами.

Следствием отсутствия так такового уважения человека к другому человеку, обществу, государству и их ценностям, открытого честолюбия, высокомерия и пренебрежения (презрения) к другой точке зрения являются ложь, обман, несправедливость, алчность, геноцид, антисемитизм, сепаратизм, манипуляция сознанием человека, совершаемые правонарушения и духовно-нравственные и уголовные преступления.

Из вышеизложенного видно, что фундаментом любого неуважения выступает специально созданное духовное и социальное неравенство людей.

Религия и государство попытались каким-то образом решить эту созданную ими же проблему, провозгласив моральный

принцип уважения и любви, уважения прав человека, закрепив в законодательстве право на уважение человеческого достоинства. Обратим внимание на то, что это желание не всегда было продиктовано альтруизмом и искренностью помочь людям и даровать им реальную свободу, обеспечить свободу выбора, установить равноправие и справедливость, а часто преследовало цель укрепить только свою власть над душами людей, совершенствовать методы и способы манипуляции и управления людьми.

В христианстве и исламе основы уважения и любви были заложены в Заповеди любви и Аяте любви, принципах почитания и уважения Бога (Аллаха), родителей, детей и старших (Библия, Иоанна 15:12; Коран, 2:165; 3:31 и др.) [4, 21].

Современное международное право запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее человеческое достоинство обращение или наказание (статья 3 Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4.11.1950 г. [17], статья 7 Международного Пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г. [18, с. 29-39], Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающее достоинство видов обращения и наказания от 10.12.1984 г. [19], статья 5 Всеобщей Декларации прав человека от 10.12.1948 г. [18, с. 23-29], статья 10 Декларации о правах инвалидов от 9.12.1975 г. [24], статья 37 Конвенции о правах ребенка от 20.11.1989 г. [18, с. 67-68]).

Согласно пункту 1 статьи 10 Международного Пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г., все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущее человеческой личности [18, с. 29-39].

Аналогичные нормы международного права были закреплены в национальных законодательствах.

В ст. 21 Конституции Российской Федерации закреплён конституционный принцип *уважения* чести и достоинства личности [28], который детализирован в отраслевом законодательстве (ст. 9 УПК РФ) [20].

Например, согласно статье 42 Конституции Республики Таджикистан, в Таджикистане каждый обязан соблюдать его Конституцию и законы, *уважать* права, свободы, честь и достоинство других людей [13].

В современном мире понятие «уважение», к большому сожалению, имеет двойные стандарты особенно в политике.

Уважение к другому государству и его ценностям западные государства проявляют только тогда, когда оно согласно утратить свой суверенитет или имеет мощную военную машину, а также рычаги экономического или политического воздействия. Но, несмотря на это, некоторые государства в свои основные законы включили обязанность уважать суверенитет других стран.

Например, в статье 11 Конституции Республики Таджикистан, указывается, что «Таджикистан, проводя миролюбивую политику, *уважает* суверенитет и независимость других государств, определяет свою внешнюю политику на основе международных норм» [13].

Часто правительства (так называемая политическая «элита») некоторых стран своих граждан ставит ниже себя, думают только о своих личных интересах, тем самым неприкрыто показывая неуважение к своему народу.

В литературе, посвящённой этике, концепту «уважение» как морально-нравственной категории отдельно не посвящено глав [2, 7, 31]. При этом уважение имеет явную аксиологическую направленность, так как представляет собой нравственную и социальную ценность в обществе и государстве.

Можно сказать, что через уважение происходит оценка самого себя (самоуважение) и другого человека. Следовательно, можно говорить о том, что понятие «уважение» – оценочная категория.

Истоки «права на уважение» человека следует искать в международном праве. Термин «уважение» фигурирует в отечественном и международном законодательстве в связке с другими значимыми понятиями (уважение к закону, принцип всеобщего уважения прав человека и основных свобод и пр.). Однако прямого правового определения термина «уважение» международное законодательство не содержит.

Обратимся к одному из классических определений. «Уважение» – одно из важнейших требований нравственности, подразумевающее такое отношение к людям, в котором практически (в соответствующих действиях, мотивах, а также в социальных усло-

виях жизни общества) признается достоинство личности [27, с. 362].

По смыслу данного определения, уважение – это нравственная обязанность, которая является следствием признания достоинства личности. На мой взгляд, эта обязанность имеет и правовое значение, ее правовая природа представляет для нас основной интерес. Примечательно, что термин «самоуважение» имеет близкую связь с термином «достоинство». Поскольку данный термин остался, не раскрыт, обратимся к одному из юридических определений.

В ходе исследования связей семантико-синонимических и ассоциативных полей понятия «уважение» было выявлено, что оно ассоциируется с добротой [16, с. 99-106].

В научной литературе уважение с признанием равенства, сочувствия и сопереживания именуют толерантностью [26, с. 73-74].

Слово «уважение» является универсальным понятием, так как относится к одному из человеческих чувств и отношений, восходит к понятиям «любовь» и «достоинство» [1, с. 189].

Очевидно, что уважение связано с правом человека на Любовь, а также с религиозной Заповедью любви [2, с. 200; 7, с. 278].

Право человека на уважение в связке с правом на Любовь относится к пятому поколению прав человека – Божественным правам и свободам человека [12, с. 162].

Согласно Толковому словарю живого великорусского языка, «уважать, уважить кого, увадить арх. почитать, чтить, душевно признавать чьи-либо достоинства; ценить высоко; || честить почетом, потчевать, принимая почетно. Ну, брат, уважил, спасибо! угостил. Худого человека ничем не уважишь. || – что, почитать достойным вниманья, уваги, ставить за велико, принять за причину, убедиться и уступить, согласиться» [8, с. 460].

Синонимами слова «уважать» являются слова: благоговеть, боготворить, вздыхать, высоко ставивший, высоко ставить, дорожить, жаловать, заботиться, имевший пристрастие, имевший слабость, иметь слабость, любить, обожать и др.

Понятие «уважение» традиционно рассматривается как морально-нравственная категория (нравственная ценность), а также

как правовая категория и важный принцип семейного права [28, с. 57].

В семейном праве понятия «уважение» и «любовь» находятся в одной связке, но как два разных слова имеют различную смысловую нагрузку.

Например, в России семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех её членов (статья 1 Семейного кодекса Российской Федерации) [25].

Уважение выполняет следующие функции:

1. Подтверждает, что человек является духовной личностью.
2. Помогает замечать и соблюдать личные границы другого человека, удерживать свои.
3. Служит базой для высокой самооценки, чувства собственного достоинства, ощущения личной значимости, самоэффективности, психологического и психического здоровья.
4. Помогает выдерживать чужое осуждение, критику, неприязнь.
5. Даёт возможность проявить лучшие качества: доброту, сочувствие, заботу.

От недостатка уважения к себе происходит столько же пороков, сколько их от излишнего к себе уважения. Т. Хилл определяет уважение как «признание ценности или важности чего-то (или кого-то) с какой-то точки зрения [30, с. 283-287].

Уважение подразделяется на два основных типа:

1. Уважение как признание прав человека и его внутренней ценности (уважение граничит с заботой о другом человеке).
2. Уважение как оценка заслуг и достижений человека (уважение труда и усердия человека в достижении определенной цели) (уважение граничит с доверием) [1, с. 188].

В обществе уважение к человеку выражается в проявлении этикета, служебной этики и ритуала.

Право человека на уважительное отношение к себе включает в себя право и обязанность человека уважать других людей.

Самоуважение связано с чувством собственного достоинства, под которым понимается самоощущение (и связанное с этим

поведение) человека, высоко оценивающего свои социальные права и свою социальную ценность [23, с. 414].

Мы наблюдаем тесную взаимосвязь терминов «уважение к себе» и «достоинство». Примечательно, что каждое из этих понятий определяет свою сущность посредством другого. Данный факт иллюстрирует текущую задачу, которая стоит перед нами – установить смысловое соотношение указанных терминов. «Концепция естественного права определяет достоинство как основополагающую правовую идею и нравственную категорию, равно значимую как для этической, так и для юридической нормативно-ценностной системы» [14, с. 14-21].

В литературе отмечается, что «идея человеческого достоинства как высокой ценности и непреходящего значения человека вне зависимости от его социального назначения была осмыслена, выдвинута и разработана еще гуманистами XIV – XVIII веков». В античной и средневековой философии фигурирует категория «честь», которая возникла в моральном сознании общества значительно раньше. И. Кант писал, что «обладание достоинством даёт человеку право на уважение другими, право на самооценку и в то же время обязанность уважать достоинство других» [6, с. 8].

Й.Г. Фихте считал, что достоинство основывается на необходимом взаимном признании субъектов как разумных существ, обладающих свободой, как субъектов правовых отношений. Г.В.Ф. Гегель определял признание достоинства как самосознание, уважение собственной ценности человека.

В России внимание к категории достоинства личности и его правовой защите возникло во второй половине XIX – начале XX в. и получило научное обоснование в трудах представителей теории естественного права. Классическими работами на тему достоинства являются философско-правовые концепции Б.Н. Чичерина, В.С. Соловьева, П.И. Новгородцева, И.А. Ильина и др. Исследуя природу ценности, лежащей в основе достоинства личности, обратимся к работам российского философа-правоведа И.А. Ильина. «Человечество живёт на земле так, что человек человеку остается всегда психо-физическим инобытием, а все люди вместе представляют из себя множество одинаково одиноких, но своеобразных духовно-творческих, связанных общею основою

существования» [10, с. 347]. Так, изначально нравственные понятия «достоинство» и «уважение к себе», относились к категориям этики. Впоследствии «достоинство» получило свое закрепление в рамках положительного права.

Переход «достоинства» в правовую плоскость начался в 1945 г., после принятия Устава ООН в Сан-Франциско 26.06.1945 г. Однако и по сей день в положительном закреплении «достоинства», определении его сути присутствует значительная незавершенность.

Нужно отметить, что составной частью прав человека выступают нормы общечеловеческой нравственности, которые базируются на естественной концепции прав человека, призванной сохранить и защищать человеческое достоинство, равенство и справедливость. На сегодняшний день, как в международных актах, так и в конституциях большинства стран мира подчеркивается, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, которые требуют особой заботы со стороны государства [11, с. 47-53].

Являясь источником всех прав человеческой личности (Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г.), «в определённом смысле достоинство являет собой абсолютную ценность, ценность высшего ранга, аккумулирующую в себе многообразие ценностей». Так, «в основе достоинства личности, как принципа международного права лежит беспрекословно признанная ценность – достоинство человека. При этом отдельные права и свободы служат достижению этой цели, запрещая либо предписывая субъектам международного права определенное поведение» [15, с. 176-183].

Помимо рассмотрения достоинства в качестве международно-правового принципа, представляется интересным исследование правовой природы «международно-правового обязательства уважать достоинство человека». По нашему мнению, «международно-правовое обязательство уважать достоинство человека» должно корреспондировать праву на уважение достоинства человека, из которого, собственно, следует «требование уважения человеческого достоинства» [30, с. 283-287].

Право на достоинство представляет собой не только право обладать внутренней духовной ценностью – внутренним достоинством, но и право на признание этой ценности со стороны других людей – право на уважение достоинства.

«Достоинство» – это морально-нравственная категория, означающая уважение и самоуважение человеческой личности. Достоинство – неотъемлемое свойство человека, принадлежащее ему независимо от того, как он сам и окружающие люди воспринимают и оценивают его личность» [5, с. 163].

В литературе *достоинство* подразделяют на следующие основные типы (виды): 1. Божественное достоинство (Достоинство Бога-Творца); 2. Духовное достоинство (духовная значимость личности перед Богом и Духовным миром. Складывается из веры, религиозного и этического облика личности, духовного совершенства; связано с душой и духом человека); 3. Моральное / нравственное достоинство (нравственная ценность); оценка нравственной ценности человека, его общественной значимости, которую даёт себе сам человек и окружающие его люди ; 4. Социальное достоинство (оценка определённых социальных групп самих себя; профессиональное достоинство (связано с гордостью, честью представляемой профессией); корпоративное достоинство и пр.); 5. Гражданское достоинство (патриотическое достоинство: любовь и преданность Родине, национальное и воинское достоинство) и др. [3, с. 98-102].

Право на уважение в связке с правом на человеческое достоинство (духовное и моральное достоинство) входит в состав духовно-нравственных прав и свобод человека и гражданина или четвёртого поколения прав человека [12, с. 19].

В основном в отечественной и зарубежной литературе *уважение* подразделяют на два типа (вида):

1. Уважение как признание прав человека и его внутренней ценности.

2. Уважение как оценка заслуг и достижений человека [1, с. 188].

Например, S.D. Hudson выделяет четыре вида уважения на основе выделения классов объектов данного отношения: 1. *Evaluative respect* – оценочное уважение. Сродни почтению и восхищению. Является результатом оценивания объекта по каким-

либо критериям, сравнения его со стандартом. Лишь этот вид уважения предполагает позитивное отношение к объекту уважения. Например, уважение к коллеге как к хорошему ученому. 2. *Obstacle respect* – уважение преграды. Если должным образом не учитывать объект в своих действиях, то это может помешать достижению цели. Например, уважение альпиниста к стихии или уважение теннисиста к сильной подаче слева его соперника. 3. *Directive respect* – уважение к директивам: правилам, советам, законам, правам или требованиям, которые могут быть приняты в качестве руководства к действию. Например, соблюдение договоренностей, уважение прав человека. 4. *Institutional respect* – институциональное уважение к социальным институтам или практикам, социальным ролям, обычаям, должностным лицам. Заключается в проявлении поведения, которое соответствует правилам. Например, вставание при входе судьи в зал или сжигание изношенного флага вместо выбрасывания его на помойку [35, с. 69-90].

Данную классификацию видов уважения R.S. Dillon дополнил пятым видом уважения: *Care respect* – заботливое уважение к природе [34, с. 105-132].

Уважение с психологической точки зрения подразделяют на чувство и уважение как поведение [36, с. 283-287].

При этом отсутствует единая и полная классификация понятия «уважения».

Восполняя данный пробел, нами предлагается на обсуждение нижеприведённая авторская классификация понятия «уважения», которая по мере получения новых знаний о данном феномене может дополняться и корректироваться.

Уважение можно классифицировать на следующие виды:

1. По источнику:

1.1. Божественное уважение (Бог, Любовь).

1.2. Человеческое уважение.

1.2.1. Семейное (родовое) уважение (уважение к супругу(е), родственникам).

1.2.2. Уважение к партнёру.

1.2.3. Социальное или корпоративное уважение (уважение трудового коллектива, социума, государства, корпорации и т.д.).

1.2.4. Уважение к конкуренту (врагу).

1.2.5. Уважение к гостям (соседям).

- 1.3. Духовное уважение (Душа человека, Духовные сущности).
- 1.4. Иное.
2. По содержанию:
 - 2.1. Чувство.
 - 2.2. Как оценка заслуг и достижений человека.
 - 2.2.1. Эмоциональная.
 - 2.2.2. Рациональная (интеллектуальная).
 - 2.3. Ценность.
 - 2.4. Признание (например, прав человека и его внутренней ценности).
 - 2.5. Общесоциальная норма.
 - 2.6. Отношение.
 - 2.7. Нематериальное благо.
 - 2.8. Лексическая единица.
 - 2.9. Философская и научная категория.
 - 2.10. Уважение как принятие.
3. По направленности:
 - 3.1. Уважение к себе (самоуважение).
 - 3.3. Уважение к другим людям.
 - 3.3. Уважение к другим сущностям.
 - 3.4. Уважение к предметам.
4. По предмету (субъекту) уважения:
 - 4.1. Бог.
 - 4.2. Люди.
 - 4.3. Социальные нормы.
 - 4.4. Природа.
 - 4.5. Ценности.
 - 4.6. Законы и правила (их соблюдение).
 - 4.7. Культура.
 - 4.8. Семья (род).
 - 4.9. Родина.
 - 4.10. Сила, предметы силы.
 - 4.11. Честь.
 - 4.12. Власть.
 - 4.13. Достоинство.
 - 4.14. Свобода.

- 4.15. Символы (государственные, корпоративные, национальные символы, предметы культа и пр.)
- 4.16. Права человека.
- 4.17. Личное пространство.
- 4.18. Другие.
- 5. По времени действия:
 - 5.1. Длительное (пожизненное, вечное).
 - 5.2. Временное.
- 6. По содержанию:
 - 6.1. Любовь.
 - 6.2. Почитание.
 - 6.3. Искренность.
 - 6.4. Наигранность (фальшивое уважение).
 - 6.5. Правовая форма.
- 7. По воле выражения.
 - 7.1. Добровольное.
 - 7.2. Принудительное (обязанность уважать государственные символы, семейные и корпоративные традиции и т.д.).
 - 7.3. Невольное (непроизвольное).
- 8. По возникновению:
 - 8.1. Врожденное (Божественное, духовное уважение).
 - 8.2. Приобретенное (человеческое уважение).
- 9. По способу проявления (выражения):
 - 9.1. Любовь.
 - 9.2. Этикет.
 - 9.3. Ритуал.
 - 9.4. Вежливое отношение.
 - 9.5. Почтение.
 - 9.6. Дипломатия.
 - 9.7. Выражение благодарности.
 - 9.8. Понимание другого.
 - 9.9. Приветствие.
 - 9.10. Терпимость к иному мировоззрению, образу жизни, поведению, обычаям, культурным и религиозным традициям (толерантность).
 - 9.11. Субординация (младшие должны уважать старших, а подчинённые – начальство).
 - 9.12. Доверие.

- 9.13. Другое.
 - 10. По цели проявления.
 - 10.1. Человеческое отношение (естество, внутренняя потребность).
 - 10.2. Выгодоискательство.
 - 11. По мотивации:
 - 11.1. Внутренняя.
 - 11.1.1. Духовная (исходит от Бога, души и духа человека)..
 - 11.1.2. Моральная (исходит от души).
 - 11.1.3. Самоуважение.
 - 11.2. Внешняя.
 - 11.2.1. Духовно-нравственная (исходит от Бога, души и духа человека, религии).
 - 11.2.2. Социум (школа, государство, корпорация и др.).
 - 11.2.2.1. Духовная.
 - 11.2.2.2. Моральная.
 - 11.2.2.3. Престиж.
 - 11.2.2.4. Востребованность.
 - 11.2.2.5. Уважение коллег, партнёров, конкурентов (врагов).
 - 11.2.3. Семья.
 - 11.2.3.1. Уважение родителями.
 - 11.2.3.2. Уважение родственников.
 - 11.2.4. Другие.
 - 12. С точки зрения социальных норм.
 - 12.1. Морально-нравственное уважение.
 - 12.2. Правовое уважение (закрепление в нормативных актах, названиях улиц и государственных символах).
13. По группе лиц.
 - 13.1. Внутригрупповое уважение (трудовой коллектив, нация, этнос, страна и т.д.).
 - 13.2. Межгрупповое уважение (организация, нация, страна и т.д.).
14. По идеологии.
 - 14.1. Религиозное уважение.
 - 14.2. Политическое уважение.
 - 14.3. Другие.
15. В семантико-синонимическом плане:
 - 15.1. Любовь.

- 15.2. Доброта.
- 15.3. Внимание.
- 15.4. Вежливость.
- 15.5. Забота.
- 15.6. Помощь.
- 15.7. Культура.
- 15.8. Понимание.

Право на уважительное отношение к себе или уважительное отношение к себе как качество личности – способность уважать самого себя, то есть адекватно оценить степень, насколько Я состоялся в плане разумности, порядочности, зрелости, целостности и гармоничности.

Считается, что от недостатка уважения к себе происходит столько же пороков, сколько их от излишнего к себе уважения. Т. Хилл определяет уважение как «признание ценности или важности чего-то (или кого-то) с какой-то точки зрения [30, с. 283-287].

У каждого человека есть право на самоуважение. Понятие «самоуважение» немного отличается от понятия «уважение к другим». Поскольку то, что человек есть цель сама по себе и имеет внутреннюю ценность, является основой уважения к другим, этот же факт является основой уважения к себе. С этой точки зрения как уважение в смысле признания человечности и человеческих прав других является обязанностью, так же самоуважение является обязанностью каждого человека. Самоуважение тоже имеет два вида: признание своей ценности как человека и оценка своих достижений в разных областях жизни. Самоуважение включает знание своих высших моральных принципов, ценностных приоритетов и их защиту. Оно также включает осмысленное признание своих сильных и слабых сторон и их благожелательное принятие. Например, Маргалит объясняет самоуважение как отношение человека к факту его человечности [32].

По мнению некоторых исследователей (Роульс, Хонет, Маргалит), самоуважение члена общества зависит от социальных и политических обстоятельств в этом обществе, и неблагоприятное обращение может нанести ущерб самоуважению человека [33].

Несомненно, для процветания общества каждый его член должен почувствовать свою значимость не только для себя, но и для окружающих и видеть позитивную оценку своего каждоднев-

ного труда. И верно то, что неблагоприятное обращение может нанести вред самолюбию, самооценке человека. Возможно, что от такого обращения человек временно потеряет в некоторой степени самоуважение. Но это может произойти оттого, что человек поймёт, он мог бы избежать негативной ситуации. Позже, смирившись с обстоятельствами, человек обязательно восстановит самоуважение, потому что это необходимо для его существования. Перефразируя психологов гуманистического направления, можно сказать, что человек теряет самоуважение, оказавшись неспособным отвечать своим стандартам, а не стандартам других. Самоуважение, как и уважение к другим, тоже должно быть осознанным, рациональным деянием и чувством. То есть, мы должны признать свою Божественность, духовность, человечность, своё достоинство и право на развитие и мы можем иметь самоуважение как чувство за наши достижения. Первое из этих понятий постоянное, а второе может меняться в зависимости от ситуации. Когда, стараясь добиться качества в каком-то деле, мы не видим желаемого результата вовремя, мы временно можем потерять чувство самоуважения к себе. И необходимость восстановления этого чувства заставляет нас упорно работать, проявляя настойчивость в стремлении к цели. Чувства играют роль стимула в нашей жизни. Но проблема со всеми чувствами в том, чтобы ощущаться, они должны быть свежими, например, чтобы чувствовать самоуважение, нам надо поставить новые рекорды в важных для нас областях. Отсюда можно делать вывод, что чувство самоуважения, как и чувство уважения к другим, зависит от определённых условий.

Взаимное уважение всегда было важным связывающим фактором духовно-нравственных и социальных отношений. Как сторона многогранных человеческих отношений это понятие рассматривалось многими философами классиками. В последние несколько десятилетий уважение стало также объектом исследования не только философии, педагогики, права, но и социальной психологии.

Верно отмечает Ш.Дж. Ахундова, что «понятие «самоуважение» ненамного отличается от понятия «уважение к другим». Поскольку то, что человек есть цель сама по себе и имеет внутреннюю ценность, является основой уважения к другим, этот же факт является основой уважения к себе. С этой точки зрения как

уважение в смысле признания человечности и человеческих прав других является обязанностью, так же самоуважение является обязанностью каждого человека. Самоуважение тоже имеет два вида: признание своей ценности как человека и оценка своих достижений в разных областях жизни» [1, с. 190].

Из вышеизложенного следует, что *уважение* представляет собой Божественную и духовно-нравственную ценность, которая связана с Богом, Любовью, душой и духом человека, духовностью и моралью (нравственностью).

Таким образом, по результатам исследования нами были сделаны следующие выводы:

1. Концепт «уважение» относится к духовной, нравственной и правовой категории.
2. Право человека на уважение – это Божественная, духовно-нравственная и правовая ценность.
3. Право человека и гражданина на уважение – духовно-нравственная и правовая ценность.
4. Право человека на уважение взаимосвязано с душой, духом и достоинством человека.
5. Истоки проблемы уважения возникли с момента создания духовного и социального неравенства людей и социальных групп (каст).

Источники и литература

1. Ахундова Ш.Дж. Уважение, его основа и типы // Вестник ТГПУ. – 2013. – № 1 (129). – С. 188-192.
2. Апресян Р.Г. Этика. – М.: КНОРУС, 2017. – 356 с.
3. Асадуллина Г.Р., Ивентьев С.И., Шкуран О.В. Влияние политики на общественное сознание на примере анализа понятия «достоинство» в словосочетании «революция достоинства» // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика: материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иркутск, 15 марта 2021 г. / под общ. ред. О.А. Полношкевич, Г.В. Дружинина. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2021. – С. 98-102.
4. Библия: каноническая, русский синодальный перевод. – М.: Российское Библейское общество, 2007. – 1057 с.

5. Большой юридический словарь / авт.-сост. В.Н. Додонов, В.Д. Ермаков, М.А. Крылова и др. / под ред. А.Я. Сухарева и др. – М.: Инфра-М, 1998. – 789 с.
6. Гаскарова М.Л. Правовая защита чести и достоинства личности (вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999. – 151 с.
7. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. – М.: Гардарика, 2000. – 472 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. – Т. 4. – СПб.: Диамант, 1996. – 688 с.
9. Еремишин О.Т. Афоризмы. Золотой фонд мудрости. – М.: Просвещение; 2006. – 153 с.
10. Ильин И.А. Теория права и государства. – М.: Зерцало, 2008. – 465 с.
11. Искандаров Ш.Ф. К вопросу о понятии гарантий прав человека // Правовая жизнь. – 2018. – № 1 (21). – С. 47-53.
12. Ивентьев С.И. Божественные и духовно-нравственные права и свободы человека. – Новосибирск: СИБПРИНТ, 2012. – 357 с.
13. Конституция Республика Таджикистан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (дата обращения: 31.12.2022).
14. Кантипенко Е.А. Развитие понятия «достоинство человека» как нравственно-правовой категории концепции прав человека // Труды ИГП РАН. – М., 2015. – № 2. – С. 14-21.
15. Липкина Н.Н. Правовая природа международно-правового обязательства уважать достоинство человека // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 1 (90). – С. 176-183.
16. Колодина Н.И., Лябина О.Г. Связь единиц семантико-синонимического и ассоциативного полей (на примере нравственных понятий «Уважение» и «Вежливость») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 10 (64). – Ч. 3. – С. 99-106.
17. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4.11.1950 г. // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 20. – Ст. 2143.
18. Колосов Ю.М., Котляров И.И. Международное гуманитарное право в документах. – М.: МНИМП, 1996. – 556 с.
19. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающее достоинство видов обращения и наказания от 10.12.1984 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1987. – № 45. – Ст. 747.
20. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru; Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А.

- Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 343 с. – (Серия: Профессиональные комментарии).
21. Коран / АН СССР, Ин-т востоковедения; пер. и коммент. И.Ю. Крачковского; ред. В.И. Беляев. – 2-е изд. – М.: Наука, 1986. – 727 с.
22. Мегре В.Н. Новая цивилизация. Ч. 1. – М.; СПб.: Диля, 2005. – 223 с.
23. Нагорнов С.В. Процесс адаптации молодых специалистов в профессиональную среду организации, основные проблемы и методы их решения // Бюллетень науки и практики. – 2016. – № 6 (7). – С. 413-415.
24. Генеральная Ассамблея ООН. Офиц. отчеты. 30 сессия. Дополнение № 34 (A/10034). – С.114-115.
25. Семейный кодекс РФ // Российская газета, 1996, 27 янв.
26. Сидорова А.Д. Научно-исторические аспекты понятия толерантность в отечественной и зарубежной литературе // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 4 (29). – С. 73-76.
27. Словарь по этике / под ред. А.А. Гусейнова и И.С. Кона. – 6-е изд. – М.: Политиздат, 1989. – 447 с.
28. Ульянова М.В. Уважение как правовая категория и принцип осуществления семейных прав и исполнения обязанностей // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – № 4 (135). – С. 57-67.
29. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 570 с.
30. Хил Т. Уважение к человеку. Рутледж Философская Энциклопедия. – Лондон, 1998. – С. 283-287.
31. Этика: учебник для бакалавров / под общ. ред. А.А. Гусейнова. – М.: Изд-во Юрайт, 2013. – 571 с.
32. Margalit A. The decent society. – Cambridge, 1996.
33. Dillon R.S. Respect and Self-Respect // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – URL: <http://plato.stanford.edu/entries/respect>, 2003, revised 2006.
34. Dillon R.S. Respect and Care: Toward Moral Integration // Canadian Journal of Philosophy. – 1992. – Vol. 22. – P. 105–132.
35. Hudson S.D. The Nature of Respect // Social Theory and Practice. – 1980. – Vol. 6 (1). – P. 69–90.
36. Hill T.E. Jr. Respect for persons // Routledge Encyclopedia of Philosophy / Craig E. (Ed.). – London. 1998. – P. 283–287.

DOI: 10.47905/9785604872161_69

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ЗАКРЕПЛЕНИИ И РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА НАКАЗАНИЯ

Аннотация. Рассматриваются проблемы участия общественности в закреплении и реализации института наказания. Автор сформулировал шесть тезисов, раскрывающих различные формы участия общества и его институтов в функционировании системы возложения наказания. Подведены итоговые выводы, обоснована авторская позиция.

Ключевые слова: наказание, юридическая ответственность, правотворческая деятельность, правоприменительная деятельность, общественность, гражданское общество.

ON THE QUESTION OF PUBLIC PARTICIPATION IN THE CREATION AND REALIZATION OF THE INSTITUTE OF PUNISHMENT

Abstract. The problems of public participation in the consolidation and implementation of the institution of punishment are considered. The author formulated six theses that reveal various forms of participation of society and its institutions in the functioning of the sentencing system. The final conclusions are summed up; the author's position is substantiated.

Key words: punishment, legal liability, lawmaking, law enforcement, public, civil society.

Правотворческая и правоприменительная деятельность позволяют конструировать и осуществлять правовое регулирование, воплощая в жизнь правовые предписания и заложенные в них идеи. Различные правовые институты, получая отражения в законода-

* *Кузьмин Игорь Александрович*, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (г. Иркутск, Россия).

Kuzmin Igor Alexandrovich, Candidate of legal sciences, Associate professor Irkutsk law institute (branch) of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia).

тельстве (иных источниках права), в дальнейшем оказывают упорядочивающий эффект на систему общественных отношений. При этом создание и обеспечение действия правовых институтов уполномоченными на то органами и должностными лицами должно происходить не только и не столько с позиции политических и ситуативных факторов, сколько на основе социальных интересов и потребностей, сформировавшихся в обществе в соответствующий исторический период времени.

В настоящей статье мы предпримем попытку сформулировать и обосновать несколько установок, которые предположительно могут «пролить свет» на целый ряд вопросов участия ответственности в закреплении и функционировании одного из комплексных правовых институтов – наказания. Будучи охранительным средством правового регулирования, наказание реализуется, прежде всего, регулятивную функцию, поскольку оно нацелено на предупреждение и искоренение наиболее серьезных актов противоправного поведения, приведение поведения неопределенного круга лиц в соответствие с законными требованиями. Исходя из этого, мы называем следующие **тезисы**.

***Первый тезис:** «система наказаний каждого государства является важным звеном системы государственного принуждения, без которого невозможна охрана режима законности и правопорядка».*

Заявление о стремлении государства к становлению демократической, правовой и социальной организации является безусловным «трендом» современного государственного строительства. При этом подразумевается, что методы и средства убеждения должны постепенно возобладать над принудительными методами и средствами, ввиду достижения высоких показателей правосознания и правовой культуры населения, а также ответственного отношения всех субъектов права к своим субъективным правам и юридическим обязанностям. Вместе с тем, в структуре правовых инструментов достижения и поддержания правопорядка всегда должно найтись место и для принудительных средств, чтобы эффективно охранять общественный порядок не только в условиях правомерного, но и при наличии противоправного поведения. Отсутствие юридической ответственности и наказания, либо их неэффективное применение создают повышенные риски для сложившихся право-

отношений, а значит, и угрожают законным интересам граждан и организаций. Высокий уровень латентности правонарушений, как таковой, и наступающие негативные последствия на примере многих государств доказывают необходимость в сохранении наказания для борьбы с ними. Эти обстоятельства убедительно доказывают, что население любого государства мира должно активно участвовать в проектировании и поддержании работоспособности (актуализации) системы государственного принуждения и его центрального элемента – системы наказаний.

Второй тезис: «система наказаний должна обеспечивать возможность правоприменительным органам в своей деятельности принимать решения, соответствующие критерию социальной справедливости».

Главная задача демократического, правового и социального государства заключается в обеспечении таких условий, при которых население будет иметь возможность удовлетворять свои нормальные потребности в масштабах всего общества. Исходя из этого, система наказаний в каждом конкретном государстве должна отвечать сложившемуся менталитету, а также социальным устоям, включая господствующую конфессию, мораль, обычаи и традиции. Наказания, которые не способны в процессе своего «бытия» соответствовать ожиданиям большей части социума и защищать социальную справедливость в принципе (обезличенное наказание – закрепленное в законе), так и в каждом конкретном случае (индивидуальное наказание для конкретного правонарушителя). Согласно ч. 2 ст. 43 действующей редакции Уголовного кодекса РФ от 13 июня 1996 г. одной из целей наказания является восстановление социальной справедливости. А.Г. Николаев особо отмечает, что цель дисциплинарной ответственности заключается в том, чтобы подвергнуть нарушителя справедливому наказанию [5, с. 87]. Данные обстоятельства с одной стороны возлагают на законодателя большую ответственность в части достижения адекватного соотношения между противоправными деяниями и наказаниях за них, а с другой стороны – требуют от правоприменителя с осмотрительностью принимать решения в процессе возложения наказания, уделяя внимание резонансным правонарушениям и усиливая взаимодействие со СМИ и институтами гражданского общества по этому направлению. Д.Е. Дроздов даже предлагает рассмотреть вопрос о

законодательном закреплении преступлений, вызывающих общественный резонанс (резонансные преступления) [2, с. 220]. На официальном сайте Следственного комитета РФ имеется специальная вкладка «Резонансные преступления», в которых собрана информация о соответствующих преступлениях, их расследовании и назначенных наказаниях¹. Необходимость реакции на резонансные акты противоправного поведения закреплена в нескольких организационно-распорядительных документах Генерального прокурора. Среди них: приказы Генерального прокурора РФ от 10.10.2022 г. № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции», от 4.10.2021 г. № 575 «Об утверждении Типового положения о мобильных и временных приемных органов прокуратуры Российской Федерации», от 17.05.2018 г. № 296 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью» и другие.

***Третий тезис:** «совершенствование системы наказаний как направление правотворческой деятельности должно иметь в основе объективную необходимость и предполагаемую (доказанную) легитимность».*

Планирование правотворческой деятельности, оценки регулятивного воздействия, правотворческие эксперименты и прогнозирование последствий правотворческих решений неизменно должны быть в приоритете для соответствующих уполномоченных органов и должностных лиц. В случае же с установлением и совершенствованием системы наказаний законодателю надлежит быть на порядок более ответственным и внимательным, поскольку социальные последствия могут быть критическими. Это в очередной раз доказывает, что каждое правотворческое решение должно иметь в основе объективную необходимость и предполагаемую (доказанную) легитимность, то есть предположительно не противоречить ожиданиям людей относительно изменения в системе наказаний. В случае, если юридическая ответственность имеет специализированный характер и не касается «рядовых» граждан, то ее введение (изменение) необходимо осуществлять с привлечением

¹ Резонансные дела // Следственный Комитет РФ: официальный сайт. URL: <https://sledcom.ru/cases> (дата обращения: 01.12.2022).

профессиональных и научных кругов, способных компетентно оценить содержание предлагаемых решений. Причем сказанное не означает отсутствие потребности в доступном разъяснении через СМИ и иные источники распространения информации о сути правовой политики. Следовательно, внимание законодательных органов к общественным инициативам по совершенствованию системы наказаний.

Для граждан возможность реализации правотворческих инициатив предусмотрена положениями Указа Президента РФ от 4.03.2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса "Российская общественная инициатива"»². Согласно ч. 2 ст. 10 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 г.³ Конституцией или уставом субъекта РФ право законодательной инициативы может быть предоставлено гражданам, проживающим на территории данного субъекта Российской Федерации [1].

Так, согласно ст. 10 Устава Иркутской области (принят постановлением Законодательного Собрания Иркутской области от 15.04.2009 г. № 9/5-ЗС⁴) право законодательной инициативы в Законодательном Собрании Иркутской области принадлежит гражданам области в порядке реализации народной правотворческой инициативы. Обозначенный порядок предусмотрен специальным областным законом от 18.06.2010 г. «О народной правотворческой инициативе»⁵. В свою очередь на муниципальном уровне правотворческая инициатива граждан предусмотрена ст. 26 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправ-

² Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36853> (дата обращения: 12.12.2022 г.).

³ Официальный интернет-портал правовой информации «pravo.gov.ru». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112210031?rangeSize=Все> (дата обращения: 12.12.2022 г.).

⁴ Иркутская область: официальный портал. URL: <https://irkobl.ru/documents/UstavIO/> (дата обращения: 12.12.2022 г.).

⁵ Законодательное Собрание Иркутской области: официальный сайт. URL: <https://irzs.ru/activity/lawmaking/initiative/45-oz.php> (дата обращения: 12.12.2022 г.).

ления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г.⁶ В городе Иркутске соответствующие нормы содержатся в ст. 22 Устава города Иркутска⁷ (принят решением Городской Думы г. Иркутска от 20.05.2004 г. № 003-20-430-537/4). Интересно заметить, что в отдельных субъектах России за нарушение порядка реализации правотворческой инициативы граждан предусмотрена административная ответственность (например, в ст. 13.13 Кодекса Волгоградской области об административной ответственности от 11 июня 2022 г.⁸). В то же время граждане должны иметь возможность обращаться к своим представителям (депутатам) в органы государственной власти, в том числе с предложениями о совершенствовании системы наказаний.

Четвертый тезис: *«приоритетным направлением борьбы с нарушениями должно стать более активное и широкое вовлечение общественности в процесс привлечения к ответственности (прежде всего) для снижения числа актов безнаказанности».*

Формы и способы участия населения в механизме возложения ответственности (наказания) различны. Лучшим профилактическим эффектом обладает, так называемый, общественный контроль за правонарушаемостью. Его суть заключается в том, что большая часть населения государства при столкновении с признаками противоправного поведения демонстрируют ответственное поведение и сообщают о соответствующих нарушениях в уполномоченные органы и должностным лицам. Для этого разрабатываются специальные сайты и приложения, позволяющие гражданам оперативно подавать жалобы на выявленные правонарушения, уменьшая уровень противоправной латентности и повышая эффективность наказания как средства правового регулирования. И если электронная форма обращений в правоохранительные и иные орга-

⁶ Официальный интернет-портал правовой информации «pravo.gov.ru». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102083574> (дата обращения: 12.12.2022 г.).

⁷ Официальный портал города Иркутска. URL: <https://admirk.ru/authority/pravovye-dokumenty/ustav-goroda/> (дата обращения: 12.12.2022 г.).

⁸ Официальный интернет-портал правовой информации «pravo.gov.ru». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=143014010&backlink=1&nd=143014002> (дата обращения: 12.12.2022 г.).

ны власти стала обыденностью, то выпуск соответствующих приложений является прогрессивным шагом. К примеру, Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка предлагает гражданам скачать со своего официального сайта специальное приложение⁹, позволяющее определить легальность алкогольной продукции, легальность ее продажи в конкретной торговой точки по данным единой информационной системы и сообщить об обнаруженном нарушении в службу.

В текущем году прорабатывается вопрос о фиксации гражданами правонарушений в области безопасности дорожного движения при помощи специального приложения «Народный инспектор»¹⁰. Интересен опыт Японии, связанный с разделением страны на большое количество районов, в каждом из которых организуется полицейский участок (кобан), куда рядовые граждане могут обращаться по разным вопросам – в том числе с сообщениями о правонарушениях.

Ранее мы уже отмечали отдельные особенности системы противодействия преступности в Японии, вовлекающую в свое функционирование рядовых граждан [3, с. 3–4]. Мотивация граждан в борьбе с правонарушаемостью в отдельных сферах подтверждается и социологическими данными. Так, по результатам одного из социологических исследований, проведенных еще в 2012 году респонденты – жители Кировской области указали, что главной причины коррупции в стране в целом является «чувство безнаказанности» – 69,6% от общего числа опрошенных [6, с. 98].

Пятый тезис: «население должно быть осведомлено об особенностях возложения наказаний в частном праве».

Участие в процессе возложения наказаний в частном праве субъектов, которые могут не иметь специального образования и квалификации, обуславливает необходимость в более широком информировании обозначенных субъектов.

⁹ Мобильное приложение «АНТИКОНТРАФАКТ АЛКО» // Официальный сайт Росалкогольрегулирования. URL: https://fsrar.gov.ru/antikontrafakt_alko (дата обращения: 12.12.2022 г.).

¹⁰ «Народный инспектор» заработает по всей стране // Сетевое издание «Вести.Ру». URL: <https://www.vesti.ru/auto/article/2777132> (дата обращения: 12.12.2022 г.).

Так, в области трудового права любой работодатель является инстанцией, уполномоченной возлагать дисциплинарные наказания (взыскания) и материальную ответственность на своих работников. Между тем, при возложении ответственности, как сами работники, так и работодатели далеко не всегда представляют себе содержание и процедурную форму возложения наказания, вследствие чего допускаются ошибки, влекущие нарушения прав участников трудовых отношений, несправедливые наказания и другое. В гражданском праве подобные обстоятельства могут возникать по вопросам, связанным с добровольной формой реализации гражданско-правовой ответственности [4].

Исходя из этого, существует потребность в информировании, в том числе путем обучения, реальных и потенциальных участников отношений частноправовой ответственности для достижения целей наказаний и недопущения противоправных актов и их последствий. Формы и технические вопросы реализации подобного «осведомления» нуждаются в обсуждении и дальнейшей системной апробации.

Шестой тезис: *«развитие наказаний, связанных с изоляцией от общества, должно учитывать социальную обстановку, сложившуюся в окружающих условиях».*

Наказания, связанные с изоляцией правонарушителей от общества, имеют свою негативную сторону, связанную с частичной или полной утратой наказанного лица связи с естественной социальной средой. Случаи, когда граждане, выходя «на свободу» после длительной изоляции не могут найти себе места в системе общественных отношений (работу или иные легальные источники доходов, связи с близкими и родственниками и т.д.), далеко не редкость. По этой причине на основании специального поручения Федеральной службой исполнения наказаний РФ и Министерством юстиции РФ был разработан проект Федерального закона «О пробации в Российской Федерации», внесенный Правительством РФ в Государственную Думу Федерального Собрания РФ 10 ноября

2022 года. На момент написания настоящей статьи законопроект уже прошел первое чтение¹¹.

Основной целью пробации является коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитации лиц, отбывающих наказание для предупреждения совершения ими новых преступлений. Исходя из общего анализа законопроекта нам представляется, что система социализации лиц пока далека от совершенства и значительная часть вопросов координации деятельности субъектов пробации с позиции нормотворческих решений остается нерешенной. Представляется, что участие общественных объединений и самого общества в рассматриваемой деятельности должно, в перспективе, стать решающим в вопросах социализации ранее наказанных лиц.

Следует также рассмотреть возможность проведения воспитательной деятельности в отношении лиц, отбывших административный арест, а также продумать возвращение (с учетом доработок) ранее действовавших социальных форм воспитания (например, передачу «на поруки»).

Таким образом, подводя итоги вышеизложенному, мы утверждаем, что участие общественности (населения, институтов гражданского общества и других общественных образований) в закреплении и реализации института наказаний является главным условием его правовой легализации и легитимации. Государство, сохраняя вектор демократических преобразований публичных и общественных институтов, должно уделять особое внимание соответствующей сфере отношений.

Источники и литература

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru; Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд.,

¹¹ Законопроект № 232770 // Система обеспечения законодательной деятельности // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/232770-8> (дата обращения: 12.12.2022 г.).

перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 343 с. – (Серия: Профессиональные комментарии).

2. Дроздов Д.Е. Виды преступлений, вызывающих общественный резонанс // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 1. – С. 220–224.

3. Кузьмин И.А. Реализация позитивной юридической ответственности // Вопросы безопасности. – 2020. – № 1. – С. 1–18.

4. Кузьмин И.А. Добровольная форма реализации юридической ответственности // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 4. – С. 10–16.

5. Николаев А.Г. Дисциплинарная ответственность как вид юридической ответственности // Труды Академии управления МВД России. – 2014. – № 2. – С. 87–90.

6. Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией: научно-практическое пособие / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2013. – 160 с.

Н.С. Романенко*

DOI: 10.47905/9785604872161_78

ИНДЕКС ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЯ КАК ОЦЕНОЧНАЯ (КАЧЕСТВЕННАЯ) ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются исторические корни возникновения и развития российского процессуального права в контексте выявления динамики интереса законодателя к правовому оформлению судоговорения. В основу анализа положены нормы процессуального характера, закрепленные в Договорах Руси с Византией и Русской правде. Для выявления количественных показателей степени интереса законодателя к процессуальным отношениям предлагается использовать в научном исследовании категорию «коэффициент

* **Романенко Никита Сергеевич**, преподаватель, Байкальский государственный университет (г. Иркутск, Россия).

Romanenko Nikita Sergeevich, Lecturer, Baikal state university (Irkutsk, Russia).

заинтересованности законодателя».

Коэффициент заинтересованности законодателя представляет собой процентное соотношение предписаний процессуального характера к общему количеству предписаний в конкретном источнике права. Произведенные вычисления коэффициента заинтересованности позволяют достоверно оценить изменение отношения законодателя к правовым формам закрепления вопросов судоговорения на протяжении IX – XV веков.

Ключевые слова: процессуальное право, юридический процесс, коэффициент заинтересованности, источники права, история государства и права.

INDEX OF INTEREST OF THE LEGISLATOR AS AN EVALUATION (QUALITATIVE) LEGAL CATEGORY

Abstract. *In the article, the author examines the historical roots of the emergence and development of Russian procedural law in the context of identifying the dynamics of the legislator's interest in the legal formalization of legal speech. The analysis is based on the norms of a procedural nature, enshrined in the Treaties of Rus' with Byzantium and Russkaya Pravda. To identify quantitative indicators of the degree of interest of the legislator in procedural relations, it is proposed to use the category "coefficient of interest of the legislator" in a scientific study.*

The ratio of the legislator's interest is the percentage ratio of procedural prescriptions to the total number of prescriptions in a particular source of law. The calculations of the coefficient of interest made it possible to reliably assess the change in the attitude of the legislator to the legal forms of fixing the issues of jurisprudence during the 9th – 15th centuries.

Key words: procedural law, legal process, coefficient of interest, sources of law, history of state and law.

В ходе изучения и научного исследования вопросов, касающихся процессуального права следует обратить внимание на возникновение и развитие юридического процесса.

Юридический процесс – особое правовое явление в процессуальном праве. Юридический процесс – различные формы деятельности государственных органов, должностных лиц, заинтересованных лиц (истца и ответчика), а также иных лиц по разрешению различных правовых ситуации и дел с целью достигнуть юридического значимого результата.

Формирование понятия «юридический процесс» протекало в русле становления теории судебного права и процессуального права в целом. Наибольшее значение для развития этой теории имеют работы М.С. Строговича, Н.Н. Полянского, В.М. Савицкого, В.М. Горшенева, П.Е. Недбайло, В.С. Основина, В.А. Рязановского и некоторых других исследователей. Заметный вклад в становление теории судебного права внес В.А. Рязановский и его работа 1924 года «Единство процесса» [6] не утратившая своей актуальности и в настоящее время. Необходимо отметить, что как у любой правовой категории, у «юридического процесса» есть два смысловых значения, в котором он рассматривается: широкий и узкий.

Представители узкого понимания юридического процесса (М. С. Строгович, Н. Н. Полянский, В.М. Савицкий, А.А. Мельников, А.А. Демин) рассматривают его с отраслевой точки зрения и поддерживают юрисдикционную концепцию и теорию судебного процесса. Юридический процесс для них - это деятельность судебных органов по рассмотрению и разрешению дела в суде иногда дополняемая правоохранительной деятельностью [4]. Данная точка зрения разделяется многими учеными процессуалистами в области уголовно–процессуального, гражданско–процессуального права.

Представители широкого понимания юридического процесса (В.М. Горшенев, А.И. Ким, П.Е. Недбайло, В.С. Основин) понимают под юридическим процессом - все правовые формы деятельности государственных органов и должностных лиц, а также других субъектов права по разрешению определенных юридических дел [1, с. 90]. Сущность «широкого» подхода юридического процесса заключается в том, что функция процессуального права не ограничивается только регламентацией и разрешения споров в суде, а распространяется на иную правовую деятельность, осуществляемую иными лицами.

На ранних этапах становления государства и права процессуальные отношения регулировали нормы обычаев, но затем государство стало закреплять нормы процессуального характера, тем самым внедряясь в регулирование процессуальных отношений. Это происходило как посредством нормативного договора (в частности, договоры с Византией 911 и 944 г.), а также

посредством утверждения государством источников, сходных по значению и частично – по форме с нормативными правовыми актами (Русская Правда). На начальном этапе закрепления норм процессуального характера не существовало такого понятия как процессуальное право и, тем более, не было речи ни об уголовном, ни о гражданском процессе.

Необходимо подчеркнуть, что юридический процесс, рассматриваемый нами как различные формы деятельности в договорах Киевской Руси с Византией, нашел свое отражение в виде этапов досудебного разбирательства (заклича и свода) и судебного разбирательства при княжеском дворе тиунами или отроками, уполномоченными князем лицами или рассмотрении дела и принятие решения самим князем.

Также стоит отметить, что досудебные действия сторон носили частный характер и начинались по инициативе истца – лица, чье право было нарушено, и кому был причинен вред от совершенного преступления. На истца возлагалась обязанность расследования преступления, розыска виновного лица и поиска доказательств его вины.

Нормы процессуального характера представляли собой текстуальное закрепление отдельных действий истца или ответчика и порядок их совершения в ходе разбирательства дела на определенном этапе. Эти действия выражались в том, что истец должен был публично объявить о том, что у него пропала вещь, часть его имущества и описать ее.

В ответ на это лицо, у которого была обнаружена эта вещь, должен был вернуть ее. Или он должен был объяснить, при каких обстоятельствах он ее нашел, и привести свидетелей, которые могли подтвердить правдивость его слов.

Также истец, если им не была найдена потерянная вещь или она была возвращена ему спустя более трех дней после публичного объявления о пропаже, мог начать ее розыск, то есть - свод.

Свод представлял собой розыск пропавшей вещи истцом и виновного лица, у которого могла быть найдена эта вещь. Если истцу удавалось найти виновное лицо (ответчика), он мог потребовать вернуть вещь и заплатить штраф или потребовать указать, у кого данное лицо приобрело эту вещь.

Нормы процессуального характера, закрепленные в международных договорах Руси и Византии, были достаточно функциональными и раскрывали осуществляемую судебную деятельность. Эти нормы содержали описание этапов досудебного и судебного разбирательства. Закрепленные законодателем нормы процессуального характера показывали не просто заинтересованность, но и желание создать действующий механизм правового регулирования.

Для выяснения степени интереса законодателя к процессуальным отношениям следует найти критерий, в котором будет выражена эта заинтересованность, чем просто указывать на количество статей и порядок их расположения в договорах.

Для оценки активности законодателя при формировании права Руси и Российского государства в дальнейшем предлагаем использовать разработанные И.В. Минникес научное понятие и методику, которые обозначены как «коэффициент заинтересованности законодателя» [3].

Под коэффициентом заинтересованности законодателя понимается количественное (статистическое) соотношение между общим числом статей в правовом акте и статьями, связанными с процессуальным правом.

Коэффициент заинтересованности законодателя будет рассчитываться по определенной формуле (методике): где (КЗЗ) = количество процессуальных статей (КПС) разделить на общее количество статей (ОКС) конкретного международного договора (или иного нормативного акта) умножить 100 %, получим отображение (КЗЗ) в процентах.

Первым источником, где впервые законодатель начал закреплять нормы процессуального характера, были, как ранее указано, договоры Киевской Руси с Византией. В договоре Киевской Руси с Византией 911 года было всего 15 статей, из них 4 статьи регулируют отношения процессуального характера.

Например, в ст. 3 идет речь о том, как судить за совершенные преступления русских и греков. В статье предлагается в качестве доказательства преступления использовать вещественные доказательства. При этом если вещественное доказательство будет поставлено под сомнение, то потерпевшая сторона должна присягнуть своей вере, и обвиняемый должен быть наказан, а наказание

должно соответствовать степени тяжести совершенного преступления [2, с. 25].

Ст. 5 была посвящена судебному процессу и исполнению наказания за преступление. За удар мечом или за избивание оружием виновная сторона выплачивала потерпевшему 5 л серебра по русскому обычаю. В переводе С.В. Юшкова сказано, что 5 л серебра выплачивалось по обычаю русскому [2, с. 25]. Если преступление совершал неимущий, то он должен был отдать то, что у него есть и даже последнюю одежду с себя снять и отдать потерпевшему. Если отданное имущество было не равноценно 5 л серебра, то преступник должен был присягнуть согласно своей вере, что никто не может помочь ему в оплате долга, после этого исполнение наказания считалось исполненным [2, с. 25].

Также в ст. 11 говорится, если русский челядин сбежал от хозяина, был украден, насильно продан, и русская сторона на это жаловалась, то такой челядин давал свидетельские показания. Если показания подтверждались, то челядин возвращался русским. То же самое сказано о челядинах при купцах; найденные челядины возвращались хозяину [2, с. 27].

Рассчитываем коэффициент заинтересованности законодателя по приведенной выше методике - $4:15 \cdot 100\% = 26\%$. В результате проведенного вычисления видим, что коэффициент заинтересованности законодателя в закреплении норм процессуального характера составляет 26%, то есть в содержании договора более $\frac{1}{4}$ – это процессуальные статьи.

Для сравнения обращаемся к договору Киевской Руси с Византией 944 года, где уже было 16 статей, но при этом процессуальных статей три, что на одну статью меньше, чем в договоре 911 года. В результате коэффициент заинтересованности законодателя по второму договору $3:16 \cdot 100\% = 18,75\%$, то есть уменьшение на 1 статью, но теперь доля процессуальных статей в тексте договора составляет менее $\frac{1}{5}$ части.

Как видим, в договоре Руси с Византией 944 года по сравнению с договором Руси с Византией 911 года прослеживается определенное снижение внимание законодателя к закреплению норм процессуального характера.

Все эти изменения были связаны с политической сферой жизни государства. Неудачный поход князя Игоря на Константи-

нополь, который привел к поражению Руси и потере дружины и большей части флота. Договор был заключен на условиях Византии без учета и соблюдения принципа свободы воли и равноправия сторон.

Договоры Руси с Византией были первым опытом законодателя по закреплению норм процессуального характера. Этот опыт законодателя по закреплению норм процессуального характера и их использованию в сфере правового регулирования правовых конфликтов и споров между Русью и Византией был достаточно позитивным и получил свое дальнейшее развитие в первом отечественном кодифицированном источнике права Русской правде. Во всех редакциях Русской правды законодатель открыто выразил свою заинтересованность в развитии процессуального права и правовом оформлении судебного процесса.

Чтобы увидеть, как развивается процесс правового оформления судоговорения, необходимо рассмотреть коэффициент заинтересованности законодателя по Русской правде.

Русская правда (краткой редакции по Академическому списку) 1072 года содержала 43 статьи, из них 10 статей были посвящены регулированию отношений процессуального характера. В частности, ст. 13 устанавливала, что в случае похищения чужого имущества (коня, оружия или одежды) хозяин истец мог в начале объявить о преступлении - первая стадия досудебного разбирательства заклич. А потом истец мог начать вторую стадию досудебного разбирательства - свод. В ходе свода, если истец находил свою вещь, он забирал ее себе, а ответчик платил штраф в размере 3 гривны. На этом процесс разбирательства дела заканчивался.

Также ст. 14 регулировала вопрос осуществления свода. Ст. 14 звучала следующим образом: «Если кто опознает (свою вещь у кого-либо), то нельзя ему ее взять, говоря (при этом) «мое», но пусть скажет «пойди «а свод, (выясним), где взял ее»; если (тот) не пойдет, то пусть (выставит) поручника, (что явится на свод) не позднее пяти дней». В ходе осуществления свода украденную вещь нельзя было вернуть сразу. Необходимо было произвести розыск вещи [5].

В процессе свода лицо, у которого была обнаружена пропавшая вещь, указывало другое лицо, у кого оно эту вещь приобрело, а то в свою очередь указывало третье лицо и так далее. В этой

цепочке находился человек, не способный объяснить, откуда он взял похищенное (он признавался ответчиком) и выплачивал стоимость украденной вещи истцу. Также норма устанавливала обязательное требование явки ответчика в суд или прислать вместо себя поручителя [5].

Используя вышеприведенную формулу для вычисления коэффициента заинтересованности законодателя, мы получаем $K_{33} = 43 \cdot 100\% = 23,25\%$.

Следует подчеркнуть, что Русская правда краткой редакции была первым систематизированным источником древнерусского права. Она по своей структуре не знала разделение на нормы материального и процессуального права. Но законодатель стремился урегулировать и уголовные и гражданские имущественные правоотношения и вопросы правонарушений и закрепить существующий механизм судебной защиты нарушенных прав и статус суда и судебных органов по содержанию норм процессуального характера.

Для сравнения Русская правда (пространной редакции по Троицкому I списку) 1113 года содержала уже 121 статью, из них 24 статьи содержали предписания процессуального характера. Это, например, ст. 36 о своде, которая аналогична ст. 14 Русской правде (краткой редакции по Академическому списку) [5].

Также Русская правда (пространной редакции по Троицкому I списку) содержала ст. 39, которая устанавливала, что свод возможен только в рамках одного города, а за его пределами в чужих землях он невозможен. Ответчик должен был предоставить свидетелей, перед кем совершал покупку и взять опознанную вещь, а остальные участники свода утрачивали право на получения возмещения.

Но коэффициент заинтересованности законодателя в Русской правде (пространной редакции) составлял уже $24:121 \cdot 100\% = 19,83$. Что, по сравнению с краткой редакцией на $23,25 - 19,83 = 3,42\%$ ниже, несмотря на то, что Русская правда (пространной редакции) по количеству процессуальных статей.

Причина, почему коэффициент заинтересованности законодателя к закреплению норм процессуального характера снизился в Русской правде (пространной редакции) была связана с кодификацией и редактированием княжеских уставов.

Русская правда (пространной редакции), по сравнению с Русской правдой (краткой редакции) более детально регламентировала правовое положение феодально-зависимых слоев населения: закупов, смердов, холопов, рядовичей. Также больше внимания норм Русской правды были посвящены защите феодальной собственности и регулированию торговых и ростовщических отношений.

В конце XIV – XV вв. появляется ещё одна редакция Русской Правды, получившая название сокращённой. Русская правда (сокращённой редакции по Толстовскому IV списку) сложилась в XV в. в Московском государстве содержала 50 статей, из них 10 статей были посвящены нормам процессуального характера [5].

В Русской правде (сокращённой редакции) коэффициент заинтересованности законодателя в закреплении норм процессуального характера также нашел свое отражение и составил $10:50 \cdot 100\% = 20\%$. По сравнению с пространной редакцией коэффициент заинтересованности законодателя по Русской правде (сокращённой правды) $20\% - 19,83\% = 0,17\%$ выше.

Снижение коэффициента заинтересованности законодателя в закреплении норм процессуального характера было связано с тем, что Сокращённая Правда, во-первых, представляла собой источник права, возникший в результате значительного целевого сокращения текста Пространной Правды.

Во-вторых, на политику законодателя в направлении унификации процесса значительно повлиял период феодальной раздробленности и распад Киевского государства.

В-третьих, стали формироваться отдельные княжества, в которых правовая система и законодательство возникали и развивались самостоятельно, учитывая прошлый опыт законодательства.

В заключении необходимо отметить, что различные политические и правовые причины значительно повлияли на интерес законодателя в закреплении норм процессуального характера и становление процессуального права.

По итогам проведенных расчетов коэффициента заинтересованности законодателя можно сделать несколько важных выводов.

Во-первых, можно заключить, что показатель заинтересованности законодателя является достаточно эффективным методом

научного подхода к изучению вопросов, посвященных нормам процессуального характера.

Во-вторых, используемая методика (формула) вычисления показателя заинтересованности законодателя является достаточно простой в применение и позволяет получить достоверные (количественные) данные о закрепленных в различных по своему содержанию и объему источниках права нормах процессуального характера. Кроме того, она позволяет судить о развитии процессуального права в различные исторические и временные периоды.

В-третьих, указанный показатель объективно отражает интерес законодателя в создание эффективного механизма правового регулирования, при этом количественные показатели дают основания утверждать, что интерес законодателя к закреплению норм процессуального характера развивался нелинейно.

Источники и литература

1. Горшенев В.М. Теория юридического процесса. – М.: Юридическая литература, 1985. – 179 с.
2. Глушаченко С.Б., Цветков Р.Т. Обычное право в договоре между Русью и Византией 911 г. // Ленинградский юридический журнал. – 2018. – № 2 (52). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obychnoe-pravo-v-dogovore-mezhdu-rusyu-i-vizantiey-911-g> (дата обращения: 30.12.2022).
3. Минникес И.В. Русский юридический процесс в Русской Правде и Псковской судной грамоте: коэффициент заинтересованности законодателя. Доклад на XVII Международной научно-практической конференции «История, архивы и общество», посвященной 625-летию Псковской судной грамоты. Псков, 23-24 сентября 2022 г.
4. Проблемы судебного права / Н.Н. Полянский, М.С. Строгович, В.М. Савицкий, А.А. Мельников; под ред. В.М. Савицкого. – М.: Наука, 1983. – 223 с.
5. Правда Русская / под общ. ред. Б.Д. Грекова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940–1963. – Т. I: Тексты. – 1940. – 505 с.
6. Рязановский В.А. Единство процесса. – М., 2005. – 80 с.

DOI: 10.47905/9785604872161_88

**ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА МЕХАНИЗМА
КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

***Аннотация.** Автор рассуждает о понятии и структуре конституционного правоприменения. На основе теоретических подходов делается вывод о наличии, как минимум, четырех составляющих компонентов конституционного правоприменения, которые придают динамику данному процессу и обеспечивают эффективную реализацию конституционных норм. В данный механизм включаются следующие структурные элементы: субъектный; инструментальный; нормативный; функциональный. Дается определение механизма конституционного правоприменения и определяются дальнейшие перспективы развития теории конституционного правоприменения.*

***Ключевые слова:** Конституция РФ, реализация конституционных норм, правоприменение, механизма правоприменения, применение конституционных норм, конституционное правоприменение.*

**THE CONCEPT AND STRUCTURE OF THE MECHANISM OF
CONSTITUTIONAL LAW ENFORCEMENT:
STATEMENT OF THE PROBLEM**

***Abstract.** The author raises the question of the concept and structure of constitutional law enforcement. Based on theoretical approaches, it is concluded that there are at least four constituent elements of constitutional law enforcement that give dynamics to this process and ensure the effective implementation of constitutional norms. This mechanism includes the following structural components: subjective; instrumental; normative; functional. The definition of the mechanism of constitutional law enforcement is given and fur-*

* *Самусевич Алексей Геннадьевич*, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА России) (г. Иркутск, Россия).

Samusevich Alexey Gennadievich, Candidate of legal sciences, Associate professor Irkutsk institute (branch) of the All-Russian state university of justice (RPA) of the Ministry of justice of Russia (Irkutsk, Russian Federation).

ther prospects for the development of the theory of constitutional law enforcement are determined.

Key words: *the Constitution of the Russian Federation, the implementation of constitutional norms, law enforcement, the mechanism of law enforcement, the application of constitutional norms, constitutional law enforcement.*

Актуальность представленной темы обусловлена тем, что на сегодняшний день такая форма реализации конституционных норм как правоприменение, слабо изучена в теории права и в теории конституционного права. Еще менее исследованы вопросы конституционного правоприменения и его механизм. В рамках данной статьи автору представляется возможным на основе теоретических представлений о механизме правоприменения, сконструировать и механизм конституционного правоприменения, определив его структуру и понятие, а также определить его предназначение в сфере реализации конституционных норм.

В этой связи отметим, что конституционное правоприменение занимает центральное место в механизме регулирования конституционно-правовых отношений.

Настоящей статьей мы продолжаем цикл научных публикаций, посвященных исследованию не только теоретических и конституционно-правовых аспектов механизма конституционного правоприменения, но и его структурно-функциональному анализу.

Стоит подчеркнуть, что в исследованиях последних лет данной правовой категории уделяется нет так много внимания, как хотелось бы, для более полного понимания представленной темы. Тем не менее, данная тема по-прежнему представляет научный интерес в силу своей фундаментальности, что побуждает к уточнению и пересмотру некоторых подходов к определению структуры и сущности механизма конституционного правоприменения.

Кроме того, на сегодня возникает потребность в научно-теоретическом осмыслении рассматриваемой категории с целью творческого развития теоретических аспектов и расширения научных представлений о технико-инструментальной стороне конституционного правоприменения.

Ранее мы уже рассуждали о некоторых проблемах в сфере определения и сущности конституционного правоприменения, где

пришли к выводу, что его можно понимать, как особую организационную деятельность компетентных органов государства, обладающих властными полномочиями, в сфере реализации конституционно-правовых норм с целью претворения их в жизнь по конкретному жизненному случаю, установленных Конституцией РФ [1; 8, с. 96].

В рамках же настоящего исследования нас интересует сам механизм правоприменения с точки зрения технико-юридического подхода. В этой связи полагаем, что первоначально необходимо еще раз вспомнить, как структура механизма правоприменения развивалась в теории права и рассматривалась многими исследователями.

В этой связи отметим, что на заре становления современной правовой системы России структура механизма правоприменения определялась как сложное образование, состоящее из множества взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентов. Так, по мнению О.А. Чванова, «механизм правоприменения является составной частью механизма правового регулирования, имеет определенные точки соприкосновения с такими правовыми категориями как механизм социального действия права, механизм его убеждающего воздействия, механизм реализации нормативно-правовых предписаний и другими. Механизм правоприменения включает в себя определенный набор правовых средств, используемых государством, его органами и должностными лицами в процессе осуществления юридических норм путем их применения» [11, с. 10].

Позже А.С. Категов сформулировал выводы о том, что механизм применения права представляет собой совокупность нормативной, институциональной и функциональной составляющих [4, с. 12]. Данный подход нам представляется более убедительным, так как он отражает именно специфику самого механизма, который представлен в виде совокупности элементов, обеспечивающих динамику правоприменительного процесса.

В свою очередь, Р.Р. Палеха в своих трудах рассматривает механизм правоприменения как «совокупность различных правовых средств, используемых в целях обеспечения законного, справедливого, обоснованного, целесообразного и своевременного применения права» [5, с. 11]. Практически об этом же пишет и А.А. Захаров, рассматривая данный механизм как совокупность право-

вых средств, используемых в целях обеспечения законного, справедливого и обоснованного применения права в соответствии с волей законодателя [2, с. 9].

В этой связи особо стоит подчеркнуть, что, по нашему мнению, механизм правоприменения не должен сводиться только лишь к совокупности правовых средств, так как этого недостаточно для динамической характеристики процесса применения норм права.

Исходя из сказанного, отметим, что для нашего исследования определенным интерес представляют точки зрения тех авторов, которые приходят к выводам о том, что «механизм правоприменения является частью механизма правового регулирования и сочетает нормативную, институциональную и процессуальную составляющие. Это сложное образование, состоящее из ряда необходимых элементов, куда включаются: субъект и объект правоприменения; правоприменительные акты; правосознание участников, их субъективные права и юридические обязанности; нормы, подлежащие применению и регламентирующие этот процесс» [10, с. 137].

Также можно привести точку зрения и современных исследователей, которые представляют механизм правоприменения в виде системы взаимодействия между участниками правоотношений, различных видов и форм деятельности, сопровождающих данный процесс [9, с. 207].

В более поздних научных представлениях в механизм правоприменения авторы по-прежнему включают различные элементы, среди которых: правосознание и правовые взгляды; динамика правового поведения всех субъектов; последовательное осуществление норм и законов; действие механизма правового мониторинга и контроля и др. [6, с. 76].

Как видится, нет необходимости проводить более подробный анализ различных точек зрения, так как для нашего исследования является достаточным тот факт, что в целом механизм правоприменения практически всеми авторами рассматривается как некая система соответствующих структурных элементов, обеспечивающих эффективное применение норм права.

Тем не менее, синтезировав представленные и иные точки зрения многих ученых-теоретиков, можно выявить и существенные черты механизма правоприменения:

во-первых, данный механизм сам определяется как один из составляющих элементов механизма правового регулирования;

во-вторых, механизм правоприменения представляет собой систему определенных структурных компонентов;

в-третьих, именно механизм (не система) обеспечивает динамику развития правоотношений в процессе применения норм права.

При этом, верной видится точка зрения С.А. Зинченко относительно того, что представленный механизм означает динамику системных элементов [3, с. 8].

Определив общетеоретическую структуру механизма правоприменения, отметим, что с точки зрения представленной концепции, конституционное правоприменение практически никем не рассматривалось в отечественной литературе, за исключением некоторых ученых, которые в своих публикациях в той или иной степени исследовали представленную тему. Причем зарубежные авторы также не уделяют внимание конституционному правоприменению. Кроме того, на сегодняшний день по-прежнему не охарактеризованы отдельные компоненты указанного механизма, а также не определена его роль и место в процессе реализации конституционных норм.

Исходя из сказанного, можно предварительно определить понятие самого механизма конституционного правоприменения, о котором было заявлено ранее. В свою очередь, оговоримся, что при определении структуры механизма конституционного правоприменения мы будем исходить из конструкции механизма правового регулирования, представленного профессором Р.А. Ромашовым [7, с. 174], учитывая при этом специфику именно процесса реализации конституционных норм.

Итак, можно предположить, что механизм конституционного правоприменения может включать в себя следующие компоненты:

1) *субъектный* – это совокупность всех участников процесса применения конституционных норм, которые отличаются от субъектов «классического» правоприменения и обладают особым статусом, закрепленным в нормах Основного закона. Причем речь идет не только об индивидуальных субъектах, но и коллегиальных, которые уполномочены реализовать конституционные нормы в

форме применения (например, коллегиальными субъектами могут выступать Совет Федерации и Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, а также Правительство РФ и др.);

2) *нормативный* – включает в себя правовое регулирование процесса применения конституционных норм. Проблема состоит в том, что многие конституционные нормы не имеют законодательно закрепленной процедуры их применения (например, ст. 113 Конституции РФ) [1];

3) *инструментальный* – совокупность тех правовых средств и правовых инструментов, при помощи которых осуществляется процесс применения конституционных норм, и достигаются соответствующие цели;

4) *функциональный* – специфические правоприменительные отношения, в рамках которых реализуются права и обязанности субъектов конституционного правоприменения.

Справедливости ради стоит сказать, что помимо указанных элементов, механизм конституционного правоприменения может быть дополнен различными структурными компонентами.

Из приведенного видно, что представленный механизм конституционного правоприменения имеет особые признаки, отличающего его от ранее рассмотренного теоретического подхода.

Кроме того, каждый из представленных элементов механизма конституционного правоприменения нуждается в отдельном научном обосновании, что и будет реализовано автором в последующих публикациях.

Однако наши размышления о механизме конституционного правоприменения не будут полными без определения его понятия. Так, механизм конституционного правоприменения вполне можно определить как систему взаимодействующих структурных элементов, посредством которых обеспечивается динамика процесса воплощения в жизнь предписаний конституционно-правовых норм в форме конституционного правоприменения.

В заключение отметит, что не претендуем на то, что приведенная в настоящем исследовании структурно-функциональная характеристика механизма конституционного правоприменения является наилучшей и единственно верной, наоборот, по нашему

мнению, теоретическая разработка такого механизма требует дальнейшего исследования.

Источники и литература

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>; Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 343 с.

2. Захаров А.А. Применение права: системно-функциональный анализ: общетеоретическое исследование: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. – Мытищи, 2010. – 28 с.

3. Зинченко С.А. Юридические факты в механизме правового регулирования. – Москва: Волтерс Клувер, 2007. – 152 с.

4. Категов А.С. Механизм применения права и правовая система современной России: теоретико-методологический анализ: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2002. – 47 с.

5. Палеха Р.Р. Природа правоприменения как особой формы реализации права: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. – Елец, 2006. – 19 с.

6. Правоприменение: теория и практика / под ред. Ю.А. Тихомирова. – Москва: Формула права, 2008. – 432 с.

7. Ромашов Р.А. Теория государства и права. – Санкт-Петербург: Сентябрь, 2004.

8. Самусевич А.Г. К вопросу о понимании и сущности конституционного правоприменения // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 4 (70). – С. 84–98.

9. Сачкова Г.С. К вопросу о социально-юридической природе механизма правоприменения // Бизнес. Образование. Право. – 2018. – № 1 (42). – С. 205–209.

10. Француз А.И. Механизм правоприменения: понятие и структура // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 14. – С. 135–138.

11. Чванов О.А. Механизм правоприменения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1995. – 19 с.

DOI: 10.47905/9785604872161_95

ОСОБЕННОСТИ СООТНОШЕНИЯ НОРМ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НОРМ СТАТЬИ 115 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РФ И СТАТЬИ 126 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)»

Аннотация. В статье приводится пример конвергенции норм публичного и частного права в РФ на примере взаимодействия норм об аресте в уголовном процессе и норм, регулирующих последствия введения в отношении лица процедуры банкротства. Автором приводятся конкретные примеры из судебной практики в вопросе соотношения вышеуказанных норм права, делаются выводы и предлагаются пути решения.

Ключевые слова: взаимодействие норм публичного и частного права, арест, процедура банкротства, правовое регулирование.

PECULIARITIES OF CORRELATION OF THE NORMS OF PUBLIC AND PRIVATE LAW ON THE EXAMPLE OF THE INTERACTION OF THE NORMS OF ARTICLE 115 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND ARTICLE 126 OF THE FEDERAL LAW "ON INSOLVENCY (BANKRUPTCY)"

Abstract. An example of the convergence of the norms of public and private law in the Russian Federation is given on the example of the interaction of the norms on arrest in criminal proceedings and the norms governing the consequences of introducing bankruptcy proceedings against a person. The author gives specific examples from judicial practice on the issue of the correlation of the above rules of law, draws conclusions and suggests solutions.

Key words: interaction of norms of public and private law, arrest, bankruptcy procedure, legal regulation.

* *Слепнёв Антон Андреевич*, аспирант, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия).

Slepnyov Anton Andreevich, Postgraduate student, Irkutsk state university (Irkutsk, Russia).

В контексте исследования взаимодействия публичного и частного права следует обратиться к дефинициям указанных терминов, а также признакам, по которым производится разделение права на частное и публичное. Деление права на частное и публичное не является искусственно созданной концепцией, деление выражено в выделении в праве относительно самостоятельных частей, которые образованы вследствие возникновения более устойчивых связей между его элементами и регулируемым ими отношением. Поэтому деление права на частное и публичное, осуществляемое и объясняемое на уровне юридической науки (систематика права), есть лишь отражение того строения права, которое оно имеет в реальности.

По мнению М.И. Абдулаева, с которым солидарен и С.А. Комаров, публичное право – это правовые нормы и отношения, регулирующие государственную деятельность в публично-правовой сфере (государственное право, административное право, уголовное право, суд и судопроизводство), т.е. такие отношения, в которых выражен государственный интерес. Частное право – это все то, во что не вмешивается государство. Частноправовые отношения – это не отношения соподчиненности, а договорные отношения [1, с. 206, 327].

По мнению Н.А. Пьянова, публичное право связано с осуществлением государственной власти и регулирует так называемые вертикальные отношения – отношения между государством, его органами, с одной стороны, и гражданами и иными субъектами права – с другой. Частное право составляют нормы, защищающие и обеспечивающие интересы частных лиц и их объединений. Его формирование обусловлено появлением частной собственности и теми отношениями, которые возникают на ее основе [5, с. 571].

Из вышеизложенного, представляется возможным установить признаки характерные для частного и публичного права. Основными признаками, характеризующими публичное право, являются:

- юридическая централизация – подчинение одному руководящему центру (государство), построение системы правового регулирования на принципах субординации [3, с. 35];
- применение права в специальной государственно-правовой сфере, в которых выражен государственный интерес

(государственное право, административное право, уголовное право, суд и судопроизводство);

- осуществление правоприменения только государством;
- обязательность исполнения регламентированных норм права;
- возможность применения государством насилия для обеспечения исполнения лицом норм публичного права.

Основными признаками, характеризующими частное право, является:

- юридическая децентрализация – отсутствие непосредственного властного государственного регулирования, построение системы правового регулирования на принципах координации;
- равенство сторон правоотношений;
- относительная свобода и самостоятельностью участников правоотношений;
- взаимные субъективные права и обязанности.

Переходя к основному вопросу, следует отметить, что норма, предусмотренная ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) регулирующая порядок наложения ареста на имущество судом, которое предположительно получено в результате совершения преступления в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска или иных имущественных взысканий относится к публичному праву [7]. В то же время норма, содержащаяся в абз. 9 п. 1 ст. 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)») [8] предусматривает снятие ареста и ограничений распоряжения имуществом должника при введении процедуры конкурсного производства, относится к частно-правовому способу регулирования, так как вытекает из гражданских правоотношений по введению процедуры банкротства в отношении лица с целью погашения задолженности должника перед кредиторами. Данное положение позволяет утверждать, что меры, наложенные ст. 115 УПК РФ также могут быть прекращены. В связи с чем, закономерным следует предположить возможность применения ст. 126 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» недобросовестным лицом, в целях сокрытия имущества, полученного преступным путем.

По вопросу соотношения вышеуказанных норм следует обратить внимание на конвергенцию норм частного и публичного

права при взаимодействии нормы ст. 115 УПК РФ и абз. 9 п. 1 ст. 126 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Как указывают В.А. Рыбаков и А.Г. Демиева, там, где происходит переплетение публичных и частных интересов и образование пограничных сфер, где активно взаимодействуют нормы публичного и частного права, так важно в законодательной и правоприменительной практике учитывать и обеспечивать тесное и оптимальное взаимодействие частного и публичного права [6].

Вопросу о соотношении норм ст. 115 УПК РФ и абз. 9 п. 1 ст. 126 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» давалось толкование Конституционным Судом РФ. В силу правовой позиции, сформулированной в постановлении Конституционного Суда РФ от 31.01.2011 г. № 1-П [4], положения ст. 126 Закона о банкротстве действуют и в отношении ареста, решение, о наложении которого принято в уголовном деле в порядке ст. 115 УПК РФ.

Как указывается в п. 14 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.07.2009 г. № 59 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Об исполнительном производстве» [2] норма о снятии ареста с имущества должника распространяет свое действие, в том числе на аресты как обеспечительные меры, принимаемые в судебных процессах за рамками дела о банкротстве. Абз. 2 п. 14 данного постановления, предусматривает возможности исключительных случаев, когда наложение ограничений возможно даже при наличии введения в отношении должника процедуры конкурсного производства, однако среди исключений отсутствуют оснований, предусмотренные ст. 115 УПК РФ.

Указанные разъяснения высших судебных инстанций находят подтверждение в правоприменение нижестоящими судебными инстанциями (например: постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 1.08.2016 г. по делу № А03-5374/2015; определение Арбитражного суда Алтайского края от 26.05.2016 г. по делу № А03-15884/2013; решение Новосибирского УФАС России от 8.10.2019 г. № 054/01/18.1-1913/2019).

Однако, в российской правоприменительной практике существует иной подход, так, существует позиция судов, согласно которой правоприменитель должен установить назначение наложенного ограничения и в случае, если существует задача по обес-

печению сохранности предметов, признанных вещественными доказательствами по уголовному делу, сохранение ограничений, предусмотренных ст. 115 УПК РФ допускается (например: постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.03.2021 г. по делу № А07-14302/2020).

Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы: правоприменение в области наложения ограничений в российской правоприменительной практике неоднородно и требует приведения практики применения вышеуказанных норм к единому толкованию; необходимо внесение в нормы законодательства о банкротстве изменений, которые дополнили бы возможность ограничения применения абз. 9 п. 1 ст. 126 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», в случае наложения ограничений на имущество на основании ст. 115 УПК РФ.

Таким образом, в современных реалиях, соотношение указанных норм сводится к тому обстоятельству, что правоприменитель должен объективно установить назначение наложенного ограничения в каждом конкретном случае и оценить возможность злоупотребления стороной должника своими процессуальными правами, только так, по нашему мнению, возможно соблюсти баланс интересов частноправовых и публичных сфер правового регулирования в вопросе соотношения норм публичного и частного права при снятии и наложении ограничений в порядке ст. 115 УПК РФ и абз. 9 п. 1 ст. 126 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Конвергенцию публичного и частного права в правовом регулировании общественных отношений, связанных с ограничением права пользования гражданином своего имущества, необходимо производить на основании принципа объективности, который выражается в разумности выбора правоприменителем, применения мер, которые наиболее полно позволяют соблюсти баланс интересов сторон.

Источники и литература

1. Абдулаев М.И. Теория государства и права. – М.: Магистр-Пресс, 2004. – 410 с.; Абдулаев М.И., Комаров С.А. Проблемы теории государства и права: учебник. – СПб.: Питер, 2003. – 576 с.

2. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.07.2009 г. № 59 «О некоторых вопросах практики применения Феде-

рального закона «Об исполнительном производстве» // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 9.

3. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – Изд. 3-е. – М.: Статут, 2001. – 353 с.

4. По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 УПК РФ и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой: постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2011 г. №1-П // Рос. газ., 2011, № 29.

5. Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2008.

6. Рыбаков В.А., Демиева А.Г. Вопросы конвергенции частного и публичного права в сфере регулирования предпринимательских отношений // Юридическая наука. – 2015. – № 4. – С. 74–77.

7. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. // Российская газета, 2001, № 249.

8. Федеральный закон от 26.10.2002 г. «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета, 2002, № 209-210.

М.Ю. Спирин*

DOI: 10.47905/9785604872161_100

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА:
ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И/ИЛИ РАЗВИТИЕ?
(О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ)**

Аннотация. Статья посвящена отдельным важным проблемам развития современной российской теории права как науки и фундаментальной учебной дисциплины.

Определяются основные пути развития отечественной общей теории права, приводятся примеры знаковых авторских подходов к

* **Спирин Михаил Юрьевич**, кандидат юридических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королёва (г. Самара, Россия).

Spirin Mikhail Yurievich, Candidate of legal sciences, Associate professor, Samara national research university named after S. P. Korolyov (Samara, Russia).

структуре и методологии общей теории права, обращается внимание на узкий подход к традиции («малая традиция») применительно к российской теории права. Указываются опасности господства юридического позитивизма (в т.ч. – легизма) как типа понимания права для правовой жизни общества и для самой общей теории права как науки.

Делается вывод о необходимости объединения общей теории права и смежных теоретико-правовых дисциплин (философия права, социология права, основные типы понимания права, общая теория государства) в рамках синтетической мега-дисциплины «Теоретическая юриспруденция» с целью дальнейшего развития отечественной юридической науки и практики.

Ключевые слова: традиция и новация, общая теория права, пути развития отечественной теории права, опасности легизма в теории права, теоретическая юриспруденция.

MODERN RUSSIAN GENERAL THEORY OF LAW: TRADITIONALISM AND/OR DEVELOPMENT? (ABOUT SOME PROBLEMS AND PROSPECTS)

Abstract. *The article is devoted to certain important problems of the development of modern Russian theory of law as a science and a fundamental academic discipline.*

The main ways of development of the domestic general theory of law are determined, examples of landmark author's approaches to the structure and methodology of the general theory of law are given, and attention is drawn to the narrow approach to tradition ("small tradition") in relation to the Russian theory of law. The dangers of the dominance of legal positivism (including legalism) as a type of understanding of law for the legal life of society and for the most general theory of law as a science are indicated.

It is concluded that it is necessary to unite the general theory of law and related theoretical and legal disciplines (philosophy of law, sociology of law, main types of understanding of law, general theory of state) within the framework of the synthetic mega-discipline "Theoretical jurisprudence" in order to further develop domestic legal science and practice.

Key words: *tradition and innovation, general theory of law, ways of development of the domestic theory of law, dangers of legalism in the theory of law, theoretical jurisprudence.*

Одной из глобальных проблем в аспекте развития любого объекта материального мира и идеальной мыслительной абстракции выступает проблема совмещения в процессе этого развития

традиции и новации. Данная проблема предполагает фактическое пересечение множества ракурсов и плоскостей отношения к изучаемым объектам: прошлое и будущее, испытанное и неизведанное, знакомое и неизвестное, покой и движение, а также множество иных смыслов. При этом данные смыслы указывают на постоянную сочетаемость в виде дихотомии, которая, на первый взгляд, не производит ничего «третьего». В то же время, несмотря на известную мудрость в отношении логических дихотомий *tertium non datur*, стык данных логических плоскостей всегда происходит в особой точке, где все они сходятся и взаимно влияют друг на друга. Эту точку можно назвать «точкой настоящего», пунктом своеобразного «переплетения» традиции и новации.

Научный поиск и учебно-методическая деятельность, основанная на этом перманентном поиске, всякий раз определяют данную «точку настоящего» как опору для стратегических целей и тактических задач своего дальнейшего развития. Определение этой точки имеет особое значение в кризисные времена, при изменении парадигм научного мышления и способов осознания места научной деятельности в окружающем мире.

Частым аргументированным выводом по поводу грамотного определения путей развития науки в определённой точке повседневности выступает следующий: оптимальное развитие науки возможно в условиях грамотного, вдумчивого совмещения использования, во-первых, устойчивых традиций научного поиска, зарекомендовавшей себя научной методологии и, во-вторых, обоснованных, запланированных, максимально точно (насколько это, конечно, возможно) рассчитанных на будущее новаций.

Подобный вывод также применим и к наиболее абстрактной юридической науке – общей теории права, которая также (во многом, по инерции) продолжает именоваться в российской юриспруденции теорией государства и права.

Абстрактный характер данной науки (и соответствующей учебной дисциплины) определяется, в свою очередь, тем обстоятельством, что она выступает фундаментальным терминологическим и методологическим уровнем как для процесса подготовки различных поколений юристов, так и для функционирования всех существующих юридических профессий. Поэтому обозначение того, в какой «точке настоящего» («точке равновесия») находится в

определённый момент времени данная наука, является принципиально важным для всей юриспруденции (в т.ч. – для отраслевых юридических наук) и для всех категорий юристов (в первую очередь – учёных, исследующих особенности её предмета, и лекторов, излагающих её принципиальные положения студентам).

Попробуем определить основные пути (варианты) развития современной отечественной науки общей теории права.

Анализ научной и учебно-методической литературы, участие в работе множества научно-практических конференций, личное общение с коллегами и иные способы получения эмпирической информации позволяют автору сделать вывод о наличии трёх основных путей такого развития.

Первый путь: простое «копирование» образцов советской теории государства и права, которое выражается в определении соответствующей структуры предмета научного познания, использовании исключительно позитивистского методологического инструментария для изучения этого предмета, апологии тезиса о принципиальной зависимости права от государства в вопросах правотворчества, реализации права и юридической ответственности. В качестве характерного примера такого «копирования» может выступать содержание практически любого современного российского учебника по теории государства и права.

При этом имеются редкие авторские исключения: учебники М. В. Антонова [1], О. В. Мартышина [7], В. В. Оксамытного [4], однако они выступают теми исключениями, которые лишь подтверждают общее правило.

Второй путь: попытка определённого «самоанализа», на основе которого возникает ощущение условного «саморазвития», базирующегося на собственных (внутренних) достижениях российской науки теории государства и права. Наиболее «выпукло» такой подход представлен в авторском двухтомном учебнике М. Н. Марченко и Е. М. Дерябиной «Теория государства и права России» [3]. В то же время сторонники такого подхода периодически уходят в сторону от идеи условной «самобытности» отечественной теории права и возвращают как себя, так и своих читателей в контур первого пути.

Третий путь: сложное использование метода конвергенции при описании достижений российской дореволюционной, совет-

ской и современной иностранной догматики права, которое, как правило, связано с различной степени удачности попытками изменить содержание основного курса общей теории права. В этом смысле соответствующие учебники также имеют ярко выраженный авторский характер, при этом их структура и последовательность изложения тем курса в значительной степени отличается от первых двух подходов. В качестве примера можно указать на структуру дореволюционной работы Н. М. Коркунова «Лекции по общей теории права» (9-е изд., 1914 г.) [2], на содержание оригинального для своего времени советского учебника Л. С. Явича «Общая теория права» (1976 г.) [8], на особенности построения современных английских и немецких учебников по теории права, например, структуру работы Яна Маклеода «Юридическая теория» (6-е изд., 2012 г.) [9], структуру работы Бернда Рютерса, Кристиана Фишера и Акселя Бирка «Теория права с учением о юридической методологии» (10-е изд., 2018 г.) [10].

Эти работы используются при создании оригинальных, но в то же время достаточно сложных для понимания и «витиеватых» по стилистике изложения новых учебных курсов по теории права (характерных, например, для учёных современного Санкт-Петербургского государственного университета).

Практика научной деятельности и учебно-методической работы автора в университете в последние 15-20 лет убедительно показывает наибольшую распространённость и принципиальную востребованность первого пути развития. Относиться к этому можно, понятно, по-разному, с учётом важности традиции отечественного юридического образования и теоретико-правовой науки либо испытывая сожаление по поводу малой инновативности содержания отечественной теории права. При этом традиция в таком понимании часто сводится к легистической традиции советских теоретиков государства и права, которая развивалась в рамках юридического позитивизма как типа понимания права [6, с. 25] в дополнение к инерции постепенного отказа советского общества от права по мере перехода к коммунистической форме организации этого общества и периодического «педалирования» тезиса об исключительно передовом характере советского права. Поэтому речь здесь идёт не вполне о традиции в широком её смысле, а о традиции советской теории права.

Подобная «малая традиция» стала на долгие годы причиной для возникновения проблемы статуса смежных с общей теорией права научных дисциплин: философии права, социологии права, политики права, основных типов понимания права и даже проблем теории государства и права, которые в последнее время постепенно исчезают из учебных программ в угоду отраслевым и узкоспециальным дисциплинам. Часто озвучиваемой причиной данного процесса выступает некая «сложность» принципиального объяснения необходимости этих учебных дисциплин (отражающих структуру соответствующих компонентов теории права как науки) в рамках как бакалавриата, так и магистратуры. По сути, из стандарта юридических магистратур такая «породистая» дисциплина как философия права исчезла бы давно, если бы не прямое указание в стандарте федерального министерства на её необходимость для изучения магистрантами.

Таким образом, популярным основанием данной проблемы становится якобы повышенная и «мало кому нужная» сложность этих курсов, особенно – философии права и основных типов понимания права. Оставим за скобками наших рассуждений то, что вопрос об этой «ненужности» часто решают люди, которые либо не являются специалистами в соответствующих областях юридического знания (а иногда – и вовсе не являются юристами по образованию), либо обучались в своё время заочно или по иным причинам просто не изучали надлежащим образом соответствующие сегменты теоретико-правового знания. Как известно, если просто не знать о чём-то, то можно легко прийти к выводу об отсутствии того, чего не знаешь.

Следовательно, в данном контексте вопрос о значении философии права в рамках отечественного юридического образования, по сути, является вопросом о признаках отличия образования юридического от образования легистического. Опасность ухода в легизм для юридического образования и юридической профессии обстоятельно и аргументированно (в то же время – пронзительно и эмоционально) была определена Густавом Радбрухом в его знаменитых Приложениях к «Философии права» («Пять минут философии права»; «Законное неправо и надзаконное право») сразу же после окончания Второй мировой войны на фоне известных завершившихся событий [5, с. 225–238]. Как справедливо указывал

Г.Радбрух, в случае абсолютного господства юридического позитивизма юрист становится беззащитен перед политической идеологией, которая в условиях тоталитарного политического режима заменяет собой право, а её идеологи и исполнители – юристов.

В этом значении «смежные» (с точки зрения позитивистской юридической догматики) с теорией права научные и учебные дисциплины принципиально важны для определения устойчивой роли самой общей теории права в рамках юридического образования и профессиональной юридической деятельности, поскольку общая теория права (догматика права) черпает свои «силы» и принципиальные достижения из философии права и социологии права, без которых она превращается в набор идеологизированных штампов, чрезвычайно мало связанных с развитием отраслей права и, глобально, с реальной социальной жизнью, а также юридической практикой по регулированию разнообразных процессов в этой жизни, как правомерных, так и противоправных.

Для того, чтобы этого не произошло, как представляется, и нужно выработать взвешенную, устойчивую позицию и взгляд на «точку настоящего», в которой пребывает современная отечественная теория права. Необходимо воспринимать перспективы развития общей теории права через призму сочетания традиции и новации, причём традиция не должна быть «малой», обращённой назад лишь на несколько десятилетий научного развития, а новация, в свою очередь, не должна «парить в облаках» и утверждать о чём-либо недостижимом и туманном, как о реальном. Только в преодолении указанных тенденций можно обрести истинный баланс между традицией и новацией и, вследствие этого, определить новый научный характер отечественной теории права, которая сможет ответить на многие вызовы сегодняшнего дня.

В качестве вывода наших рассуждений следует указать на возможность и одновременно фактическую необходимость существования общей теории права как науки и учебной дисциплины во взаимосвязи с философией права, социологией права, методологией юридической науки, основными типами понимания права и общей теорией государства, общества и личности применительно к праву в рамках надстроечной синтетической мега-дисциплины «Теоретическая юриспруденция» [6, с. 28–30].

Такая дисциплина способна как методологически, так и структурно «примирить» теорию права и философию права, а также общую и отраслевую теорию права для решения многих общих для них задач. Теоретическая юриспруденция поможет возродить «дух» правоведения в современных условиях господства юридического позитивизма, а также количественного развития отраслевых юридических дисциплин и привести к новой ступени развития всего права как *ars boni et aequi* и правоведения, его профессионально изучающего.

Источники и литература

1. Антонов М.В. Теория государства и права: учебник и практикум для академического бакалавриата. – М.: Юрайт, 2018. – 498 с.
2. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – 9-е изд. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 430 с.
3. Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Теория государства и права России в 2 томах. – Т. 1. Государство. – М.: Проспект, 2019. – 640 с. – Т. 2. Право. – М.: Проспект, 2019. – 448 с.
4. Оксамытный В.В. Общая теория государства и права. – 3-е изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. – 592 с.
5. Радбрух Г. Философия права / пер. с нем. – М.: Международные отношения, 2004. – 240 с.
6. Спирин М.Ю. Теория государства и права или теоретическая юриспруденция? (изменение смыслов фундаментальной юридической науки) // Вестник общей и отраслевой теории права. – 2021. – № 1. – С. 23–31.
7. Теория государства и права / под общ. ред. О.В. Мартышина. – 3-е изд. – М.: Проспект, 2019. – 432 с.
8. Явич Л.С. Общая теория права. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. – 286 с.
9. McLeod Th.I. Legal theory. – 6th ed. – London: Macmillan Publishers Ltd., Palgrave Macmillan Law Masters, 2012. – 242 p.+XVI p.
10. Rütters B., Fischer Ch., Birk A. Rechtstheorie mit juristischer Methodenlehre. – 10. Aufl. – München: C.H.Beck, 2018. – 621 S.+XXVIII S.

DOI: 10.47905/9785604872161_108

ПРАВОВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Аннотация. Преобразование политического режима, независимо от направления и интенсивности данного процесса, зависит, в том числе и от правовых аспектов. Данные аспекты выступают в качестве детерминант процесса преобразования политических режимов. При этом, правовые детерминанты преобразования политических режимов имеют ряд характеристик, анализ которых позволяет говорить о потенциале и направлении преобразования политического режима. В отдельных случаях такие детерминанты могут являться маркерами, демонстрирующими возможность, а иногда и неизбежность трансформации политического режима.

Ключевые слова: политический режим, трансформация политического режима, демократия, авторитаризм, тоталитаризм, право, детерминация преобразования.

LEGAL DETERMINANTS OF THE TRANSFORMATION OF POLITICAL REGIMES

Abstract. The transformation of the political regime, regardless of the direction and intensity of this process, also depends on the legal aspects. These aspects act as determinants of the process of transformation of political regimes. At the same time, the legal determinants of the transformation of political regimes have a number of characteristics, the analysis of which allows us to talk about the potential and direction of the transformation of the political regime. In some cases, such determinants can be markers that demonstrate the possibility, and sometimes the inevitability, of the transformation of the political regime.

Key words: political regime, political regime transformation, democracy, authoritarianism, totalitarianism, law, transformation determination.

* *Тирских Максим Геннадьевич*, кандидат юридических наук, профессор, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия).

Tirskikh Maxim Gennadievich, Candidate of legal sciences, Professor of Irkutsk state university (Irkutsk, Russia).

Данное исследование служит целью лишь наметить некоторые закономерности, связанные с ролью права в качестве детерминанты трансформации формы государства, включая политический режим [1, 2, 3]. Его ни в коем случае нельзя рассматривать как завершенный анализ, а лишь в качестве основания для более детального исследования, реализуемого в ином формате научного повествования. В таком случае обозначенный текст представляет собой лишь совокупность тезисов, которые могут (и должны) быть детализированы позднее. Указанные тезисы являются результатом длительного и многомерного исследования большого числа конкретных исторических процессов трансформации политических режимов, которые, в силу особенностей формата данного повествования, лишь упоминаются, без детального и скрупулезного анализа, который может быть проведен только в результате самостоятельного научного исследования.

1. Право (конкретные правовые нормы) являясь регулятором общественных отношений, возникает в случае складывания (перспектив складывания) тех или иных общественных отношений и в таком контексте не имеет самостоятельного значения в отрыве от регулируемых общественных отношений. Между тем, право является наиболее очевидным показателем существования таких общественных отношений и их специфических характеристик, выступая в качестве показателя «нормального» и «аномального» в контексте сложившихся норм социального поведения (в том числе и в сфере осуществления политической власти).

Изменение методов, средств, способов и приемов осуществления политической власти осуществляется посредством изменения общественных отношений, связанных с организацией и осуществлением политической власти. Таким образом, любое изменение методологии политического управления, то есть изменение политического режима, приводит к изменению общественных отношений, а, следовательно, и к изменению понимания должного и возможного в рамках такого поведения, что, собственно, и выражается в наличии конкретных субъективных прав и юридических обязанностей.

Таким образом, очевидно, что любое преобразование политического режима вызывает изменение в совокупности правовых норм того государства, в котором осуществляется такая трансфор-

мация. При этом, оно затрагивает как право в субъективном, так и объективном смысле.

Одновременно, следует отметить, что не только факт преобразования политического режима порождает правовые последствия, но и сам факт существования политического режима, то есть структурированных политических общественных отношений. Факт структурированности (фиксированности) таких общественных отношений безусловно означает, что в рамках имеющихся общественных отношений уже выработано понятие нормы таких отношений и (весьма вероятно), осуществлена формализация этой нормы в конкретных правовых предписаниях. Политический и публичный характер политического режима гарантирует неизбежность использования правового механизма закрепления нормы таких общественных отношений, поскольку только правовое регулирование может обеспечить всеобщность и универсальность в обществе соответствующих общественных отношений.

Следовательно, сам факт существования политического режима порождает правовые последствия и требует возникновения формализованных и нормативно выраженных правил поведения.

2. Трансформация политических режимов, понимаемая как прекращение действия системы методов, средств, способов и приемов государственно-политического управления свойственного политическому режиму одного типа и начало действия другой системы методов, средств, способов и приемов государственно-политического управления, отличной от первоначальной полностью или частично, зависит в том числе (наряду с прочим) и от правовых аспектов.

В качестве таких правовых аспектов выступают как правило (но не исчерпывая всего многообразия таких аспектов) пять основных факторов, которые в равной степени характерны как для процесса демократизации, так и авторитаризации политического режима (в зависимости то того будут ли данные аспекты приняты властью, либо устранены).

Во-первых, это наличие «протрузионных» дефектов в праве, связанных с существующим политическим режимом, скрыть которые, или хотя бы уменьшить степень их заметности для общества невозможно или достаточно проблематично.

Во-вторых, это существование осязаемого числа скрытых от общества «утаиваемых» правовых норм (при понимании, что такие нормы существуют в любом государстве), применение которых становится либо невозможным, либо затруднительным в силу характера их проявления.

В-третьих, это присутствие в праве государства правовых норм «ширм», в рамках институтов которых *de jure* зафиксированы в конкретных правовых документах, но *de facto* не имеют правореализационного и как следствие правоприменительного проявления. Такие нормы демонстрируют номинальный характер политического режима, а не его фактическое содержание.

В-четвертых, это наличие норм, внедряющих правовые исключения, либо правовые дополнения, деформирующие (искажающие) те или иные институты, имеющие большое значение для констатации характера политического режима.

В-пятых, это существование правовых норм, которые регулируют проводимые реформы (преобразования) механизма государственно-политического управления, не имеющие зафиксированного завершенного характера («застывшие реформы»).

Эти пять правовых аспектов имеют характер детерминант трансформации политического режима и одновременно представляют собой сигнальные маркеры, при наличии которых трансформация политического режима является либо возможной, либо даже неизбежной. Такие маркеры и сигналы достаточно просто зафиксировать и они, в большинстве случаев, позволяют прийти к однозначному выводу о направлении преобразования политического режима. При этом возможность трансформации политического режима детерминируется самим фактом наличия указанных аспектов, а неизбежность преобразования зависит от параметров общественной реакции на существование указанных правовых аспектов.

3. Направление преобразования политического режима зависит от того, какой подход к исправлению описанных аспектов будет выбран властью. В практике государственно-политического управления обществом после периода сохранения данных правовых аспектов существует лишь два варианта реагирования на наличие таких правовых аспектов. Это - либо принятия этих аспектов как нормы и на основании этого фиксации свойств политического режима, который обусловлен параметрами данных правовых норм,

либо отказ от указанных аспектов и фиксация такого политического режима, который реализуется в случае, если указанных правовых аспектов существовать не будет.

При этом допустимо два варианта конструирования возникающего политического режима. Либо режим возвращается в ту форму, в которой он существовал до момента формирования указанной совокупности факторов. Однако в таком случае неустойчивый характер режима сохранится, поскольку сам факт возникновения маркеров свидетельствует о наличии в политическом режиме государства глубоких, коренных противоречий, которые при этом потребуют новых средств преодоления, что приведет либо к возврату старых маркеров, либо появления на их месте новых, вплоть до последующей трансформации политических режимов.

Вторым вариантом является возврат к политическому режиму близкому по форме к ранее существовавшему, но не тождественному ему. Такой политический режим может быть более устойчив, в нем могут быть частично сняты те противоречия, которые приводили к возникновению описанных маркеров.

4. В условиях существующего (формально резюмируемого) политического режима демократического типа данные факторы выступают детерминантами либо потенциального преобразования политического режима в антидемократический (авторитарный) политический режим, либо, в случае прекращения существования таких аспектов, детерминантами укрепления демократического режима, придания ему более устойчивого характера. Зачастую сохранение указанных аспектов приводит научное сообщество к необходимости «изобретать» гибридные формы политических режимов, к числу которых можно отнести широко известную «автократическую демократию» [4].

5. В условиях существующего (формально резюмируемого) антидемократического (автократического) политического режима, наличие таких аспектов может быть вызвано различными факторами, однако свидетельствует либо о неустойчивости фундамента сложившегося политического режима, вынужденного маскировать отдельные реально существующие правовые нормы, либо о вынужденном компромиссе между политическими силами, приводящими к возникновению указанные правовых аспектов детерминирующих трансформацию политического режима.

Очевидными последствиями проявления данных маркеров может быть либо последующая авторитаризация политического режима, обретение им черт, характеризующихся большей степенью подавления инициатив большинства участников политических отношений, либо вынужденная демократизация вследствие неспособности обеспечить доминирование в политическом процессе интересов строго определенной политической группы, в интересах которой и фиксировались особенности конкретного политического режима.

Такая демократизация, однако, скорее всего вынужденный шаг, за которым последуют попытки новой авторитаризации, с иным распределением политических возможностей между заинтересованными группами. Причиной этого является то, что основной причиной возникновения маркеров стали не стремление к длительной и устойчивой системе политических отношений в обществе (подписанию нового общественного договора), а лишь ситуативное обретение каких-либо новых, или ситуативное сохранение каких-либо старых возможностей в рамках существующего, либо частично изменяемого политического режима.

Источники и литература

1. *Верба Д.В., Комаров, С. А.* Теория формообразования государства: статья // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 5-6 апреля 2018 г.) /отв. Ред. Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 1 – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. 256 с. ISBN 978-5-7477-4616-9

2. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 528 с.

3. *Averkina N.N., Verba D.V., Komarov S.A.* S. M. Solovyov about a form of the state: past and the present: article // Yale Review of Education and Science, 2015, No.1. (16), (January-June). Volume V. “Yale University Press”, 2015. P. 459-465.

4. Arblaster A. Democracy (Concepts Social Thought). – Minnesota: University of Minnesota Press, 1994. – 264 p.

DOI: 10.47905/9785604872161_114

РЕФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СВОБОДЫ СОВЕСТИ В РОССИИ В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация. В предлагаемой статье автор анализирует процесс изменения правовых норм, регулирующих государственное отношение к религиозным институтам общества, происходящий в сложный и противоречивый исторический отрезок – начало 1990-х годов. Обозначая основные нормативные правовые акты, регулирующие рассматриваемую сферу отношений, автор систематизирует этапы процесса изменения правового регулирования свободы совести в рассматриваемый период.

Ключевые слова: СССР, религиозность, свобода вероисповедания, свобода совести.

REFORMING THE LEGAL REGULATION OF FREEDOM OF CONSCIENCE IN RUSSIA IN THE POST-SOCIALIST PERIOD

Abstract. In the proposed article, the author analyzes the process of changing the legal norms governing the state's attitude to the religious institutions of society, taking place in a complex and controversial historical period - the beginning of the 1990s. Denoting the main normative legal acts regulating the sphere of relations under consideration, the author systematizes the stages of the process of changing the legal regulation of freedom of conscience in the period under review.

Key words: freedom of conscience in the USSR, the USSR legislation on freedom of religion, the institution of religion in society.

С момента создания одного из первых социалистических государств в XX веке - Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – РСФСР) - выявилась проблема определения места института религиозного воспитания в обще-

* *Чигринский Николай Сергеевич*, аспирант Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия).

Chigrinskiy Nikolay Sergeevich, Postgraduate student, Irkutsk state university (Irkutsk, Russia).

ственной жизни граждан государства с социалистической идеологией. Именно с этого момента укрепилась организация продвижения и популяризации в стране такого мировоззрения как «атеизм» и «научный материализм», в своей сути далеко не всегда совпадающих с основополагающими доктринами каких-либо религиозных движений. Но вследствие исторического развития общества отношение к институту религий не всегда было строго однозначным, поэтому было бы интересно проследить смену отношения к религиозным течениям в обществе, в первую очередь – на примере закреплённых правовых норм в основных нормативных правовых актах страны.

В первые несколько десятилетий существования Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) отношение к религии можно описать как категоричное, с определением для данного института общественной жизни строгих границ дозволенного; с конца 1940-х годов отношение постепенно менялось – до начала 1960-х годов предпринимались попытки преследования служителей церкви, но последующий период можно оценить как «попытка жить в мире» [1]. В данной статье предлагается рассмотреть отношение к религии в последние годы существования СССР, а именно – в начале 90-х годов XX в.

Упомянутый период характеризуется активным внедрением в общественную, экономическую и политическую сферы страны либеральных норм – и, разумеется, такие процессы не могли не затронуть сферу вероисповедания. К концу 1990 года сохраняла своё действие Конституция СССР 1977 года, где в статье 52 была закреплена следующая норма: «Гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается. Церковь в СССР отделена от государства и школа - от церкви» [2].

Данная норма в целом соответствовала всё еще действующему на тот период декрету Совета народных комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – СНК РСФСР) от 23 января 1918 «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», закрепляющему отделение церкви от государства [3, с. 861]. Но, вместе с тем, 1 октября 1990 года

был принят Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях» [4]. Принятие данного закона принято считать заметным событием в сфере отношения государства к религиозным течениям страны, и одним из маркеров, характеризующих время перемен в начале 1990-х годов.

В целом, указанный закон соответствовал упомянутой ранее статье 52 Конституции СССР, и лишь существенно конкретизировал общие установления основного закона страны. Примером можно привести следующее соотношение норм: Конституция СССР устанавливала право «вести атеистическую пропаганду», а Закон о свободе совести устанавливал недопустимость «какого-либо принуждения при определении гражданином своего отношения к исповеданию или к отказу от исповедания религии, к участию или неучастию в богослужениях». Важно понимать, что противоречия в определениях здесь нет, и в данном контексте слово «пропаганда» следует воспринимать исключительно как «распространение определённых взглядов и идей с целью их внедрения в общественное сознание» - вопреки тенденциям общественного мнения о том, что пропаганда является исключительно отрицательным явлением, вредящим обществу [5].

Однако уже 25 октября того же 1990-го года был принят Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий», который ещё более подробно регулировал отношения, связанные с правом свободы вероисповедания [6]. Например, вводилось функционирование «экспертно-консультативного совета при комитете Верховного Совета РСФСР по свободе совести, вероисповеданиям, благотворительности и милосердию», который образовывался из представителей религиозных объединений, общественных организаций, государственных органов, религиоведов, юристов и других специалистов в области свободы совести и вероисповеданий. А наиболее резонансным положением закона можно увидеть следующее: устанавливалось, что преподавание вероучений, а также религиозное воспитание могло осуществляться «факультативно по желанию граждан представителями религиозных объединений с зарегистрированным уставом в любых дошкольных и учебных заведениях и организациях».

Здесь можно увидеть если не противоречие установленному отделению церкви от государства, то, как минимум, нахождение

законодательного пробела, заполняемого с перспективой дальнейшего реформирования общесоюзного законодательства СССР.

При этом нужно не забывать о статье 142 Уголовного кодекса РСФСР (принятого 27 октября 1960 г.), устанавливающей санкции за «нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви» [7]. Для корректного толкования данной нормы необходимо обратиться к постановлению Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 марта 1966 г. «О применении статьи 142 УК РСФСР», [8] которое гласило, что «...под нарушением законов об отделении церкви от государства и школы от церкви, влекущем уголовную ответственность по статье 142 Уголовного кодекса РСФСР, понимается:

- принудительное взимание сборов и обложений в пользу религиозных организаций и служителей культа;
- изготовление с целью массового распространения или массовое распространение обращений, писем, листовок и иных документов, призывающих к неисполнению законодательства о религиозных культах;
- совершение обманных действий с целью возбуждения религиозных суеверий в массах населения;
- организация и проведение религиозных собраний, шествий и других церемоний культа, нарушающих общественный порядок;
- организация и систематическое проведение занятий по обучению несовершеннолетних религии, с нарушением установленных законодательством правил».

Анализируя данные разъяснения, можно сказать, что нормы Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий», вводя факультативное изучение религии в образовательных учреждениях, не нарушали действующего законодательства – при условии, если проведение данных факультативных занятий не нарушало установленных законом правил. Но, коль скоро указанный Закон сам и устанавливал общие правила проведения рассматриваемых мероприятий – конкретных противоречий здесь не усматривается.

Кроме того стоит сказать, что значимость упомянутого выше Закона РСФСР была такова, что в день его принятия как раз и был отменён декрет СНК РСФСР 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», что свидетельствует не о сти-

хийности принятия ранее рассматриваемых положений, но об их продуманности и внедрении новых механизмов регулирования общественных отношений на долгосрочный период. Также важно отметить, что рассматриваемая выше статья 142 УК РСФСР была упразднена Законом РСФСР от 18.10.1991 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс РСФСР» [9].

Проводя анализ описанных событий, можно отметить заранее продуманную линию постепенного включения института свободы вероисповедания в общественную жизнь советских граждан, не ограниченного никакими санкциями. Подводя итог, можно резюмировать, что политические процессы конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века оказали существенное влияние на пересмотр отношения государства к конкретным институтам общественных отношений, что привело к оперативным изменениям основных законов страны, невзирая на некоторые допущения.

Источники и литература

1. Аринин Е.И., Тихонов А.К. Некоторые проблемы интерпретации религиозности советского периода // Учёные записки Орловского государственного университета. – 2014. – № 4. – С. 73 – 77.
2. Конституция (Основной Закон) СССР: принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. – М.: Юридическая литература, 1986. – 45 с.
3. Об отделении церкви от государства и школы от церкви: декрет СНК РСФСР от 23.01.1918 г. // Свод законов РСФСР. – 1988. – Т. 1.
4. О свободе совести и религиозных организациях: Закон СССР от 1 октября 1990 г. // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1990. – № 41. – Ст. 813.
5. Большая советская энциклопедия / под ред. О.Ю. Шмидта. – М.: Советская энциклопедия, 1947. – Т. 23.
6. О свободе вероисповеданий: Закон РСФСР от 25.10.1990 г. // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1990. – № 21. – Ст. 240.
7. Уголовный кодекс РСФСР: утверждён ВС РСФСР 27.10.1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.
8. О применении статьи 142 Уголовного кодекса РСФСР: постановление Президиума ВС РСФСР от 18 марта 1966 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1966. – 12. – Ст. 221.

9. О внесении изменений в Уголовный кодекс РСФСР: Закон РСФСР от 18 октября 1991 г. // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1430.

С.А. Чиркаев*

DOI: 10.47905/9785604872161_119

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРИОРИТЕТ: ОСНОВАНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ

***Аннотация.** В статье приводятся основания классификации юридического приоритета как особого средства правового регулирования. Отмечается, что юридический приоритет можно классифицировать по отраслевой принадлежности; по сфере юридической деятельности; по времени действия; по виду государственного органа, установившего приоритет; по сфере его деятельности и действенности юридического приоритета. При этом подчеркивается особое влияние на объективную реальность и поведение субъектов юридического приоритета, закрепленного в нормативном правовом акте. Юридический приоритет, не закрепленный в нормативных правовых актах, но фактически подразумеваемый законодателем может приносить определенную путаницу в понимании смысла и содержания текста юридических предписаний. Сделанные выводы автор подтверждает положениями многих нормативных актах и судебной практикой.*

***Ключевые слова:** юридический приоритет, законодательство, классификация, отраслевая принадлежность, юридическая деятельность, действие во времени, сфера деятельности.*

LEGAL PRIORITY: GROUNDS FOR CLASSIFICATION

***Abstract.** The article provides the grounds for classifying legal priority as a special means of legal regulation. It is noted that the legal priority can be classified by industry affiliation; by the scope of legal activity; by the time of action; by the type of state body that established the priority; by the scope of its activities and the effectiveness of the legal priority. At the same time, the spe-*

* **Чиркаев Сергей Александрович**, соискатель, Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия).

Chirkaev Sergey Alexandrovich, Applicant, Saratov state law academy (Saratov, Russia).

cial influence on the objective reality and behavior of the subjects of the legal priority enshrined in the normative legal act is emphasized. Legal priority, which is not fixed in regulatory legal acts, but actually implied by the legislator, may introduce some confusion in understanding the meaning and content of the text of legal regulations. The author confirms the conclusions made by the provisions of many normative acts and judicial practice.

Key words: *legal priority, legislation, classification, industry affiliation, legal activity, action in time, field of activity.*

Юридический приоритет, позволяя гибко связывать существующие интересы государства и общества, осуществлять дифференцированный подход в вопросах их регулирования, способствует развитию социальных связей в том направлении, которое наиболее выгодно государству и обществу, обеспечивает как стабилизацию, так и поддержание определенных общественных отношений, содействует устойчивости и упорядоченности социальных связей.

Под юридическим приоритетом понимается такой феномен правовой системы, которым обозначается первоочередность решения каких-либо задач и необходимость учета в первостепенном порядке каких-либо интересов отдельных субъектов [18, с. 79-82].

В современных условиях существует достаточно большое количество юридических приоритетов и многообразие форм их проявления, что позволяет ставить вопрос об исследовании классификационных оснований юридического приоритета.

Согласно Толковому словарю русского языка классификация представляет собой распределение по группам, разрядам, классам [16, с. 276]. Данная операция проводится в определенных целях, например, для определения закономерностей между классами объектов, определения места и роли объекта в общей системе объектов, установления наиболее важных качеств и свойств объекта и т.д. [15, с. 77-78].

Вместе с тем вопросам классификации юридического приоритета в отечественной правовой литературе уделяется недостаточное внимание. В этой связи юридический анализ систематизации юридического приоритета в теоретико-правовом аспекте представляет несомненный интерес. Классификацию юридического приоритета можно проводить по различным критериям.

В юридической литературе наиболее популярным критерием классификации государственно-правовых явлений выступает отраслевая принадлежность. Представляется, что данное основание можно применить и к систематизации юридического приоритета. В зависимости от этого критерия юридические приоритеты можно классифицировать на конституционные, гражданские, уголовные, административные и др. Так, в нормах конституционного права закреплены приоритет прав, свобод и законных интересов личности; приоритет публичных или частных интересов; в гражданско-правовых отношениях - приоритет при приобретении акций, приоритет покупки собственником перед посторонним лицом при отчуждении недвижимого имущества; в семейном законодательстве - приоритет защиты прав и интересов несовершеннолетнего ребенка, приоритет на проживание малолетнего ребенка с матерью, приоритет на осуществление родительских прав добросовестным супругом в случае признания брака недействительным и т.д.

Весьма интересной видится классификация юридического приоритета в зависимости от его принадлежности к той или иной сфере юридической деятельности. В рамках данной систематизации выделяют правотворческий приоритет, правореализационный приоритет и правоинтерпретационный приоритет.

Существование юридического приоритета в правотворчестве предопределено объективно необходимой деятельностью органов публичной власти, уполномоченных осуществлять правотворческие функции. Данная деятельность направлена на принятие новых юридических приоритетов нормативными правовыми актами, развитие уже существующих юридических приоритетов в определенных сферах жизнедеятельности общества. Поэтому правотворческие юридические приоритеты содержатся исключительно в законах и подзаконных актах.

Правореализационный юридический приоритет связан с фактическим воплощением юридического приоритета в объективную реальность, в поведение отдельных субъектов права. При этом реализуется юридический приоритет в общепринятых формах реализации права: использовании, соблюдении, исполнении и применении. Так, в юридической практике все публичные органы при решении государственно-правовых вопросов обязаны соблюдать приоритет прав, свобод и законных интересов личности. При реа-

лизации государственных программ, направленных на развитие приоритетных направлений в той или иной сфере общественной жизни, определенные субъекты могут использовать свои особые права (приоритетные права), предусмотренные данными правовыми документами. В свою очередь, органы публичной власти, ответственные за реализацию государственных программ, стратегий развития определенных сфер жизнедеятельности общества, обязаны создать все необходимые условия для достижения поставленных целей и задач, т.е. исполнить или обеспечить исполнение, предписанное законом или подзаконным актом. Наконец, в судебном процессе суды обязаны применять нормы о правилах доказывания, в т.ч. применять правила о приоритете презумпций и фикций как неопровержимых доказательств над иными доказательствами.

Правоинтерпретационный юридический приоритет находит свое непосредственное выражение в толковании нормативных предписаний, содержащих юридический приоритет. Зачастую его можно встретить в правовых позициях, постановлениях и определениях высших судебных органов. Именно в интерпретационных актах раскрывается суть и содержание юридического приоритета, его значение и роль в правовом регулировании особых правоотношений. Так, постановлением Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2017 г. № 40-П «По делу о проверке...» указывается, что государственная политика Российской Федерации в отношении детей (включая находящихся в трудной жизненной ситуации в связи с экологическими и техногенными катастрофами) носит приоритетный характер и направлена в т.ч. на защиту детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психологическое, духовное и нравственное развитие [9].

По времени действия следует выделить приоритеты длительного и кратковременного действия. Однако, рассматривая пределы действия приоритета во времени, необходимо оговорить несколько важных моментов. Если приоритет нашел свое непосредственное закрепление в тексте нормативного правового акта, то он начинает действовать, порождать юридические последствия, с момента вступления нормативного правового акта в действие. Таким моментом может быть момент принятия, дата официального опубликования и т.д. В подобных случаях окончание действия

юридического приоритета зачастую происходит в результате отмены нормативного правового акта либо его замены другим, устанавливающим иной приоритет в определенной сфере жизни общества либо отменяющим существование приоритета вообще.

Несколько сложнее определить пределы действия юридического приоритета, который нормативно не отражен в юридических предписаниях, хотя фактически его содержанием пронизаны ряд норм права, содержащихся в определенном нормативном правовом акте. В качестве примера можно привести приоритет прав и свобод человека и гражданина, который закреплен не во всех нормативных правовых актах, но, все же, так или иначе, имеет свои проявления в текстах ряда законов, таких как УПК РФ, КАС РФ и др. В подобных ситуациях юридический приоритет начинает действовать с момента его закрепления в других нормативных правовых актах, например, в Конституции РФ или иных конституционных актах [1; 19]. Поэтому такой приоритет, который нашел свое отражение в основополагающих правовых документах, действует длительное время. Это объясняется тем, что он не противоречит действующему законодательству и направлен на разрешение долговременных задач. К таковым юридическим приоритетам можно отнести приоритет социальной поддержки социально уязвимых групп населения, поскольку проблемы бедности и социального неравенства в Российской Федерации нельзя решить в краткосрочном порядке.

С другой стороны, есть юридический приоритет, который является таковым в короткой перспективе. К примеру, в условиях введения против Российской Федерации санкций со стороны ряда зарубежных стран в связи с ситуацией на Украине в 2022 г. премьер-министр РФ определил такие краткосрочные приоритеты работы, как обеспечение бесперебойной деятельности предприятий, расширение свободы предпринимательства внутри страны и т.д. [20].

К основанию классификации юридического приоритета можно также отнести вид государственного органа, установившего приоритет. В соответствии с этим выделяются юридический приоритет, принятый представительным (законодательным) органом власти и приоритет, принятый органом исполнительной власти. К первым относятся приоритет семейного воспитания [1, 2], приоритет интересов пациента при оказании медицинской помощи [3] и

т.д. Среди второй группы можно назвать национальные приоритеты Российской Федерации при развитии информационного общества [5], приоритеты государственной политики в отношении российского казачества [6] и т.д.

Судебные органы власти не наделены правотворческими полномочиями, по этой причине нельзя в отдельную разновидность выделить юридический приоритет, установленный судебными органами власти. Вместе с тем судебные структуры достаточно часто раскрывают сущность и содержание уже установленных представительными (законодательными) или исполнительными органами власти юридических приоритетов. Так, в одном из своих постановлений Конституционный Суд РФ раскрыл содержание такого приоритета как приоритет личности и ее прав во всех сферах [8].

Если за основу классификации брать действительность юридического приоритета, то можно выделить реальный и мнимый (ложный, фиктивный) приоритеты. Реальный юридический приоритет соответствует системе фактических общественных отношений. Мнимым, ложным приоритетом необходимо считать тот, который не находит своего отражения в реальных социальных связях. Зачастую юридический приоритет является реальным, истинным. Истинность или ложность того или иного юридического приоритета выводится из результатов общего развития государства и общества, происходящих государственно-правовых процессов и существующих интересов общества и государства. В качестве примера ложного, мнимого приоритета можно назвать приоритет активизации органов полиции по защите жизни, здоровья, прав и свобод личности в связи с принятием Федерального закона от 7.02.2011 г. «О полиции» [4]. Фактически спустя некоторое время можно с уверенностью констатировать формальное изменение наименования милиции на полицию, сокращение кадрового состава полицейских, поскольку вышеназванный правоохранительный орган защищает человека, его жизнь, здоровье, имущество, права и свободы на прежнем уровне. Мнимый приоритет нежелателен, поскольку он снижает качество правового регулирования, эффективность правовой системы в целом. Роль нормативного правового акта, в котором закреплён подобный приоритет, девальвируются, а, следовательно, некачественно сформированный приоритет фактически порождает нестабильность и неопределенность в правовом регулировании.

В качестве критерия классификации юридического приоритета можно рассматривать сферу его деятельности. В соответствии с этим можно выделить юридические приоритеты в сфере экономики, политики, социально-культурных отношений. На необходимость обеспечения и защиты экономических прав направлены такие юридические приоритеты как приоритет кредитора, утратившего статус залогового кредитора, перед иными кредиторами третьей очереди реестра требований кредиторов должника [12]; приоритет требований кредиторов первой очереди перед кредиторами иной очереди [11] и др.

Среди юридических приоритетов в сфере политики можно назвать приоритеты во внешней политике РФ [7], к числу которых относятся интенсификация стратегического взаимодействия с Республикой Беларусь в рамках Союзного государства; противодействие дискриминации соотечественников, проживающих за рубежом, политике вытеснения русского языка и т.д. Широко известен и такой юридический приоритет как приоритет воли большинства избирателей, принявших участие в голосовании [10]; приоритет интересов большинства населения государства, чья безопасность не может быть поставлена в зависимость от наличия у иностранного гражданина, совершившего в период пребывания на территории Российской Федерации преступлений, несовершеннолетних детей или его нежелания покидать территорию Российской Федерации [14] и др.

В настоящее время государственная власть демонстрирует приоритетность социальной сферы [17, с. 12]. В этой связи, очень много можно выделить приоритетов в социально-культурной сфере. В частности, к таковым относятся приоритет граждан РФ при приеме на работу работодателями, признаваемыми резидентами территории опережающего социально-экономического развития (п. 3 ст. 351.5 Трудового кодекса РФ); приоритет предложения работы работодателем своим работникам при проведении мероприятий по сокращению численности или штата работников организации [13] и т.д.

Наконец, по степени формальной закреплённости можно выделить юридический приоритет, закреплённый в нормативных правовых актах, и юридический приоритет, не закреплённый в нормативных правовых актах. Юридические приоритеты, вклю-

ченные в текст нормативного правового акта, составляют значительное большинство. Включение термина «приоритет» в нормативный правовой акт позволяет исключить двусмысленность и неясность некоторых формулировок, обеспечивает общедоступность и признание. Напротив, юридический приоритет, не закрепленный в нормативных правовых актах, но фактически подразумеваемый законодателем может привносить определенную путаницу в понимании смысла и содержания текста юридических предписаний, поскольку для формализации правовых норм законодатель может использовать иную терминологию. Так, иногда в текстах нормативных правовых актов в гражданском праве термин «преимущество» используется в значении первостепенности, первоочередности, что свойственно, прежде всего, понятию приоритета.

Подводя итог сказанному, отметим, что все существующие юридические приоритеты можно сгруппировать по различным критериям: отраслевой принадлежности; принадлежности к сфере юридической деятельности; времени действия; виду государственного органа, установившего приоритет; действительности юридических приоритетов; сфере деятельности; территориальному масштабу деятельности. Вместе с тем особое влияние на объективную реальность и поведение субъектов оказывает юридический приоритет, закрепленный в нормативном правовом акте.

Источники и литература

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.09.2022).
2. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.09.2022).
3. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.09.2022).
4. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 28.12.2022) "О полиции" // www.consultant.ru

5. Указ Президента РФ от 9.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.09.2022).

6. Указ Президента РФ от 9.08.2020 г. № 505 «Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021 – 2030 годы» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.09.2022).

7. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 15.12.2021 г. № 549-СФ «О приоритетах внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 02.09.2022).

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.07.2017 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 111, части 5 статьи 247 и пункта 2 части 1 статьи 248 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, частей 1 и 2 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Н.Б. Слободяник и федерального государственного бюджетного учреждения "Российский сельскохозяйственный центр" // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2017. – № 5.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2017 г. № 40-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 части первой статьи 13 Закона Российской Федерации "О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС" в связи с жалобой гражданки Т.С. Овечкиной" // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2018. – № 1.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.2002 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" и статьи 92 Федерального закона "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина А.М. Траспова"» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2002. – № 3.

11. Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2017 г. № 364-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Зверевой Полины Константиновны на нарушение ее конституционных прав абзацами первым и вторым пункта статьи 142 и подпунктом 1 пункта 1 статьи 201.13 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»

[Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 03.09.2022).

12. Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2017 г. № 2980-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Соловьева Петра Андреевича на нарушение его конституционных прав абзацем четвертым пункта 2.1 статьи 138 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 03.09.2022).

13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1.03.2021 г. №69-КГ20-19-К7 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 03.09.2022).

14. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 9.08.2019 г. № 2-КА19-4 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 01.09.2022).

15. Виссаров А.В. Возможность в праве: классификация // Марийский юридический вестник. – 2013. – Вып. 10. – С. 77-91.

16. Ожегов С.Н., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. – М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. – 944 с.

17. Репьев А.Г. «Приоритет» и «паритет» как парные правовые категории (доктринальное толкование с содержательных и технико-юридических позиций) // Вестник Российской правовой академии. – 2021. – № 1. – С. 7-12.

18. Чиркаев С.А. Приоритет как особое средство правового регулирования // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 4. – С. 79-82.

19. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 343 с.

20. Иванова О. Мишустин назвал 5 краткосрочных приоритетов развития России в условиях санкций // Взгляд: деловая газета. – 2022. – 7 апреля. – URL: <https://vz.ru/news/2022/4/7/1152586.html> (дата обращения: 05.09.2022).

DOI: 10.47905/9785604872161_129

ПУТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье определяются некоторые пути цифровизации органов местного самоуправления; описаны политические и правовые эффекты от цифровизации для местного населения; намечены механизмы структурирования управленческой деятельности с помощью цифровизации; дана оценка эффективности цифровизации на примере отдельного муниципалитета.

Ключевые слова: цифровизация, местное самоуправление, государственное управление, муниципалитет, программа цифровизации, информатизация.

WAYS OF DIGITALIZATION OF MUNICIPAL AUTHORITIES

Abstract. The article defines some ways of digitalization of local governments; describes the political and legal effects of digitalization for the local population; outlined the mechanisms for structuring management activities with the help of digitalization; an assessment of the effectiveness of digitalization is given on the example of a separate municipality.

Key words: digitalization, local government, public administration, municipality, digitalization program, informatization.

Информационное пространство в настоящее время глубоко проникло в современный социум, мы можем констатировать формирование новой цифровой реальности. И следует осознать, что государство должно адекватно реагировать на происходящие процессы цифровизации во всех сферах общественной жизни, государственные органы должны четко и понятно сформулировать и реализовывать цели и задачи формирования указанного информаци-

* *Шишкин Сергей Иванович*, доктор юридических наук, профессор, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия).

Shishkin Sergey Ivanovich, Doctor of legal sciences, Professor, Irkutsk state university (Irkutsk, Russia).

онного пространства, о чем все больше пишут в юридической литературе [5].

Термин «цифровая трансформация» стал расхожим в последние годы. Под ним обычно понимается совокупность действий, осуществляемых государственным или муниципальным органом, направленных на изменение (трансформацию) государственного или муниципального управления и деятельности государственного или муниципального органа по предоставлению им государственных или муниципальных услуг и исполнению государственных функций или муниципальных компетенций за счет использования данных в электронном виде и внедрения информационных технологий в свою деятельность.

Вопросы цифровизации муниципальных властей в настоящее время крайне актуальны. Этот процесс несет в себе высокий потенциал для улучшения качества жизни на местах, является механизмом обратной связи между обществом и государством, а также средством привлечения населения к решению вопросов местного значения.

Трек на цифровизацию органов местного самоуправления был задан национальным проектом: «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» и ее проектом «Цифровое государственное управление», в рамках которых муниципалитеты реализуют системные меры по цифровой трансформации муниципального управления. Разработанная Правительством России программа «Цифровая экономика Российской Федерации» непосредственно направлена на повышение эффективности государственного и муниципального управления. Это непосредственно связано с тем, что цифровая экономика предоставляет большие возможности для развития системы управления, оказания государственных услуг, создавая новые возможности для взаимодействия населения и хозяйствующих субъектов с государством в результате применения цифровых технологий.

В июле 2020 года Указом Президента РФ цифровая трансформация была определена в качестве национальной цели развития [3]. До 2030 года намечено достигнуть, как минимум, следующих результатов: «цифровая зрелость» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, а также государственного управления; увеличение до 95% доли массовых социально значимых услуг в электрон-

ном виде; рост до 97% доли домохозяйств с широкополосным доступом к сети Интернет; увеличение в 4 раза по сравнению с показателем 2019 года вложений в отечественные решения в сфере информационных технологий. Выполнение этих задач напрямую затрагивает местное самоуправление как закреплённый в Конституции РФ уровень публичной власти, непосредственно решающий вопросы жизнеобеспечения населения.

Следует отметить особую роль в деле цифровизации муниципальной жизни Минстроя РФ. В частности, министерство реализует проект «Умный город», в котором участвуют 209 городов [4]. Главная задача проекта – создавать безопасные, доступные и комфортные условия жизни людей, а также формирование эффективной системы управления городским хозяйством и повышение конкурентоспособности российских городов на международном уровне.

В конце 2020 года была утверждена концепция данного проекта, что позволило сформировать единый понятийный аппарат через закрепление ключевых терминов, касающихся цифровизации городского хозяйства. В документе также зафиксированы вызовы, с которыми сталкиваются города при внедрении новых технологий, перечислены ожидаемые эффекты от реализации проекта. Проект «Умный город» базируется на следующих ключевых принципах: ориентация на человека, технологичность городской инфраструктуры, повышение качества управления городскими ресурсами, комфортная и безопасная среда, акцент на экономической эффективности, в том числе сервисной составляющей городской среды. В целом концепция объясняет основные преимущества «Умного города» для жителей, бизнеса и государства [4].

Вызовы, вставшие перед системой муниципального управления в России, особенно в условиях пандемического кризиса, потребовали более эффективного использования инструментов обратной связи в публичной сфере. Ключевыми направлениями здесь стали: вовлечение активных резидентов муниципальных образований в выявление и решение острых проблем, возникающих в жизни местного сообщества и местного самоуправления, отстаивание общественных интересов, а также в производство общественных благ для развития местных территорий.

Выгоды для муниципальных властей от цифровизации вполне очевидны, поскольку она позволяет разрешить многие их потребности:

- успешно создает инфокоммуникации на муниципальном уровне;
- поддерживает в актуальном состоянии автоматизированные информационные системы и информационные ресурсы по всем наиболее приоритетным направлениям деятельности муниципалитетов;
- является частью информационных ресурсов страны;
- в большинстве городов создаются и успешно действуют специализированные подразделения, решающие вопросы информатизации;
- сформировалось целое направление в деятельности организаций разработчиков, ориентированное на создание АИС в интересах органов местного самоуправления.

Однако следует отметить, что все эти достижения муниципальной информатизации пока приходится, в основном, на долю крупных городов. В целях дальнейшего совершенствования управленческого процесса с помощью цифровизации муниципалитета предстоит решить целый ряд задач:

- с учетом накопленного опыта муниципальным властям предстоит на основе анализа управленческих задач и выявления потерь, происходящих в объектах управления, инициировать постановку задач цифровизации, решение которых с применением оптимизационных методов и искусственного интеллекта позволило бы обеспечивать высокую эффективность управленческой деятельности;
- для трансформации экономики и социальной сферы до 2024 года необходимо обеспечить увеличение финансирования ускоренного внедрения цифровых технологий не менее чем в три раза;
- принять безотлагательные и действенные меры по обеспечению муниципалитетов кадрами для цифровой экономики;
- при создании новых информационных ресурсов и модернизации существующих систем максимально реализовать интеграцию и централизацию обработки информации и принятия управленческих решений на основе единого информационного центра;

- формировать и поддерживать в актуальном состоянии муниципальные информационные ресурсы;

- переходить на практическое применение современных облачных технологий, а именно, миграции с существующей программно-технической инфраструктуры с проприетарным программным обеспечением на виртуальную среду на базе программного обеспечения российского производства или программного обеспечения с открытым кодом, распространяемого свободно. Главная цель при этом – оптимизация расходов. В частном секторе экономия на облаках уже доказана и измерена: в среднем она составляет около 30%, но в отдельных проектах может достигать и 90%.

Деятельность органов местного самоуправления предполагает непосредственное и обязательное участие населения, исходя из своих интересов, в решении вопросов местного значения. В то же время, функционирование местных органов должно быть направлено на повышение эффективности взаимодействия с населением и ориентировано на определение социальных и экономических проблем населения, вовлечение их в местное самоуправление и выработку способов решения существующих проблем. Именно такие возможности может предоставить цифровизация процессов муниципального управления.

Приведем несколько примеров. Единый портал обращений граждан в Санкт-Петербурге позволяет без ограничения направить обращения в любой орган исполнительной власти города согласно закону «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [2]. Информационный ресурс представляет собой электронную приемную исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга, в которую направить обращение могут как зарегистрированные пользователи, так и пользователи без регистрации. Этот информационный ресурс позволяет значительно сократить сроки обработки обращений, полученных через портал, за счет времени, необходимого на пересылку обращения и получения дополнительной информации. Такие порталы способствуют повышению качества предоставления муниципальных услуг и расширению форм взаимодействия граждан с органами власти.

Прежде чем осуществлять комплексный процесс внедрения цифровых технологий в муниципальное управление, необходимо

научить муниципалитеты работать с данными и извлекать из них максимум пользы для повышения качества и уровня жизни горожан, а также подготовить муниципалитеты к работе с сервисом «Активный горожанин». Так, в целях создания благоприятных условий для внедрения комплекса технических решений, направленных на повышение качества управления городскими ресурсами, Росатом подписал с представителями 15 городских администраций соглашения по реализации проекта «Бережливого умного города». Технология «Бережливого умного города» направлена на повышение качества и эффективности управленческих процессов в городском хозяйстве вследствие минимизации ошибок и сокращения времени осуществления процессов, оптимального использования ресурсов и вовлечения жителей в решение вопросов, непосредственно связанных с жизнедеятельностью муниципалитета, посредством применения цифровых инструментов сбора и анализа данных.

Цифровизация в ближайшем будущем станет основным направлением развития государственного и муниципального управления. Во многих муниципальных образованиях уже осуществлён переход на документооборот в электронном виде и активно внедряются комплексные программные решения, наподобие «электронного муниципалитета», позволяющие определять разноплановые задачи управления.

Официальное обнародование муниципальных правовых актов в сетевых изданиях стало возможным после изменения федерального законодательства по вопросам совершенствования организации местного самоуправления». Данная программная платформа коснулась каналов взаимодействия и обратной связи муниципальных властей с местными жителями. Большой объём обращений граждан уже перешёл в электронную форму и, конечно же, его доля будет только увеличиваться. С другой стороны, многие депутаты и главы муниципальных образований ведут собственные страницы в социальных сетях.

Важным направлением является и мониторинг локальных групп, в которых граждане обсуждают волнующие их проблемы. Имеются специальные программные решения, позволяющие автоматизировать этот процесс, выделяя наиболее волнующие вопросы, по которым необходимо принимать оперативные решения.

Существенным ограничителем для внедрения цифровых технологий в управлении муниципалитетом является неготовность служащих использовать все возможности автоматизированного рабочего места. Но поколения будут меняться, и эта проблема перестанет быть актуальной, так как наличие базовых навыков компьютерной грамотности является обязательным требованием для дипломированных специалистов, востребованных местными органами власти.

Степень и пределы цифровизации участия жителей в местном самоуправлении будут неодинаковы: обращения граждан и опросы целесообразно и полезно переносить в «цифру», а вот публичные слушания лучше продолжать проводить в очном формате. Еще нет доступных технологий, позволяющих создать в электронной среде эффект присутствия большого количества людей. Очные публичные слушания позволяют местному сообществу убедиться в его существовании. В повседневной жизни у этих групп людей, объединённых общими интересами в отношении территории проживания, мало поводов собраться и почувствовать себя неким коллективом.

К сожалению, большая часть общественных обсуждений является формальностью, проводимой для галочки и без участия заинтересованных жителей. Проблема состоит как в однообразности многих выносимых на слушания вопросов, так и в не особом желании муниципальных властей общаться с активными представителями местных жителей. Эксперты выдвигают предположение, что цифровизация публичных слушаний сделает их более доступными для людей. Но, скорее всего, будет наоборот: электронные слушания ещё больше отдалят местных жителей от властей муниципалитета. И они, в свою очередь, вместо общественного мнения будут иметь дело с частными высказываниями людей, которые можно проигнорировать. Публичные обсуждения в очном формате легализуют принимаемые властью решения. В тех случаях, когда общение между представителями органов местного самоуправления и жителями действительно имеет место, публичные слушания будут повышать уровень доверия к муниципальным властям и принимаемым ими решениям. Точки соприкосновения между муниципальной властью и местным населением крайне необходимы, так как на протяжении многих лет органы местного самоуправле-

ния имеют крайне низкий уровень институционального доверия среди всех уровней власти.

Обеспечить решение выявленных проблем и переход к цифровому муниципальному управлению возможно только путем внесения изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" [1], а также определения и обозначения места муниципальных образований, их деятельности и сферы ответственности в государственных программах и проектах в контексте формирования цифровой парадигмы.

В то же время необходимо решать вопросы межбюджетного финансирования мероприятий в интересах муниципальных образований по реализации общегосударственных задач. Также необходимо принять меры по обеспечению муниципальных образований компетентными кадрами и организовать методическое обеспечение органов местного самоуправления в области цифровизации в целях совершенствования эффективности работы по цифровизации муниципального управления.

Для перехода к цифровой трансформации важно создавать дополнительную мотивацию для работников. Поэтому широкое использование системы премирования – очень уместная мера. Премии получают сотрудники, которые смогли оптимизировать часть своей работы. Благодаря этому структурные подразделения аппарата должны инициировать новые проекты оптимизации и цифровизации внутренних процессов, направленные на повышение эффективности работы муниципалитета в целом.

В ближайшие годы на уровне муниципальной власти цифровизация займет ведущее место среди мер преобразования всей работы по совершенствованию основ местного самоуправления, что должно резко повысить качество работы муниципалитетов, усилить связь с органами государственной власти и культуру обслуживания местного населения.

Источники и литература

1. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // www.pravo.gov.ru

2. Федеральный закон от 02.05.2006 N 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // www.pravo.gov.ru

3. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // www.pravo.gov.ru

4. Приказ Минстроя России от 25.12.2020 № 866/пр «Об утверждении Концепции проекта цифровизации городского хозяйства "Умный город"» // www.pravo.gov.ru

5. Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография /Под ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во МАТГиП, 2022. – 320 с.

II. СОЦИАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

О.Д. Агапов*

DOI: 10.47905/9785604872161_138

ДУХОВНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ: ВКЛАД ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ

Аннотация. Бытие российского общества как гражданской политической нации определяется деятельностью множества социальных субъектов. Смысловым основанием российской политики выступает осознание общности интересов и ценностей, составляющих ядро ее духовного суверенитета. На наш взгляд, суверенитет – это открытая динамичная система, обладающая как константами (международный статус, ядерное оружие, политико-правовая форма, исторический опыт, традиции), так и переменными факторами (стратегии, практики), воплощающими уровень развития гражданской политической нации. Духовный или гуманитарный суверенитет – это способность субъекта исторического творчества – личности, нации, государства, цивилизации – предстать в полноте сил исторического творчества в триединстве замыслов: «Что Бог задумал о России?», «Что Россия как гражданская политическая нация мыслит о себе?», «Что мыслит каждый из тех, кто считает себя русским/ россиянином мыслит о себе?». В социально-антропологической практике духовный суверенитет проявляется в практиках: (1) «заботы о должном»; (2) «заботы об общем»; (3) «заботы о себе».

Важнейшими субъектами развития России выступает государство, Церковь /религиозные сообщества и НКО, которые активно выстраивают ее жизненный мир и систему общегражданского мировоззрения. Каждый из субъектов причастных к практикам духовного суверенитета обладает своей неотменяемой миссией. Вклад государства состоит в создании конституционных основания для воплощения опыта и ценностей исторического субъекта, а роль Церкви в свидетельствовании о достоинстве человека, его высшем праве «свободе от зла», о приоритете любви над иными доминантами в жизни. Значение общественных институ-

* Агапов Олег Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия).

Agapov Oleg Dmitrievich, Doctor of philosophical sciences, Professor, named after V. G. Timiryasov Kazan innovation university (Kazan, Russia).

туций в осознании и отстаивании нравственного чувства нации, ее моральных ориентиров, преумножении практик сопричастности бытию, дружбы, заботы, воли и вкуса к жизни.

Ключевые слова: духовный суверенитет, *homo academicus*, цивилизационная матрица, альтерглобализм.

SPIRITUAL SOVEREIGNTY IN RUSSIA: SOCIETY, STATE, CHURCH

Abstract. *Russian society's existence as a civic nation is determined by the activity of many social subjects. The foundation of Russian polity lies in the consciousness of common interests and values that constitute the core of its spiritual sovereignty. I think of sovereignty as an open dynamic system that has constants (international status, nuclear weapons, legal and political frameworks, history, tradition) and variables (strategies and practices) which reflect the level of the civic nation's development. Spiritual sovereignty, sovereignty in the humanities is the ability of the subject of historical creativity (be it a person, a nation, a state, or a civilization) to appear in full strength in the unity of three ideas. "What did God conceive of Russia?" "What does Russia as a political nation think of itself?" "What do those who think of themselves as Russian think of themselves?" In social and anthropological practices, spiritual sovereignty manifests through the practices of 1) the care for what is due, 2) the care for what is common, 3) the care of the self.*

The most important subjects of Russia's development are the state, church and religious communities and NPOs, which actively construct the Russian lifeworld and the general civic worldview. Every subject possesses its own mission. The state is responsible for constitutional foundations for realizing the experience and the values of the historical subject, church is responsible for testifying of the dignity of human beings, their highest right to be "free from evil", of the priority of love over other forces. The significance of social institutions lies in being conscious of and standing for the moral sense of the nation, its moral direction, multiplying the practices of participation in being, friendship, care, the will to life and the taste for living.

Key words: *spiritual sovereignty, homo academicus, civilizational matrix, alter-globalism.*

Бытие российского общества определяется деятельностью множества социальных субъектов, составляющих в своем многообразии единую гражданскую политическую нацию. Л.П. Карсавин в своей «Философии истории» раскрыл, что субъект истории – это

«*субъект субъектов*» или *единство множества*, каждая из граней которого есть определенная форма бытия, требующая от каждого из нас принадлежащих к «плоти» истории освоения и развития.

Каждая грань субъекта истории, а это одновременно субъект общества, субъект культуры, субъект цивилизации – это необходимые атрибуты его существования, его ипостаси, требующие от нас понимания всей его сложной конфигурации или облика, выявления смысла его развития. В частности, В. Расторгуев пишет, что «цивилизационная самоидентификация расширяет не только жизненные горизонты отдельного человека за пределы его личного существования, но и раздвигает временные горизонты великих наций и малочисленных народов за границы узконациональных интересов и конкретной эпохи. Это требует от человека осознания собственного призвания, а от народа – сознания своей миссии в мировой истории и солидарной ответственности за судьбу всего человечества, мировой цивилизации» [10, с. 23].

Каждый субъект истории дан, по Л.П. Карсавину в единстве саморазвертывания или диалектике *ставшего, становящегося и могущего стать*; единстве сознания (мышления, воли) и самосознания (рефлексии) [4, с. 43]. Единство несовершенного (ставшей истории), усовершенного (становящегося «здесь – и – сейчас») и совершенного (область ценностей и идеалов) образует, *икономию* (гр. – уложение, домостроительство, милосердие) *истории*, ее подлинную реальность, обнимающую собой все поколения человеческого рода (жившие, живущие и будущих жить). Икономия истории – ее конкретная размеренность разворачивается всегда в различных ракурсах и векторах, развивается как «персихорсис» ипостасей, каждая из которых представляет собой форму бытия лица человечества как всеединого субъекта. В частности, каждый народ / нация, страт, сословие, класс, семья, государство – иными словами, возникшие (на различных основаниях) социальные институты есть момент развития всеединого субъекта истории, ее пространственно-временная данность вне и без которой невозможно представить бытие истории.

Конкретнее, современная третья российская республика – Российская Федерация (предшествующие республики – (1) образовалась после Февральской революции; (2) Советская республика (РСФСР – СССР) образовалась после Октябрьской революции

(РСФСР) и Гражданской войны (СССР)) представляет собой субъекта исторического творчества, который за три десятилетия своего развития (1990 – н.в.) сформировала свой стиль и образ жизни, социально-экономический уклад, темп и ритм бытия, определяющих ее идентичность (самообраз), а также ее место и роль в мире. Нельзя сказать, что этот процесс завершен, современная российская гражданская политическая нация – это открытая саморазвивающаяся система, обретающая свою стать, отвечая на внутренние и внешние вызовы.

Смысловым основанием российской *политии* выступает осознание общности интересов и ценностей, составляющих ядро ее духовного или гуманитарного суверенитета. На наш взгляд, *суверенитет* – это открытая динамичная система, обладающая как константами (международный статус, ядерное оружие, политико-правовая форма, исторический опыт, традиции), так и переменными факторами (стратегии, практики), воплощающими уровень развития гражданской политической нации.

Авторы Гражданского манифеста о гуманитарном суверенитете определяют его как «способность государства, граждан и институтов гражданского общества: – сохранять и приумножать собственное историческое и культурное наследие; – творчески обогащать содержание общественного сознания; – использовать потенциал культурного наследия и смысловые ресурсы общественного сознания в целях всестороннего преемственного развития, интеллектуального и культурного роста личности, общества и государства; – самостоятельно ставить и разрешать фундаментальные вопросы бытия личности, общества и государства; – выдвигать и реализовывать цели суверенного развития страны; – суверенно развивать гуманитарное, в том числе – информационно-цифровое, пространство страны как среды жизнедеятельности человека и гражданина; – участвовать в формировании целей и повестки развития человечества, в том числе путем выработки и продвижения собственных представлений о правах и свободах личности, критериях ответственного социально-экономического и политического развития» [2].

Духовный / гуманитарный суверенитет, продолжая идеи Л. Карсавина – следует определить как *способность субъекта исторического творчества* – личности, нации, государства, цивилиза-

ции выйти из уровня «убленеднности» на уровень симфонии /полноты бытия, способность предстать в полноте сил исторического творчества в триединства замыслов:

- «*Что Бог задумал о России?*». Неслучайно А.П. Козырев напоминает нам о позиции классика русской / российской философии В.С. Соловьева утверждающего, что основу русской идеи составляет собой «не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [5, с. 162]. Вопросание о Божественном замысле восстанавливает традиционную для российской интеллектуальной традиции линию богословско-философского дискурса, к которому принадлежали П. Чаадаев, А. Хомяков, Н. Данилевский, К. Леонтьев, В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков, Л. Карсавин, Н. Лосский и др.;

- «*Что Россия как гражданская политическая нация мыслит о себе?*»;

- «*Что каждый из тех, кто считает себя русским/ россиянином мыслит о себе?*».

Подобное *триединое вопрошание* не случайно и исходит из убеждения в том, что ядром гражданской политической нации выступают homo academicus (по П. Бурдьё) или люди, получившие высшее образование и формирующие «костяк» политического класса в качестве чиновников всех уровней, военных, ученых, предпринимателей и промышленников, инженеры и юристы, полицейские и агрономы, людей арт-профессий и богословы.

Весьма важно, чтобы жизненный горизонт гражданской политической нации определяли как светско-ориентированные, так религиозно-ориентированные граждане, поскольку опыт XIX – XX вв. показал, что *воинствующий секуляризм* существенно ослабляет силы любого субъекта истории, лишает его полноты бытия. Полагаю, что прав В.А. Щипков утверждающий, «философия и гуманитарная наука в последние столетия находились в состоянии, когда о традиции и нравственности становилось все труднее, почти невозможно говорить непосредственно. Говорящий находился в общем пространстве дискурса (научном, светском, нормативном), по отношению к которому религиозные темы, а тем более проблема религиозной аксиологии и принципов веры (догматики), являлись бы внешними, то есть вопросами его личного предпочтения и не оказывающими непосредственного влияния на его выводы. Само это

общее пространство подразумевало для всех особую методологию со своим специфическим языком. Оно создавало такие модели знания (позитивные, аналитические или структурные), при которых проблема божественного и непознаваемого объявлялась незначимой: в одинаковой степени могла как учитываться, так и выноситься за рамки речи (маргинализироваться) или вовсе отсутствовать в ней (игнорироваться)» [11, с. 7]. Дмитрий Узланер пишет, что мы можем отнестись к постсекуляризму тройко, как новой эмпирической реальности, нормативной установке и методологической «оптике» социально-гуманитарных дисциплин. Прежде всего, постсекулярное подразумевает «не отбрасывание секулярного, а продолжение работы над онтологией нас самих, которая на определенном этапе своего развития, по тем или иным причинам, оказалась выстроена вокруг секулярных дихотомий и имманентной рамки» [9, с. 31].

На наш взгляд, исходя из теоретико-методологических принципов парадигмы постсекуляризма в стратегии обретения духовного или гуманитарного суверенитета должны проявляться в практиках:

(1) «заботы о должном», отвечающим на теолого-философские вопросы «Что Бог задумал о России?»;

(2) «заботы об общем», где в центре вопросы политико-правового, социально-экономического и социокультурного характера;

(3) «заботы о себе» - позволяющие конституироваться личности каждого человека, способного выступить не только субъектом собственной жизни, но и гражданином.

Все формы *забот* или социально-антропологических практик взаимосвязаны друг с другом и воплощаются в исторической конкретике России в инициативах таких социальных институтов как российское государство, Русская Православная Церковь (шире – все традиционные религиозные сообщества, выдвинувшие в 2000 – н.в. социальные концепции и доктрины) и социально-ориентированные НКО, которые активно выстраивают ее жизненный мир и систему общегражданского мировоззрения, позволяющие выработать стратегию и практики ее суверенного развития.

При этом следует помнить, что у каждого из субъектов причастных к «слову и делу» духовного суверенитета есть неотме-

няемая миссия. Конкретнее, вклад государства состоит в создании конституционных основания для воплощения ценностей исторического субъекта [6; 7], а роль Церкви в *служении – свидетельствовании* о достоинстве человека, его высшем праве «свободе от зла», о приоритете любви над иными ценностями и доминантами в жизни. Значение общественных институций в удержании, сохранении и преумножении нравственного чувства, моральных ориентиров, воли к жизни и радости бытия.

Например, ярким свидетельством поступательного развития России выступают законодательные инициативы, законотворческая деятельность, выработка социально-экономических стратегий и политических манифестов, социальные концепции и научные исследования и т.д. В частности, В. Зорькин, председатель Конституционного суда РФ убежден, что «сейчас нам нужно признать, что Россия ещё не выработала такую стратегию развития, которая отвечала бы ожиданиям российского общества и его представлениям о справедливости, а также тому новому месту в мире, на которое претендует наша страна. Если попытаться сформулировать общие контуры подобной стратегии, то я бы сказал так. Надо суметь соединить присущий российскому народу коллективизм, сформированный, – можно сказать, выкованный, – суровой природой, бесчисленными оборонительными войнами, необходимостью объединить множество наций и народностей «общей судьбой на своей земле», на основе конституционных принципов правового, демократического и социального государства, – с созданием конкурентной экономической и политической среды». Будущее российской философии права он видит в нахождении политико-правовой формулы, сочетающей «идеи индивидуальной свободы и социальной солидарности» [3].

В Российской Федерации (в период 1997 – н.в.) религиозные организации рассматриваются как специфические социально-ориентированные некоммерческие организации (СО НКО), они участвуют в программах Фонда Президентских грантов, Общественной палаты Российской Федерации и т.д. Подобная политика имеет положительное значение. К тому же основные в историко-культурном плане религиозные сообщества России (православных христиан, мусульман, иудеев и буддистов) сами способствовали распространению подобной интерпретации своей деятельности в

структурах современного общества. Активность религиозных сообществ России, реализующих социальные стратегии, следует рассматривать как социально-гуманитарную инновацию, позволяющую переосмыслить исторический опыт XIX – XX вв. и определить новые формы взаимоотношений между государственными структурами и общественными организациями. Сам факт принятия Архиерейским Собором в 2000 г. «Социальной концепции Русской православной церкви» стал важной вехой для институализации новой модели социального поведения и коммуникации в российском обществе [1].

Полагаю, что каждый субъект российской гражданской политической нации должен, по образному выражению Петра Струве стать тест на *«личную годность»*, перейти на уровень гражданского служения как своей лично – духовной практики, где в единстве сочетается как линия «заботы о себе» и «заботы об общем». Важно помнить завет П. Струве: «Мы любим родину, как дитя любит мать. Прекрасное сравнение! Оно у всех на устах, всем сродни. Но родина нам не только мать. Она в такой же мере – наше дитя. Мы в сознательной и бессознательной жизни, духовно и материально, Одно поколение за другим, творим и растим нашу родину. Своей кровью и мышцами мы питаем ее тело, своими стремлениями и помыслами мы напеваем ее душу. Мы творим ее живую и вечно меняющуюся ткань. В разной мере, но все без исключения мы повинны этой творческой работе. Все это не пустая игра слов и не мистические бредни. В нашем отношении к родине сливаются две стихии – созидаящая и дающая, охраняющая и воспринимающая, пророчество и воспоминание» [8].

Круг субъектов российской политической нации довольно обширен, поскольку, В. Расторгуев, реконструируя культурно-историческую матрицу России, отмечал, что среди основных измерений цивилизационной идентичности следует выделить философско-методологическое и богословское, конфессиональное и этнокультурное, историческое и культурологическое, социологическое и лингвистическое (в том числе лингвострановедческое), художественное и эстетическое, территориально-средовое и ресурсное, экологическое, социально-экономическое и технологическое, а также геополитическое и военно-политическое» [10, с. 40].

Следовательно, выраженная ранее идея о том, что ядром гражданской политической нации выступают *homo academicus* (по П. Бурдьё) должна быть дополнена конкретными *практиками личностного служения* философов и богословов, ученых и инженеров, арт-профессионалов и экологов, промышленников и предпринимателей. Для выстраивания практик личностного служения необходимы такие важные атрибуты:

- искусство «вращивать институты»;
- жизнестойкость;
- проактивность, умение сочетать «близкое – далекое»;
- искусство «различать духов» и «вращивать смыслы».

Источники и литература

1. Агапов О.Д. Постсекулярная парадигма как теоретико-методологическое основание взаимодействия религиозных и светских общественных организаций // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. – Т. 33. – С. 115–121.
2. Гуманитарный суверенитет России: вклад философии и науки // Гражданский экзамен. Интеллектуальная платформа (xn--80aaajgidkikjc2ahi8aw3t.xn--p1ai).
3. Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // Российская газета, 2018, 10 октября.
4. Карсавин Л.П. Философия истории. – СПб., 1993.
5. Козырев А.П. Русская философская мысль о цивилизационной специфике России. Наброски к теме // Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития: коллективная монография по материалам Юбилейных международных Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / отв. ред. В.Н. Расторгуев; науч. ред. А.В. Никандров. – М.: Институт Наследия. 2016. – 400 с. – С. 162 – 173.
6. Основной закон России: величие страны и достоинство граждан / под ред. Ф.З. Алиева, Б.В. Межуева, А.Б. Рудакова. – Рыбинск: Медиа-роуст, 2021. – 256 с.
7. Совершенствование понятийного аппарата в сфере государственной культурной политики современной России. – М.: Институт Наследия, 2020. – 118 с.
8. Струве П. Patriotica. Россия. Родина. Чужбина. – СПб.: РГХИ, 2000. – 356 с.

9. Узланер Д. Введение в постсекулярную философию // Логос. – 2011. – № 3. – С. 3–33.

10. Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы / под общ. ред. В.А. Черешнева, В.Н. Расторгуева. – М., 2018. – 440 с.

11. Щипков В.А. Слово к читателю // Тетради по консерватизму. – 2019. – № 3.

И.В. Висневский*

DOI: 10.47905/9785604872161_147

СТЕФАН ВИНОКУРОВ – ПЕРВЫЙ ЗАКОНОУЧИТЕЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ФЕЛЬДШЕРИЦ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В Г. ИРКУТСКЕ

***Аннотация.** В данной статье говорится об открытии в 1893 году Иркутской центральной школы фельдшерниц (ЦШФ). Представлен анализ зачисленных слушателей на 1-й курс по сословной принадлежности по образованию, по семейному положению и по вероисповеданию, рассказывается о первом законоучителе ЦШФ, преподавателе Закона Божия отце Стефане Винокурове.*

***Ключевые слова:** Иркутская центральная школа фельдшерниц, Закон Божия, Священник Стефан Винокуров – первый законоучитель ЦШФ.*

STEFAN VINOKUROV IS THE FIRST CATECHIST OF CENTRAL MEDICAL ASSISTANT SCHOOL OF EASTERN SIBERIA IN IRKUTSK

***Abstract.** This article describes the opening of Central Medical Assistant School for girls of Eastern Siberia in Irkutsk in 1893. It presents the analysis of educational level, marital status, religious and class identity of enrolled students. Moreover, the article also tells about Father Stefan Vinokurov. He*

* **Висневский Игорь Владиславович**, преподаватель, Иркутский базовый медицинский колледж (г. Иркутск, Россия).

Visnevskiy Igor Vladislavovich, Lecturer, Irkutsk basic medical college (Irkutsk, Russia).

was the first catechist of Central Medical Assistant School for girls of Eastern Siberia in Irkutsk, who taught the laws of God.

Key words: *Central Medical Assistant School for girls of Eastern Siberia in Irkutsk; the laws of God; Father Stefan Vinokurov; the first catechist of Central Medical Assistant School for girls of Eastern Siberia in Irkutsk.*

После многолетних обсуждений, согласований и ожиданий, подготовительной работы, 3 октября 1893 г. состоялось открытие Иркутской центральной школы фельдшерниц. Это первое в Восточной Сибири учебное заведения, которое осуществляло подготовку медицинского персонала среднего звена. Оно положило начало медицинскому образованию в Иркутске.

Директором Иркутской центральной школы фельдшерниц был назначен старший врач Кузнецовкой больницы доктор Павел Асташевский "...как вполне опытный в больничном деле медик, служивший прежде сверхштатным ассистентом терапевтического отделения факультетской клиники Императорского Казанского Университета..." [9]

23 августа 1893 г. педсовету школы были представлены 29 прошений, поданных для поступления в школу.

На основании параграфа 8 устава школы первыми были рассмотрены прошения 4-х лиц, принадлежащих к сельскому сословию. Трех из них, как имеющих надлежащие свидетельства по образованию и удовлетворяющих всем прочим требованиям устава, было решено принять без экзаменов, а четвертая, инородка Татьяна Чистохина, не имела установленного свидетельства, но в течение года безвозмездно «...работала при больнице и доказала свое усердие и умения в уходе за больными...» [4]. Она по решению педсовета после сдачи экзаменов на "удовлетворительно" была зачислена ученицей в ЦШФ.

По степени образования лица из других сословий были распределены следующим образом: 5 чел. с дипломами о домашнем образовании, 4 чел. с дипломами прогимназий, 4 чел. с аттестатами Иркутского сиропитательного дома, 3 чел. со свидетельством 3 и 4 классов гимназии.

Таким образом, были приняты: по свидетельствам разных учебным заведениям 20 чел., и 1 чел. по предварительному испытанию. [4]. «...Из них дочери чиновников – 6 чел., из мещан – 4 чел.;

купеческих дочерей – 1 чел.; из крестьян – 3 чел.; дочерей священников – 2 чел.; жена фельдшера – 1 чел.; из казаков – 2 чел.; из дворян – 1 чел.; инородка – 1 чел. Отказано восьмерым просительницам...». Педсовет ЦШФ от 30 сентября 1893 г. постановил начать занятия 4 октября 1893 г. [5].

Поступающие в школу были распределены по религии: 20 - православного вероисповедания и 1 - иудейского.

По семейному положению – 20 девиц, и 1 замужняя [4].

23 августа 1893г. педсоветом школы была утверждена программа преподавания для первого класса. В перечень предметов входили: Закон Божий, русский язык, латинский язык, арифметика, география, история [7].

Расписание занятий первого класса включало 5 уроков с понедельника по субботу. Учебный день начинался с 9:00 часов, и заканчивался в 14:30 [2].

Переводные экзамены для учениц первого класса были определены с 5 по 27 мая 1894 г. [8]

На основании параграфа 19 утвержденного 13 сентября 1892 г. устава ЦШФ губернатором были утверждены следующие лица в должности преподавателей [3]:

- домашняя учительница Варвара Шешунова – преподавательница арифметики и русского языка;
- дочь почетного гражданина Евгения Трекина – учительница истории и географии;
- женщина-врач Анна Семеновна Ковригина – надзирательница (завуч) школы;
- священник отец Стефан Винокуров – преподаватель Закона Божия [3].

В России к концу XIX в. Закон Божия представлял собой один из главных учебных предметов начальных и средних учебных заведений и имел целью обучение истинам христианской религии, правилам религиозной нравственности, знакомство с основными положениями православного вероучения, богослужением, Священной историей и, по сути, являлся введением в катехизис [1]. Как предмет преподавания, слагался в низших школах – из церковных молитв, священной истории, объяснения богослужения из катехизиса, а в средних учебных заведениях к этому присоединялась ис-

тория христианской церкви. Правом преподавания Закона Божия, на основании церковных канонов [12] и действующего тогда законоучительства – обладали исключительно священнослужители и лица, окончившие духовные школы не ниже семинарии. Кроме преподавания Закона Божия законоучитель руководил еще и молитвой учеников, чтением ими Священного Писания и религиозных книг, а также призван был «следить за исполнением ими долга исповеди и причащения, наставляя учеников в соблюдении правил Церкви» [13].

Именно таким законоучителем в ЦШФ стал отец Стефан Винокуров. Он родился в Якутской области в городе Вилюйске, сын священника. Обучался наукам, преподававшимся в Иркутской духовной семинарии. По окончании курса в Иркутской духовной семинарии выпущен 1 июля 1872 года с аттестатом 2-го разряда. Определен учителем 2-го приготовительного класса при Якутском духовном училище [11]. Женат на Татьяне Димитриевой и имеет детей Анну, Марию, Иннокентия, Михаила.

3 марта – 15 сентября 1873 г.	Помощник смотрителя в Якутском духовном училище.
1 января – 3 августа 1873 г.	Преподавал латинский язык в 1 классе.
3 августа 1873 г. – 5 августа 1874 г.	Учитель 2-го приготовительного класса в том же училище. Рукоположен в диаконы, рукоположен в священники. Определен в Народную Николаевскую церковь.
5 июня – 5 августа 1873 г.	Исправлял должность члена правления Якутского духовного училища. По прошению переведен в Благовещенскую церковь. Награжден набедренником за усердное исполнение звания на частных золотых приисках.
Объявлены благодарности на частных золотых приисках... за исправление христианских треб у кочующих тунгусов и за проповедание им слова Божия.
Объявлена благодарность Его Преосвященства Дионисия – епископа Якутского и Вилюйского за значительный сбор денег в пользу больных и раненых воинов...
Преподано благословение Его Преосвященства Высокопреосвященного Вениамина архиепископа Иркутского и Нерчинского за ревностное усердие в сборе пожертвований в пользу Градо Иркутской Владимирской церкви...
Март 1891 г.	По прошению принят в Иркутскую епархию после отпуска в декабре 1890 года.
По прошению определен в Кудинскую Свято-Троицкую церковь. В старшем отделении Кудинской церковно-приходской

школы преподавал закон Божий.

Май 1892 г.

По прошению переведен в Покровскую домовую церковь Иркутской приготовительной школы Сибирского кадетского корпуса. Законоучитель школы.

Октябрь 1892 г.

Епархиальным начальством назначен катехизатором во Второй воскресной школе г. Иркутска при Кресто-Воскресенной школе. Преподавал Закон Божий [11].

В возрасте 40 лет священник Стефан Винокуров переходит на должность законоучителя ЦШФ. По его настоянию на педсовете ЦШФ от 12 ноября 1893 г. были приобретены карты Палестины и Средней Азии для изучения священной истории [6]. В ЦШФ он был первым руководящим лицом в религиозно-нравственном воспитании учащихся, Стефан Винокуров прививал своим ученицам любовь к ближнему, милосердие, сострадание, терпение и справедливость. Учил их помогать страждущим, иметь самообладание, быть твёрдыми в вере, бдительными и аккуратными в своей профессии. По итогам каждого учебного года в числе предметов подлежащих экзаменованию на первом месте во всех классах, с 1-го по 4-й, стоял предмет Закон Божий. Ни одной удовлетворительной оценки по этому предмету не было, все ученицы сдавали данный предмет на оценки «хорошо» и «отлично», так как одним из важнейших постулатов медицины являлось милосердие и служение людям. Эти заповеди учащихся ЦШФ стали неотъемлемыми для медицинских работников и на протяжении 130 лет сохраняются и передаются всем поколениям этого учебного заведения, несмотря на изменения в его названии и в политике государства.

Источники и литература

1. Бычкова В.М. Некоторые моменты из истории преподавания Закона Божия в России // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. – 2009. – Вып. 1 (12). – С. 7–20.
2. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.
3. ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
4. ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.
5. ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

6. ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.
7. ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
8. ГАИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. Л. 45.
9. ГАИО. Ф. 32. Оп. 9. Д. 247. Л. 27.
10. ГАИО. Ф. 127. Оп. 1 Д. 3. Л. 18-20 Об. «Формулярный список законоучителя Иркутской приготовительной школы Сибирского кадетского корпуса священника Стефана Евдокимова Винокурова. Составлено 21 июня 1893 г.»
11. Правила Святого Вселенского VI Собора, Константинопольского, 64 прав [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Азбука Веры. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/kanony-ili-kniga-gravil/10> (дата обращения: 26.12.2022).
12. Синельников С.П. Закон Божий. Преподавание Закона Божия в учебных заведениях России до 1917 г. [Электронный ресурс] // Научный богословский портал Богослов RU. – URL: <https://bogoslov.ru/article/453126> (дата обращения: 26.12.2022).

Е.Б. Волосова*

DOI: 10.47905/9785604872161_152

О ВОСТРЕБОВАННОСТИ ТЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Данное исследование проводится в рамках проекта «Теологическое образование в светском вузе», начатого в 2022 году на базе ИГУ. В основу данной статьи положены интервью, взятые у студентов, обучающихся по специальности Православная теология в Иркутском государственном университете. Мы поставили перед студентами четыре вопроса: что такое теология, кто такой теолог, какова степень востребованности теологии в современном российском обществе, кем вы хотели работать после окончания вуза. Все вопросы тесно взаимосвязаны и помогают нам в решении поставленной задачи – понять место теологического образования, получаемого в государственном вузе, в современном российском обществе.

* **Волосова Евгения Борисовна**, кандидат философских наук, доцент, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия).

Volosova Evgeniya Borisovna, Candidate of philosophical sciences, Associate professor, Irkutsk state university (Irkutsk, Russia).

Ключевые слова: теология, теолог, теологическое образование, востребованность теологического образования, трудоустройство выпускников светских вузов.

ON THE RELEVANCE OF THEOLOGICAL EDUCATION IN MODERN SOCIETY

Abstract. *This research is carried out within the framework of the project "Theological education in a secular university", launched in 2022 on the basis of the ISU. This article is based on interviews taken from students studying Orthodox Theology at Irkutsk State University. We posed four questions to the students: what is theology, who is a theologian, what is the degree of demand for theology in modern Russian society, who did you want to work with after graduation. All issues are closely interrelated and help us in solving the task – to understand the place of theological education received at a state university in modern Russian society.*

Key words: *theology, theologian, theological education, demand for theological education, employment of graduates of secular universities.*

В основу данной статьи положены интервью, взятые у студентов, обучающихся по специальности «Православная теология» в Иркутском государственном университете. Данное исследование проводится в рамках проекта «Теологическое образование в светском вузе», начатым в 2022 году, на базе ИГУ [1].

Интервью были проведены среди двух групп: студентов третьего курса (интервью взято в 2021 г.) и студентов третьего курса (интервью взято в 2022 г.). Соответственно, студенты первой группы через несколько месяцев уже заканчивают обучение, что определило более высокую степень информативности их ответов на поставленные вопросы. В остальном особых различий между группами установить не удалось.

Изначальным был вопрос о понятии «теология». Какой смысл вкладывается в это понятие? С данным вопросом тесно связан другой – кто такой теолог как специалист, окончивший светский университет.

Первоначально, т.е. до поступления в вуз, представления о теологии были расплывчатыми или вообще отсутствовали. Прочувшись три года по программе бакалавриата, студенты первой группы стали формулировать для себя данное понятие более четко,

различая три дисциплины – теологию, богословие и религиоведение. Например, «теология – это междисциплинарная наука, которая изучает воздействие религии на социум или исследует, как современное общество воспринимает тексты отцов-основателей церкви»; «теология должна полноправно считаться наукой, но это недооцененная наука, она имеет такое же влияние на физику, как и философия, история или русский язык»; «сегодня под теологией обычно понимается светская область, изучающая разные религии, будь то христианство, буддизм или иудаизм, а под богословием – систематическое учение о Боге, основанное на изучении Св. Писания и Св. Предания Церкви. На мой взгляд теология является как раз связующим звеном между богословием и религиоведением»; «теология отличается от религиоведения углубленным изучением одной религии, а также более глубоким изучением Св. Писания».

Как мы видим, в сознании студентов формируется восприятие теологии как науки, почти смыкающейся со светской дисциплиной религиоведения. Ее функцией выступает изучение разных религий (или религии в целом), их влияния на современное общество.

Обратимся теперь к вопросу о теологе – специалисте, выпускнике светского вуза. Какими качествами он должен обладать? Какие компетенции должен вырабатывать? Студенты 2022 г. отмечают, что теолог не должен предвзято относиться к какой-либо религии. Несколько человек отметило, что теолог может быть атеистом, т.е. не обязательно быть приверженцем какой-либо религии, религиозным наставником или православным христианином. Он всего лишь изучает религию. «К примеру, если студенты проходят практику в мечети, это не говорит о том, что из него готовят служителя религиозного культа». Во время обучения в вузе он приобретает навыки анализа, понимания сути проблемы, нахождения информации и выделения из нее главного.

Что об этом пишут студенты второй группы? «Объяснить родным и друзьям, кто такой историк гораздо проще, чем кто такой теолог. Мне кажется, что теолог – это проводник, посредник между культурой и религией, вряд ли он скажет народу, есть ли Бог на самом деле, но направить в нужном русле определенно в его компетенции».

Суммируя ответы студентов, мы видим, что в случае с теологом невозможно рассуждать о каких-то узко религиозных качествах. Теолог – это профессионал с широким мировоззрением. Он обладает многими качествами, которые могут оказаться необходимыми для дальнейшего трудоустройства. Он вооружен знаниями в области религиоведения, гуманитарных, правоведческих и естественных дисциплин. Он разбирается в социологии, педагогике, философии, истории, этнологии. Теолог постоянно совершенствуется и расширяет свои знания. Научно-исследовательская и методическая работа, возможно, потребует от него аналитического и логического мышления, развитого литературного языка. Работа в образовании, воспитании – коммуникабельности и ораторского мастерства. Он должен быть терпеливым, доброжелательным, отзывчивым, уметь внимательно выслушать и поддержать человека. Теолог, по мнению студентов обеих групп, должен стать посредником между церковью, различными конфессиями и обществом.

Далее был поставлен вопрос о степени востребованности (необходимости) теологии в российской жизни сегодня. Этот вопрос тесно связан с будущим трудоустройством выпускников, о котором они начинают серьезно задумываться на 3-м году обучения. Большинство представителей первой группы (2022 г.) стали рассуждать о функциях теологии, в первую очередь – это помощь государственным органам в разрешении религиозных конфликтов в обществе. «После распада СССР на территориях бывшего Союза произошел всплеск национальной идентичности. Это выражалось в возвращении к своим культурным традициям. На первый план выходит религия. Спустя много лет страны бывшего СССР продолжают тесно взаимодействовать, и я считаю, что стране нужны такие специалисты как мы, дабы межрелигиозные вопросы различных конфессий проходили мирно». Эта функция является актуальной и для Иркутска по причине наличия разнообразия религиозных конфессий (христианство, мусульманство, иудаизм, бурятский шаманизм и буддизм), а также наличия полузаконных сект (кришнаитов, старообрядцев, евангелистов). В данных условиях потребность в специалистах высока. «Мы профессионально должны разъяснять обществу религиозные вопросы, а представителей разных конфессий принуждать к миру и диалогу. Под словом «принуждать» я имел в виду мирное урегулирование конфликтов без сило-

вых вмешательств одной из сторон. В общем, аргументами показать сторонам их правоту или неправоту, пользуясь их символами веры. Разумеется, я должен решить этот конфликт в рамках действующего законодательства страны, на территории которой происходит данный конфликт».

В тоже время студенты осознают, что существуют проблемы на рынке труда. «С востребованностью не все так гладко. В образовательных, административных и правоохранительных органах, конечно же, нуждаются в услугах специалистов теологов, но конкретных должностей для нас нет».

Осознание данной проблемы особенно актуальным делает вопрос о том, где работать выпускнику вуза в Иркутске и Иркутской области. Ответ имеет пока предположительный характер и не имеет ясности для самих выпускников. «Миф о том, что теологи будут «работать» в церкви чуть ли не священниками, является глупым и оскорбительным. Когда меня стараются задеть этим вопросом, я стараюсь с юмором отвечать, ведь понимаю, что люди просто не знают, что это за специальность, считая ее вроде того, чему учат семинаристов. Это еще раз показывает необходимость добавления прозрачности нашему направлению». В списке возможных вариантов будущей профессии находятся работа преподавателем в вузе или в школе (курс ОРКСЭ), продолжение образования в области культурологии, религиоведения, разработка Программы «Земский доктор», работа в государственно-административной службе.

Студенты второй группы, размышляя о будущем трудоустройстве, честно пишут, что практически не думают об этом. Есть некоторые мысли о недостаточности получаемого образования для работы по профессии, например, «чтобы нам, теологам трудоустроиться, нужно не только иметь образование в ИГУ, но также закончить духовное училище (семинарию)»; «сомневаюсь, что после бакалавриата, придя в администрацию, например, я смогу получить работу; в моих планах поступление в магистратуру»; «от обучения на теологии я не столько жду заветную карточку об образовании, сколько собственного развития». Многие студенты этой группы не собираются работать по специальности. Тем более, не идет речь о «работе» в церкви. В тоже время они с восторгом пишут о том, как им нравится учиться на данной специальности: интересно, познавательно, отсутствие принуждения («я не отношу

себя к какой-либо религии, и меня никто за это не корит и не обязывает принимать крещение»).

Итак, мы поставили перед студентами четыре вопроса: что такое теология, кто такой теолог, какова степень востребованности теологии в современном российском обществе, кем вы хотели работать после окончания вуза. Все вопросы тесно взаимосвязаны и помогают нам в решении поставленной задачи – понять место теологического образования, получаемого в государственном вузе, в современном российском обществе. Опираясь на интервью студентов - теологов, будущих выпускников, мы пришли к следующим выводам. В процессе обучения студенты формируют представление о теологии как широкой образовательной дисциплине, изучающей разные религии, в том числе православие. Теологическое образование дает возможность сформировать важные компетенции – гуманитарные, социальные, психологические, которые не только создают базу для будущего трудоустройства, но способствуют развитию личности и продолжению образования, например, в магистратуре. Теологическое образование, таким образом, является востребованным современной молодежью. Если говорить о месте данного образования в российском обществе, то оно занимает важное место в развитии межнациональных отношений. Однако главной проблемой остается невостребованность специалистов – теологов, а также отсутствие четкой программы их трудоустройства. В результате большинство из них работают не по специальности и даже не в смежных областях. Данная картина характерна не только для нашего региона, но и для РФ в целом [2].

Источники и литература

1. Волосова Е.Б. Влияние теологического образования на формирование мировоззрения студентов государственных вузов (на примере Иркутского государственного университета) // Прагматика гуманитарного знания: проблемы и перспективы. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 29-30 апреля 2022 г. – Иркутск: ИГУ, 2022. – С. 96-105 (электронный вариант).

2. Кто кем работает? Теологи [Электронный ресурс]. – URL: <http://m.vk.com/topic-154278> (дата обращения: 21.02.2021).

DOI: 10.47905/9785604872161_158

250 ЛЕТ ИЕРУСАЛИМСКОМУ КЛАДБИЩУ

***Аннотация.** Рассматривается история создания городского кладбища, разделенного на участки погребения для православных, старообрядцев православных, католиков, лютеран, иудеев, с отдельными погребениями суннитов. Освещены усилия общественной организации по воссозданию территории брошенного кладбища в мемориал, отмечены перспективы дальнейшей работы на территории мемориального комплекса.*

***Ключевые слова:** вероисповедальное направление, однопридельная церковь, христианские конфессии, склеп, купеческие династии, верующие, невоцерковленные, культурное наследие, мемориал, методика раздерновки, эпитафия.*

250 YEARS OF JERUSALEM CEMETERY

***Abstract.** The history of the city cemetery divided into burial sites of Orthodox, Old Believers, Catholics, Lutherans, Jews, with separate burials of Sunnis, is considered. Covered efforts of public organizations on reconstruction of the abandoned cemetery territory in the memorial, prospects of further work in the memorial complex were marked.*

***Key words:** religious direction, one-sided church, Christian denominations, crypts, merchant dynasties, believers, non-recognized, cultural heritage, memorial, methods of discord, epitaph.*

250 лет назад во исполнение указа императрицы Екатерины II в Иркутске основано Иерусалимское городское кладбище. Периодические эпидемии чумы, в том числе на территории России, заставили императрицу и Святейший правительствующий Синод принять ряд законодательных актов, регламентирующих правила мест погребений. Было предписано разделение территорий

* *Китаев Владимир Александрович*, ИРОО «Иркутский исторический некрополь» (г. Иркутск, Россия).

Kitaev Vladimir Alexandrovich, Irkutsk historical necropolis (Irkutsk, Russia).

кладбищ и церквей всех исповедальных направлений, как мест регулярного сбора большого количества людей.

Время основания Иерусалимского кладбища обычно определяют по записи за 1772 год в летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова: «В октябре, вследствие указа, запрещено погребать умерших при церквях, и отведено место для кладбища, далее Крестовоздвиженской церкви...» [1, с. 100]. Фактически исполнение указа было осуществлено с обычной российской неторопливостью, и только летом 1793 года были проведены работы по обустройству территории. Тогда же была заложена первая церковь на территории кладбища, освященная во имя Входа Господа в Иерусалим. Здание было одноэтажным, без колокольни, с одним пределом. В народном обиходе, а затем и официальных документах кладбище стали именовать Иерусалимским, а место расположения – Иерусалимской горой. Строительство новой, более вместительной, церкви во имя Входа Господа в Иерусалим было начато в 1820 году [2, с. 115-117]. Проект разработал томский губернский архитектор А.П. Деев. Архитектура здания отличалась от традиционных иркутских церквей того периода и соответствовала тенденциям общерусского классицизма. Её освящение состоялось 25 июля 1835 года. Между тем, вследствие обычных для Иркутска землетрясений, здание старой однопрядельной церкви пришло в ветхость, в негодность и было разобрано в 1867 году. В христианских конфессиях на месте алтарной части храмов принято ставить часовни, что и было сделано: в 1893 году здесь возвели часовню Второго Пришествия [2, с. 166].

За время от основания до официального закрытия в 1929 году на территории Иерусалимского кладбища упокоено около ста двадцати тысяч иркутян различных вероисповедальных направлений: при создании были определены участки православный, старообрядческий православный, католический, лютеранский, иудейский. Были отмечены отдельные мусульманские захоронения, в основном суннитские. «На Иерусалимском кладбище находятся захоронения иркутских купцов, представителей многих купеческих династий города XVIII – XIX вв.: Забелинских. Зубовых, Шигаевых, Векшиных, Тюрюминых, Свешниковых, Чупаловых, Ланиных, Сизовых, Саватеевых, Нефедьевых, Балакшиных, Оболкиных, Харинских, Аксеновых, Верхотиных, Гуриных, Акуловых, Герасимовых, Пестеревых, Болдаковых, Логиновых, Сумкиных, Мичури-

ных, Несытовых, Самариных, Белоголовых, Малковых, Курносовых, Сказываемых, Масловых. ...Находились некрополи купеческих династий Басниных, Трапезниковых, Сибиряковых» [3, с. 930]. В архивном фонде Иркутского областного краеведческого музея представлены фотоснимки территории кладбища того периода:

Во все времена судьба кладбища была весьма непростой. Разрушалась ограда, по территории погоста бродил скот, мародеры похищали надмогильные плиты, грабили склепы. Несколько раз городская дума рассматривала вопрос о закрытии. Однако настоящая катастрофа произошла со сменой государственной власти в России, когда были начаты гонения на церковь, православную в первую очередь, представляющую интересы большей части населения. Были предприняты попытки выжечь из сознания людей по-

нимание своего исторического прошлого, уважение к предшествующим поколениям. Была разрушена часовня Второго Пришествия, построенная на месте алтаря первой Выходо-Иерусалимской церкви. На её месте издевательски соорудили танцплощадку. В 1930 – 1950-е годы надмогильные плиты выламывались и вывозились с территории для нового городского строительства. На части иудейского участка были построены здания кинотеатра и райкома КПСС. Территория Иерусалимского городского кладбища стала именоваться Центральным парком культуры и отдыха.

Хорошо известно, что уверенно двигаться вперед можно только обладая достоверными знаниями о своем прошлом. Усилиями общественности была подготовлена и 6 декабря 2013 года проведена научно-практическая конференция «Иркутский мемориал: исследования и реконструкция», которая обобщила работу по сохранению культурного наследия региона за десятилетний период [4]. Было, в частности, отмечено удручающее состояние территории бывшего городского кладбища, ставшего прибежищем асоциальных элементов, выявлена реальная угроза месту упокоения – возможность застройки такой привлекательной для коммерсантов площадки в центре города.

На конференции было решено создать общественную организацию для спасения территории Иерусалимского городского кладбища и превращения её в мемориальный комплекс. Свои усилия объединили священнослужители и прихожане православного, иудейского, католического, лютеранского и суннитского религиозных направлений, а также невоцерковленные верующие. Одним из первых замеченных обществом действий новой общественной организации стала установка 22 декабря 2014 года информационных щитов на всех четырех входах на территорию, дана информация о расположении религиозных участков кладбища, приведены основные даты его истории.

Основные свои усилия Правление ИРОО «Иркутский исторический некрополь» направляет на решение нравственных проблем: регулярно, начиная с 2014 года, проводились массовые шествия по территории 4 ноября с проведением молебнов на каждом религиозном участке. Шествие символизирует объединение усилий народа и память о восстановлении утраченной когда-то, на время,

государственности. Также стали традиционными ежегодные субботники по расчистке территории.

Строительные работы по сооружению знака иудейского участка

С 2015 года по инициативе организации на территории кладбища создается историко-мемориальный комплекс. Благодаря настойчивым усилиям Правления, Службой по охране объектов культурного наследия Иркутской области подготовлены проекты законодательных актов на создание и охрану мемориала. Эта работа 26 апреля 2017 года увенчалась приказом № 88277-р Министерства культуры Российской Федерации «О регистрации объекта культурного наследия регионального значения «Иркутское мемориальное Иерусалимское кладбище», 1772-1920–е гг. (Иркутская область) в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Российской Федерации». Член Правления архитектор О.Б. Бадула на общественных началах разработал концепцию историко-мемориального комплекса [5]. Проведены три очереди работ на средства «Комфортная городская среда», обеспечившие впечатляющие изменения облика территории мемориала. В стадии реализации находится четвертая очередь ремонтно-восстановительных работ. Это находит активный положительный отклик у горожан и гостей города. На денежные средства верующих создаются знаки религиозных участков кладбища.

Правлением ИРОО «Иркутский исторический некрополь» последовательно инициируются и держатся под контролем работы иркутских исследователей, посвященных проблемам Иерусалимского кладбища. На средства общественной организации выполнены исследования и подготовлена к изданию монография А.Н. Гарашенко [6]. 19 мая 2019 года проведена вторая научно-практическая конференция «Иркутский мемориал: исследования и реконструкция», среди авторов выступлений на которой был ряд участников из-за рубежа. [7]. Сообщения участников конференции представили результаты исследований, посвященных актуальным вопросам практической деятельности по восстановлению и сохранению исторической памяти. Отмечен, в том числе, вклад ИРОО «Иркутский исторический некрополь».

Правление активно участвует в областном конкурсе грантов «Губернское собрание общественности», на полученные денежные средства в течение трех лет обследована территория мемориала археологической методикой раздерновки, найдены сто три частично погруженные в верхний почвенный слой надмогильные плиты,

не вывезенные в свое время при разгрома кладбища. Более половины плит не перемещены от могил, на которых были установлены. Часть перемещенных с места первоначальной установки плит, с утратившими в значительной мере эпитафиями, перенесена на подготовленную площадку у Входа-Иерусалимской церкви. На средства последующих грантов организована работа по обустройству этих важнейших элементов кладбища, обеспечивающих достоверность мемориала. По каждой группе надмогильных плит Правлением на выездных заседаниях принимается решение об очередном этапе работ, подготавливается и утверждается план производства работ.

В первую очередь производится обустройство групп плит, находящихся около дорожек в наиболее посещаемых участках кладбища.

Установка надмогильной плиты на место постоянного размещения

Главной целью создаваемого мемориального комплекса является сохранение благодарной памяти о людях, чей упорный труд позволил обустроить наш непростой для жизни край. К настоящему времени созданы и размещены на территории 19 информационных двусторонних стендов, посвященных выдающимся представителям иркутской общественности, упокоенным на Иерусалимском кладбище.

Четвертый этап работ по обустройству мемориала предполагает установку еще 16 аналогичных двусторонних стендов. Отдельной программой четвертого этапа является создание Аллеи Георгиевских кавалеров. Эти пятнадцать офицеров в боях за Отечество были удостоены высшего отличия за личную храбрость – знака ордена Святого Георгия. Вернулись в Иркутск, прожили достойную жизнь и упокоены на Иерусалимском кладбище. В будущем будет очень правильно проводить молебны 5 мая в день памяти Святого Георгия Победоносца, как первый шаг Бессмертного Полка. Это вернет в сознание людей понимание единства всех положивших жизнь во славу Отечества.

Главной, остающейся навсегда, проблемой есть и будет отсутствие возможности достойно отметить в мемориале память всех знаменитых соотечественников. Иллюстрацией может служить обнаруженная при раздирновке весной-летом 2017 года надмогильная плита с эпитафией Гавриле Андреевичу Линингрону – человеку, немало способствовавшему экспедициям Григория Ивановича Шелихова.

Плита размещена с надлежащим комплексом обустройства на месте размещения могилы рядом с территорией бывшего здания первой Входа-Иерусалимской церкви. Счастливый случай позволил отметить достойного человека.

Следующим большим этапом деятельности ИРОО «Иркутский исторический некрополь» станет создание музея Иркутского мемориального Иерусалимского кладбища, как материальной основы воспитательной работы со школьниками и молодежью на примере упокоенных на территории мемориала выдающихся соотечественников, горожан, которыми Иркутск может по праву гордиться. Может и должен!

Источники и литература

1. Пежемский П.И., Кротов В.А. Иркутская летопись. – Иркутск, 1911.
2. Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии. – Москва, 2000.
3. Мокеев Н.И. Иркутское Иерусалимское кладбище // Сибирский архив. – 1912. – № 12.
4. Иркутский мемориал: исследования и реконструкции: материалы научно-практической конференции. Иркутск, 6 декабря 2013 г. / ред. А.И. Гаращенко. – Иркутск: Оттиск, 2014. – 228 с.
5. Концепции реконструкции Городского Иерусалимского кладбища. – Иркутск. 2015. – 18 с.
6. Гаращенко А.Н. Иркутский исторический некрополь: Иерусалимское кладбище. – Иркутск. Земля Иркутская, 2016. – 463 с.
7. Иркутский мемориал: исследования и реконструкции. Материалы международной научно-практической конференции. Иркутск, 17 мая 2019 г. – Иркутск, 2019. – 227 с.

И.С. Мерзлякова*

DOI: 10.47905/9785604872161_166

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ РЕБЕНКА КАК СУБЪЕКТА СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы реализации и защиты имущественных прав ребенка в рамках семейного, гражданского, жилищного, трудового, социального законодательства, других отраслей права, международного права. Несмотря на повышенное внимание законодателя к правам несовершеннолетних, существуют противоречия и правовые пробелы в этой области, анализируется судебная практика.

Ключевые слова: имущественные права, несовершеннолетний, законный представитель, органы опеки и попечительства, защита прав ребенка.

* *Мерзлякова Ирина Станиславовна*, кандидат культурологии, доцент, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия).

Merzlyakova Irina Stanislavovna, Candidate of culturology, Associate professor, Zabaikalskiy state university (Chita, Russia).

PROBLEMS OF REALIZATION AND PROTECTION OF PROPERTY RIGHTS OF A CHILD AS A SUBJECT OF FAMILY RELATIONS

***Abstract.** The article deals with the implementation and protection of the property rights of the child within the framework of family, civil, housing, labor, social legislation, other branches of law, international law. Despite the increased attention of the legislator to the rights of minors, there are contradictions and legal gaps in this area, judicial practice is analyzed.*

***Key words:** property rights, minor, legal representative, guardianship and guardianship authorities, protection of the rights of the child.*

Важнейшим этапом, на котором происходит подготовка человека к взрослой жизни, развитие его личности и становление его как субъекта общества, является детство. Именно поэтому можно смело сказать, что особую значимость имеет закрепление в законодательстве правового статуса ребенка, определение способов защиты его прав и интересов со стороны государства.

Правовой статус ребенка в РФ включает в себя личные неимущественные и имущественные права ребенка. Данный правовой статус представлен нормами Конституции РФ 1993 г.) [1; 12], Конвенции ООН «О правах ребёнка» (1989 г.) [2], Семейного кодекса РФ от 29 декабря 1995 г. [4], Федерального закона от 24 июля 1998 г. «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [7], Федерального закона от 24 апреля 2008 г. «Об опеке и попечительстве» [6], Федерального закона от 21 декабря 1996 г. «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [8], а также общепризнанными принципами и нормами международного права, соответствующими международными договорами РФ и др.

При определении круга имущественных прав ребенка следует обратить внимание на ст. 60 Семейного кодекса РФ. В указанной статье законодатель закрепляет три вида основных имущественных прав ребенка: право на получение содержания от своих родителей и других членов семьи; право собственности на полученные им доходы, имущество, полученное им в дар или в порядке наследования, а также на любое другое имущество, приобретенное

на средства ребенка; право владеть и пользоваться имуществом родителей с их согласия при совместном с ними проживании [4].

Исходя из определенного законодателем круга, можно сделать вывод, что под имущественными правами ребенка можно понимать конкретные волевые отношения, возникающие между ребенком и другими субъектами по поводу определенного имущества.

Говоря о праве ребенка на содержание от своих родителей, И.О. Басова отмечает: «Обязанность родителей по воспитанию и содержанию детей предполагает заботу о благополучии ребенка в целом, включая физическое, духовное, нравственное развитие ребенка, создание наиболее комфортных жилищных условий его проживания, а также создание условий для получения ребенком достойного образования» [9, с. 65]. Данная обязанность родителей без определенных материальных вложений надлежащим образом не может быть реализована. При невозможности получения ребенком содержания от своих родителей он имеет право на алименты от других членов семьи [16, с. 147].

Право ребенка на распоряжение принадлежащим ему на праве собственности имуществом определяется положениями гражданского законодательства. Так, несовершеннолетние в возрасте до шести лет не имеют даже частичной дееспособности – все сделки за них от их имени совершают их родители, усыновители, опекуны. Дети в возрасте от шести до 14 лет вправе самостоятельно совершать: мелкие бытовые сделки; сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, если эти сделки не требуют нотариального удостоверения или государственной регистрации; сделки по распоряжению средствами, которые им предоставляет законный представитель или с его согласия третье лицо для определенной цели или для свободного использования [3].

Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет вправе самостоятельно без согласия родителей лиц их заменяющих: распоряжаться своим заработком, стипендией, иными доходами; осуществлять права автора произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законом результата своей интеллектуальной деятельности; вносить вклады в банки и иные кредитные учреждения и распоряжаться ими; совершать лю-

бые сделки, разрешенные для детей от шести до 14 лет; с 16 лет – вступать в кооператив [3].

Ребенок не имеет права собственности на имущество родителей, а родители в свою очередь не имеют права собственности на имущество ребенка. Однако если родители и дети проживают совместно они вправе владеть и пользоваться имуществом друг друга по взаимному согласию [13, с. 85]. В случае возникновения права общей собственности у детей и их родителей их правомочия на такое имущество определяется гражданским законодательством.

В числе имущественных прав ребенка Семейный кодекс РФ называет также право на получение причитающихся ему платежей, выплачиваемых из государственного бюджета [15, с. 207]. Кроме того, Федеральный закон от 19 мая 1995 г. «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» в ст. 3 называет целый ряд иных государственных пособий, позволяющих создать надлежащие условия воспитания ребенка. Например, единовременное пособие при рождении ребенка; ежемесячное пособие по уходу за ребенком; ежемесячное пособие на ребенка; единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью; ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву [5].

Понятие правовой защиты несовершеннолетнего не имеет законодательного закрепления, но к ней следует отнести совокупность нормативных правовых актов, наделяющих уполномоченные органы или самого несовершеннолетнего возможностью применять определенные законом меры с целью восстановления нарушенных прав несовершеннолетнего или пресечения нарушения его права.

Способы защиты материальных и нематериальных прав несовершеннолетнего, как малозащищенного субъекта, имеют особую значимость. Способы защиты прав несовершеннолетнего можно рассматривать с точки зрения гражданского и семейного права.

При этом стоит подчеркнуть различия между гражданско-правовыми способами защиты прав несовершеннолетних и семейно-правовыми. Так, гражданско-правовые способы направлены на эффективность, стабильность, оперативность гражданского оборота и участия в нем ребенка, а семейно-правовые - на укрепление

семейных отношений, ценностей, на всестороннее развитие и образование ребенка.

Принято выделять две формы защиты семейных прав: юрисдикционную, которая представляет собой действия органов власти и должностных лиц, и неюрисдикционную, то есть действия самих субъектов семейных правоотношений. При реализации неюрисдикционной формы и способы защиты устанавливаются субъектом самостоятельно, но в рамках, установленных законом. Юрисдикционная же форма защиты семейных прав может осуществляться в общем порядке (судебном) и специальном (административном). Основной формой защиты семейных прав является общий порядок защиты, а именно - подача искового заявления. Как средство защиты прав общего порядка выделяется также подача жалобы и подача заявления.

Но семейное законодательство не содержит четкого и надлежащего правового механизма, который бы позволял беспрепятственно законным представителям, иным лицам и органам, наделенным специальными полномочиями, осуществлять защиту прав и законных интересов ребенка.

Так, например, если исходить из содержания нормы, позволяющей ребенку защитить свои права и интересы способами, предусмотренными ч. 2 ст. 8 Семейного кодекса РФ, можно прийти к выводу, что норма сформулирована в общем виде. Согласно указанной норме «защита семейных прав осуществляется способами, предусмотренными статьями кодекса, а также иными способами, предусмотренными законами» [4]. Реализация данной нормы субъектами права на практике в значительной степени затруднительна. Это обусловлено как причинами объективного характера, так и субъективными. Говоря об объективных причинах, следует выделить отсутствие полной дееспособности у ребенка, недостаток необходимого опыта и знаний для защиты своих прав и интересов. Если же рассматривать субъективные причины, то стоит сказать о том, что в преобладающем количестве случаев реализация прав несовершеннолетних и их защита осуществляются его законными представителями, действия которых должны в полной мере отвечать его интересам. При этом на практике определить, насколько добросовестно действовали законные представители, лица, их замещающие или уполномоченные

органы, действовали ли они исключительно в интересах ребенка, не злоупотребляли ли они своими правами в ущерб ребенку, в полном объеме невозможно. Нередко, в момент совершения родителями действий в пользу и в интересах ребенка они могли действовать именно так – добросовестно и разумно, но спустя какое – то время и даже годы, можно прийти к иному выводу, например, при рассмотрении дела в суде выясняется, что законные представители ребенка действовали не в его интересах.

Для подтверждения сказанного рассмотрим пример из судебной практики.

Так, Трусовский районный суд г. Астрахани рассмотрел дело о признании распоряжения незаконным. В ходе рассмотрения дела было установлено, что Михайлова Т.В. была назначена опекуном малолетнего внука, в связи с тем, что мать ребенка была осуждена по приговору суда к уголовному наказанию в виде лишения свободы, отец ребенка – добровольно передал сына под опеку. Истец указала, что подала исковое заявление в интересах подопечного к отцу ребенка о признании договора купли-продажи жилого помещения недействительным. Отец ребенка после подачи указанного иска обратился в органы опеки с заявлением о передаче ему ребенка на воспитание. Михайлова Т.В. была освобождена от исполнения обязанности попечителя несовершеннолетнего.

Административный истец полагает, что при принятии данного распоряжения административным ответчиком не были учтены интересы несовершеннолетнего ребенка, его мнение о нежелании проживать с отцом, не было принято во внимание, также не учтено, что отец ребенка имеет задолженность по алиментам. Не принято во внимание и то, что со стороны административного истца не было нарушений обязанностей попечителя. Также не принято во внимание, что по оспариваемой сделке отец ребенка действовал не в интересах ребенка, и обращение отца в органы опеки связано только с созданием препятствия для рассмотрения по существу дела об оспаривании сделки купли-продажи квартиры.

В связи с изложенным, административный истец просила признать распоряжение об освобождении Михайловой Т.В. от исполнения обязанностей попечителя несовершеннолетнего незаконным.

При вынесении оспариваемого распоряжения несовершеннолетний ребенок был опрошен, и также отказывался от проживания совместно с отцом, однако, как следует из представленного суду письма, негативные факторы влияния на несовершеннолетнего со стороны отца отсутствуют.

В ходе дела было установлено, что данные о личностных качествах отца ребенка не выяснялись, отношения, сложившиеся между отцом и сыном, в связи с возражениями ребенка по поводу совместного проживания с отцом, были выяснены крайне поверхностно, ограничившись констатацией отсутствия негативных факторов влияния отца на несовершеннолетнего ребенка на соматическом и психофизиологическом уровне.

При этом суд учитывает, что детско-родительские отношения нарушены, со стороны ребенка имеет место отвергающее отношение к отцу, при этом было рекомендовано создать в семье атмосферу взаимопонимания, постепенно восстановить детско-родительские отношения.

В соответствии со ст. 57 Семейного кодекса РФ ребенок вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства [4]. Учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. Суд при рассмотрении дела учел, что орган опеки и попечительства при принятии решения об освобождении Михайловой Т.В. от исполнения обязанностей попечителя в отношении несовершеннолетнего не учел мнение несовершеннолетнего ребенка, по вопросу его возвращения от попечителя к отцу и совместного проживания с ним. При таких обстоятельствах вынесенное в нарушение норм Конвенции о правах ребенка ребенку и Семейного кодекса о необходимости учета интересов и учета мнения ребенка распоряжение органа опеки и попечительства не может быть признано законным.

В связи с изложенным, суд решил иск Михайловой Т.В. о признании распоряжения незаконным, удовлетворить. Признать незаконным распоряжение об освобождении Михайловой Т.В. от исполнения обязанностей попечителя несовершеннолетнего [10].

Исходя из приведенного примера, мы видим, что оценка действий законных представителей ребенка, суждение о том, действовали ли они добросовестно или нет, могут быть определены только в рамках судебного решения. Но и тут нельзя быть уверенным в правильности и справедливости оценки, так как такое решение исходит из личных соображений и восприятия ситуации судьей.

Стоит также отметить серьезные противоречия в решении вопроса защиты жилищных прав несовершеннолетних, которые являются членами семьи собственника, при расторжении ими брака или отсутствии зарегистрированного брака, а также при отчуждении родителями жилых помещений, в которых проживают дети. При этом действующее законодательство не содержит обязанности суда рассматривать в каждом конкретном деле интересы несовершеннолетних при разделе имущества супругами.

Отметим и проблемы, касающиеся распоряжения материнским капиталом для улучшения жилищных условий семьи. Основной проблемой является отсутствие должного контроля со стороны органов опеки и попечительства за расходованием средств материнского капитала, это приводит к существенным нарушениям прав несовершеннолетних. В качестве примера можно привести возможность осуществления сделки по отчуждению жилого помещения, которое было приобретено на средства материнского капитала, без учета долевой собственности несовершеннолетних [11, с. 120].

Достаточно острой остается проблема, связанная с уплатой и взысканием алиментов. Среди обстоятельств, препятствующих реальному взысканию алиментов, следует назвать отсутствие у плательщика алиментов дохода. Н. В. Ростовцева в своей работе отмечает: «В юридической литературе высказывается мнение о том, что необходимо установить имущественные гарантии реального исполнения решений о взыскании алиментов на детей. Среди них: положение о выделении доли ребенку из имущества родителя, перечисление им суммы на лицевой счет ребенка в банке, дарение плательщиком алиментов на имя ребенка имущества, способного приносить ежемесячный доход» [14, с. 144].

Следует обратить внимание и на противоречие в нормах, закрепленных в п. 2 ст. 26 Гражданского кодекса РФ [3] и п. 2 ст.

60 Семейного кодекса РФ [4]. Гражданское законодательство позволяет несовершеннолетнему самостоятельно распоряжаться своими доходами, перечень которых является открытым. Между тем семейное законодательство среди доходов выделяет только алименты, пенсии и пособия и указывает, что они поступают в распоряжение родителей для содержания детей.

С другой стороны, довольно дискуссионно предоставленное несовершеннолетнему право распоряжаться самостоятельно при достижении 14-летнего возраста пенсией по потере кормильца и алиментами: насколько данное право действительно в его интересах? Ведь ребенку старше 14 лет следует готовиться к выпускным экзаменам и нередко встает необходимость в репетиторстве. При реализации несовершеннолетним права самостоятельно распоряжаться, например, алиментами, на второго родителя, с которым проживает ребенок, ложится груз полной ответственности за содержание и обеспечение условий для получения образования, поскольку несовершеннолетний может истратить причитающиеся ему средства на совсем иные цели.

Таким образом, рассмотренные проблемы реализации и защиты имущественных прав несовершеннолетнего говорят о противоречии ряда правовых норм, нацеленных на защиту прав ребенка. Не следует также забывать и о возможности произвольного толкования указанных норм не в пользу несовершеннолетних и распоряжения ими не в их интересах.

Источники и литература

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>
2. Конвенция о правах ребенка / Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml
3. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 15.12.2022).

4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. N 223-ФЗ (ред. от 19.12.2022) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 27.12.2022).

5. Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ (ред. от 08.06.2020 г.) «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6659/ (дата обращения: 15.12.2022).

6. Федеральный закон от 24.04.2008 г. № 48-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «Об опеке и попечительстве» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/ (дата обращения: 17.12.2022).

7. Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (дата обращения: 13.12.2022).

8. Федеральный закон от 21.12.1996 N 159-ФЗ (ред. от 14.07.2022) "О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей" (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // URL: <http://www.consultant.ru/>

9. Басова И.О. Понятие и защита имущественных прав детей, воспитывающихся в семье // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2015. – № 1. – С. 64-66.

10. Дело по иску Михайловой Т.В. о признании распоряжения незаконным // [Электронный ресурс] – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jJSwJfmbFRdm/> (дата обращения: 10.12.2022).

11. Зуев А.В., Макеева И.А. Проблемные аспекты защиты прав несовершеннолетних // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 3. – С. 117-125.

12. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 343 с.

13. Пузиков Р.В. Семейное право: конспект лекций. – М.: Юрайт, 2014. – 167 с.

14. Ростовцева Н.В. Имущественные права несовершеннолетних по нормам семейного и гражданского законодательства // Закон. – 2011. – № 1. – С. 143-150.

15. Семейное право: учебник и практикум для вузов / под ред. Л.М. Пчелинцевой. – М.: Юрайт, 2020. – 330 с.

16. Соколов Е.С., Высоцкая Ю.П. Имущественные права несовершеннолетних с точки зрения семейного права // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 7. – С. 146-149.

О.А. Полюшкевич*

DOI: 10.47905/9785604872161_176

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ПРАВУ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы специфики обучения праву государственных и муниципальных служащих. Выявляются формальные особенности и неформальные условия развития эффективной правовой подготовки не юристов в сфере государственного и муниципального управления. А также обозначаются сильные и слабые стороны данного обучения.*

***Ключевые слова:** государственное и муниципальное управление; правовые навыки; эвристические методы; правовые традиции.*

FEATURES OF TEACHING LAW TO STATE AND MUNICIPAL EMPLOYEES

***Abstract.** The article deals with the specifics of teaching law to state and municipal employees. The formal features and informal conditions for the development of effective legal training of non-lawyers in the field of state and municipal government are revealed. And also the strengths and weaknesses of this training are indicated.*

***Key words:** state and municipal administration; legal skills; heuristic methods; legal traditions.*

Обучение праву на неюридических специальностях имеет особенности в зависимости от специальности обучения, научными

* *Полюшкевич Оксана Александровна*, кандидат философских наук, доцент, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия).

Polyushkevich Oksana Alexandrovna, Candidate of philosophical sciences, Associate professor, Irkutsk state university (Irkutsk, Russia).

и человеческими ресурсами, правовой культурой, теоретическими традициями и особенностями прохождения практики студентами.

В мировых практиках обучения праву не юристов нет четких стандартов, традиций и сложившихся подходов. Более того, в России нет единого подхода к правовому обучению студентов не юристов в целом. Более узкая специализация – государственные и муниципальные служащие также имеют свою специфику, обусловленную как формальными, так и неформальными причинами. Это может быть определено сложившимися нормативно-правовыми границами [3], регламентирующими социальное пространство или общими нормами права [4]. А также сформировано иррациональными представлениями о нормах права на быденном уровне [1; 2].

К формальным мы относим – наличие этой специальности в отдельном образовательном подразделении (государственное и муниципальное управление как направление или специальность на юридических факультетах (а таких в России 80%) будет иметь более расширенный правовой блок, на экономических факультетах (таких 15%), у них соотношение правовых дисциплин меньше чем на юридических факультетах и доминирует экономический блок и других (5%), соотношение правовых, экономических, социальных и психологических основ подготовки государственных и муниципальных служащих равномерно. В частности, в Иркутском государственном университете, государственные и муниципальные служащие находятся в подразделении Института социальных наук.

Вторым формальным показателем выступают места практик студентов – насколько они пересекаются с правовыми вопросами в ходе работы в органах власти разного уровня. И насколько формализовано это закреплено в дневниках и отчетах практик.

Третьим формальным показателем в правовой подготовке государственных и муниципальных служащих выступают смежные с правом дисциплины (показателем выступает их наличие в основном блоке учебных дисциплин или дисциплинах по выбору студентов): социология права, психология права, антропология права, этические основы государственного и муниципального управления, противодействие экстремизму и терроризму в рамках подготовки государственных и муниципальных служащих и т.д.

Четвертым формальным показателем выступает тот, что обучение специалистов государственного и муниципального

управления, как и юристов (общего профиля) ориентировано на ту правовую систему в каком государстве располагается вуз. Мы не рассматриваем локальные обучающие программы (чаще магистерские), которые рассматривают транссистемные связи и междисциплинарное взаимодействие (например, транссистемный подход Университета Мак-Гилла и программа «Глобальное право» Университета Тилбурга).

К неформальным мы отнесли – готовность использовать правовые знания и навыки в смежных дисциплинах, которые могут опираться на личность преподавателя правовых дисциплин (его харизму, эрудицию, имидж), социальный капитал (личные знакомства, перспективы и возможности выстроить карьеру через социальное взаимодействие в правом поле), семейный ресурс (родственные связи с юристами) и т.д. Благодаря неформальным факторам формируется общее восприятие правовой компетентности будущего специалиста в области государственного и муниципального управления.

Для государственных и муниципальных служащих в образовательных стандартах чаще встречаются теоретические (доктринальные) курсы (60%) и в 40% прикладные. Но если для юристов правовые курсы ориентированы на конкретную правовую работу (сделки, защита, обвинение, переговоры и проч.), то для государственных и муниципальных служащих это прикладные сферы применения права (земельное право, морское право, муниципальное право, правовое регулирование государственной службы и проч.).

Сильной стороной подготовки государственных и муниципальных служащих правовым основам является развитие системного сравнительного мышления, способность формулировать проблему и видеть варианты ее правового решения (т.е. умение размышлять). Помимо этого, ценностью правового обучения государственных и муниципальных служащих выступают не столько получаемые правовые знания, сколько приобретаемые навыки, что может помочь будущему специалисту быть более профессиональным специалистом.

Эффективными применяемыми технологиями обучения студентов направления государственное и муниципальное управление выступает: совместное (коллективное) изучение, рефлексирование, движение от частного к общему, контекстуальное мышле-

ние, умение межкультурного взаимодействия, осознание влияния культуры на нормы и практику, особенности правоприменения в разных сферах государственного и муниципального управления. Это позволяет видеть множество вариантов решения (как в исторической перспективе, так и в реалиях настоящего времени), анализировать правовые казусы, неактуальные нормативно-правовые акты и перспективы развития правового поля в отдельных сферах государственного устройства.

Проблемной сферой обучения праву государственных и муниципальных служащих выступает недостаток понимания принципов взаимодействия субъектов права в конкретной правовой работе (что осуществляется на юридических специальностях). Также необходимо усиливать понимание гибкости применения правовых норм.

Таким образом, обучение правовым основам студентов направления государственное и муниципальное управление обладает своей спецификой, выявляются сильные и слабые стороны этого процесса.

Источники и литература

1. Ардашев Р.Г. Иррациональное пространство правовых представлений россиян // Миссия конфессий. – 2020. – Т. 9. – Ч. 2 (№ 43). – С. 245-249.

2. Ардашев Р.Г. Иррациональность правового сознания россиян // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. – Иркутск, 2020. – С. 58-64.

3. Полюшкевич О.А. Социально-правовые рамки формирования границ // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под общ. ред. О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. – Иркутск, 2021. – С. 455-460.

4. Полюшкевич О.А. Право и лидерство в меняющемся мире (развивая теорию М. Вебера) // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. – Иркутск, 2020. – С. 31-33.

DOI: 10.47905/9785604872161_180

ТЕХНИЧЕСКИЙ, ПРОЦЕДУРНЫЙ, НАРРАТИВНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЕ УРОВНИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА В ВИДЕОИГРАХ

Аннотация. Сегодня видеоигры как особый культурный текст являются значительной частью досуга современной молодёжи, что, как следствие, делает их привлекательными для исследователей из разных областей гуманитарно-социального знания. Симуляционность этого вида медиа позволяет им создавать особые социальные хронотопы, в которых формируются свои нормы поведения, что формируют своеобразный социальный порядок в них. В рамках этой статьи автор предпринимает попытку теоретического анализа путей его формирования.

Ключевые слова: видеоигры, правила и процедуры, нарративное воспроизводство, внутриигровое сообщество, игровое сообщество, игровая диалектика.

TECHNICAL, PROCEDURAL, NARRATIVE AND SOCIAL LEVELS OF SOCIAL ORDER FORMATION IN VIDEO GAMES

Abstract. Today, videogames as a special cultural text are a significant part of the leisure of modern youth, which, as a result, makes them attractive to researchers from various fields of humanitarian and social knowledge. The simulation nature of this type of media allows them to create special social chronotopes in which their own norms of behavior are formed, which form a kind of social order in them. Within the framework of this article, the author makes an attempt to theoretically analyze the ways of its formation.

Key words: video games, rules and procedures, narrative reproduction, in-game community, game community, game dialectic.

Для того, чтобы понимать специфику регуляции киберпространства как особого региона социальной жизни (т. е. региона

* *Рожков Александр Олегович*, аспирант, Национальная академия наук Беларуси (г. Минск, Республика Беларусь).

Rozhkov Alyaxandr Alegavich, Postgraduate student, National academy of sciences of Belarus (Minsk, Republic of Belarus).

осуществления социальных игр) современных людей, необходимо понимать основы формирования социального порядка в этом хронотопе. Видеоигры представляются тут достаточно хорошим примером для рассмотрения т. к. именно в них наиболее выражены характеристики явления игры по О. Финку [3].

Первой и достаточно важной чертой видеоигр как среды взаимодействия является то, что интеракции в ней являются технически опосредованными. Чувство опосредованности взаимодействия в цифровой среде хоть и может быть уменьшено благодаря современным технологиям ввода-вывода информации, однако они не могут обеспечить непосредственного взаимодействия с симулируемой средой. Это техническое ограничение накладывает отпечаток на поведение акторов в этой среде, в том числе и на коммуникацию, в ходе которой игроки как акторы могут формировать нормы «коллективной игры».

Далее следует учитывать, что кроме технического ограничения интеракции игроков ограничены формальными правилами игры на процедурном уровне [2]. Эти правила составляют основной каркас игры, определяя её основную цель, задачи, возможные варианты их достижения и формируемом ими пространстве.

Недостатки же технического исполнения программного кода могут оставлять на процедурном уровне «легальные лазейки», которые механически упрощают процесс достижения цели в игре. Т. е. речь идёт о том, что на процедурном уровне описывается сам характер возможностей интеракций и их характеристик, а значит, формируется основная база доступных действий, которые могут быть ограничены на последующих уровнях.

Отметим также, что процедурный уровень может быть «незаконно расширен» за счёт использования стороннего софта с целью получения преимущества в игре. Однако, как и в случае с использованием программных уязвимостей, такое расширение может быть осуждено только на последующих уровнях, т. к. процедурный уровень формирует лишь горизонт возможностей, в котором могут, путём опосредованного взаимодействия, формироваться нормы социального порядка.

Но система санкций за использование таких уязвимостей может присутствовать, если разработчики их оставили как возможность, но предусмотрели «наказания» за их использование. Однако

внедрение процедурных санкций является следствием тех норм, что были сформированы в игровом сообществе (и не обязательно внутриигровом!), т. е. следствием социального уровня.

При этом процедурные санкции (как и сама игра) могут иметь нарративное обрамление, т. е. переходить на нарративный уровень формирования социального порядка в видеоиграх. Речь идёт о том, что определённые игровые практики могут осуждаться нарративом игры: внутриигровыми персонажами, законами фантастических миров и т. д.

Тут можно говорить о том, что нарратив игры и его составляющие уже не просто предусматривают техническую санкцию за то или иное действие, но уже и наделение его смысловой коннотацией [2].

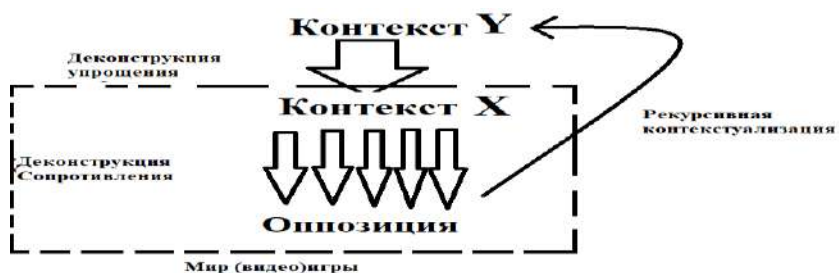
Учитывая интерактивность (вернее сказать эргодичность [1]) видеоигр как культурных текстов, можно говорить о том, что человек уже на этом этапе вступает с нарративной репрезентацией в своеобразный диалог, в ходе которого он может как и рецептировать те смыслы, которые исповедуют NPC, так и подвергать их сомнению. А значит именно на этом этапе норма внутриигровая (которая является процедурной по реализации, но симулируется и репрезентируется как квазисоциальная) может стать социальной нормой первого порядка.

Социальные нормы первого порядка появляются как в одиночных, так и многопользовательских играх. Сам процесс их формирования можно назвать «игровой диалектикой» [4]: процесса, во время которого игрок стремится контекстуализировать итоги своей игры преодолевая все «игровые условности», тем самым превращая игру из среды-текста в социальный хронотоп.

Речь идёт о том, что игроки, когда им надоедает «рельсовая рецепция», они начинают сами формировать перед собой задачи и смыслы, которых нужно в игровой среде достичь. При этом ряд нарративных норм может как рецептироваться (особенно сильно проявляется в «ролевом отыгрыше»), а может так и игнорироваться.

Но, так или иначе, игрок во время процесса «игровой диалектики» создаёт свой собственный «наднарратив», который является результатом диалога игрок-среда [Рисунок 1].

**Рисунок 1 – «Игровая диалектика»
как контекстуализация СНПП**

Составлено по: [4; 5]

Но в многопользовательских видеоиграх этот наднарратив игрока может быть, как расширен, так и ограничен другими игроками, т. к. взаимодействие игроков между собой приводит к формированию социальных норм второго порядка, которые также диалектически формируют игровой наднарратив, в который могут входить те системы правил и действий, которые разработчиками уже не были предусмотрены. При этом социальные нормы второго порядка являются более тотальными, чем нормы первого порядка, из-за чего последние часто ограничиваются первыми, а значит, влияют на свободу действий отдельных игроков. Именно на основании этого социолог видеоигр Д. Майерс писал, что многопользовательские игры, в отличие от однопользовательских, способствуют процессу отчуждения игры как творчества от игрока, превращая его в «игровую работу» [5].

Но следует учесть, что социальные нормы второго порядка в видеоиграх являются нормами внутриигрового сообщества. А нормы этого сообщества могут находиться под влиянием игровой культуры в общем, т. е. от игрового сообщества как совокупности всех геймеров, находящихся в процессе взаимодействия друг с другом в рамках этой специфической субкультуры. Нельзя говорить о том, что игровое сообщество детерминирует поведение внутриигровых сообществ, однако оно влияет на них, навязывая, например, идеалы «честной игры» (т.е. игры без использования внутриигровых уязвимостей). Отметим, что разработчики, являясь частью этой субкультуры, частично детерминируются её нормами,

тем самым закладывая их во время разработки игр на процедурном уровне.

Также следует учесть, что нормы самой субкультуры геймеров формируются в диалоге с другими социальными общностями и сферами общества. Итогом взаимодействия игровой субкультуры с другими социальными институтами может стать, например, появление отдельных законов, что будут регулировать интеракции в этих симуляционных цифровых пространствах.

Эту сложную иерархию уровней можно продемонстрировать следующей схемой [Рисунок 2]:

Рисунок 2 – Формирование «нормы» в видеоигровом контексте

[Авторская разработка]

Таким образом, можно свидетельствовать о том, что социальный порядок в видеоиграх представляется как явление комплексное, т. к. формируется на нескольких уровнях, которые могут влиять друг на друга. Тем не менее, следует признать, что социальный порядок в видеоиграх является надстройкой к самой игре, которую формируют люди во время процесса игры. Без человека как главного актора в видеоигре порядок представляется лишь как квазисоциальный, наррато-процедурный. Но если в однопользовательских играх социальные нормы первого порядка являются флексибельными и вариативными (т. к. они обеспечивают функцию поддержания интереса к игровой среде), то уже в многопользовательских играх они конституируются как регулятив, обеспечивающий комфортные условия игры для всех игроков, путь даже и в ущерб разнообразию и интересу.

Источники и литература

1. Aarseth E.J. Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature. – London: The Johns Hopkins University Press, 1999. – 202 p.
2. Bogost I. Persuasive Games: The Expressive Power of Videogames. – London: MIT Press, 2007. – 450 p.
3. Fink E. Spiel als Weltsymbol. – Stuttgart: Kohlhammer, 1960. – 259 S.
4. Myers D. Play redux: The form of computer games. – Michigan: University press, 2013. – 184 p.
5. Myers D. The Nature of Computer Games: Play As Semiosis. – London: Peter Lang Inc., 2008. – 200 p.

А.В. Степанов*
О.И. Индуцкая**

DOI: 10.47905/9785604872161_185

КРЕМАЦИЯ В СВЕТЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ ПРАВОСЛАВНОГО ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА В РОССИИ И ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

***Аннотация.** Рассмотрение этического аспекта в вопросе кремации тел умерших людей с православной позиции в свете погребальных традиций, и светской точки зрения в свете практичности в сложившихся на сегодняшний день обстоятельствах.*

В статье делается обзор: 1) отношения к кремации на протяжении христианской истории – богословско-правовой аспект, и 2) анализируется история развития вопроса кремации на территории Российской Империи, а затем и на территории Иркутской области в современности.

* **Степанов Андрей Васильевич**, протоиерей, старший преподаватель, Иркутский государственный университет, настоятель Входа-Иерусалимского храма г. Иркутска, магистр религиоведения (г. Иркутск, Россия).

Stepanov Andrey Vasilievich, Archpriest, senior lecturer, Irkutsk state university, Rector of the Entrance-Jerusalem temple in Irkutsk, Master of religious studies (Irkutsk, Russia).

** **Индуцкая Оксана Ивановна**, старший преподаватель, Иркутский государственный университет, магистр религиоведения (г. Иркутск, Россия).

Indutskaya Oksana Ivanovna, Senior lecturer, Irkutsk state university, Master of religious studies (Irkutsk, Russia).

Ключевые слова: кремация, тело усопшего, сожигание, общественное мнение, Церковное правило, Книга правил, религиозные традиции, светское государство, Россия, Иркутская область, экология.

CREMATION IN THE LIGHT OF THE FUNERARY TRADITIONS OF THE ORTHODOX FAITH: THE HISTORY OF THE ISSUE IN RUSSIA AND THE IRKUTSK REGION

Abstract. Consideration of the ethical aspect in the issue of cremation of the bodies of deceased people from the Orthodox position in the light of funeral traditions, and the secular point of view in the light of practicality in the circumstances prevailing today. The article provides an overview: 1) attitudes to cremation throughout Christian history – the theological and legal aspect, and 2) the history of the development of the issue of cremation on the territory of the Russian Empire, and then on the territory of the Irkutsk region in modern times is analyzed.

Key words: cremation, the body of the deceased, burning, public opinion, Church rule, Rule book, religious traditions, secular state, Russia, Irkutsk region, ecology.

Выбранную нами тему для исследования предлагается разделить на две части. В первой будут рассмотрен богословско-правовой аспект, а во второй части – история вопроса кремации усопших в России в целом и в Иркутской области в частности.

Богословско-правовой аспект. Подобающее погребение тел усопших христиан от самого начала бытия Церкви составляет одну из важных сторон ее жизни. В древней Церкви христианская община заботилась о том, чтобы ее члены не лишались должного погребения, сопровождаемого заупокойными молитвами.

Погребальные обычаи христиан определяются верой в телесное воскресение умерших (Ис. 26:19; Рим. 8:11; 1 Кор. 15:42-44, 52-54; Флп. 3:21) и отношением к телу христианина как к храму Божию (1 Кор. 3:16).

В обряде христианского погребения Церковь выражает почитание, подобающее телу скончавшегося человека. Захоронение тела в земле, а также в высеченных в камне гробах или пещерах соответствует вере Церкви в то, что наступит день всеобщего воскресения, когда «земля извергнет мертвецов» (Ис. 26:19) и «посе-

янное в тлении восстанет в нетлении» (1 Кор. 15:42). «Дотоле же возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его» (Еккл. 12:7) – говорит слово Божие. Церковь верует, что Господь властен воскресить любое тело и из любой стихии (Откр. 20, 13). «Мы не боимся никакого ущерба при любом способе погребения, но придерживаемся старого и лучшего обычая предавать тело земле», – писал раннехристианский автор Марк Минуций Феликс [2].

Обычай, даже не записанный, в Древней Церкви всегда отождествлялся с Преданием, которое служило основой для церковного права и имело значение законодательных постановлений, как по своему источнику, так и по всеобщему уважению, которым оно пользовалось [9]. Основанием для возникновения обычая погребения тела умершего в землю послужил текст Священного Писания, в котором, в 3-й главе Книги Бытия, возвещается исполнение божественных наказаний в случае нарушения заповеди, т.е. провозглашается смерть. В Писании буквально прописано возвращение физического тела в землю: «... доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» [8, с. 27].

Притом закон разрушения и смерти касался только физической стороны природы человека, образованной из земли и возвращавшейся в свое первобытное состояние, на душу же человека он не распространялся, поскольку она имеет своим источником Бога.

В Книге правил не встречаются определения касательно образа погребения. В 50-ом правиле Карфагенского собора говорится о необходимости совершения в память скончавшихся божественной литургии, а в случае невозможности ее совершить – творить молитвы [6], как видим, образ погребения здесь не прописывается. Отсюда, делаем вывод, что погребение тел усопших христиан способом предания земле, не регламентировано нормами церковного права и является древним, основанным на Священном Писании, обычаем.

Вопрос, касающийся способа погребения тел усопших христиан, относится к так называемому частному церковному законодательству. Каждая поместная православная церковь издает свой нормативный документ, регулирующий этот вопрос, с учетом сложившихся национально – культурных традиций.

На канонической территории Русской Православной Церкви Московского Патриархата таким документом является положение «О христианском погребении усопших». Он утвержден решением Священного Синода от 5 мая 2015 г. [2].

Церковь молится об упокоении душ тех своих чад, независимо от того какая участь постигла после смерти их физические тела, которые в силу различных обстоятельств оказались погребены в водной стихии, покинуты на поле брани, сгорели в огне, стали пищею животных или рыб, безвестно пропали в результате землетрясений и различных катастроф. Также не получили христианского погребения, в том числе и молитвенного напутствия, многие святые мученики Христовы, как в древние, так и в недавние времена, но это не лишило их вечного спасения и славы Небесного Царства.

Памятуя об этом, Русская Православная Церковь не лишает молитвенного поминовения христиан, по различным причинам не сподобившихся погребения, соответствующего церковной традиции. Необходимо особо подчеркнуть следующую мысль: церковное предание никогда не связывала посмертную участь христианской души со способом погребения.

В православной среде нередко встречались, и встречаются до сих пор, неодобрительные высказывания об обычаях иноверцев, которые сжигают останки умерших, не веруя в грядущее воскресение мертвых. Эти рассуждения порождают, не соответствующие Церковному Преданию заблуждения, гласящие, что только предание тел умерших земле является единственно правильным и гарантирующим людям будущее воскресение. Получается, что общепринятый и распространенный обряд погребения выходит на первое место относительно Писания, в этом случае ревнителям обряда необходимо вспомнить слова Иоанна Крестителя, сказанные фарисеям: «и не думайте говорить в себе: отец у нас Авраам; ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Авраама» [8, с. 574]. В этом случае пророк обличает человеческую гордыню и, чтобы показать духовную смерть фарисеев (в том числе и фарисеев в переносном значении), прибегает к такому сильному сравнению, а также подчеркивает всемогущество Божие, Который способен не только камни оживить, но и воскресить превратившуюся в

прах человеческую плоть, согласно православному вероисповеданию.

Возвращаясь к основной теме исследования – этичности погребения посредством кремации относительно христианской традиции, мы должны отметить, что в Священном Писании тема огня встречается неоднократно.

В частности, во 2-ом Соборном послании св. апостола Петра мы читаем: «придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят» [8, с. 1018], в святоотеческой традиции считается что, здесь апостол говорит о том, что перед Вторым Пришествием Христовым в огне очищения сгорит всякое нечестие, совершенное на земле.

В 1-ом Послании к Коринфянам апостол Павел также обращается к теме огня: «каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается. И огонь испытает дело каждого, каково оно есть» [8, с. 1104]. Здесь апостол Павел продолжает рассуждения апостола Петра: суд Господень будет вполне справедлив по отношению ко всякому поступку человека, через огонь вещи обнаруживаются такими, какие они в действительности.

Тот же апостол далее продолжает: «ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный» [8, с. 1148].

В Писании Апостол Павел говорит о том, что в противоположность нынешнему нашему телу, грубому и перстному, – новое наше тело мы получим от Бога, которое предназначено для жизни на небесах, т.е. в новом, совершенном мире.

Эти места из апостольских посланий должны служить мировоззренческим основанием для всех христиан, а не только для раннехристианского апологета Марка Минуция Феликса в его рассуждениях о том, что способ погребения, в том числе и предание огню, не важен для посмертного существования души [2].

Таким образом, делаем вывод, что хотя Церковь по традиции и считает кремацию нежелательной, и не одобряет ее проведение, но, тем не менее, вполне допускает её в крайних случаях. Например, Церковь может со снисхождением относиться к факту кремации тела усопшего в тех случаях, когда предание земле покойника не предусмотрено местным светским законодательством

или связано с необходимостью транспортировать умершего на большие расстояния, или же невозможно по иным объективным причинам. После кремации прах должен быть предан земле [2].

В наших рассуждениях мы подошли к тому, что кремация не является противоречащим духу Священного Предания действием. В то же время мы должны помнить и о том, что древняя традиция благоговейного отношения к телу христианина как храму Духа Святого, признает нормой захоронение почивших христиан в земле.

История развития вопроса. Общецерковное обсуждение получившей распространение в некоторых местах на Западе кремации в Российской империи началось в начале XX-го века.

Эта тема поднималась в Церковном Вестнике за 1900 г. (выпуск № 40), 1902 г. (выпуск № 7), в Церковных ведомостях за 1903 г. (выпуск № 2), 1909 г. (выпуск № 22), 1910 г. (выпуск № 29). «В последнее время, – говорится в одно из этих изданий, – и у нас некоторые желали бы ввести замену предания тел усопших земле сожиганием, настаивая на необходимости этого будто бы в целях санитарно-гигиенических» [3, с. 1360]. При этом подчеркивается отсутствие в священных книгах запрета на кремацию, но само предание тела огню Церковью того периода в России считается недопустимым именно с православно-богословской точки зрения.

В пользу предания тел усопших земле выдвигались следующие аргументы:

– погребение в земле есть изображение временного усыпления умершего, для которого могила в недрах земли и есть естественное ложе упокоения, и который поэтому и называется «усопшим»,

– обычаем предания земле тел усопших вселяет и укрепляет христианскую веру, а предание огню легко роднится с антихристианским учением о небытии.

Архиепископ Харьковский Амвросий утверждал, что «сожжение тела усопшаго христианина есть, по меньшей мере, своеволие, противное воле Божией, которая иногда являет себя в нетлении телес святых и чудодействия чрез их останки. Скольких сокровищ веры и сосудов благодати лишилась бы Православная Церковь и наша русская земля, если бы из христианской древности мог быть введен обычай сожигать тела усопших! И как нельзя между людь-

ми живыми в настоящее время различать, кто из них праведник, так нельзя узнать и между усопшими телами, чье тело мы назначаем к сожжению. Поэтому сожигание христианских тел должно быть признано делом кощунственным» [3, с. 1360].

Общий итог рассуждений того времени таков – вопрос о допустимости кремации ведет к отрицательному ответу. Наступивший 1917-й год принципиально изменил ситуацию, лишив Церковь права голоса в этом вопросе на государственном уровне. Положение вещей изменилось в постсоветскую эпоху.

В настоящее время на территории Российской Федерации действует Федеральный закон «О погребении и похоронном деле» от 12.01.1996 г. [1]. В этом законодательном акте гарантировано погребение умершего с учетом волеизъявления, выраженного лицом при жизни, и пожеланиями родственников. Процесс погребения подразумевает: захоронение тела, предание тела огню, предание тела воде. Все это делается с учетом местных обычаев и традиций.

Закон также предусматривает исполнение волеизъявления лица о достойном отношении к его телу после смерти, где предусмотрено и пожелание быть подвергнутым кремации.

Федеральный закон допускает создание вероисповедальных кладбищ, где религиозные объединения могут совершать погребение в строгом соответствии с религиозными канонами. Погребение с учетом вероисповедальных обычаев и традиций, может также осуществляться и на общественных кладбищах.

В соответствии с настоящим Федеральным законом, для предания тел умерших огню, с соблюдением того или иного обряда погребения, сооружаются крематории, которые могут находиться в ведении органов местного самоуправления. Порядок деятельности крематориев определяется органами самоуправления [1].

Таким образом, погребение тел умерших регулируется светским законодательством, в том числе и с учетом сложившихся религиозных обычаев и традиций. Главным условием, определяющим способ и место погребения, является прижизненное волеизъявление и пожелание родственников умершего, с учетом их религиозной принадлежности.

Пастырская практика показывает, что родственники умерших людей не всегда руководствуются церковным преданием при

погребении. Неизменным остается отпевание, которое все-таки все чаще совершается в церкви, где сама атмосфера храма располагает к молитве.

В настоящее время выбор в пользу кремации уже не является чем-то необычным, родственники все чаще руководствуются практическими соображениями, как это было в начале XX века. Иногда решение о посмертной кремации может быть обусловлено модными тенденциями, чтобы, например, после предания тела огню развеять прах умершего над рекой Ангарой или озером Байкал.

Тем не менее, выбранный способ погребения не должен лишать усопших соответствующих молитвословий и пастырь должен с пониманием относиться к такому выбору.

Теперь рассмотрим ситуацию, касающуюся непосредственно города Иркутска. С 2017 года иркутские журналисты, отвечая на запросы читателей, интересуются вопросом дефицита земли для захоронений в окрестностях областного центра, и встающей вслед за этим проблемой строительства крематория. В иркутских СМИ стали появляться материалы том, что в пресс-службе администрации города Иркутска по поводу изыскательных работ дают следующую информацию: в настоящее время идут работы по рассмотрению земель, пригодных для размещения нового кладбища.

Уже сейчас становится очевидным, что новое кладбище не получится разместить в непосредственной близости к городу, так как прилегающие к нему территории земли плотно застроены индивидуальными жилыми домами и садоводствами. Министерство имущественных отношений Иркутской области совместно с региональной службой архитектуры и администрация г. Иркутска занимаются подбором соответствующего участка на территории Иркутского района земли под размещение муниципальных кладбищ.

Вопрос о строительстве крематория в Иркутске находится в стадии решения недавно, так как в Советской России строительство крематория предполагалось только в городах с населением свыше одного миллиона человек, а Иркутск едва выходит за 600.000-ый рубеж. В современной России это условие отсутствует, но также не существует и государственной программы по поддержке кремации. Соответственно, строительство возможно за счет города и региона (но, таких затрат в бюджетах не предусмотрено)

либо на средства частного инвестора. На сегодняшний день в Иркутске инвестора в строительства крематория пока не нашлось [4].

Прошедшая пандемия вновь поставила вопрос о строительстве крематория, но уже как назревшую проблему.

Городские власти сходятся во мнении о том, что крематорий все-таки нужен, так как территорий иркутских кладбищ и новых земельных участков, под их размещение, уже совсем скоро не будет хватать. Тема строительства крематория в Прибайкалье переходит из проблемы строить или нет, в проблему – где и на какие средства строить. То есть сейчас актуальнее вопросы: где, когда и кто будет строить крематорий. Для решения создана межмуниципальная рабочая группа, которая рассматривает два варианта развития событий.

Первый вариант предполагает выделение 4,5 гектаров земли для сооружения полного комплекса помещений крематория за счёт бюджетных средств всех уровней. Предполагается создание соответствующей концессии с привлечением средств. В этом случае процесс возведения крематория будет достаточно длительный, одно только выделение земельного участка займет около двух лет, не говоря уже о поиске средств и, собственно, самом строительстве. Этот вариант достаточно продолжительный во времени, но в этом случае власти смогут контролировать цены на услуги.

Второй вариант – привлечение инвесторов, то есть ритуальные агентства. Это в разы укорачивает сроки строительства, можно за год, за два построить такой объект, но при этом теряется контроль над тарифной сеткой.

Построить крематорий в Иркутске уже изъявили желание четыре самых крупных местных ритуальных агентства. Если власти совместно с рабочей группой выберут вариант предоставления права строительства крематория инвесторам, то последним придётся выдержать конкурентную борьбу, пройти конкурс.

Но в первую очередь необходимо найти оптимальный участок земли, на котором предполагается строительство. Городские депутаты уже отклонили предложение строить крематорий на землях п. Вересовки, поскольку местные жители высказались против этой идеи.

Рассматривается в качестве площадки для строительства будущего крематория также территория в лесном массиве, недале-

ко от объездной дороги в Шелеховском районе. Жилые дома здесь удалены на несколько километров, а транспортная развязка позволяет почти беспрепятственно добраться сюда людям сразу из нескольких районов Иркутской области.

Крупная иркутская ритуальная служба предложила под крематорий земельный участок на территории Смоленско-Марковского кладбища, но это предложение не выдерживает требований, предъявляемых к такого рода комплексам: 1) территория этого кладбища расположена очень близко к городу, 2) предпочтительней, чтобы строения крематория и соответствующий образом обустроенный участок были самостоятельным архитектурным комплексом, 3) отдельно стоящий комплекс должен соответствовать санитарным нормам, 4) комплекс крематория обычно включает в себя и мемориал, а это также отдельное по назначению и выполнению сооружение, отличное от обычных кладбищ, 5) необходимо учитывать розу ветров предполагаемого места размещения крематория относительно города и больших жилых массивов.

Проводимые среди иркутян опросы по поводу необходимости создания крематория, дают примерно одинаковые результаты. На вопросы о нужности строительства крематория в ответах жителей звучат примерно такие варианты: нужен; лучше сжечь, чтобы никому не мешать; нужен, конечно, я за кремацию; да нет, наверное, не знаю даже; крематорий удобно, я за кремацию; кладбищ уже не хватает. Некоторые респонденты, наоборот, уверены в том, что возрастные жители будут против крематория по религиозным мотивам. Но, тем не менее, достаточно большое количество горожан выражает заинтересованность в практическом решении этого деликатного вопроса, и меньше учитывает религиозный и этический аспекты в области захоронения тел умерших.

Точка зрения специалистов заключается в следующем: крематорный комплекс в перспективе дешевле по деньгам, экономичнее по занимаемой территории и приоритетнее в экологическом аспекте, так как позволяет резко сократить санитарную зону [7]. В Иркутской области до конца 2021 года должны были принять решение по поводу выбора местности для строительства крематория. Об этом 28 октября 2021 года, во время прямого эфира, сказал губернатор Иркутской области Игорь Кобзев: «до конца 2021 года мы должны уже принять решение по вопросу строительства крема-

тория в Иркутском районе. Договорились с коллегами, что проведем отдельную встречу, послушаем инвестора. По данным администрации Иркутска, в городе идет поиск места, на котором построят крематорий, а также концессионера, готового вести строительство» [5].

В заключение, на основании всего вышесказанного, мы можем сделать вывод, что, несмотря на то, что в православном богословии нет прямых указаний на то, что погребение должно происходить обязательно посредством захоронения тела умершего в земле, тем не менее, установился обычай именно захоронения. Светское государство идет навстречу пожеланиям граждан в выборе достойного способа погребения, что закреплено в соответствующем законе. Таким образом, вопрос о кремации постепенно переходит в этическую область. Проанализировав историю этого вопроса за последнее столетие, авторы сделали вывод, что аргументы сторонников кремации практически не изменились за прошедшее столетие, равно как и аргументы их противников. Тем не менее, решение этого вопроса по религиозным и этическим мотивам требует основательного и взвешенного подхода.

Источники и литература

1. Федеральный закон «О погребении и похоронном деле» от 12.01.1996 г. № 8-ФЗ (в дейст. ред.) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.11.2022).
2. О христианском погребении усопших. Утвержден решением Священного Синода от 5 мая 2015 г. (журнал № 30) // patriarchia.ru (дата обращения: 01.11.2022).
3. Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковнослужителей. Репринтное воспроизведение издания 1913 г. в 2-х частях. – М.: Издат. отдел Московской Патриархии, 1993. – 1772 с.
4. В Иркутске не хватает кладбищ. Вадим Палько, ИА «Иркутск онлайн» 2 июня 2017 г. // <https://vestiirk.ru/news/society/263150/> (дата обращения: 01.11.2022).
5. Власти Иркутской области примут решение о строительстве крематория до конца года // Irk.ru news 20211029 crematorium (дата обращения: 01.11.2022).

6. Книга правил святых апостол, святых соборов Вселенских и Поместных, и святых отец. Репринтное воспроизведение издания 1893 г. – СПб.: Изд-во ТИТУЛ, 1993. – 482 с.

7. На иркутских кладбищах становится всё меньше мест. Будут ли строить крематорий? // <https://vestiirk.ru/news/society/263150> (дата обращения: 01.11.2022).

8. Толковая Библия. Комментарий на все книги Святого Писания. Репринтное воспроизведение преемников А.П. Лопухина 1907 г. В 2-х частях. – М.: Изд-во Харвест, 2004. – 2479 с.

9. Цыпин В., протоиерей. Каноническое право. – 2-е изд. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. – 864 с.

III. ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ГЛАЗАМИ МОЛОДЁЖИ

Е.А. Андрыгалова*

DOI: 10.47905/9785604872161_197

КОНСТИТУЦИОННЫЕ (УСТАВНЫЕ) СУДЫ В СУБЪЕКТАХ РФ: К ВОПРОСУ ОБ УПРАЗДНЕНИИ

Аннотация. В данной статье предпринята попытка рассмотреть причины упразднения Конституционных (уставных) судов субъектов РФ. Автор исследует проблемы, связанные с деятельностью этих судов, и выявляет основания принятия законодателем такого решения. Подвергается анализу вопрос о том, какое же влияние окажет ликвидация данных судов на дальнейшее развитие судебной системы РФ.

Ключевые слова: конституционные (уставные) суды субъектов РФ, судебная система, конституционный контроль, конституционное правосудие.

CONSTITUTIONAL (CHARTER) COURTS IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: TO THE QUESTION OF AVOIDING

Abstract. This article attempts to consider the reasons for the abolition of the Constitutional (charter) courts of the constituent entities of the Russian Federation. The author explores the problems associated with the activities of these courts and identifies the grounds for the legislator to make such a decision. The question of what impact the liquidation of these courts will have on

* *Андрыгалова Елизавета Алексеевна*, студентка 1 курса, Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк, Россия).

Научный руководитель: Горбуль Юлия Александровна, кандидат юридических наук, доцент, Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк, Россия).

Andrygalova Elizaveta Alexeevna, 1st year student of Kuzbass humanitarian pedagogical institute at the Kemerovo state university (Novokuznetsk, Russia).

Scientific curator: Gorbul Yulia Alexandrovna, Candidate of legal sciences, Associate professor Kuzbass humanitarian pedagogical institute at the Kemerovo state university (Novokuznetsk, Russia).

the further development of the judicial system of the Russian Federation is analyzed.

Key words: *constitutional (statutory) courts of the constituent entities of the Russian Federation, judicial system, constitutional control, constitutional justice.*

Конституционный (уставный) суд субъекта Российской Федерации (в дальнейшем КУС субъекта РФ) - специальный орган конституционного правосудия (контроля), предусмотренный ст. 27 ФКЗ «О судебной системе РФ» [3] от 31.12.1996 г. и законами большинства субъектов РФ. В соответствии с ФКЗ от 8.12.2020 г. «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы», согласно которому все КУСы субъектов РФ упраздняются до 1 января 2023 года [5].

Каковы причины принятия такого решения, и какое влияние это окажет на дальнейшее развитие судебной системы РФ?

Ст. 71 Конституции РФ устанавливает, что судоустройство РФ находится в ведении федеральных органов государственной власти [1]. ФКЗ «О судебной системе РФ» относит к региональному уровню судебной системы РФ только мировых судей и органы конституционного (уставного) правосудия субъектов РФ [3]. Последние должны были осуществлять конституционный контроль над соответствием законодательных актов субъектов РФ их конституциям (уставам), тем самым обеспечивая самостоятельность самого субъекта РФ и способствуя формированию единого правового пространства на территории РФ.

В судебной системе России Конституционный суд РФ на федеральном уровне и КУСы субъектов РФ на уровне регионов существовали автономно, то есть никак не зависели друг от друга и в такой зависимости не нуждались. Согласно Конституции РФ субъекты РФ самостоятельны в регулировании деятельности образованных ими органов государственной власти, поэтому эта самостоятельность привела к отсутствию иерархичности в системе конституционной юстиции РФ.

Субъекты РФ обладают определенным объемом прав и полномочий, свидетельствующих о достаточно широкой политической самостоятельности – собственной территорией, которая может быть изменена только с их согласия, могут устанавливать свои гос-

ударственные языки наряду с государственным языком РФ, у каждого субъекта РФ есть свой государственно-правовой акт, принимаемый в соответствии с Конституцией РФ самостоятельно самим субъектом РФ – конституция или устав субъекта РФ, который устанавливает экономические и финансовые основы данного субъекта, систему органов его государственной власти и управления, административно-территориальное устройство, организацию местного самоуправления и т.д. Весь этот объем политической самостоятельности субъектов РФ обуславливает объем компетенции региональной конституционной юстиции.

Первоначальный этап развития КУСов субъектов РФ был связан с созданием в ряде автономных республик РСФСР квазисудебных органов правовой защиты Конституции - комитетов конституционного надзора с постепенной их переориентацией на новую форму - конституционные суды. Значительное влияние на этот процесс оказал подписанный в марте 1992 г. Федеративный договор, распространивший принцип федерализма на всю территорию России. Статус субъектов Федерации, согласно договору, получили наряду с республиками, автономной областью и автономными округами простые административно-территориальные образования - края, области, города федерального значения [6].

Согласно статье 5 Конституции РФ в государстве устанавливался принцип равноправия субъектов РФ независимо от их видов, определялась форма Основных Законов субъектов РФ – конституции в республиках и уставы в других субъектах РФ [1]. От названий учредительных актов субъектов РФ в их конституциях и уставах в сфере правовой охраны Основных Законов субъектов РФ появились названия органов конституционного правосудия – конституционные или уставные суды.

Впервые о конституционных судах в субъектах упоминается в Концепции судебной реформы РСФСР от 24 октября 1991 г. [8]. К осени 1993 г. конституционные суды были созданы (или их создание предусматривалось в конституциях) в республиках Башкортостан, Дагестан, в Кабардино-Балкарской Республике, в Мордовии, Саха (Якутии), Татарстане и в Чеченской Республике. В некоторых республиках - Дагестане, Татарстане - принимаются специальные законы об организации и деятельности конституционных судов. Особенность этого процесса в республиках состояла в том,

что конституционные суды, а точнее их учреждение, являлись инициативой самих субъектов Российской Федерации.

Конституционные суды дополняли государственность республик и рассматривались ими в качестве инструмента углубления обретенной независимости. В республиках Бурятия, Карелия, Адыгея, Марий Эл основы организации и деятельности конституционных судов были закреплены в конституциях, приняты законы о таких судах, сформирован их персональный состав и рассмотрены первые дела. В республиках статус конституционных судов закрепляется в конституциях и формируется состав судей этих судов. А в Республике Хакасия, Алтайском и Красноярском краях, Амурской, Воронежской, Московской, Мурманской, Новосибирской, Свердловской, Томской и Тюменской областях лишь закрепляются основы организации и деятельности конституционных (уставных) судов в их учредительных актах.

Однако, уже в это время в создании и функционировании конституционных (уставных) судов в субъектах РФ стали наблюдаться и противоречивые тенденции. Так, в 1994 г. был учрежден Конституционный Суд Республики Мордовия. Однако, не проработав и года, он был упразднен.

Новый этап формирования органов конституционной юстиции в субъектах Российской Федерации начался с момента принятия ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» от 31.12.1996 г., ст. 27 которого предоставила субъектам право иметь свои конституционные (уставные) суды [3].

Произошли определённые изменения в организационной сфере ранее действовавших специализированных органов конституционного контроля. Это касается преобразования существовавших ранее в некоторых республиках комитетов конституционного надзора в конституционные суды (в республиках Адыгее, Северной Осетии – Алании, Татарстане). В настоящее время Конституционные (уставные) суды действуют в 15 субъектах Российской Федерации. Из них 12 - в республиках: Адыгея, Башкортостан, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карелия, Коми, Марий Эл, Саха (Якутия), Северная Осетия – Алания, Татарстан, Тыва, Чеченская Республика. Два уставных суда - в Калининградской и Свердловской областях и ещё один в Санкт-Петербурге. В то же время далеко не во

всех субъектах РФ были созданы собственные органы конституционного контроля.

Однако, как было отмечено ранее, 8 декабря 2020 года принят ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы», в соответствии со ст. 5 которого КУСы упраздняются до 1 января 2023 года [5]. Стоит заметить, что данное положение рассматриваемого ФКЗ было принято в соответствии с изменениями в Конституции РФ, где в статье 118 прописан закрытый перечень судов, составляющих судебную систему РФ, и КУСы в этом перечне не упоминаются.

Вопрос об упразднении КУСов стал подниматься еще в 2010 году, а в 2012 году наметилась реальная тенденция на сокращение числа этих судов. Так, работа Конституционного суда Республики Бурятия была фактически парализована, из-за того, что председатель суда вышел на пенсию, а нового председателя так и не назначили. Более того, в 2013 году истекли полномочия других судей. В итоге, государство решило приостановить деятельность Конституционного суда Бурятии до 2016 года, сославшись на нехватку финансовых средств в бюджете субъекта.

Другой случай произошёл в 2014 году в Челябинской области, когда Уставной суд проработал всего 2 года, потому что был конфликт между властями самой области и Уставным судом области, а также недостаток финансовых средств на обеспечение деятельности суда [7].

Продемонстрированные примеры доказывают, что ликвидация вышеперечисленных судов является закономерным оправданным шагом по оптимизации государственного аппарата и упразднению неэффективных органов.

Кроме того, можно выделить ещё ряд причин упразднения КУСов:

1. В последние годы всё меньше людей обращаются в КУСы с целью рассмотрения законов на соответствие Конституции и т.п., в отличие от 1990-х годов, когда правовая система России находилась ещё на этапе своего становления.

2. На содержание КУСов уходит неоправданно много денег. В 2015 году на деятельность 16 КУСов было выделено из бюджета РФ 560,2 млн.руб, хотя эти органы за весь год вынесли только 44 постановления и 138 определений. Так, себестоимость одного ре-

шения выходит около 3 млн., что представляется излишними расходами [9, с. 393].

3. Если деятельность КУСов полностью финансируется за счёт регионов, то существует риск давления властей регионов на данные суды, чтобы те выносили нужные государству решения. Ярким примером подобной ситуации может послужить вышеупомянутая история с Уставным судом Челябинской области.

4. В последние годы компетенцию КУСов дублируют другие суды Российской Федерации. Так, например Конституционный суд РФ согласно ст. 3 п. 2 ФКЗ от 21.07.1994 г. «О Конституционном Суде РФ» разрешает споры о компетенции между высшими государственными органами субъектов РФ и т.д. [2]; Верховный Суд РФ согласно ст. 2 п. 4 пп. 11 ФКЗ от 5.02.2014 г. «О Верховном Суде РФ» рассматривает в качестве суда первой инстанции административные дела по разрешению споров между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ, между органами государственной власти субъектов РФ, переданных на рассмотрение в Верховный Суд РФ Президентом РФ в соответствии со статьей 85 Конституции РФ и т.д. [4].

Таким образом, следует предположить, что конституционные (уставные) суды субъектов РФ не стали институтом федерализма в России. И зачастую сами регионы не видят смысла в этих судах в силу их неэффективности. Кроме того, ФКЗ от 8.12.2020 г. «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» даёт право субъектам федерации на создание конституционных (уставных) советов, действующих при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов РФ [5]. Отсюда, решение законодателя по упразднению конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации выглядит вполне оправданным.

Источники и литература

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.09.2022); Комментарий к Конституции Российской Феде-

рации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 343 с.

2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. (ред. от 1.07.2021 г.) «О Конституционном Суде РФ» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.10.2022).

3. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 г. (ред. от 16.04.2022 г.) «О судебной системе РФ» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.10.2022).

4. Федеральный конституционный закон от 5.02.2014 г. (ред. от 16.04.2022 г.) «О Верховном Суде РФ» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.10.2022).

5. Федеральный конституционный закон от 8.12.2020 г. «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.10.2022).

6. Федеративный договор от 31.03.1992 г. «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти суверенных республик в составе РФ» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.10.2022).

7. Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.10.2022).

8. Закон Челябинской области от 29 октября 2014 г. «О признании утратившими силу некоторых законов Челябинской области» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс: Региональное законодательство» – URL: <https://www.consultant.ru/law/review/reg> (дата обращения: 09.10.2022).

9. Худoley К.М. Нужен ли конституционный (уставный) суд в субъекте РФ? // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2016. – № 34. – С. 391-401.

DOI: 10.47905/9785604872161_204

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПАРЛАМЕНТСКИЙ КОНТРОЛЬ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В системе парламентского контроля в России важный сегмент занимает региональный парламентский контроль, осуществляемый законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации, который не является территориальным продолжением федерального парламентского контроля, но имеет собственные цели, задачи, объекты, технологии, свидетельствующие о его самостоятельном функциональном назначении. Региональный парламентский контроль в виду многообразия субъектов Российской Федерации, обладающих собственным отраслевым законодательством о парламентском контроле, достаточно вариативном, требует теоретического обобщения и надлежащей научной систематизации с целью выявления его недостатков и оптимальных характеристик, возможностей использования его отдельных моделей на федеральном уровне.

Ключевые слова: парламентское расследование, парламентский контроль, депутатская проверка.

REGIONAL PARLIAMENTARY CONTROL: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Abstract. In the system of parliamentary control in Russia, an important segment is occupied by regional parliamentary control carried out by legislative (representative) state authorities of the subjects of the Russian Fed-

* *Брылева Татьяна Вадимовна*, студентка 3 курса, Иркутский национальный исследовательский технический университет (г. Иркутск, Россия).

Научный руководитель: Самусевич Алексей Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский национальный исследовательский технический университет (г. Иркутск, Россия).

Bryleva Tatyana Vadimovna, 3rd year student of Irkutsk national research technical university (Irkutsk, Russia).

Scientific curator: Samusevich Alexey Gennadievich, Candidate of legal sciences, Associate professor, Irkutsk national research technical university (Irkutsk, Russia).

eration, which is not a territorial continuation of federal parliamentary control, but has its own goals, objectives, objects, technologies that indicate its independent functional purpose. Regional parliamentary control, in view of the diversity of the subjects of the Russian Federation that have their own sectoral legislation on parliamentary control, which is quite variable, requires theoretical generalization and proper scientific systematization in order to identify its shortcomings and optimal characteristics, the possibilities of using its individual models at the federal level.

Key words: *parliamentary investigation, parliamentary control, parliamentary inspection.*

Правопорядок является главной целью правового регулирования. Одним из средств его обеспечения можно выделить парламентский контроль, который выступает основным элементом системы сдержек и противовесов, обеспечивающим сбалансированность режима государственного властвования. Он реализуется в целях организации исполнения законов, а также обеспечения защиты прав и свобод человека [5; 6].

Одной из форм парламентского контроля является парламентское расследование. Сегодня парламентское расследование как правовое явление пользуется высокой популярностью. Множество развитых стран мира предусматривает данный институт. Такая высокая популярность объясняется тем, что институт является эффективным инструментом, который дает возможность народу контролировать власть.

Парламентское расследование – это вид контроля над органами исполнительной власти, который осуществляется созданными в установленном порядке специальными временными комиссиями парламента.

Совершенствование института парламентского расследования в России является необходимым для повышения эффективности реализации всех функций законодательного (представительного) органа, становления исследуемого института как действенного механизма защиты гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина, что способствует укреплению основных конституционных начал организации Российского государства [1; 7].

В свою очередь, на региональном уровне также приняты законы, которые устанавливают возможность законодательного

(представительного) органа государственной власти субъекта РФ проводить такой вид контроля. В разных регионах такой контроль называется по-разному: «депутатская проверка», «депутатское расследование», «парламентская проверка» и т.д. В Иркутской области данный правовой институт имеет название – депутатская проверка.

В свою очередь, можно отметить, что депутатское расследование – одна из форм парламентского контроля в субъекте Российской Федерации. Депутатское расследование может быть определено как деятельность специально созданной депутатской комиссии для выяснения фактов и обстоятельств, представляющих большую общественную значимость для населения субъекта Российской Федерации и носящих негативный характер, а также для выяснения причин и условий их возникновения.

Являясь элементом сдержек и противовесов, депутатское расследование направлено на недопущение произвола исполнительной власти. Однако эффективному использованию депутатских расследований препятствует ряд факторов.

В этой связи можно с уверенностью сказать, что данная тема наиболее актуальна, так как парламентское расследование – это необходимый инструмент повышения эффективности государственного управления. Данный институт нужен для сдерживания и контроля деятельности исполнительной власти.

Его можно также рассматривать как составной элемент координации за соблюдением прав и свобод, важный механизм реализации правозащитной и правоохранительной деятельности. Стоит отметить, что законодательный орган имеет наибольшую связь с населением и считается органом народного представительства.

Кроме того, проблема парламентского расследования регионального уровня заключается в том, что в настоящее время такой вид расследования практически не функционирует на необходимом уровне, в свою очередь, законодательное урегулирование данного института касается дальнейшего совершенствования деятельности парламента. Причем, эта проблема существует практически во всех регионах России.

Нормативная база Иркутской области в данной сфере, к сожалению, не дает точного определения депутатская проверки.

Однако, ст. 8 Закона «О статусе депутата Законодательного собрания Иркутской области» определяет депутатскую проверку как одну из форм депутатской деятельности. В соответствии с Уставом Иркутской области, Законодательное собрание Иркутской области осуществляет свою деятельность, в том числе и посредством проведения депутатских проверок (ст. 48) [2].

Дискуссионным остается и вопрос оснований проведения таких проверок. Так, основаниями проведения депутатской проверки, в соответствии с Законом Иркутской области «О депутатской проверке», являются:

- негативные события в сферах действия Устава Иркутской области и законов области, получившие широкую общественную огласку;

- факты грубого и (или) массового нарушения прав и свобод человека и гражданина, происшедшие или происходящие на территории области (ст. 2) [3].

Как видится, такое перечисление оснований не несет в себе конкретных положений и может трактоваться депутатами по-разному. Что в принципе, что и происходит на практике.

Большой вопрос вызывает то обстоятельство, что же считать основанием депутатской проверки.

Например, в Иркутской области были попытки ввести осуществление парламентских расследований. Даже принятие соответствующего закона не сдвинуло дело с мертвой точки.

Можно с уверенностью сказать, что реализация такой деятельности остановилась на формальном уровне. На данный момент закон не функционирует, так как основания для проведения депутатской проверки изложены сжато. Как указано в законе, основаниями для проведения депутатской проверки являются негативные события в сферах действия Устава Иркутской области и законов области, получившие широкую общественную огласку, а также факты грубого и (или) массового нарушения прав и свобод человека и гражданина, происшедшие или происходящие на территории области. Было бы целесообразно существенно дополнить перечень этих оснований. Для этого нужно расширять законодательную базу [8, с. 63].

Для решения проблемы функционирования института парламентских расследований необходимо усовершенствовать законодательное урегулирование:

во-первых, поскольку парламентское расследование является правозащитным механизмом, нужно расширить предметный перечень оснований его проведения;

во-вторых, законодательно конкретизировать каждое основание для устранения возможных противоречий;

в-третьих, четко определить зону ответственности. За пренебрежение полномочиями парламентских комиссий было бы целесообразно предусмотреть дисциплинарную и конституционно-правовую ответственность. Это повысит уровень юридической ответственности должностных лиц, органов государственной власти за решения, которые они принимают [9, с. 93].

Также, лишь в нескольких субъектах РФ приняты специальные законы, регламентирующие процедуру осуществления такой формы контрольной деятельности. На уровне субъектов нет унифицированных подходов к правовому регулированию этого института, отмечается также «узость тематики» [4, с. 219].

В заключение отметим, что, к сожалению, практика показывает, что в настоящее время в России в целом институт депутатского расследования далек от совершенства. Это относится и к политической и юридической составляющим.

Таким образом, в процессе парламентского расследования депутаты сталкиваются с существенными недостатками. Для становления данного института, как правозащитного элемента нужна нормативная конкретизация самого понятия, поскольку реализация парламентских расследований в значительной степени предопределена тем, насколько подробно законодательно закрепляется открытый перечень обстоятельств, составляющих сферу парламентского расследования. Только тогда проведение парламентских расследований станет механизмом эффективного осуществления власти в демократическом правовом государстве.

Данный институт нужен правовому государству, чтобы придать большую легитимность представительным органам власти. Парламентское расследование особенно необходимо, чтобы принимать действия по защите прав и свобод человека в пределах территории субъекта.

Источники и литература

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.09.2022).

2. Закон Иркутской области от 8.06.2009 г. «О статусе депутата Законодательного Собрания Иркутской области» // СПС «Консультант-Плюс».

3. Закон Иркутской области от 3.07.2009 г. «О депутатской проверке в Иркутской области» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Дудко И.Г. Нормативное регулирование парламентского контроля в субъектах РФ // Lex Russica. – 2017. – № 1 (122). – С. 215–220.

5. Комаров С.А., Мартыянов Г.А. Взаимодействие субъектов права законодательной инициативы в законотворческом процессе: статья // В сб.: Парламентаризм: проблемы теории, истории, практики: Сборник научных статей к 60-летию заслуженного юриста РФ, д.ю.н., профессора Исакова Владимира Борисовича. – М.: ГУ-ВШЭ, 2010. – С. 65-71.

6. Комаров С.А., Чепус А.В. Парламентский запрос как форма контроля за деятельностью Правительства Российской Федерации: статья // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2015. – № 1-2. – С. 18-22.

7. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 343 с.

8. Негамутзянова А.С. Парламентское расследование в России: проблемные вопросы реализации // Конституционализм и власть в России: история, современные проблемы и перспективы. Сборник материалов V Всероссийской студенческой научно-практической конференции. – Иркутск: Иркутский национальный исследовательский технический университет, 2020. – С. 60–64.

9. Негамутзянова А.С. Парламентское расследование в механизме обеспечения прав и свобод граждан: теоретические аспекты // Современные проблемы правотворчества и правоприменения: материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции. – Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ, 2020. – С. 89–94.

DOI: 10.47905/9785604872161_210

СООТНОШЕНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ И СУДЕБНОГО НОРМОТВОРЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблематика использования судебных актов как результата судебного нормотворчества, перспективы вывода положений судебной практики на уровень законодательного закрепления.

Ключевые слова: правовая система, иерархия источников права, судебная практика, судебное нормотворчество.

THE CORRELATION OF JUDICIAL PRACTICE AND JUDICIAL RULEMAKING IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Abstract. The article discusses the problems of using judicial acts as a result of judicial rulemaking, the prospects for bringing the provisions of judicial practice to the level of legislative consolidation.

Key words: legal system, hierarchy of sources of law, judicial practice, judicial rulemaking.

Как известно, общество неспособно прогрессивно и цивилизованно функционировать при отсутствии в нём рычагов регулирования социальных отношений. Под такого рода рычагами следует понимать, прежде всего, государственную волю, выраженную в создании нормативных правовых актов, служащих фундаментом

* *Быстров Владимир Денисович*, студент 4 курса, Юридический институт Самарского национального исследовательского университета им. С. П. Королёва (г. Самара, Россия).

Научный руководитель: Спириин Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королёва (г. Самара, Россия).

Bystrov Vladimir Denisovich, 4th year student of Samara national research university named after S. P. Korolyov (Samara, Russia).

Scientific curator: Spirin Mikhail Yurievich, Candidate of legal sciences, Associate professor, Samara national research university named after S. P. Korolyov (Samara, Russia).

для построения правового государства, отношения общества с которым должны быть чётко регламентированными. Последствия несоблюдения такого принципа при создании государства, отвечающего статусу правового, неизбежно приведут к хаосу и анархии.

Законодательное закрепление государством за собой правомочия на издание отдельных видов источников права с приданием им иерархической оболочки позволяет сделать вывод о принадлежности правового регулирования в обществе к одной из правовых систем (традиций), юридическая техника каждой из которых по-своему призвана регулировать социальные отношения.

Исторически сложилось, что каждая правовая система, на основе которой функционирует то или иное государство, базируется на различных видах формальных источниках права: законодательные и подзаконные нормативные акты, нормативные договоры, правовые доктрины, правовые обычаи, судебная практика.

Говоря о правовых системах, нужно отметить, что на сегодняшний день в мире доминируют две системы: англо-американская и романо-германская правовые семьи. Каждая из них с присущей оригинальностью самостоятельно вырабатывает средства правового регулирования, различающиеся между собой, начиная от наличия кодифицированных законодательных актов и заканчивая источниками оформления принципа верховенства права [1, с. 11].

Однако нормативное регулирование, осуществляемое государственными органами, к сожалению, не способно установить всякий раз точное правило для конкретного случая ввиду постоянного развития социальных отношений и невозможности закона охватить все виды сфер общественной жизни, просчитывая каждый нюанс. Общие нормативные предписания определяют правила для однородных случаев, спектр разнообразия которых оказывается весьма масштабным, но и такие меры испытывают проблемы в процессе восполнения пробелов в праве.

Необходимо указать, что имеются в виду проблемные случаи, для разрешения которых законодатель создаёт специальные нормы, указывающие на поведение, необходимое для решения ситуации, учитывая возможные индивидуальные особенности конкретного случая; при этом применение данной нормы может пойти вразрез общепризнанным правовым принципам, на основе которых

действует право. Для преодоления подобных ситуаций призван действовать такой правовой механизм как судебная практика, направленная на выработку норм права, устраняющих дефекты применения статутного (законодательного) права.

Если со странами, принадлежащими к англо-американской правовой семье, где над всеми формальными источниками права преимуществом обладает судебный прецедент, всё достаточно ясно в аспекте такого преимущества [2, с. 111], то в странах, использующих континентальную концепцию права, вопрос о роли судебного прецедента, выраженного через призму судебной практики, обстоит весьма остро и неоднозначно, поскольку в силу официальной трактовки системы источников права, свойственных романо-германской правовой семье, судебная практика занимает одно из последних мест при выборе средств упорядочивания социальных отношений, что объясняется стремлением подчеркнуть индивидуальный характер воздействия на общественные процессы, возвышая роль статута (закона) параллельно тому, как судебная практика носит вспомогательный характер.

Российским законодательством судьи наделены полномочиями, позволяющими вершить правосудие, но не вершить судьбу российского права, запрещая им выступать в роли законодателя. Однако при этом значение судейского усмотрения не остаётся уменьшенным. Закон в этом случае не может установить конкретные детали, что предоставляет судьям свободу, но только в рамках, установленных законами [3, с. 16].

На примере российской правовой системы стоит отметить, что ключевым предметом споров и обсуждений является вопрос о возможности рассмотрения результата судебного нормотворчества, выраженного в конкретном решении по причине нормативного упущения законодателя, в качестве формального источника права, принимая его за обязательный образец при разрешении аналогичных дел, имеющих идентичные обстоятельства. Российскому праву в данном случае свойственна практика применения актов судебного нормотворчества, под которыми понимаются решения, вынесенные по результатам разбирательства сходных правовых вопросов, истолкованных в практике высших судов РФ, служащие ориентиром для всех нижестоящих судебных органов РФ. Стоит подчеркнуть, что руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ

являются для судов, безусловно, определяющими. Законодательство исходит из того, что отклонение любого судебного решения от позиций высшего суда является основанием для отмены соответствующего судебного акта, в связи с чем, можно смело сделать вывод о постепенном запуске в России процесса судебного нормотворчества [4, с. 22–23].

Судебная практика – ключевой элемент механизма правового регулирования в России, зарождающийся при возникновении трудностей с применением положений законодательства и выполняющий роль своеобразного «маяка» для нижестоящих судов при их столкновении с делами, имеющими схожие обстоятельства.

Каковы же основные пути и формы влияния судов на право в российской правовой системе? Отвечая на данный вопрос, следует заметить, что в пределах континентальной правовой семьи за всю историю её существования и функционирования не сложилось единой модели взаимосвязи и взаимодействия судов и статутного права, одинаковых для всех стран путей и форм воздействия на право судебных решений. Однако нормотворческая деятельность судебных органов является одной из наиболее действенных по влиянию на систему права в России [5, с. 365–366].

Например, в числе функций Конституционного Суда РФ следует выделить такие важные направления его деятельности, обусловленные его целями и задачами, как: правоприменительная деятельность; деятельность, связанная с формированием правовых ориентиров для всех судебных органов, применяющих закон; деятельность по нормоконтролю и толкованию конституционных норм и положений, поскольку только Конституционный Суд РФ даёт общеобязательное нормативное толкование Конституции РФ, прекращает действие признанных им несоответствующими Основному Закону страны нормативных правовых актов либо, признавая закон непротиворечащим Конституции, даёт ему толкование, подчёркивающее его конституционность и, следуя из этого, создаёт базу для его обязательного применения всеми субъектами права [6, с. 177–192].

На примере постановлений Пленума Верховного Суда РФ прослеживается аналогичная тенденция воздействия их положений на решения нижестоящих судов. Механизм судебного влияния выражен в различных формах, среди которых выделяется не только

толкование по вопросам судебной практики, но и значение обязательных для нижестоящих судов рекомендаций Верховного Суда РФ как высшего судебного органа, на который возложена обязанность по осуществлению судебного надзора за деятельностью судов общей юрисдикции.

Также следует отметить, что в отличие от парламентского правотворчества, особенность судебного нормотворчества определяется тем, что:

1) судебное нормотворчество является побочным продуктом акта правосудия в связи с устранением дефекта, ранее допущенного актом парламентского правотворчества;

2) судебное нормотворчество осуществляется в рамках закона и на основе закона, исходящего от парламента;

3) судебное нормотворчество в значительной мере связано с толкованием права и восполнением пробелов в праве.

Таким образом, в настоящее время суды в России вынуждены заниматься фактическим нормотворчеством, поскольку в ином случае будут оставлены пробелы, допущенные законодателем и, по сути, нарушающие права субъектов права на объективное и всестороннее судебное разбирательство.

Источники и литература

1. Бахрах Д.Н., Бурков А.Л. Акты правосудия как источники административного права // Журнал российского права. – 2004. – № 2. – С. 11–22.

2. Спирина М.Ю. Судебный прецедент как формальный источник права: теоретические вопросы // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – Т. 7. – № 4. – С. 109–116.

3. Жуйков В.М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. – М.: ИГП РАН, 1997. – С. 16–23.

4. Спирина М.Ю., Марьина Е.В. Судейское право в контексте перспектив развития российской правовой системы // Юридический вестник Самарского государственного университета. – 2015. – Т. 1. – № 2. – С. 21–26.

5. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право. – 2-е изд. – Москва: Изд-во Проспект, 2017. – 448 с.

6. Зивс С.Л. Источники права. – М: Наука, 1981. – 239 с.

DOI: 10.47905/9785604872161_215

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ПО МОБИЛИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В РЯДЫ КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Рассматриваются основные направления мобилизационной работы, включая мобилизацию населения призывного возраста в ряды Красной Армии; перестройка государственной идеологии с целью подъема патриотизма у населения и готовности к защите Отечества; обязательное обучение военному делу граждан; выявление лиц, уклоняющихся от призыва в Вооруженные Силы, борьба с дезертирством.

Ключевые слова: Красная Армия, мобилизация, дезертирство, военнослужащие, постановление, народный комиссариат внутренних дел, государственная идеология, правоохранительные органы.

STATE LEGAL POLICY OF THE MOBILIZATION OF THE POPULATION IN THE RANKS OF THE RED ARMY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article is about the main directions of mobilization work and particularly the mobilization of the population of military age in the ranks of the Red Army, restructuring of state ideology with the aim of raising public patriotism and readiness to defend the country, obligatory military training of Soviet citizens, identification of persons evading calling up for military service and the fight against desertion.

Key words: Red Army, mobilization, desertion, military men, statement, National Commissariat of Internal Affairs, state ideology, law enforcement agencies.

* *Вальтер Владимир Витальевич*, курсант 3 курса, Новосибирский военный институт войск национальной гвардии РФ (г. Новосибирск, Россия).

Научный руководитель: Михеев Дмитрий Юрьевич, Новосибирский военный институт войск национальной гвардии РФ (г. Новосибирск, Россия).

Valter Vladimir Vitalievich, 3rd year cadet, Novosibirsk military institute of the National Guard troops of the Russian Federation (Novosibirsk, Russia).

Scientific curator: Mikheev Dmitriy Yurievich, Novosibirsk military institute of the National Guard troops of the Russian Federation (Novosibirsk, Russia).

С первых дней Великой Отечественной войны в СССР началась всеобщая мобилизация. Под ней понималось осуществление перевода Советского государства и его сил и средств в активное состояние, обусловленное военным временем, с целью победы в войне. Мобилизация проводилась в масштабах всей страны и затронула в той или иной степени весь механизм государства, все направления его деятельности – экономические, социальные, политические, в том числе Вооружённые Силы Советского Союза, а также общественные институты.

Государственно-правовая политика в годы войны по мобилизации населения в Вооружённые Силы, по нашему мнению, протекала по четырем основным направлениям: во-первых, мобилизация населения призывного возраста в ряды Красной Армии; во-вторых, организация и проведение обязательного обучения военному делу граждан СССР; в-третьих, перестройка государственной идеологии с целью подъёма патриотизма у населения и готовности к защите отечества; в-четвертых, выявление лиц, уклоняющихся от призыва в Вооружённые Силы, и борьба с дезертирством.

Теперь рассмотрим подробно каждое из указанных направлений.

1. Мобилизация населения призывного возраста в ряды Красной Армии.

В годы Великой Отечественной войны мобилизация населения в ряды Красной Армии осуществлялась двумя способами: добровольно либо по призыву. В первую очередь призыву подлежали граждане, достигшие призывного возраста, а также все военнообязанные мужчины и женщины, являвшиеся военнообязанными по возрасту, находившиеся в запасе и не имевшие права на отсрочку или бронирование. В исследуемый период мобилизационные мероприятия проводились в соответствии с «Наставлением по мобилизационной работе войсковых частей, управлений и учреждений Красной Армии». В соответствии с данным нормативным правовым актом мобилизация объявлялась указом Президиума Верховного Совета СССР. Все призывы в ряды Красной Армии и Военно-морского флота в военный период осуществлялись на основании постановлений Совета Народных Комиссаров СССР, приказов Народного комиссара обороны (п. «л» ст. 49 Конституции СССР и ст. 72 Закона «О всеобщей воинской обязанности») [1, с. 20]. Ука-

зом Президиума Верховного Совета СССР (далее – ПВС СССР) от 22 июня 1941 г. первым днём явки мобилизованных на призывные пункты было установлено 23 июня 1941 г. Мобилизации подлежали военнообязанные граждане четырнадцати возрастов – с 1905 по 1918 годы рождения. Только к 1 июля 1941 г. в СССР в Красную Армию и Военно-морской флот было мобилизовано 5,3 млн. чел. [2, с. 183].

В соответствии с постановлением Государственного Комитета Оборона (далее – ГКО) от 23 июля 1941 г. вся работа по руководству мобилизационными процессами, контролю за формированием резерва была возложена на Главное управление формирования и укомплектования войск Красной Армии. В свою очередь, в военных округах вся ответственность по мобилизационной работе была возложена на военные советы [3, с. 33]. 29 июля 1941 г. с целью создания централизованной системы формирования соединений и частей армии при Наркомате обороны СССР был создан Главупраформ [4].

Мобилизация предусматривала полный охват призыва на действительную военную службу призывников-новобранцев. В соответствии с постановлением ГКО № 2100сс от 26 июля 1942 г. Наркомат обороны был обязан проводить призыв всех граждан, родившихся в 1924 г. и годных к строевой службе. В результате проведённой работы в военные училища и запасные части было мобилизовано 450 тыс. чел., на Военно-морской флот – 100 тыс. чел., в войска НКВД – 75 тыс. чел., в войска Забайкальского фронта – 25 тыс. чел. [5]. В годы Великой Отечественной войны в ряды Красной Армии и Военно-морского флота было мобилизовано более 800 тыс. женщин [6, с. 347].

Следует отметить, что в действующую армию и специальные военные учебные заведения (радивов, снайперов) женщины направлялись только на добровольной основе. Через военкоматы призыву подлежали женщины, имевшие медицинские военно-учётные специальности: врачи, фельдшеры, операционные сёстры, аптекари, медсёстры общего профиля и санитарки для эвакуогоспиталей [7].

В исследуемый период существенные потери военнослужащих во время боевых действий, нехватка лиц призывного возраста вызвали необходимость осуществлять призыв на действи-

тельную военную службу лиц, находящихся в исправительно-трудовых учреждениях, – спецпереселенцев и заключённых ГУЛАГа НКВД СССР.

В первый год войны 12 июля и 24 ноября указами ПВС СССР «Об освобождении от наказания осуждённых по некоторым категориям преступлений» была объявлена официальная мобилизация заключённых. Заключённые, отбывающие наказание за мало-значительные преступления, и осуждённые на срок до пяти лет, подавшие заявления руководству исправительно-трудового учреждения с просьбой отправить их на фронт, подлежали освобождению из мест лишения свободы. Кроме того, мобилизации на фронт подлежали лица, отбывшие наказание и годные к строевой службе [8]. Только во исполнение вышеназванных указов в первый год войны было освобождено 420 тыс. чел., что составило около 25% от общего числа лишённых свободы.

В дальнейшем нормативно-правовой основой призыва спецпереселенцев и заключённых выступали специальные постановления ГКО и правительства в соответствии с нарядами НКВД. Только в течение одного года (с 1942 по 1943 гг.) во исполнение специального постановления было досрочно освобождено по целевым разрядам с направлением в ряды Красной Армии 157 тыс. чел., что составило свыше 10 % от общего числа лишённых свободы [9, с. 368]. Всего же за период с 1941 по 1944 г. в армию были призваны 975 тыс. бывших заключённых [10].

Всё вышеизложенное даёт нам основание сделать вывод, что мобилизации в ряды Красной Армии подлежали не только мужчины призывного возраста, как на добровольной основе, так и по призыву, но и женщины, а также лица, находящиеся в исправительно-трудовых учреждениях, по личным заявлениям на основании специальных постановлений ГКО и правительства в соответствии с нарядами НКВД. Всего же за весь период Великой Отечественной войны было мобилизовано 29,5 млн. чел. [11, с. 290].

2. Организация и проведение обязательного обучения военному делу граждан СССР.

В связи с недостаточностью знаний и навыков военного дела у граждан государства, находившегося в состоянии войны, 17 сентября 1941 г. ГКО принял постановление «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР», во исполнение

которого в стране необходимо было в кратчайшие сроки создать стройную государственную систему по организации и проведению всеобщего обязательного обучения всех военнообязанных, призывников и незамужних женщин без отрыва от производства [12, с. 100]. Реализация данного постановления была возложена на Наркомат обороны, в составе которого для этих целей было создано Главное управление всеобщего военного обучения (всеобуча).

Во всех военных округах, областных, краевых и республиканских военных комиссариатах были организованы отделы всеобщего военного обучения. За организацией и обучением населения военному делу управлениями военных округов осуществлялся постоянный контроль. По результатам проверок издавались приказы или директивы, в которых указывались недостатки в работе и определялись пути их устранения.

Особого внимания военных советов требовала военная подготовка учащихся гражданских учебных заведений. В связи с этим создавались отделы инспектирования военной подготовки учащихся гражданских учебных заведений в некоторых военных округах и при республиканских, краевых, областных военкоматах, а в штат районных и городских военкоматов были введены инструкторы. Эти отделы контролировали, осуществляли инспектирование и оказывали практическую помощь в организации военной подготовки учащихся гражданских учебных заведений [13, с. 36].

Согласно постановлению ПВС СССР от 1 октября 1941 г. всеобуч вводился на всей территории Советского Союза. Все мужчины, достигшие возраста от 16 до 50 лет, подлежали обучению. Во время проведения занятий особое значение придавалось стрелковой подготовке, овладению винтовкой, пулемётом и ручной гранатой, противохимической и противотанковой защите, оборудованию окопов, маскировке, а также тактической подготовке одиночного бойца и отделения. Для обучения каждого гражданина владению оружием, тактикой боя и конкретной воинской специальностью отводилось несколько месяцев.

В исследуемый период всеобщее обязательное обучение граждан СССР выполнило главную задачу – сформировало знания военного дела и навыки военного мастерства у лиц призывного возраста. За годы Великой Отечественной войны военную подготовку прошли 9862 тыс. чел. [14, с. 45].

3. Перестройка государственной идеологии с целью подъёма патриотизма у населения и готовности к защите отечества.

Идеологическая функция Советского государства в годы Великой Отечественной войны сыграла существенную роль в достижении победы над врагом – фашистской Германией. Для Советского государства в исследуемый период было характерно наличие государственной идеологии, построенной на диктатуре пролетариата при руководящей роли Коммунистической партии. Таким образом, главными носителями государственной идеологии были партийные органы. Применительно к Советскому государству справедливо отождествлять партийную и государственную идеологию. Фактически партийные органы являлись элементом механизма Советского государства.

В период Великой Отечественной войны Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) играла направляющую и руководящую роль в управлении делами государства. Как отмечалось в СМИ того времени, решение задач коммунистического строительства зависело главным образом от правильного проведения намеченной политической линии, от эффективности работы государственного аппарата и общественных организаций, от координации их деятельности. Под руководством партийных организаций в годы войны создавалась идеологическая конструкция по подъему патриотизма у населения и готовности к подвигу, самопожертвованию, в которой можно выделить следующие важнейшие позиции.

Во-первых, с началом войны население страны убеждалось в двух истинах, которые должны были восприниматься совершенно однозначно и бесспорно: «Победа будет за нами» и «Война будет долгой и тяжёлой, требующей полной отдачи сил на фронте и в тылу». Уже в «Правде» от 23 июня 1941 г. мы можем прочесть следующие заголовки-лозунги: «Фашизм будет уничтожен»; «Наш ответ: смерть врагам!»; «Наш лозунг: победа!»; «Фашизм будет уничтожен под ударами Красной Армии». Последующие номера газеты вселяли веру в победоносную войну не менее красноречиво: «Каждый наш мотор – удар по врагу»; «Враг будет испепелён»; «С гордостью пошлём наших сыновей на защиту Родины»; «Победу надо завоевать, победа будет за нами»; «Каждое предприятие, каждый дом – крепость обороны» [15].

Несмотря на бодрый тон официальных сводок, в обще-

ственное сознание также внедрялась мысль о том, что враг чрезвычайно опасен и силён, что угроза нашей стране существует нешуточная и что лёгкой победы не будет. Население должно было жить с мыслью о грядущей победе и нечеловечески тяжёлом труде ради этой победы – как ратном, так и производственном, а также, естественно, с мыслью о том, что победа потребует громадных жертв.

Во-вторых, с первого дня войны населению страны в целом и в первую очередь военным внушалась мысль о бескомпромиссности борьбы с врагом, о том, что победить его можно, только отвечая ненавистью на ненависть, жестокостью на жестокость, что врагу надо «мстить, мстить и мстить», мысль о праведности и святости мести.

Этот шаг советской идеологической машины являлся абсолютно выверенным: согласно большевистской идеологии, господствовавшей в Советском государстве все годы его существования, победить в войне может только та армия, которая ненавидит своего врага и, зная, за что она воюет, стремится уничтожить противника. Под противником подразумевалась вся Германия – и на фронте, и в тылу (естественно, и союзники Германии).

В-третьих, с первого дня войны в новой идеологической конструкции стала преобладать пропаганда отечественных (русских) боевых подвигов дореволюционного периода, в особенности связанных с противостоянием немцам или тем, кого считали ранними предшественниками современной Германии. Прежде всего речь шла о славных победах Александра Невского, в особенности много внимания на страницах «Правды» уделялось Ледовому побоищу 1242 г., в котором дружиной Александра Невского были разбиты предки наших противников в Великой Отечественной войне. Не менее частыми были упоминания о победах русской армии в Семилетней войне XVIII в., о победах на фронтах Первой мировой войны (в особенности широко освещались победы на русско-австрийском участке Восточного фронта и, конечно же, наиболее запомнившийся своими результатами и нововведениями Брусиловский прорыв 1916 г.).

В-четвёртых, своеобразным идеологическим оружием военного времени, в особенности начального периода войны, являлись официальные сводки, публикуемые в газетах. Безусловно, в военном отношении они являлись полной дезинформацией населе-

ния. В этом отдавали себе отчёт и их авторы. Военные сводки можно назвать «ложью во спасение», неотъемлемым атрибутом любой войны, поскольку живописание потерь, публикация в массовой печати фотографий подбитых танков и самолётов своей армии, фотографий колонн пленных являются сознательной или неосознанной работой, направленной на деморализацию и армии и населения, подрыв духа и фронта и тыла.

Вышеперечисленные аспекты формирования государственной идеологии периода Великой Отечественной войны были основаны на существующих в обществе ценностях и реальной угрозе перед гибелью всего советского народа, вне зависимости от политических взглядов, идеологических пристрастий, религиозных воззрений, социального происхождения, собственного отношения к официальной власти и партии большевиков, тех или иных личных обид и утрат. Перестройка государственной идеологии способствовала повышению патриотизма советского народа, вызванного общей трагедией, что обусловило организованное оформление в масштабе всей страны ополченского движения.

Народное ополчение отличалось от регулярной армии по принципам комплектования, по субъектам и назначению. В частности, ополчение создавалось на добровольной основе, в его подразделения привлекались лица, которые в данный момент не подлежали мобилизации в ряды Красной Армии и Военно-морского флота. Возрастной разбег ополченцев был существенно больше, чем при призыве в регулярную армию. Только в период с июля по сентябрь 1941 г. в городах, республиках и областях было сформировано 1339 истребительных батальонов общей численностью свыше 310 тыс. чел.

4. Выявление лиц, уклоняющихся от призыва в Вооружённые Силы, и борьба с дезертирством.

Государственно-правовая политика Советского государства по мобилизации населения в Вооружённые Силы в годы войны достигалась не только методами убеждения, которые, несомненно, тогда доминировали, но и методами принуждения, осуществлением которого занимались правоохранительные органы в процессе реализации функции защиты отечества в исследуемый период.

В начальный период Великой Отечественной войны дезертирство и уклонение от воинской службы носило масштабный ха-

ракти, несмотря на проводимые профилактические мероприятия и ужесточение законодательства. Однако ещё в довоенный период 6 июля 1940 г. указом ПВС СССР «Об изменении пунктов «а» – «г» ст. 193 Уголовного кодекса РСФСР» были ужесточены санкции за самовольные отлучки и дезертирство. В указе под дезертирством понималась самовольная отлучка свыше суток, влекущая за собой лишение свободы на срок от 5 до 10 лет, а в военное время – высшую меру наказания (расстрел) с конфискацией имущества [16].

Лица, уклоняющиеся от выполнения требований постановления ГКО от 17 сентября 1941 г. «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР», привлекались к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 68 Уголовного кодекса (далее – УК), а если имели место отягчающие обстоятельства – по ч. 2 ст. 68 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик. Наказание предусматривалось в виде лишения свободы сроком до 3 лет [17]. Только в течение первой половины 1942 г. в Ярославской области было выявлено 2 тыс. уклонистов от службы и дезертиров [18, с. 129].

Такое массовое дезертирство и уклонение от воинской обязанности в исследуемый период, по нашему мнению, были вызваны рядом причин:

во-первых, в связи с существовавшим ещё до войны расколом в обществе, порождённым Октябрьской революцией (противники советской власти не желали воевать на стороне своих врагов);

во-вторых, сложившаяся на фронтах тяжёлая обстановка, большие людские и материальные потери, особенно в начале войны;

в-третьих, отсутствие сострадания со стороны местных руководителей органов государственной власти к семьям фронтовиков. В письмах, адресованных своим родным и близким, находившимся на фронте, люди сообщали: «Мы живём очень плохо... Мне даже стыдно ходить по улице, нет ни платья, ни обуви. А местные организации (горсобес, женсовет) за три года мне ничем почти не помогли. Неужели я, как семья фронтовика, эвакуированная с самой границы, не заслуживаю внимания – обидно до слёз» [19].

В-четвёртых, имели место злоупотребления и недостатки в работе органов государственной власти, местного самоуправления и должностных лиц. Например, по стране было отмечено немало

случаев, когда военкоматы выдавали свидетельства об освобождении от военной службы, причём основанием служили копии фиктивных медицинских документов и т. п. В военный период правоохранительные органы стали придавать особое значение борьбе с дезертирством и уклонением от воинской службы, как одним из опасных преступлений, подрывающим боеспособность Красной Армии, используя для этого различные формы и методы.

В годы войны дезертиры и лица, уклоняющиеся от воинской службы, применяли различные приёмы по использованию паспортов, других документов, бланков, легализующих их в условиях военного времени. В основном такая возможность им предоставлялась по трём причинам.

Во-первых, в связи с поспешным отступлением частей Красной Армии на оккупированной немецко-фашистскими войсками части территории СССР в их распоряжении оказались различные документы, в том числе паспорта, чистые бланки, печати, штампы, по организации паспортной работы.

Во-вторых, во время массовой эвакуации населения в восточные районы страны многими гражданами были утеряны документы, удостоверяющие личность. Сотрудники правоохранительных органов входили в положение эвакуированных граждан, поэтому при выдаче паспортов они не требовали от них всех предусмотренных «Положением о паспортах» документов.

В-третьих, в период мобилизации было много разного рода мошенников, занимавшихся подделкой удостоверений об освобождении от призыва в армию с целью их продажи лицам, уклоняющимся от призыва в Красную Армию [20, с. 165].

В связи с вышеназванными причинами постановлением ГКО № 1159с от 16 января 1942 г. «О порядке передвижения военнообязанных в военное время и ответственности за уклонение от воинского учёта» [21, с. 483-556] НКВД и НКО СССР вменялась в обязанность организация систематической проверки документов, устанавливающих отношение граждан к воинской обязанности во всех населённых пунктах и на путях сообщения. Главное управление милиции НКВД СССР в апреле 1942 г. приняло решение об усилении борьбы с дезертирством и лицами, уклоняющимися от воинской службы [22].

Во исполнение данных правовых актов сотрудники право-

охранительных органов должны были проводить постоянные мероприятия по укреплению паспортного режима в стране. В 1942 г. в стране была проведена перерегистрация населения в местностях, в которых соблюдался паспортный режим, в каждый паспорт вклеивали контрольные листки.

29 июля 1941 г. начальником УНКВД Ленинградской области был издан Приказ «Об усилении борьбы с дезертирством и проверке документов», устанавливающий приёмы, тактики и методики проверки документов у подозреваемых лиц с целью выявления дезертиров и лиц, уклоняющихся от призыва в Красную Армию.

Сотрудники правоохранительных органов проводили следующие мероприятия: постоянные облавы в местах массового скопления людей; проверяли иные места возможного нахождения нарушителей паспортного режима; выявляли лиц без постоянного места жительства, занятий и ставили их на учёт; проверяли лиц, которым было отказано в прописке или у которых срок прописки истёк; проверяли исполнение правил паспортного режима при приёме граждан на работу, учёбу, при прописке и выписке.

Так, только в 1943 г. сотрудники милиции Бийского горотдела Алтайского края проверили: домовладений – 15 301, общежитий – 78, предприятий и учреждений – 89. В результате проведённых проверок выявили 217 нарушителей военного учёта [23]. Только за I квартал 1945 г. сотрудники НКВД Алтайского края выявили и задержали: дезертиров из армии – 86 чел., уклоняющихся от призыва и мобилизации в армию – 152 чел., из них задержано по агентурным данным 46 чел. [24]. В ходе мероприятий, имеющих массовый характер, облав, обходов задержали: дезертиров – 40 чел., уклоняющихся от призыва и мобилизации в армию – 111 чел.

По состоянию на 1 апреля 1945 г. дезертиров, находящихся в розыске, – 1121 чел. [25]. Сотрудники правоохранительных органов часто сталкивались с множеством и других разнообразных уловок дезертиров и лиц, уклоняющихся от призыва и мобилизации в армию, которые скрывались от органов власти.

Так, они прибегали к следующим приёмам: переодевались в женское платье, изменяя при этом походку и манеру поведения; маскировались под нищих, калек, глухонемых и др.; прятались в цыганских таборах; скрывались в землянках, блиндажах, развали-

нах, лесных массивах. Например, в Называевском районе Омской области дезертиру Акимову удалось скрываться более шести месяцев в специально оборудованном укрытии, которое было замаскировано на глубине четырёх метров под жилым домом [26]. В этом же райотделе милиции при проверке анонимного сообщения о том, что на квартире у гражданки Н. проживает неизвестная женщина, сотрудники органов внутренних дел установили, что с гражданкой Н. проживал её муж, который дезертировал из рядов Красной Армии и скрывался, переодевшись в женское платье [27].

Важным мероприятием в годы войны стало осуществление совместных массовых операций, направленных на выявление и изъятие дезертиров и лиц, уклоняющихся от воинской службы. Так, в Сталинграде при проведении массовых облав в районах города активно использовались крупные силы милиции, войсковых частей, бригад содействия милиции, групп охраны общественного порядка. Облавы проводились повсюду – как во всём Сталинграде, так и в отдельных его районах. Особенно основательно были подвергнуты проверке железнодорожные станции, дома приезжих, домовладения, общежития, бараки, подвальные и чердачные помещения [28, с. 60].

Операции по выявлению дезертиров, лиц, уклоняющихся от воинской службы, шпионов, диверсантов и т. д., как правило, проходили в ночное время суток. В г. Новороссийске с целью выявления дезертиров, лиц, уклоняющихся от воинской службы, изменников Родины и других лиц, подозреваемых в совершении преступлений, были задействованы достаточно большие силы. Всего в выполнении оперативных мероприятий участвовали 1794 чел.: из числа сотрудников милиции – 355, офицерского состава войск – 311, рядового и сержантского состава войск – 1033, бойцов истребительного батальона – 28, работников контрразведки «Смерш», комендатуры гарнизона и прокуратуры гарнизона – 67.

В результате проведённых мероприятий был задержан 151 чел. Задержанные представляли собой следующие категории: дезертиры – 15 чел., попавшие в окружение – 8 чел., уклонившиеся от воинского учёта – 36 чел., военнослужащие, не имеющие увольнительных записок, – 93 чел. [29].

В г. Сочи такими опергруппами было задержано 69 чел., из них:

а) военнослужащих без увольнительных записок – 64;

б) лиц, уклоняющихся от службы в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (далее – РККА), – 5. По железнодорожному транспорту было задержано 43 чел., из них: а) дезертиров из РККА – 24;

в) военнослужащих без увольнительных записок – 19 [30].

Как мы видим, деятельность правоохранительных органов по выявлению лиц, уклоняющихся от призыва в Вооружённые Силы, и борьба с дезертирством носила комплексный, собирательный характер и протекала по следующим направлениям: выставление КПП с целью проверки всех въезжающих и выезжающих из населённых пунктов; работа с агентурным аппаратом; обеспечение паспортного режима; взаимодействие правоохранительных органов с другими органами государственной власти во время проведения массовых проверок. Результат этой деятельности был таков, что за годы войны за дезертирство и уклонение от военной службы было осуждено 336 612 чел. [31].

Подводя общий итог данному исследованию, следует отметить, что в статье, безусловно, рассмотрены только основные направления государственно-правовой политики Советского государства по мобилизации населения в Вооружённые Силы в годы войны.

По нашему мнению, именно данные направления в большей степени способствовали достижению Советским государством и его народом поставленной цели – победе над фашистской Германией.

Во-первых, мобилизации населения в ряды Красной Армии были подвержены практически все социальные группы, достигшие призывного возраста советского общества, что способствовало постоянному комплектованию боевых частей Красной Армии.

Во-вторых, организация и проведение обязательного обучения военному делу граждан СССР явилось действенным методом мобилизации населения, благодаря которому действующая армия постоянно пополнялась подготовленными боевыми резервами.

В-третьих, перестройка государственной идеологии с целью подъёма патриотизма у населения и готовности к защите отечества, смогла переломить ситуацию в кратчайший период и не допустить полного развала единства нации, единства фронта и тыла, с одной стороны, и сплотить население, настроив его на тяжелейший рат-

ный и тыловой труд, – с другой.

В-четвёртых, вопреки сложившимся представлениям советских и постсоветских исследователей, дезертирство и уклонение от призыва в Вооружённые Силы в годы Великой Отечественной войны носило довольно массовый характер и являлось неотъемлемой стороной жизни общества в то время. Правоохранительным органам на протяжении всего исследуемого периода пришлось вести сложную, подчас противоречивую борьбу с этими видами преступлений, и в этой правоохранительной деятельности использовались не всегда объективные, но, в то же время, очень эффективные методы принуждения при реализации государственно-правовой политики Советского государства по мобилизации населения в Вооружённые Силы в годы войны.

Источники и литература

1. Русский архив. Великая Отечественная. – Москва, 1998. – Т. 14.
2. Военная энциклопедия. – Москва, 2001. – Т. 5.
3. Яценко В. Деятельность военных округов в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. – 1985. – № 2.
4. Любецкий А.Е. Призыв в РККА и мобилизация населения на фронт в Магнитогорске в годы Великой Отечественной войны // Сборник научных статей Международной научно-практической конференции / отв. ред А.А. Сукиасян. – Уфа, 2014. – С. 20–23.
5. Российский государственный архив социально политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 48. Л. 19.
6. Иванова Ю.Н. Женщины в войнах Отечества // Военно-историческая антропология. – Москва, 2002.
7. Барсукова Н.В. Наравне с мужчинами: женщины в Вооружённых Силах СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. – 2012. – № 4. – С. 203–206.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1с. Д. 113. Л. 13.
9. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. – Москва, 1996.
10. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 68. Л. 9–11.
11. Великая Отечественная война. 1941–1945. – Москва, 1999. – Кн. 4: Народ и война.
12. Бодрова Е.В. Реорганизация системы массового военного обу-

чения населения в годы Великой Отечественной войны // Мы Победу приближали как могли: материалы Международной научной конференции, посвящённой Великой Отечественной войне. – Смоленск, 2003.

13. Яценко В. Деятельность военных округов в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. – 1985. – № 2.

14. Шатилов С.П. Правоохранительная функция Советского государства в период Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект). – Барнаул, 2006.

15. Шатилов С.П. Основные формы воспитательной работы с сотрудниками милиции Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // История государства и права. – 2005. – № 2. – С. 28–30.

16. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 15. Д. 30. Л. 589.

17. Зангиев Х.В., Хубулова С.А. Уголовная преступность и борьба с ней в Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. – 2014. – № 3. – С. 58–62.

18. Тумаков Д.В. «Внутренний фронт»: криминальные отклонения в СССР в эпоху Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Ярославль, 2012.

19. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. П–8. Оп. 1. Д. 482. Л. 7.

20. Из истории милиции Советской Украины / под ред. П.П. Михайленко. – Киев, 1965.

21. Горьков Ю.В. Государственный комитет постановляет. 1941–1945. – Москва, 2002.

22. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 1678. Л. 213.

23. Отдел реабилитации и архивной информации информационного центра ГУВД Алтайского края (ОРАИИЦ ГУВД АК). Ф. 4. Оп. 4. Д. 1. Л. 21–23.

24. Там же. Л. 221.

25. Там же. Ф. 8. Оп. 2. Д. 5. Л. 13–14.

26. Отделение специальных фондов отдела архивной информации и реабилитации информационного центра УВД Омской области (ОСФИЦ УВД ОО). Ф. 2. Оп. 2. Д. 7. Л. 115.

27. Там же. Л. 121.

28. Чуюнов А.С. Сталинградский дневник. – Волгоград, 1968.

29. Информационный центр Главного управления внутренних дел Краснодарского края (ИЦ ГУВД КК). Ф. 18. Д. 4. Л. 20.

30. Там же. Ф. 31. Оп. 2. Д. 10. Л. 42.

31. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 3. Д. 40. Л. 15–50.

DOI: 10.47905/9785604872161_230

ПРАВО КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

***Аннотация.** Научная статья посвящена проблеме выявления взаимосвязи между правом и возможностями повышения качества жизни. Данная проблема достаточно актуальна, поскольку выявление критериев для измерения качества жизни, а также дальнейшей разработки методов по обеспечению благополучия населения вызывает ряд сложностей в связи со своей неопределенностью и абстрактностью. Также, в результате исследования было доказано, что право выступает сильнейшим инструментом в механизме повышения качества жизни.*

***Ключевые слова:** право, общество, качество жизни, социальные проблемы, благополучие, безопасность.*

LAW AS A TOOL FOR IMPROVING THE QUALITY OF LIFE

***Abstract.** The scientific article is devoted to the problem of identifying the relationship between the right and the opportunities to improve the quality of life. This problem is quite relevant, since the identification of criteria for measuring the quality of life, as well as the further development of methods to ensure the well-being of the population causes a number of difficulties due to its uncertainty and abstraction. Also, as a result of the study, it was proved that the law is the strongest tool in the mechanism of improving the quality of life.*

***Key words:** law, society, quality of life, social problems, well-being, safety.*

* **Вершинина Маргарита Константиновна**, студентка 4 курса, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск, Россия).

Научный руководитель: **Рузавина Евгения Юрьевна**, кандидат юридических наук, доцент, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск, Россия).

Vershinina Margarita Konstantinovna, 4th year student East-Siberian branch of the Russian state university of justice (Irkutsk, Russia).

Scientific curator: **Ruzavina Evgeniya Yurievna**, Candidate of legal sciences, Associate professor, East-Siberian branch of the Russian state university of justice (Irkutsk, Russia).

Ни для кого не секрет, что многие современные демократические государства ставят перед собой цель обеспечить своих граждан и лиц, проживающих на соответствующей территории достойной сферой жизнедеятельности. Так, Российская Федерация не стала исключением. Однако, данная цель государств возникла не только на современном этапе развития общества, а в момент формирования и становления демократического государства, ведь согласно Основному Закону Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина признаются наивысшей ценностью [1], со всеми вытекающими явлениями.

В кругах многих ученых в области философии, политологии, социологии и правоведения возникло такое понятие, как «качество жизни». Термин «качество жизни» стал проникать в политическую и научную жизнь США и стран Западной Европы в середине XX века [5, с. 69]. Изначально, данное понятие использовалось для обозначения качественных аспектов высокого уровня жизни определенных членов общества. Так, на сегодняшний момент, большая масса населения частично придерживается такой позиции, ведь первой ассоциацией с «качеством жизни» выступает благосостояние, однако данный термин охватывает не только материальную составляющую.

Всемирная организация здравоохранения определяет «качество жизни» как восприятие людьми своей жизненной позиции в контексте систем культуры и ценностей, в которых они живут, а также в отношении их целей, ожиданий, стандартов и проблем [4, с. 27]. Исходя из данного определения, можно сделать вывод, что качество жизни включает в себя психологические и эмоциональное состояние, мировоззрение и убеждения, особые качества личности, взаимодействие с другими индивидами и обществом в целом, и многое другое. Безусловно, материальное положение значительно «облегчает» жизнь за счет быстрого и качественного удовлетворения каких-либо потребностей, однако это далеко не главное для оценки качества жизни.

Так, в связи с тем, что качество жизни охватывается все сферы жизнедеятельности, в том числе материальную и духовную составляющие, право, как одни из важнейших социальных регуляторов, не может обойти его стороной. Прежде чем говорить о форме взаимодействия права с качеством жизни, необходимо учиты-

вать тот факт, что по своему структурному содержанию данные явления можно считать разноплановыми. Право отличается своей системностью, конкретикой, что нельзя сказать о качестве жизни, поскольку отсутствуют определенные критерии для оценки такого явления.

Так, возможно предложить следующие критерии измерения уровня качества жизни, основываясь на вышесказанном.

1. Физический критерий. В данном случае рассматриваются такие состояния организма, как усталость, дискомфорт, а также прилив сил и энергии;

2. Психологический критерий. Данный критерий включает в себя эмоциональное состояние, мышление, самооценка, а также такие негативные явления, как уровень переживаний и стресса;

3. Общественная жизнь. Такой критерий играет особую роль, поскольку каждый, так или иначе, зависим от общества, является его составной частью;

4. Духовность. Так, огромное влияние на оценку качества жизни оказывают уровень образования и воспитания, религия, а также личные убеждения [7, с. 113].

Однако, помимо физиологического и эмоционального аспектов, в современном мире важно учитывать и состояние окружающей среды, экономическую и физическую безопасность, а также механизм реализации прав и свобод человека и гражданина, и именно для учета данных критериев нам необходимо право.

Право, как отмечалось ранее, в силу занимаемого им места в обществе, способствует должной урегулированной реализации прав и свобод человека и гражданина, за нарушение которых следует соответствующая санкция со стороны государства. Возникает вопрос, почему именно праву удастся эффективно реализовать данный механизм? Ответ заключается в том, что каждая личность для удовлетворения конкретного интереса всегда ставит перед собой цель, однако не всегда четко сформулированную или осознанную [6, с. 7]. Именно поэтому, необходимо достичь не только определенного уровня правосознания, но и должного развития, экономики, культуры, а также законодательства.

Так, возможно выявить несколько факторов, определяющих тесную связь между правом и уровнем качества жизни:

1. Законодательство и правосознание. Данные факторы, безусловно, влияют друг друга в зависимости от уровня их развития. Так, качественное законодательство обеспечивает формирование «правильного» правосознания, воспитание законопослушных граждан, уважающих и знающих закон. Однако, возможна и иная полностью противоположная ситуация – в рамках малоэффективности законодательства возникают проблемы в защите прав и законных интересов граждан, что приводит к деформации правосознания, проявляющейся в неуважении и недоверии к компетентным органам и праву в целом;

2. Медицинская и социальная помощь. Здесь достаточно все ясно, поскольку помощь, исходящая от государства, всегда положительно отражается в сознании населения. Так, например, Федеральный закон «О государственной социальной помощи» устанавливает виды государственной социальной помощи, оказание которых обязательно на территории Российской Федерации [2];

3. Состояние окружающей среды (экология). Как отмечалось ранее, состояние окружающей среды в целом сказывается на состоянии самого человека. Так, каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, согласно Конституции Российской Федерации [1]. Кроме этого, это право означает возможность жить в благоприятных условиях, не наносящих вреда жизни и здоровью, и требовать от соответствующих должностных лиц поддержания благоприятной окружающей среды в надлежащем состоянии;

4. Доступ к информации. Данный критерий, так же является конституционным правом, выражающимся в свободном для всех доступе к такой информации. Это может быть информация о состоянии окружающей среды, деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления и иная необходимая доступная информация. Информированный человек всегда будет уверен в себе, своих знаниях и механизме защиты его прав;

5. Благополучие и безопасность. Безопасность и благополучие не могут существовать друг без друга, ведь только когда человек чувствует себя защищенным, он может быть спокоен в завтрашнем дне. Обеспечение безопасности населения является основополагающей задачей для государства, именно поэтому существует огромный ряд нормативных актов, регулирующих данную дея-

тельность. Примером служит Федеральный закон «О безопасности», регулирующий основные направления деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что для современного общества характерна тесная взаимосвязь между право и уровнем качества жизни. Кроме этого, право оказывает только положительное влияние, поскольку представляет собой один из главных инструментов обеспечения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Также, за счет действенного механизма реализации таких прав и, конечно, безопасности граждан повышается уровень правового сознания населения, чувства защищенности, а в дальнейшем и уровень качества жизни, ведь внешнее состояние человека целиком и полностью выражают его внутреннее душевное состояние.

Источники и литература

1. Конституция РФ (принята Всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе Общероссийского голосования 1.07.2020 г.) // Текст: [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.pravo.gov.ru>; Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 343 с.

2. О государственной социальной помощи: Федеральный закон от 17.07.1999 г. (ред. от 28.05.2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.07.2022 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 29. – Ст. 3699.

3. О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 г. (ред. от 9.11.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 2.

4. Диагностика факторов здорового образа жизни: опросник качества жизни (версия ВОЗ) // Текст: [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://online-edu.ranepa.ru>. – 34 с.

5. Лебедева Л.С. «Качество жизни»: ключевые подходы и структура понятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – Москва, 2018. – № 4 (146). – С. 68-80.

6. Морозова Л.А. Особенности форм реализации прав и свобод личности // Актуальные проблемы государства и права. – Москва, 2018. – С. 5-17.

7. Перельман Н.Л. История и методологические основания представлений о качестве жизни // Бюллетень физиологии и патологии дыхания. – Благовещенск, 2019. – Вып. 72. – С. 112-119.

Я.Д. Витовская*

DOI: 10.47905/9785604872161_235

К ВОПРОСУ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ КАК МЕРЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ИСПОЛНЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

***Аннотация.** В статье исследуются некоторые аспекты института ограничения родительских прав. На основе анализа теоретических разработок в области общей теории права и семейного права автор приходит к выводу, что в случае совершения родителем (родителями) умышленного преступления, при отсутствии оснований для лишения родительских прав необходимо применять институт ограничения родительских прав.*

***Ключевые слова:** родители, дети, ограничение прав, преступление, несовершеннолетние.*

TO THE ISSUE OF RESTRICTION OF PARENTAL RIGHTS AS A MEASURE OF LIABILITY FOR IMPROPER PERFORMANCE OF PARENTAL DUTIES

***Abstract.** The paper explores some aspects of the institution of parental restriction. Based on an analysis of theoretical developments in the field of general theory of law and family law, the author concludes that in the event*

* **Витовская Ядвига Дмитриевна**, курсант 2 курса, Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк, Россия).

Научный руководитель: **Заборовская Юлия Михайловна**, преподаватель, Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк, Россия).

Vitovskaya Yadviga Dmitrievna, Cadet of the 2nd year Kuzbass institute of the Federal penitentiary service of Russia (Novokuznetsk, Russia).

Scientific curator: **Zaborovskaya Yulia Mikhailovna**, Lecturer, Kuzbass institute of the Federal penitentiary service of Russia (Novokuznetsk, Russia).

that a parent (parents) commits an intentional crime, in the absence of grounds for deprivation of parental rights, it is necessary to apply the institution of restriction of parental rights.

Key words: *parents, children, restriction of rights, crime, minors.*

В отношениях родителей и детей первым предоставлена значительная свобода выбора поведения. Предполагается, что они совершают действия во благо своих детей. Учитывая это обстоятельство, государство соблюдает определенную осторожность в регулировании таких отношений, чтобы не нарушать баланс в них. И лишь в исключительных случаях, когда родители занимают иную позицию, возможно применение мер ответственности.

Семейный кодекс РФ не содержит определение понятия «ответственность родителей», при этом называет конкретные меры ответственности родителей в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения родительских обязанностей. К таким мерам следует отнести ограничение родительских прав, лишение родительских прав, лишение права на общение с ребенком, отобрание ребенка без лишения родительских прав, отказ в возврате детей от третьих лиц, удерживающих их без законных оснований.

Вполне справедливо мнение Л.М. Пчелинцева, который предлагает внести законодательное определение понятия «ответственность родителей в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения родительских обязанностей», под такой ответственностью он понимает одну из форм воздействия на родителей (одного из них) за виновное неисполнение лежащих на них обязанностей, влекущую неблагоприятные последствия в виде лишения или ограничения имущественных и личных неимущественных прав [3, с. 77].

Правовым основанием ответственности в семейно-правовой сфере является совершение правонарушения. В теории семейного права выработана конструкция состава правонарушения, элементами которого являются объективная сторона и субъективная сторона, при этом отсутствуют такие элементы как объект и субъект [4, с. 13]. Однако с такой позицией вряд ли можно согласиться. На наш взгляд, правильным является мнение, отраженное в общей теории права, где говорится, что безобъектных и бессубъектных правонарушений быть не может, тем более родительские правона-

рушения отличаются от других деяний специфическим объектом и субъектом посягательства [5, с. 204].

В правонарушениях, совершаемых родителями, выделяются общий объект (личные неимущественные и имущественные отношения в сфере осуществления родительских прав и исполнения обязанностей в отношении детей) и непосредственный (отношения, в которых участвуют конкретные субъекты, например стороны алиментного соглашения).

Субъекты ответственности в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения родительских обязанностей всегда персонально конкретизированы. Родительскими правами и обязанностями обладают только родители и нарушения могут исходить только от них (одного из них), от их поведения зависит осуществление или неосуществление прав, исполнение или неисполнение обязанностей. Правоотношение между родителями и детьми никак не может быть нарушено лицом, в нем не участвующим, поскольку права и обязанности принадлежат только данным родителям. Например, не может рассматриваться как уклонение от выполнения родительских прав и обязанностей неподдержание контакта с ребенком до установления отцовства в судебном порядке.

По общему правилу субъектом правонарушения признается достигший определенного возраста, вменяемый, дееспособный субъект семейных правоотношений. Поэтому в случае привлечения к ответственности родителей это будет дееспособный вменяемый родитель, имеющий родительские права и обязанности в отношении своих детей.

В качестве самостоятельной меры ответственности, применяемой к родителям, нарушающим права несовершеннолетнего ребенка и уклоняющимся от надлежащего осуществления родительских прав и исполнения обязанностей, действующее семейное законодательство предусматривает ограничение родительских прав. Ограничение родительских прав следует рассматривать в двух аспектах: во-первых, как мера защиты прав и законных интересов ребенка; во-вторых, как мера ответственности родителей за противоправное поведение [3, с. 87].

Для ограничения родительских прав необходимо виновное поведение родителей в случае, если оставление ребенка с родителями (одним из них) в результате их поведения является опасным

для ребенка, но не установлены достаточные обстоятельства для лишения родительских прав (п. 2 ст. 73 Семейного кодекса РФ) [1]. Следовательно, обязательным признаком субъективной стороны будет являться вина, без которой невозможно применение мер семейно-правовой ответственности родителей.

Противоправное поведение родителей представляет объективную сторону правонарушения. Такое поведение может выражаться в систематическом оставлении ребенка без присмотра, частых скандалах в семье в связи с употреблением родителями спиртных напитков, вступлении в интимные отношения в присутствии детей, содержании наркопритона и др. Среди иных проявлений противоправного поведения занимает антиобщественное поведение.

Полагаем, что для признания поведения родителя антиобщественным необходимо наличие двух признаков: несоответствие интересам общества и государства, проявляющееся в несоблюдении законов и обязательных правил поведения; причинение вреда физическому или психическому развитию ребенка. Данное обстоятельство дает основание полагать, что совершение умышленного преступления родителем может быть приравнено к антиобщественному поведению.

В соответствии с уголовным законодательством преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законодательством под угрозой наказания (ст. 14 Уголовного кодекса РФ) [2]. Из приведенного определения мы видим, что присутствует признак антиобщественного поведения родителя (несоблюдение законов и обязательных правил поведения). Что касается второго признака (причинение вреда физическому или психическому развитию ребенка), то здесь необходимо учитывать, что в качестве вреда, причиненного родителем ребенку, можно рассматривать вероятностный или потенциальный вред, то есть те, неблагоприятные последствия, которые наступают сразу при совершении родителем преступления, но внешние их проявления становятся очевидными позже.

В заключении хотелось бы отметить, что применение института ограничения родительских прав, возможно, немедленно после совершения родителем умышленного преступления. В этой связи в случае совершения родителем умышленного преступления,

когда нет достаточных оснований для лишения родительских прав, необходимо рассматривать дело в рамках ограничения родительских прав.

Источники и литература

1. "Семейный кодекс Российской Федерации" от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 19.12.2022) // www.consultant.ru
2. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022, с изм. от 15.03.2023) // www.consultant.ru
3. Пчелинцева Л.М. Семейное право России. – М.: Норма, 2009. – 719 с.
4. Фролов А.И. Лишение родительских прав. Ограничение родительских прав: конспект лекции. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2015. – 32 с.
5. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Философия права. – М.: Изд-е бр. Башмаковых, 1910-1913. – 833 с.

А.С. Габдрашитова*

DOI: 10.47905/9785604872161_239

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ И СОДЕРЖАНИИ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются основные вопросы, связанные с особенностями деятельности государства во внутривнутриполитической сфере. Акцентируется внимание на значимость и многогранность

* *Габдрашитова Алина Сабитовна*, студент 1 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (г. Иркутск, Россия).

Научный руководитель: Кузьмин Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (г. Иркутск, Россия).

Gabdrashitova Alina Sabitovna, 1st year student, Irkutsk law institute (branch) of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia).

Scientific curator: Kuzmin Igor Alexandrovich, Candidate of legal sciences, Associate professor, Irkutsk law institute (branch) of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia).

внутриполитической функции государства. Анализируются формы ее осуществления. Автор статьи исследует внутриполитические функции на примере деятельности современного российского государства, выделяет актуальные проблемы реализации внутриполитической функции в России.

***Ключевые слова:** государство, функции государства, внутриполитические функции государства, органы государственной власти, Российская Федерация, государственная власть.*

ON THE QUESTION OF THE STRUCTURE AND CONTENT OF THE INTERNAL POLITICAL FUNCTION OF THE STATE

***Abstract.** The article deals with the main issues related to the peculiarities of the state's activities in the domestic political sphere. Attention is focused on the importance and versatility of the internal political function of the state. The forms of its implementation are analyzed. The author of the article examines the internal political functions on the example of the modern Russian state, highlights the actual problems of the implementation of the internal political function in Russia.*

***Key words:** state, functions of the state, internal political functions of the state, public authorities, Russian Federation, state power.*

Функции государства, как определенные направления его деятельности, отражают сущность, ценность и социальное назначение государства. Содержание и формы реализации функций всегда обусловлены стоящими перед государством на том или ином этапе развития целями, задачами.

Но политическая функция занимает особое значение в понимании государства и его социального назначения, так как создает условия для эффективного выполнения других функций. Политическая функция государства – это функция регулирования политических отношений различных социальных групп населения, между государством и политическими партиями, общественными объединениями, гражданами. Политическая функция устанавливает определенные правила «политической игры» (недопущение насильственных действий, запрет создания тайных и вооруженных объединений, правила проведения политических демонстраций и т.п.). Кроме всего, эта функция направлена на обеспечение госу-

дарственной и общественной безопасности, социального и национального согласия, охрану суверенитета [8, с. 2].

А.Б. Сапельников и И.Л. Честнов относят все функции государства к политическим, так как при их осуществлении используются особые механизмы принятия политических решений [15, с. 80]. Л.А. Морозова отмечает, что все функции лишь носят политический характер [9, с. 91]. В.А. Рыбаков же отрицает существование только одной системы функций государства, он считает, что подход к систематизации функций государства должен быть всесторонним, применение различных критериев их классификации наиболее полно раскрывает сущность государства и направления его деятельности [14, с. 14].

Если же говорить о внутривнутриполитических функциях государства, то под ними, по мнению В.В. Диаконова, понимается деятельность государства, направленная на формирование легитимной, компактной и эффективной системы управления внутренней жизнью страны [3].

Цели, задачи и методы внутренней политики государства зависят от политического режима, типа государства, этапа его развития и множества других факторов, но существуют такие внутривнутриполитические функции государства, на реализацию которых направлена деятельность каждого публично-правового образования, имеющего свою государственность. Можно рассмотреть такие функции на примере практики современного российского государства:

Во-первых, сохранение и укрепление государственной власти [2, с. 30]. Реализация данной функции в Российской Федерации подтверждается 3 статьей Конституции РФ 1993 г., согласно которой «никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуется по федеральному закону» [7, ст. 3].

Во-вторых, обеспечение политической стабильности [2, с. 30]. Важнейшим фактором внутривнутриполитической стабильности является гражданское согласие, которое обеспечивается ведением согласованной совместной политики, учитывающей интересы различных социальных структур. Проявление данного принципа в России можно рассмотреть на примере формирования и деятельности Государственной Думы РФ. Депутат Государственной Думы,

которым, в соответствии с Конституцией РФ 1993 года, может стать любой гражданин РФ, «достигший 21 года и имеющий право участвовать в выборах, постоянно проживающий в Российской Федерации, не имеющий гражданства иностранного государства», принимает участие в управлении делами государства, защищая и реализуя интересы различных социальных групп [7, ст. 97].

В-третьих, выработка программно-стратегических целей и задач развития общества [2, с. 30]. Если рассматривать данный вид функции на примере современного российского государства, то в качестве примера можно привести государственную программу Российской Федерации «Развитие образования», принятую 26 декабря 2017 года, в которой определены приоритеты и цели государственной политики в сфере образования до 2030 года, к ним относятся: «вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования»; «развитие системы кадрового обеспечения сферы образования, позволяющей каждому педагогу повышать уровень профессионального мастерства на протяжении всей профессиональной деятельности» и другое [13].

В-четвертых, формирование органов государственной власти [2, с. 30]. Данная функция реализуется в государствах разном. Например, греческий парламент (Палата депутатов) избирает Президента Республики (ст. 30, 32 Конституции Греции 1975 г.) [4, с. 235–295]. В ФРГ Федеральный Президент избирается Федеральным собранием, которое состоит из членов Бундестага и такого же числа членов, избираемых народными представительствами (ст. 54 Конституции ФРГ 1949 г.) [5, с. 169–235]. Президент РФ избирается на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании (ст. 81 Конституции РФ 1993 г.) [7, ст. 81].

В-пятых, обеспечение защиты конституционного строя и государственного суверенитета [2, с. 30]. Согласно ст. 80 Конституции РФ 1993 г. Президент РФ является гарантом Конституции РФ [7, ст. 80]. Это означает, что Президент призван обеспечивать сохранность конституционного строя и предпринимать меры по соблюдению конституционно-правовых норм. Также Президент является гарантом суверенитета РФ. Он «принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности». Правовой статус Президента РФ

позволяет ему осуществлять функции по охране суверенитета страны, например, Президент РФ является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации, кроме того, он имеет право вводить на территории РФ военное и чрезвычайное положение. Вместе с тем Президент РФ влияет на осуществление внутривластной функции путем определения основных направлений внутренней политики [7, ст. 80].

В-шестых, осуществление правотворческой деятельности [2, с. 30]. Например, в 2020 году в Государственную Думу РФ по инициативе Правительства РФ был внесен законопроект об изменении Уголовного кодекса РФ в части смягчения наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, за преступления небольшой тяжести. Законопроект был рассмотрен Государственной Думой в 3-х чтениях, одобрен Советом Федерации и подписан Президентом РФ. Таким образом, закон прошел все стадии рассмотрения и был принят.

В-седьмых, официальное представление населению всей страны внутренних и внешнеполитических дел [2, с. 30]. Например, в РФ есть несколько официальных изданий («Парламентская газета», «Собрание законодательства Российской Федерации», «Российская газета») и официальный интернет-портал правовой информации, в которых публикуются все нормативные правовые акты: федеральные конституционные законы, федеральные законы, указы Президента России, постановления и распоряжения Правительства России, нормативные акты министерств и ведомств.

Кроме того, внутривластные функции конкретного государства определяются диапазоном политического пространства и степенью политизации общества, поэтому при разных политических режимах внутривластные функции государства существенно различаются [1, с. 18]. Например, при тоталитарном режиме политизируется практически вся жизнь общества, государственная власть контролирует и вмешивается в область каждой общественной сферы, в том числе личную жизнь граждан. Так главенствующей внутренне политической функцией тоталитарного государства становится полная идентификация общества с государством. При авторитарном режиме, напротив, политическая система обособляется от всех остальных сфер общественной жизни, поэтому правительство такого государства стремится, с одной сто-

роны, к ограничению вмешательства в общественную жизнь, и с другой – пресечению участия граждан в государственных делах. При либеральных режимах государство также стремится ограничить до минимума свое вмешательство в частную жизнь граждан, но при этом приветствуется политическая инициативность граждан, оппозиция, политический плюрализм, следовательно, главная функция либерального государства – достижение максимальной свободы гражданина. В демократическом же обществе достигается взаимная ответственность государства и личности, то есть политическая система открыто взаимодействует с обществом и допускает участие граждан в осуществлении государственной власти, поэтому главная задача такого государства – обеспечение народовластия.

Если же говорить о структуре внутриполитической функции государства, то стоит упомянуть правовые формы её осуществления. К ним относятся правотворческая, правоприменительная и правоинтерпретационная деятельность государства. Правотворчество – деятельность всех уполномоченных на то органов государства по выработке, принятию, изменению, дополнению или отмене нормативно-правовых актов. Правоприменение определяется как деятельность компетентных государственных органов, должностных лиц и уполномоченных негосударственных организаций по реализации правовых норм. Под правоинтерпретационной деятельностью (толкованием права) понимается деятельность по выявлению точного смысла правовой нормы и доведению содержания нормы до других. Перечисленные формы осуществления внутриполитических функций позволяют государству воздействовать на поведение объектов политической власти, также они непосредственно связаны не только с политическими, но и другими функциями государства, ибо претворяют в жизнь политический курс страны, юридически оформляют важнейшие задачи государства и общества, а также стратегию и тактику их выполнения.

Говоря об организации внутриполитических функций государства, стоит подчеркнуть, что реализация этих функций напрямую связана с государственным управлением. Именно государственные и негосударственные организации, входящие в механизм государственной власти, играют важнейшую роль не только в определении внутриполитических функций государства, но и в их

осуществлении, поскольку обладают возможностью влиять на общество в целом или отдельные его сферы.

Кроме того, осуществление внутривластных функций государства возможно не только со стороны государства посредством права, но и со стороны граждан, политических партий, общественных объединений, деятельность которых может тем или иным образом влиять на достижение государственных целей и задач развития общества. Обоснованность данного принципа подтверждается такими нормативными правовыми актами Российской Федерации, как Федеральный закон от 11 июля 2001 г. «О политических партиях», Федеральный закон от 19 мая 1995 г. «Об общественных объединениях», Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях» [11]. Например, политические партии обладают правом «выдвигать кандидатов (списки кандидатов) в депутаты и на иные выборные должности в органах государственной власти», что позволяет им участвовать в реализации такой внутривластной функции, как формирование органов государственной власти [10, ст. 36]. Общественные объединения имеют право «участвовать в выработке решений органов государственной власти и органов местного самоуправления», «выступать с инициативами по различным вопросам общественной жизни, вносить предложения в органы государственной власти», благодаря чему они способны участвовать в выработке программно-стратегических целей и задач развития общества [12, ст. 27].

Так как Российская Федерация является демократическим государством, одним из основных направлений её внутривластных функций является обеспечение народовластия, но в правовом регулировании данной сферы, на мой взгляд, существует недостаток. Одним из основных принципов прямой демократии является проведение всенародных обсуждений наиболее важных вопросов жизни страны, что российское законодательство не признает в качестве одной из основ конституционного строя. В 48 статье Конституции СССР 1977 г. же закреплялось право граждан принимать участие во всенародных обсуждениях [6, ст. 48]. Таким образом, по моему мнению, внутривластные функции Российской Федерации следует совершенствовать в области обеспечения народовластия, поскольку институт всенародных обсуждений позволит

наиболее полно реализовать права граждан России на управление делами государства.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать выводы:

Во-первых, политическая функция занимает особое место в деятельности государства, так как создает условия для успешного развития других направлений деятельности государства.

Во-вторых, внутривполитические функции государства обеспечивают верховенство государственной власти внутри страны, способствуя при этом эффективному функционированию политической системы.

В-третьих, методы и формы осуществления внутривполитических функций реализуются в государствах по-разному и обусловлены некоторыми факторами: политический режим, тип государства, этап его развития и др.

И, наконец, в-четвертых, данные функции реализуются с помощью права посредством государственных учреждений и организаций, участвующих в осуществлении государственной власти, законотворческой деятельности государства, а также в осуществлении внутривполитических функций могут участвовать негосударственные институты.

Источники и литература

1. Ботоева Ч.К. Содержание политической функции государства на современном этапе // Вестник КРСУ. – 2013. – Т. 13. – № 5. – С. 18–21.

2. Гаско А.В., Орлова М.В. Внутренние и внешние функции государства (основные и второстепенные) // Социально-экономические аспекты развития современного общества: межвузовский сборник научных трудов (выпуск 6). – Рязань, 2017. – С. 28–34.

3. Диаконов В.В. Учебное пособие по теории государства и права // Allpravo.ru – URL: <https://allpravo.ru/library/doc108p/instrum151/?ysclid=1auv4dcn69345841525> (дата обращения: 31.10.2022).

4. Конституция Греции: принята 11 июня 1975 г. // Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. Л.А. Окунькова. – Москва: Норма, 1997. – 816 с.

5. Конституция Федеративной Республики Германии: принята 23 мая 1949 г. // Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. Л.А. Окунькова. – М.: Норма, 1997. – 816 с.

6. Конституция (Основной Закон) РФ: принята 12 апреля 1978 г. – Москва: Известия, 1992.

7. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>; Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 343 с.

8. Куфтин Н.Н. К вопросу о политической функции государства и формы ее осуществления // Черные дыры в российском законодательстве. – 2009. – № 2. – С. 42–44.

9. Морозова Л.А. Теория государства и права. – 4-е изд. – М.: Российское юридическое образование, 2010. – 384 с.

10. О политических партиях: Федеральный закон от 11 июля 2001 г. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 29. – Ст. 2950.

11. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.

12. Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1930.

13. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»: постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 года № 1642 // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 1 (Часть II). – Ст. 375.

14. Рыбаков В.А. Функции государства: системный подход // Вестник Омского университета. – 2017. – № 2 (51). – С. 14–18.

15. Сапельников А.Б., Честнов И. Л. Теория государства и права. – СПб.: ИВЭСЭП, 2006. – 279 с.

DOI: 10.47905/9785604872161_248

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

***Аннотация.** Конституционализм Британии является одним из самых древних во всем мире и по праву считается, что именно эта страна является его родиной, но в тоже время существует мнение, что одна из старейших европейских демократий, Великобритания, вообще не имеет единого документа, который можно было бы назвать конституцией. Почему такой древний правовой акт вызывает в современном мире столько дискуссий вокруг себя, в чем кроется причина неоднозначности мнений? На эти и некоторые другие вопросы мы попытались ответить в нашей статье.*

***Ключевые слова:** Конституция, статут, неписаная конституция, некодифицированная конституция, Великобритания, право, прецедент.*

FEATURES OF THE CONSTITUTION OF GREAT BRITAIN AT THE PRESENT STAGE

***Abstract.** The constitutionalism of Britain is one of the most ancient in the whole world and it is rightfully believed that this country is its homeland, but at the same time there is an opinion that one of the oldest European democracies, the United Kingdom, does not have a single document that could be called a constitution at all. Why does such an ancient legal act cause so much*

* *Колобынина Екатерина Алексеевна*, студентка 3 курса, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Казань, Россия).

Научный руководитель: Гурьянова Вера Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Казань, Россия).

Kolobynina Ekaterina Alexeevna, 3rd year student, Kazan branch of the Russian state university of justice (Kazan, Russia).

Scientific curator: Guryanova Vera Vladimirovna, Candidate of legal sciences, Associate professor, Kazan branch of the Russian state university of justice (Kazan, Russia).

discussion around itself in the modern world, what is the reason for the ambiguity of opinions? We tried to answer these and some other questions in our article.

Key words: *Constitution, statute, unwritten constitution, uncodified constitution, Great Britain, law, precedent.*

Конституция как основной закон страны является одним из наиболее важных и центральных вопросов конституционного права. Актуальность темы нашего исследования заключается в том, что вопрос о существовании Конституция Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии уже долгое время остаётся предметом споров между правоведами разных стран мира. Распространено мнение о том, что в Великобритании нет конституции [10, с. 276-277]. В то же время признано, что именно в этой стране зародился конституционализм. Несоответствие также заключается в том, что демократическое государство, в том числе и монархия, в современном мире не может существовать без конституции [6, с. 415].

Цель нашего исследования – выявить причины обозначенных выше несоответствий. Для достижения этой цели необходимо изучить проблему споров вокруг Конституции Великобритании и Северной Ирландии, определить, почему именно этот правовой акт вызывает неоднозначные мнения. Попытаемся разобраться в этом и некоторых других дискуссионных вопросах английской конституции.

Обратимся к определению самого понятия конституции и ее типов. Конституция – это правовой акт, обладающий высшей юридической силой и регулирующий основы организации государства и общества, а также основы взаимоотношения государства и гражданина [12, с. 59]. В докапиталистических формациях действовали фактические, т. е. неписанные конституции, которые отражали действующие основы конституционного строя, неупорядоченные законы, а также обычаи и традиции государственной власти. Первой писаной конституцией стала Конституция США, принятая Филадельфийским конвентом в 1787 г. [5] Из этого можно сделать вывод о том, что конституция необязательно может быть написана в едином документе. Так же, как и писаная конституция, существующая, например, в Российской Федерации и США, Ита-

лии и большинстве стран современного мира, неписаная конституция имеет право на существование.

К странам, в которых действует неписаная конституция, принято относить Великобританию, Канаду, Израиль, Новую Зеландию. Однако и в этом аспекте не всё так однозначно. Многие современные английские правоведы и юристы не считают английскую конституцию неписаной, так как и прецеденты и статуты изложены в письменном виде [4, с. 157]. Например, Джон Ллойд заявлял, что у Англии есть писаная конституция. Идею о том, что Великобритания имеет «неписаную конституцию», профессор Вернон Богданор, ведущий эксперт по конституционному праву, назвал «дезориентирующей» [13, с. 68]. Он подчеркивал, что правила, устанавливающие политическое равновесие между теми, кто управляет, и теми, кем управляют, изложены в письменном виде. Просто они записаны не в одном месте [9]. Исходя из этого, можно сказать, что Великобритания имеет писаную, но некодифицированную конституцию.

Необходимо отметить, что Конституции Великобритании присущи некоторые особенности. Она является уникальным явлением в своем роде и состоит из статутного права, общего права и конституционных соглашений.

Источниками конституционных норм могут быть статуты, судебные прецеденты и конституционные соглашения [3]. Статуты – это акты, которые принимает парламент, они санкционируются монархом. По порядку принятия, изменения и отмены все статуты (в узком смысле) обладают равной юридической силой [7]. К ним относятся такие важные акты, как Великая хартия вольностей (1215), Петиция о праве (1628), Билль о правах (1689), Акт о народном представительстве (1969) и другие. Вместе они охватывают большую часть важнейших принципов и конституционных норм. Общее право можно рассматривать как совокупность судебных прецедентов (решений высших судов, которые имеют обязательное значение при рассмотрении аналогичных дел нижестоящими судами и впоследствии становятся частью конституции) [2].

Между учеными-правоведами до сих пор ведутся споры о соотношении статутов и прецедентов. Ф. М. Решетников и Т. В. Апарова высказали предположение, что «судебный прецедент и парламентский акт существуют как два равноправных тесно взаи-

модействующих источника права» [8, с. 227]. С. Бейли и другие исследователи считают, что «с момента, когда статуты приобретают силу закона в качестве актов Парламента, их законность не может быть оспорена в суде» [1, с. 132].

Другие английские ученые подтверждают тот факт, что исторически прецедент играл большую роль, нежели статуты. Таким образом, мы видим, что, как и многие другие вопросы, касающиеся Конституции Великобритании, этот вопрос остается дискуссионным.

Почему же так много споров и дискуссий вокруг английской конституции? В. А. Томсинов справедливо высказал важное предположение о том, что «сущность Британской конституции таится в ее формировании», а не в самой форме. В отличие от большинства других стран, «она представляет собой не искусственное создание группы людей, но результат естественноисторического процесса развития государства Англии» [11, с. 18-20]. Этим обусловлена ее неоднозначность и гибкий характер внесения изменений.

Таким образом, изучив мнения различных правоведов и историков, мы смогли выявить некоторые причины, которыми объясняется такое количество неоднозначностей и особенностей английской конституции. Главной особенностью является то, что Конституция Соединенного Королевства является живым, подвижным актом и в настоящее время не является завершенной, а продолжает развиваться и меняться.

На наш взгляд, это происходит намного проще и быстрее в отличие, скажем, от Конституции РФ, за счет ее некодифицированного и гибкого характера. Конечно, в этом есть и свои недостатки, которые состоят, например, в том, что в Конституции есть много упущений и недосказанностей, касающихся, таких важных вопросов как статус британского кабинета и некоторых других. Однако ни в одной другой конституции не рассматриваются абсолютно все вопросы права какого-либо государства. А в условиях современной политической системы и глобализации отсутствие в Великобритании Конституции в привычном для нас понимании, наоборот, как мы предполагаем, способствует наиболее быстрому и эффективному развитию страны.

Источники и литература

1. Бейли С.Х., Тейлор Н.У. О современной английской правовой системе. – 4-е изд. – Лондон, 2002. – 132 с.
2. Гетьман-Павлова И.А. Международное частное право: учебник [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.livelib.ru/book/31033/readpart-mezhdunarodnoe-chastnoe-pravo-uchebnik/~17> (дата обращения: 21.12.2022)
3. Кабышева Е.У. Правовой анализ основных особенностей Конституции Великобритании // Научный журнал "Эпомен". – 2018. – № 19. – С. 56–64 [Электронный ресурс]. – URL: <http://epomen.ru/issues/2018/19/Epomen-19-2018.pdf> (дата обращения: 21.12.2022)
4. Кинг А. Британская конституция. – Оксфорд, 2009. – 157 с.
5. Козлова И.В., Скрыбина О.В. Конституционное право / под общ. ред. М.И. Ломшина – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2020 [Электронный ресурс] – URL: <https://be5.biz/pravo/k047/index.html> (дата обращения: 21.12.2022)
6. Комкова Г.Н., Колесников Е.В., Афанасьева О.В. Конституционное право зарубежных стран. – М.: Юрайт, 2015. – 415 с.
7. Кормушкина Н.В. Конституционное право зарубежных стран. – Москва, 2011 [электронный ресурс] – URL: <https://be5.biz/pravo/k038/index.html> (дата обращения: 20.12.2022).
8. Кросс Р. Прецедент в английском праве. – М.: Юридическая литература, 1985. – 238 с.
9. Ллойд Дж. Вторая книга универсальных ошибок. – Москва: Фантом Пресс, 2012 [Электронный ресурс]. – URL: <https://readli.net/vtoraya-kniga-vseobshhih-zabluzhdeniy> (дата обращения: 20.12.2022).
10. Матинян М.А. Специфика системы источников английского права // Общество и право. – 2009. – №. 4 (26). – С. 276-277.
11. Томсинов В.А. Сущность британской конституции // Институты государства и права в их историческом развитии. Сборник научных статей к 60-летию В. А. Томсинова / отв. ред. Т. Е. Новицкая. – М.: Зерцало-М., 2012. – С. 18–20.
12. Шахрай С.М. Конституционное право РФ. – 3-е изд. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. – 59 с.
13. Элкинс З., Гинзбург Т., Мелтон Дж. Стойкость национальных конституционалистов. – Кембридж, 2009. – 68 с.

DOI: 10.47905/9785604872161_253

СЕПАРАТИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

***Аннотация.** В статье рассматриваются история формирования и развития идеологии и основанных на ней политических движений, направленных на отделение части территории существующего государства и ликвидацию его суверенитета над ней. Анализируются исторические истоки сепаратизма, а также некоторые превентивные меры неблагоприятных рисков сепаратистских движений.*

***Ключевые слова.** Сепаратизм, суверенитет, сецессия, центробежные течения, национализм, регионализм.*

SEPARATISM IN THE MODERN WORLD

***Abstract.** The article deals with the history of the formation and development of ideology and the foundations of political movements on it, aimed at separating parts these territories from the existing state and the elimination of sovereignty over it. The historical origins of separatism are analyzed, as well as some preventive measures for the unfavorable risks of separatist movements.*

***Keywords:** separatism, sovereignty, secession, centrifugal currents, nationalism, regionalism.*

В настоящее время различные проявления сепаратизма как политико-правовой идеологии и практики в той или степени встречаются в каждой стране мира. Следует отметить, что сепаратизм имеет давнюю историю, и можно с полной уверенностью полагать,

* *Коновалова Виктория Алексеевна*, студент 3 курса факультета истории и права, Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк, Россия).

Научный руководитель: Горбуль Юлия Александровна, кандидат юридических наук, доцент, Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк, Россия).

Konovalova Victoria Alekseevna, 3rd year student of the Faculty of History and Law, Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russia).

Scientific curator: Gorbul Yulia Aleksandrovna, PhD in Law, Associate professor, Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russia).

что в обозримом будущем сепаратистские тенденции и связанные с ними политические проблемы останутся актуальными для большинства стран мира.

Сепаратизм рассматривается большинством политологов как крайняя форма самоопределения, продвижения и распространения идей, отстаиваемых конкретной политической партией или группой, которая отстаивает идею разделения народа, территории, региона и основана на определенных формах национальной или региональной идентичности. Как отмечает большинство современных политологов, сепаратизм основан на процессах разрушения, которые представляют наибольшую угрозу международной, региональной и национальной стабильности государственной системы [4, с. 170].

Если обратиться к предпосылкам, обуславливающим всплеск и активизацию сепаратистских настроений в мире, прежде всего, следует отметить что, в современном мире практически нет этнически однородных государств. С большой оговоркой к таким этнически однородным государствам можно отнести разве что некоторые арабские страны, Армению, Северную и Южную Корею.

Глобальный политический климат подвергается серьезной опасности из-за возникающих с пугающей регулярностью различного рода конфликтов, связанных с сепаратистскими движениями, которые становятся реальностью, и с ней не может не считаться практически ни одно из существующих полиэтничных и поликультурных государств мира. На протяжении всего XX века и в начале XXI века на планете возникло около 50 основных очагов сепаратизма, в которых задействовано около 4 % населения планеты (приблизительно 220 млн. человек) [3]. В результате обострения подобных конфликтов возникает угроза безопасности всего мира.

Понятие сепаратизма возникло в XVI – XVII веках в Англии. Когда от англиканской церкви откололись пуританские общины, их стали называть сепаратистами (или индипендентами) в соответствии с содержащимся в термине смыслом (лат. *separatus* – отдельный). Тот, кто отделяется и не поддерживает официальную церковь, а также имеет иные представления о благочестии, отличные от общепринятых – сепаратист. Первоначально термин относился к группе людей, вставших на «отдельный», иной, нетрадици-

онный, непривычный и неофициальный религиозный путь развития.

Наполнение понятия религиозным смыслом отражалось в европейской культуре, подтверждение чему можно найти и в российских дореволюционных словарях. Сепаратизм определялся как отход от официальной церковной догмы с тем, чтобы создать отдельное сообщество, политическое или религиозное. Постепенно понятие сепаратизма стало наполняться политическим смыслом, так как отделение народов и территорий от государств в XX и XXI веках стало основываться не на церковной догме, а на политических, этнических, региональных и иных принципах. В XXI веке оно окончательно приобретает политический характер и связывается с государственностью и политическим контролем над территориями.

В международном праве в соответствии с основополагающими документами ООН закрепляется право народов на самоопределение, на «создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним или установление любого другого политического статуса» [6].

Тема сепаратизма стала особенно популярна после окончания Холодной войны и распада ряда стран социалистического лагеря (последнее можно рассматривать как удавшийся результат центробежных тенденций). Считается, что противостояние двух великих держав отвлекало внимание от сепаратистских движений (в случае, если они не становились центром их борьбы), а в некоторых случаях и удерживало их от активизации и расширения деятельности [3].

На политической карте мира появилось 26 независимых государств: Советский Союз распался на 15 новых стран, Югославия на 7, Чехословакия на 2, Эритрея отделилась от Эфиопии, а Восточный Тимор от Индонезии, – по мнению ряда исследователей, объясняет активизацию сепаратистских движений в конце XX – начале XXI вв.

Идеология сепаратизма в определенной степени противостоит такой важнейшей характеристике государственной власти, как суверенность. Важнейшая черта любого государства – его суверенитет, т.е. верховенство публичной власти на своей территории и независимость во внешнеполитических отношениях. Прин-

ция неотчуждаемости государственной территории означает, что никакая часть пространства страны не может быть отчуждена, передана другому государству или объявлена независимой, кроме как вследствие собственного свободного решения самого государства [1, с. 147].

Некоторые авторитетные политологи полагают, что идея самоопределения народов юридически неопределенна, а также провоцирует разрушительные этнические конфликты и сепаратизм. Так, А. Этциони считает, что самоопределение нельзя трактовать как абсолютную ценность во всех случаях. Необходимо ограничить применение этого права в рамках принципа целостности государства. С точки зрения М. Померанса, главная опасность – в поощрении односторонних неконтролируемых действий. А.Я. Йонгман и А.П. Шмид разделяют самоопределение на внешнее (самостоятельное определение международно-правового статуса) и внутреннее [7, с.13].

Впервые понятие сепаратизма получило закрепление в Шанхайской конвенции 2001 г., согласно которой сепаратизм – это «какое-либо деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части его территории, или дезинтеграцию государства, совершаемое насильственным путем, а равно планирование и подготовка такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [6].

Резкий подъем и активизация сепаратистских движений в современном мире дает повод предполагать, что к настоящему времени сложился ряд предпосылок, обуславливающих эти процессы. Создание государств в течение всей истории человеческого общества определялось посредством двух тенденций: присоединения и отделения, центростремительных и центробежных процессов. Как следствие основного процесса территории проживания определенных народов были неестественно включены в состав более сильных государств, а иногда оказывались и поделенными меж несколькими странами. Наиболее живо это проявляется в постколониальных государствах: относительные границы не отражают настоящее расселение племен и народов Африки; колонии сливались в одно государство ради более простого управления ими, мет-

рополии основывались на этническое меньшинство в колониях, как на полицейские структуры.

К причинам сепаратизма многие исследователи относят следующие:

1. Социально-экономические причины, заключающиеся в неравномерном развитии регионов внутри страны и приводящие к появлению богатых и бедных регионов, которые, в свою очередь, стремятся отделиться или хотя бы усовершенствовать свой автономный статус. Богатые регионы больше не желают «тянуть» за собой отсталые регионы, а бедные регионы во всех своих бедах обвиняют центральное правительство.

2. Политические причины, характеризующиеся несоответствием политических статусов этнических групп, политическим абсентеизмом сепаратистски настроенных народов, их недостаточной представленностью во властных органах.

3. Этнорелигиозные причины, заключающиеся в дискриминации прав со стороны центральных властей; в уровне развития национального самосознания сепаратистски настроенных этносов, в неудовлетворенности этническими правами и свободами.

4. Исторические причины, то есть «хронические» территориальные споры, сохраненные «исторической памятью» и обострившиеся разногласия по оставшимся в наследство от колониальных времен границам [5, с.461].

Этнические, религиозные, экономические или культурные проявления недовольства граждан носят не только разрушительный и негативный характер, но имеют и позитивное значение, поскольку являются сигналом социального неблагополучия региона.

По мнению Пузакова А. В., с целью преодоления негативных последствий сепаратистских тенденций в области региональной и международной политики следует:

1) создать единую для всего международного сообщество нормативную базу, содержащую как дефиниции явлений, связанных с сепаратизмом, так и общие механизмы превенции, противодействия сепаратизму;

2) повышать внимание к проблемам регионов, осуществлять меры, направленные на противодействие сепаратизму, уважать суверенитет, равенство и территориальную целостность государств, осуществлять комплексный подход к решению проблемы с

применением социально-экономических, превентивных, политических, правовых и прочих мер;

3) осуществлять международное сотрудничество в области охраны государственных границ;

4) проводить превентивные меры, нейтрализующие угрозу формирования вооружённых групп, провозглашающих сепаратистские идеи [2].

Таким образом, обобщая вышеизложенное, сепаратизм можно определить как особый тип политического движения или направления, основанный на идеологии, призывающей и ведущей к отделению части территории от государства. Подобные движения происходят, как правило, на фоне гражданских волнений и имеют целью ликвидацию суверенитета государства над частью его территории. Для легализации своих действий сепаратисты используют право народов на самоопределение, закрепленное в международных документах. Превентивные меры могут снизить неблагоприятные риски сепаратистских движений, и такими мерами может служить комплекс действий в ряде областей общественной жизни: образовательной, культурной, экономической, правовой и политической.

Источники и литература

1. Баранов А.В., Вартумян А.А. Политическая регионалистика: Курс лекций. – М.: РГСУ «Союз», 2005. – Вып. 4. – 327 с.

2. Жамков М.В. Сепаратизм и способы противодействия ему // Вопросы Российской юстиции. – 2021. – № 15. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/separatizm-i-sposoby-protivodeystviya-emu> (дата обращения: 02.11.2022).

3. Козуева А. Д. Понятие сепаратизма: его сущность, предпосылки и причины возникновения // Молодой ученый. – 2016. – № 7. – URL: <https://moluch.ru/archive/111/27913/> (дата обращения: 17.10.2022).

4. Пузаков А.В. Противодействие сепаратизму: мировой опыт и методы // Вопросы теории и практики. – 2013. – № 12. – С. 169–172.

5. Сосенков С.Ф. Культурные и религиозные ограничения как средство профилактики сепаратизма // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 459–462.

6. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента

РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения 30.09.2022)

7. Явкин Н.В. Проблема обеспечения единства и территориальной целостности государства в условиях борьбы народов за самоопределение: автореф. диссертации... канд. полит. наук. – Н. Новгород, 2004. – 22 с.

К.И. Кужлев*

DOI: 10.47905/9785604872161_259

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ УСЕЧЕНИЯ РОССИЙСКОГО ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО МНОГООБРАЗИЯ

***Аннотация.** Поставленная проблема усечения в российском политическом пространстве разнообразия идеологий и позиций имеет в первую очередь политическое значение. Данная статья ставит при этом задачу анализ этого явления с юридической точки зрения, для раскрытия новых подходов и альтернативных точек зрения. Проводится изучение истории Российского парламентаризма и анализ сопряженного с этим законодательства. В конце статьи делается предположение о будущем института политического плюрализма, с учетом имеющихся тенденций.*

***Ключевые слова:** идеология, плюрализм, партия, конституционный строй, радикализм.*

ANALYSIS OF THE PROBLEM OF CURRENCY OF THE RUSSIAN IDEOLOGICAL DIVERSITY

***Abstract.** The posed problem of truncating the diversity of ideologies and positions in the Russian political space is primarily of political signifi-*

* **Кужлев Кирилл Иванович**, студент 4 курса, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск, Россия).

Научный руководитель: Зарубаева Евгения Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск, Россия).

***Kuzhlev Kirill Ivanovich**, 4th year student, East-Siberian branch of the Russian state university of justice (Irkutsk, Russia).*

*Scientific curator: **Zarubaeva Evgeniya Yurievna**, Candidate of legal sciences, Associate professor, East-Siberian branch of the Russian state university of justice (Irkutsk, Russia).*

cance. This article sets the task of analyzing this phenomenon from a legal point of view, in order to reveal new approaches and alternative points of view. A study of the history of Russian parliamentarism and an analysis of the legislation associated with this is being carried out. At the end of the article, an assumption is made about the future of the institution of political pluralism, taking into account existing trends.

Key words: *ideology, pluralism, party, constitutional order, radicalism.*

Обеспечение идеологического плюрализма, это один из основных принципов конституционного устройства Российского государства, содержащийся в статье 13 Конституции РФ. Статья включает пять пунктов, закрепляющих ключевые составные элементы структуры, Российской политической системы [1; 10].

1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Данный принцип позволяет гражданам выбирать наиболее оптимальную в соответствии с их взглядами идеологию.

2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Этот пункт демонстрирует особенность Российской политической системы. То, что государство не руководствуется какой-то единой идеологией при осуществлении своей деятельности, закрепляется отдельным пунктом.

3. В Российской Федерации признаются политическое многообразие и многопартийность. Принцип, позволяющий людям, разделяющим схожие взгляды оказывать влияние на политический процесс.

4. Общественные объединения равны перед законом. Пункт, добавленный в целях избежать дискриминации и давления на членов какой-либо партии или сторонников какой-либо идеологии.

5. Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Нужно учитывать, что при том, что в России признается идеологическое многообразие, это не выводит факт того, что это многообразие включает в

себя идеологии, ставящие своей целью дискриминацию и уничтожение какой-либо социальной, расовой, половой и или иной группы людей, а также свержение конституционного строя Российской Федерации. Такие идеологии не только не включены пространство политической дискуссии, но и преследуются по закону.

Но, прежде чем Российская Федерация пришла к текущему положению и принятию Федерального закона от 11 июля 2001 г. «О политических партиях» [3], была проделана долгая законодательная и общественно-политическая работа по переходу от монопартийной системы к политическому плюрализму.

История становления идеологического плюрализма в Российской Федерации, это история перехода от хаотичного множества партий, существовавших в период 90-х годов прошлого столетия, к установлению современного, более идеологически и политически стабильного режима, но и в сравнении с прошлым более вялого и однонаправленного. Это связано в первую очередь с ужесточением требований к регистрации партий, а также признанием ряда идеологий экстремистскими.

До принятия 11 июля 2001 г. Закона "О политических партиях", создание политических партий, которые в соответствии со статьей 12.1 Федерального закона от 19 мая 1995 г. "Об общественных объединениях" [2] считались политическими общественными объединениями, их положение регулировалось вышеназванным законом.

Требования, предъявляемые к созданию политического общественного объединения, указывались в статье 18 Федерального закона от 19 мая 1995 г. «Об общественных объединениях». Общественные объединения создаются по инициативе их учредителей - не менее трех физических лиц. В состав учредителей наряду с физическими лицами могут входить юридические лица - общественные объединения.

Решения о создании общественного объединения, об утверждении его устава и о формировании руководящих и контрольно-ревизионного органов принимаются на съезде (конференции) или общем собрании. С момента принятия указанных решений общественное объединение считается созданным: осуществляет свою уставную деятельность, приобретает права, за исключени-

ем прав юридического лица, и принимает на себя обязанности, предусмотренные настоящим Федеральным законом.

Правоспособность общественного объединения как юридического лица возникает с момента государственной регистрации данного объединения».

Несмотря на то, что для приобретения прав юридического лица, требовалась государственная регистрация, как будет показано далее, требования к партии для регистрации куда ниже, чем сегодня. Теперь о текущих требованиях к созданию и регистрации политической партии, перечисленные в статье 11 и 15 Федерального закона от 11.07.2001 г. (ред. от 1.04.2022 г.) "О политических партиях". С одной стороны, создание политической партии не ограничено в соответствии с п. 1 статьи 11. С другой, существует два барьера в виде требований пункта, а) и б) ч. 2 статьи 4, налагающих требование на существование отделений партий не менее чем в половине субъектов РФ и членство в партии 500 человек, в противном случае регистрации не будет произведено. При этом, следует отметить, что данные требования не являются столь уж высокими если сравнить их с требованиями прошлых редакций Федерального закона.

До поправок 1 января 2010 года требовалось - не менее пятидесяти тысяч членов политической партии, при этом более чем в половине субъектов Российской Федерации политическая партия должна иметь региональные отделения численностью не менее пятисот членов политической партии в соответствии с пунктом 6 статьи 23 Федерального закона «О политических партиях». В остальных региональных отделениях численность каждого из них не может составлять менее двухсот пятидесяти членов политической партии в соответствии с пунктом 6 статьи 23 настоящего Федерального закона; с 1 января 2010 года до 1 января 2012 года - не менее сорока пяти тысяч членов политической партии, при этом более чем в половине субъектов Российской Федерации политическая партия должна иметь региональные отделения численностью не менее четырехсот пятидесяти членов политической партии. В остальных же региональных отделениях численность каждого из них не должна была составлять менее двухсот членов политической партии в соответствии с пунктом 6 статьи 23 Федерального закона «О политических партиях»; с 1 января 2012 года - не менее

сорока тысяч членов политической партии, при этом более чем в половине субъектов Российской Федерации политическая партия должна иметь региональные отделения численностью не менее четырехсот членов политической партии в соответствии с пунктом 6 статьи 23 вышеупомянутого закона. В остальных региональных отделениях численность каждого отделения не может составлять менее ста пятидесяти членов политической партии в соответствии с пунктом 6 статьи 23 вышеупомянутого Федерального закона. И на сегодняшний день, в законе требования к численности региональных отделений убраны, а минимальная численность снижена до пяти сотен человек, что в 10 раз меньше в сравнении с требованиями 2010 года.

На сегодняшний день список, размещенный на официальном сайте Министерства юстиции РФ, насчитывает 30 зарегистрированных политических партий, на 2 сентября 2022 года [6]. В 1995 году в Государственной Думе, насчитывалось 43 партии, только из числа допущенных, существовавших фактически было больше [8]. Можно судить не только о снижении количества партий, но и разнообразия политических течений. Российский политический процесс, в последние годы отличается большей умеренностью и слабостью роли идеологии.

Политическое устройство государств Европейского Союза, более предрасполагает к идеологическому приоритету в вопросах партийной организации, а также к существованию радикализма. Немецкая политическая партия «Третий путь», стоящая на принципах национальной розни, или французская Коммунистическая партия рабочих Франции, разжигающая социальную напряженность по классовому признаку, существуют и принимают участие в политическом процессе наравне с прочими. Российские же партии значительно более умеренны, даже аморфны.

Период политического радикализма в России пришелся как раз на становление парламентаризма, то есть на 90-е годы и существовавшие тогда радикалы, либо утратили свое влияние, либо были признаны экстремистскими, как Национал-большевистская партия, запрещенная решением Мосгорсуда от 19.04.2007 г. [7]. Или Русское Национальное Единство, в 2008 году Железнодорожный районный суд запретил организацию в Рязани, а ранее несколько иных филиалах, на данный момент филиалы РНЕ и организации

были ликвидированы [5]. Но, стоит отметить, реформированная форма РНЕ существует и сегодня.

Можно сделать несколько выводов.

Российский политический процесс с конца 90-х годов прошлого столетия до начала 20-х годов XXI века, проделал путь стабилизации политической системы, нормализация, падения радикализма и фанатизма, отход от идеологизаторства как осевого принципа создания партии к созданию зонтичных партий или партий представителей и защитников интересов отдельных групп населения. Примером могут служить Российская партия пенсионеров, защищающая интересы таковых, ЛДПР, являющаяся партией без единой идеологии, а существовавшая на харизме и авторитете её членов, КПРФ ядерным электоратом которой являются ностальгирующие по советскому прошлому люди [4]. Введение новых требований к политическим партиям и сравнительное, ужесточение законодательства в их отношении ещё одна и по большей части основная причина снижения количества партий. Этому так же способствует и частая изменчивость Федерального закона «О политических партиях».

Потому, исходя из анализа текущего положения партий и векторов развития, можно говорить, о том, что правовая основа в отношении партий будет продолжать изменяться. Последняя поправка к закону «О политических партиях» была принята Федеральным законом от 1.04.2022 г.

Как было показано выше, она сравнительно облегчила процесс регистрации партий, но оснований предполагать, что подобные тенденции будут сохраняться – нет. Идеологический фон, может сохранять свою общую патриотическую направленность с малым колебанием в политическом спектре, но анализ политико-социальных причин не является целью данной статьи.

В заключение можно сказать, что, несмотря на отстаиваемую позицию об усечении и своеобразном кризисе политического многообразия, по результатам последних парламентских выборов, в Госдуму прошла политическая партия «Новые люди». Учитывая и сравнительное упрощение требования можно сделать и обратное предположение, что нас ожидает обновление парламента новыми малыми партиями на выборах 2026-го, но с малой вероятностью и в малом объёме.

Источники и литература

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Федеральный закон от 19.05.1995 г. (ред. от 14.06.2022 г.) «Об общественных объединениях» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1930.
3. Федеральный закон от 11.07.2001 г. (ред. от 1.04.2022 г.) «О политических партиях» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 29. – Ст. 2950.
4. Итоги выборов в Государственную Думу VIII созыва. Электронный ресурс // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ [<http://duma.gov.ru/news/52313/>].
5. Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности». Официальный сайт Министерства юстиции РФ. Электронный ресурс // [<https://minjust.gov.ru/documents/7822/>]
6. Политические партии. Электронный ресурс // Официальный сайт Министерства юстиции РФ // <https://minjust.gov.ru/pages/politicheskie-partii/>
7. Решение Московского городского суда от 19.04.2007 г. по делу № 3-91/2007. Электронный ресурс // <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/docs/2007/07/d11323>]
8. Протокол выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ второго созыва от 17 декабря 1995 года Центральной избирательной комиссии РФ о распределении депутатских мандатов по федеральному избирательному округу между избирательными объединениями, избирательными блоками. Электронный ресурс // Архив Центральной избирательной комиссии [http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1995/files/1995-Protokol_CIK.doc].
9. Комаров С.А., Наумов В.И. Новое в законодательстве о выборах депутатов Государственной Думы: статья // В сб.: Конституция. Выборы. Государство. Всероссийская научно-практическая Чичеринская конференция: Сборник материалов. – Вып. 1. – Тамбов: Изд-во «ООО Центр-пресс», 2007. – 196 с.
10. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 343 с.

DOI: 10.47905/9785604872161_266

О СООТНОШЕНИИ СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы к пониманию позитивной и негативной формы реализации юридической ответственности. Анализируются проблемы, которые возникают по вопросам единого понимания сущности и содержания юридической ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, правонарушение, правовое явление, элементный состав, феномен, негативная и позитивная формы реализации юридической ответственности.

ON THE CORRELATION OF THE ESSENCE AND CONTENT OF LEGAL RESPONSIBILITY

Abstract. The article discusses the main approaches to understanding the positive and negative forms of implementation of legal responsibility. The problems that scientists face in terms of a common understanding of the essence and content of legal responsibility are analyzed.

Key words: legal responsibility, offense, legal phenomenon, elemental composition, phenomenon, negative and positive forms of implementation of legal responsibility.

В современных условиях, когда происходит процесс усложнения социальных структур и связей, а также – правовых и общественных институтов, юридическая ответственность приобре-

* *Ласкина Дарья Евгеньевна*, студентка 2 курса, Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королёва (г. Самара, Россия).

Научный руководитель: Спириин Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королёва (г. Самара, Россия).

Laskina Darya Evgenievna, 2nd year student, Samara national research university named after S. P. Korolyov (Samara, Russia).

Scientific curator: Spirin Mikhail Yurievich, Candidate of legal sciences, Associate professor, Samara national research university named after S. P. Korolyov (Samara, Russia).

тает особое значение для каждого отдельного индивида и для государства в целом. По своей сущности данная правовая категория является многогранным социально-правовым феноменом, представляющим особый интерес для учёных-правоведов.

В юридической науке отсутствует целостное и единое представление о понимании сущности и содержания юридической ответственности, поскольку данное правовое явление имеет многоаспектный характер. В частности, юридическую ответственность подразделяют на: негативную и позитивную, в зависимости от формы её реализации. Данное понимание создаёт проблему единого определения правовой природы и, следовательно, истинного назначения юридической ответственности. Это обусловлено тем обстоятельством, что сложность феномена влияет на его внутреннее содержание, которое не имеет единого элементного состава. При исследовании сущности юридической ответственности каждый учёный-правовед обращает особое внимание на те или иные характерные свойства и признаки этого явления.

Не вызывает сомнений, что юридическая ответственность представлена в негативном и позитивном значениях. Это предопределено тем, что юридическая ответственность является разновидностью социальной ответственности. Как писал Д. А. Липинский, «...общность состоит в их закреплении социальной нормой, в единых предпосылках и выражении вовне в поведении субъекта». Далее автор пояснял, что поведение субъектов может быть конфликтным и социально одобряемым, «но социально-одобряемое поведение существует постольку, поскольку существует конфликтное поведение». Противоположные поведения индивидов «обусловлены философским законом единства и борьбы противоположностей» [1, с. 14]. Поэтому исключение позитивной юридической ответственности привело бы к узкому пониманию её сущности и содержания. В то же время в юридической науке не сложилось общее теоретическое понимание о сущности и элементной структуре позитивной формы реализации юридической ответственности. Разный состав элементов (свойств, характеристик) позитивной юридической ответственности обусловлен различным субъективным восприятием учёных-правоведов сущности этой правовой категории.

Ряд учёных считает, что позитивная юридическая ответственность связана с психологическими чертами личности. Исходя из этого понимания, сложилась характерная особенность позитивной юридической ответственности: данное правовое явление основывается на ответственном (сознательном) отношении лиц к праву, долженствованию поступать правомерно (своего рода внутренний императив). Перспективная ответственность выражается в правомерном поведении субъектов права, имеет связь с правосознанием.

Следовательно, на основе данной точки зрения выделяются определённые элементы позитивной юридической ответственности: нормативность, личностная субъективность, обязанность, осознанность и естественность.

Сторонники иного подхода не разграничивают юридическую ответственность. Данная правовая категория с этой точки зрения представляет собой систему двусторонних связей государства и личности, обусловленную их взаимными правами и обязанностями. Государство закрепляет определённые нормы для упорядочивания общественных связей и установления правопорядка, а также предъявляет требования к лицам соблюдать их. В свою очередь, лицо реализует правомерное или неправомерное поведение в соответствии с закреплёнными нормами. Реакция со стороны государства на правомерное и неправомерное поведение выражается в позитивной и негативной формах (через соответствующие санкции).

Также существует понимание юридической ответственности через статику и динамику, проявление которых зависит от временных установок. Имеет место мнение, что с практической и целесообразной стороны позитивная юридическая ответственность некорректна, поскольку «субъективное (психологическое, внутреннее) отражение правовой ответственности невозможно установить или проконтролировать при помощи правовых средств» [2, с. 11–13]. Также категории, которые применяются к юридической ответственности (законность, общеобязательность, должное поведение) имеют самостоятельное значение и не связаны данным явлением.

В классическом (традиционном) понимании юридическая ответственность определяется санкцией как государственно-правовой мерой воздействия на правонарушителя. Тем не менее, «потенциальная» юридическая ответственность с формально-

логической стороны закрепляется гораздо раньше законодателем, который формулирует в юридических нормах уголовного и административного закона соответствующие перечни преступлений и административных правонарушений. Поскольку реально совершаемые общественно опасные или социально вредные деяния невозможно квалифицировать в качестве именно правонарушений: в таком порядке формально-техническая конструкция самой нормы права выступает как юридическое основание ответственности.

Таким образом, юридическая форма правонарушения выступает нормативной оболочкой предположительного (фактического) правонарушения. Речь идёт о временной модели основания возникновения юридической ответственности. Такое понимание применимо также к добровольной форме реализации юридической ответственности, где лицо, выражая «ответственное поведение» в настоящем, отражает гипотетическое поведение в будущем. Тем самым, лицо путём собственного волеизъявления может фактически совершить действия, служащие основанием негативной юридической ответственности или воздержаться от её возникновения и продолжать реализовывать позитивное поведение [3, с. 72–73; 4, с. 90–91].

Государство с целью предотвращения возможных (потенциальных) правонарушений закрепляет в нормах юридические составы правонарушений. Таким образом, осуществляется прогнозирование для избежания негативных последствий от нежелательных действий лиц и установления социального и правового порядка в обществе. Потребность предположительного закрепления потенциальных составов правонарушений вызвана также усложнением социальных связей в обществе.

Безусловно, факт существования позитивной формы реализации юридической ответственности является достоверным. Следовательно, разграничение юридической ответственности позволяет выделить общие элементы (свойства). Однако существенные различия юридической ответственности не способствует выявлению истинной сущности и её предназначения. Многочисленные научные подходы также не способствуют единому пониманию данного правового феномена, что негативно сказывается на развитии правовой науки в целом.

Стоит обратить внимание на то, что многообразие подходов к пониманию сущности юридической ответственности обусловлено также многообразным отраслевым содержанием юридической ответственности.

Для установления истинного знания о сущности и содержании юридической ответственности необходимо подробно изучить каждую деталь данного правового явления, используя единые методологические подходы. При изучении данного института возникает проблема методологического определения необходимых универсальных инструментов познания. «Соответственно, возникает потребность в своего рода методологически адаптированном трафарете, отражающем наиболее существенные закономерности воплощения юридической ответственности в государственно-правовой действительности». Данный трафарет – наиболее подходящий инструмент для исследования юридической ответственности в каждой отраслевой и прикладной науке [5, с. 19–20].

Более поздние научные исследования категориально устанавливают данный феномен как системную правовую модель (специфический инструмент), познание сущности и содержания которой является необходимым [6].

Источники и литература

1. Липинский Д.А. Юридическая ответственность / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. – Тольятти: Изд-во Волжского ун-та им. В.Н. Татищева, 2002. – 400 с.
2. Кузьмин И.А. Юридическая ответственность и её реализация. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – 219 с.
3. Спирин М.Ю. Источник и юридическая форма правонарушения и функционального содержания юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2017. – № 4 (31). – С. 72–74.
4. Спирин М.Ю. Особенности источника и формы правонарушения и юридической ответственности // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т. 4. – № 3. – С. 88–93.
5. Кузьмин И.А. Системная модель юридической ответственности. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2018. – 186 с.

6. Кузьмин И.А. Юридическая ответственность: теория и практика. – М.: Изд-во «Юркомпани», 2022. – 188 с.

М.А. Маракеева*

DOI: 10.47905/9785604872161_271

**К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ С ПРИКЛАДНЫМИ
ЮРИДИЧЕСКИМИ НАУКАМИ
(НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА
И ПРАВА С КРИМИНАЛИСТИКОЙ)**

Аннотация. В статье поднимается вопрос взаимодействия теории государства и права и прикладных наук на примере криминалистики. Выявляются и рассматриваются каналы взаимодействия исследуемых наук. Акцентировано внимание на выявление особенностей проявления такой взаимосвязи. Отмечается прикладной характер криминалистики как науки. Указывается на недостаточность изученности данной темы.

Ключевые слова: теория государства и права, криминалистика, взаимосвязь, прикладная наука, специфические особенности, государственно-правовые явления.

**ON THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP OF GENERAL
THEORETICAL LEGAL DOCTRINE WITH APPLIED LEGAL
SCIENCES (ON THE EXAMPLE OF THE RELATIONSHIP OF
THE THEORY OF STATE AND LAW
WITH CRIMINALISTICS)**

* *Маракеева Мария Андреевна*, студент 5 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (г. Иркутск, Россия).

Научный руководитель: Кузьмин Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (г. Иркутск, Россия).

Marakeeva Maria Andreevna, 5th year student, Irkutsk law institute (branch) of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia).

Scientific curator: Kuzmin Igor Alexandrovich, Candidate of legal sciences, Associate professor, Irkutsk law institute (branch) of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia).

***Abstract.** The article raises the question of the interaction of the theory of state and law and applied sciences on the example of criminalistics. The channels of interaction of the studied sciences are identified and considered. Attention is focused on identifying the features of the manifestation of such a relationship. The applied nature of criminalistics as a science is noted. The insufficiency of the study of this topic is indicated.*

***Key words:** theory of state and law, criminalistics, interrelation, applied science, specific features, state-legal phenomena.*

На современном этапе развития юридической науки возникла необходимость в исследовании вопроса, связанного с раскрытием взаимодействия общетеоретической правовой доктрины с прикладными науками, ввиду ее крайне малой освещенности в учебной и научной литературе. Вместе с тем, если данный вопрос и поднимается учеными, то раскрывается он без проведения глубокого анализа и вывода результатов, дающих основания для формирования отчетливых позиций.

Для раскрытия сути поставленного вопроса в первую очередь обозначим место рассматриваемых отраслей познания в системе юриспруденции. Отметим, что ряд ученых сходятся в единстве мнения относительно содержания системы юридических наук. Так, С.А. Комаров выделяет в системе юридических наук шесть групп: историко-теоретические науки; отраслевые юридические науки; межотраслевые юридические науки; науки, изучающие зарубежное государство и право; прикладные юридические науки; международное публичное право [6, с. 23-28]. М.Н. Марченко, А.А. Малиновский, М.Ю. Тихомиров, А.В. Малько и другие выделяют такие научно-тематические блоки, как теоретический, исторический, отраслевой и прикладной [7; 8, с. 5-6; 9; 15, с. 931]. Данного подхода будем придерживаться и мы. В частности, наш интерес вызывают общетеоретический и прикладной блоки, которые мы рассмотрим на примере взаимосвязи с одной стороны теории государства и права, и с другой – криминалистики.

Возникновению криминалистики как науки следует отдать должное её основоположнику, профессору Гансу Гроссу. Именно он и определил ее место «лишь в скромном ряду вспомогательных наук». Вместе с тем, им было также отмечено, что новая наука «бу-

дучи поставлена, как вспомогательная наука для уголовного права, оставляет за собой право на самостоятельность» [4, с. VII].

Многими учеными и позднее отмечалась зависимость криминалистики от уголовного процесса, выделяя признак ее прикладной сущности. Так, А.Н. Васильев подчеркивал, что «криминалистика иначе, как прикладной, по отношению к фундаментальной науке уголовного процесса быть не может» [3, с. 12]. Такое понимание возникло в силу того, что возникновение и развитие криминалистики как науки непосредственно исходит из недр науки уголовного процесса, что обусловлено задачами самой криминалистики. Но также и отмечается, что по истечении времени в целом понимание сути прикладных наук претерпевает существенные изменения. Так, вспомогательный характер по отношению к отраслевой науке постепенно утратил свое значение, уступив место признаку самостоятельности предмета исследования, направленного на решение практических, прикладных задач [13].

Однако, не вдаваясь в рассуждения относительно самостоятельности криминалистики как науки (данный вопрос заслуживает отдельного изучения), подчеркнем ее значимость в системе юридических наук. Р.С. Белкин в своих трудах криминалистику определяет, как науку «о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средствах методах судебного исследования и предотвращения преступлений» [2, с. 83]. Так, исходя из предложенной трактовки понимания сущности криминалистики, мы можем определить, что данная наука играет важнейшую роль в обеспечении эффективного расследования преступлений.

Данное положение отражает востребованность криминалистики в юриспруденции, что подчеркивается теми задачами, на достижение которых она направлена. В частности, принято выделять общую и специальные задачи криминалистики. Общая заключается в содействии борьбе с преступным поведением. В этом состоит цель существования и развития криминалистики. Далее следуют характерные задачи именно для криминалистики, то есть специальные, которые можно обозначить следующим образом: на основе исследования отечественного и зарубежного опыта разработка но-

вых и совершенствование уже существующих теоретических положений, средств, методов, приемов при собирании, исследовании и оценке доказательств и их использования в уголовном судопроизводстве [5, с. 221].

Мы определили, что криминалистика входит в систему юридических наук и выполняет свою особую роль. Так как система предполагает наличие внутреннего взаимодействия ее элементов, то представляется необходимым и выделить взаимосвязь криминалистики с иными юридическими науками, прямо или косвенно соприкасающихся с ней. Однако, прежде всего, обратим внимание на основное связующее звено всей системы, а именно теорию государства и права, которая формирует общие для всех юридических наук понятия и категории.

Обозначая значимость теории государства и права, нельзя не согласиться с утверждением о том, что данная область познания занимает ключевое место в системе юридических наук. Такое положение обусловлено спецификой предмета исследования. Благодаря усилиям, приложенным Н.А. Пьяновым в изучении теории государства и права, под предметом данной науки мы можем понимать «систему обобщенных знаний о наиболее общих закономерностях возникновения, развития и функционирования государства, права и связанных с ними иных государственно-правовых явлений» [11, с. 16]. Как представляется очевидным, теория государства и права предоставляет нам возможность получить фундаментальные знания о государстве и праве. Вместе с тем данные знания являются основой для изучения практических вопросов, исследуемыми непосредственно прикладными науками, криминалистикой в том числе.

Отражение взаимодействия рассматриваемых наук можно проследить в определенных особенностях, раскрывающих общие свойства и отличительные черты, а также возможные противоречия между ними. Общее между теорией государства и права и криминалистикой проявляется в том, что предметом исследования данных отраслей познания являются государственно-правовые явления, выявление закономерностей которых способствует появлению нового знания, облегчающего понимание сути исследуемых явлений. Так, криминалистика с одной стороны, изучает закономерности механизма совершения преступного деяния, а с другой стороны

– закономерности собирания, исследования и оценки полученной информации о совершенном деянии [12, с. 7]. В совокупности формируются те криминалистические познания, применение которых позволяет «раскрыть сущность преступного деяния», найти виновного и тем самым защитить нарушенные посягательством права и законные интересы граждан [4, с. 9]. В свою очередь теория государства и права, исследуя закономерности возникновения, развития и функционирования государственно-правовых явлений, формирует базу необходимую для познания явлений, исследуемых иными юридическими науками. Таким образом, одна из особенностей взаимосвязи общетеоретической правовой доктрины с прикладными юридическими науками заключается в постижении нового знания посредством выявления закономерностей исследуемых явлений.

Раскрывая суть поставленного вопроса, нельзя не обратиться к разграничению существенных признаков рассматриваемых отраслей познания. В частности, подобным исследованием занимался А.А. Эксархопуло [17], который свою позицию изложил следующим образом: в общетеоретических (или фундаментальных) науках исследования исходят от конкретного и стремятся к абстрактному, в то время как в прикладных науках сформировался иной принцип – от теоретических выводов к практике их применения. Другими словами, цель общетеоретических наук заключается в том, чтобы познавать те или иные явления, в то время как цель прикладных состоит в разработке орудий и средств для практического применения на базе уже ранее познанного. В этом кроется отличие прикладных наук от общетеоретических, в которых преследуются сугубо познавательные цели.

Исходя из этого, можно провести отличие между криминалистикой и теорией государства и права. Например, что представляет собой поджог в смысле нарушения общественного порядка? Какие виды поджога существуют, какие могут быть назначены наказания за его совершение – об этом скажет уголовный закон. Каким образом следует действовать судье, в том числе в отношении подсудимого, свидетелей и экспертов – это подскажет уголовный процесс. Но, как действует виновный при совершении поджога, к каким средствам прибегает и какую помощь имеет в своем распоряжении, каков способ совершения поджога и как его обна-

ружить – такие вопросы касаются непосредственно криминалистики. То есть прикладная наука исследует на уровне практической деятельности отдельную сторону проявления государственно-правового явления. К тому же, прикладные науки в отличие от фундаментальных, как правило, относятся к определенной сфере познания. Так, криминалистика относится к уголовно-правовой сфере, то есть находится в тесном переплетении, например, с уголовным правом и уголовным процессом.

Затронув вопрос взаимосвязи криминалистики с иными науками, входящими в единый блок научного познания, в науке сформировалось мнение относительно проявления взаимосвязи между теорией государства и права и криминалистикой. Полагается, что такая взаимосвязь не может прослеживаться напрямую, а она имеет лишь косвенный характер [10, с. 14]. Однако какой же элемент в такой схеме является связующим? Считается, что такое проявление возможно через отраслевые юридические науки. Попробуем подтвердить данное утверждение на примере взаимосвязи теории государства и права, уголовного процесса и криминалистики.

Нам известно, что криминалистика является наукой, направленной на разработку системы технических средств, тактических приемов и методов собирания, исследования и оценки судебных доказательств, которые применяются в уголовном процессе с целью предупредить, раскрыть и расследовать преступные деяния [18, с. 27]. То есть по смыслу приведенного утверждения все разрабатываемые криминалистикой приемы, средства и методы должны опираться на задачи, принципы и нормы уголовного процесса. Иначе нарушение данных требований может повлечь непризнание силы и значения судебных доказательств, что отрицательно скажется на отправлении правосудия. К примеру, тактика допроса несовершеннолетнего обвиняемого должна быть построена в соответствии с процессуальными правилами, направленными на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, а также защиту от неправомерного психологического воздействия. В таком случае, как допрос несовершеннолетнего обвиняемого в возрасте до 16 лет, в обязательном порядке должно быть присутствие педагога или психолога (что также ко всему прочему влияет и на само содержание процессуального способа получения доказательств). Иначе по-

казания такого обвиняемого, полученные без участия указанных лиц, будут признаны недопустимыми доказательствами [1].

К тому же возникает вопрос, а в силу каких причин и условий произошло такое закрепление? Полагается, что ключом к пониманию является теория государства и права, раскрывающая закономерности возникновения, развития и функционирования механизма правового регулирования. Таким образом, мы можем отметить, что исследуемая взаимосвязь наук действительно имеет опосредованный характер.

Однако, с другой стороны, следует обратить внимание и на следующую особенность. Как известно, одним из разделов криминалистики является общая теория (или общие положения) криминалистики, включающая в себя соответствующие принципы, теоретические концепции, категории, понятия, методы, которые в совокупности отражают весь предмет криминалистики [16, с. 29]. Именно при разработке общей теории криминалистики, ее природы, цели и задач проявляется наиболее тесная взаимосвязь с теорией государства и права, предоставляющей необходимый базис для «внутринаучных» фундаментальных криминалистических исследований. Так, в данном случае мы можем говорить и о прямой взаимосвязи общетеоретической правовой доктрины и прикладной науки. По мнению С.А. Комарова, прикладные юридические науки используют разрабатываемые в теории государства и права понятия, категории, юридические конструкции, классификации. Они, как правило, не занимают проблематику терминологии и общего понимания политико-юридических явлений, а опираются на общетеоретические знания теории государства и права [6, с. 28]. То есть, характер взаимосвязи между криминалистикой и теорией государства и права не исчерпывается только лишь опосредованным характером, а может проявляться и напрямую [14, с. 27].

Таким образом, рассматривая взаимосвязь общетеоретической правовой доктрины с прикладными науками на примере взаимосвязи теории государства и права и криминалистики, мы отметили, что в науке данный вопрос является малоизученным и остается открытым для новых научных изысканий. В проведенном нами исследовании мы отметили особенности рассматриваемой взаимосвязи и пришли к выводу о том, что такая взаимосвязь на имеет четких и очерченных границ каналов взаимодействия, одна-

ко по возможности и желанию можно доказать и обратное. В частности, мы определили:

1) предметом исследования рассматриваемых наук являются государственно-правовые явления, в частности выявление их закономерностей;

2) криминалистика в отличие от теории государства и права проводит исследования в определенной сфере научного познания, уголовно-правовой;

3) теория государства и права формирует основу для познания явлений, исследуемых криминалистикой, вырабатывая общие для всех юридических наук понятия и категории;

4) взаимодействие рассматриваемых наук возможно, как посредством обращения к отраслевым наукам уголовно-правового блока, так и по прямым каналам взаимосвязи.

Данный вопрос требует дальнейшего изучения на примере не только криминалистики, но и иных прикладных наук. Вдобавок ко всему, как уже освещалось ранее, теория государства и права по отношению к другим юридическим наукам является фундаментальной наукой, чьи обобщения и выводы становятся базовыми для юридических наук. Однако не следует забывать и про обратную связь.

В частности, как и иные юридические науки, прикладная, будучи во взаимосвязи с теорией государства и права, предоставляет ей необходимый для теоретических обобщений материал, исследуя более конкретно и углубленно различные государственно-правовые вопросы. А это имеет большое значение для дальнейшего развития общетеоретической правовой доктрины, оказывающей помощь в правильной юридической оценке результатов исследований прикладных наук, связывающей их с потребностями укрепления верховенства права и повышения уровня правовой культуры общества, с общими тенденциями развития всей государственно-правовой надстройки в целом.

Источники и литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. [ред. от 21 ноября 2022 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.11.2022).

2. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учебное пособие для вузов в 3-х томах. – М., 2001. – 323 с.
3. Васильев А.Н. Криминалистика. – М., 1980. – 587 с.
4. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. – М., 1908. – 1040 с.
5. Дубровин С.В. Криминалистика, ее понятие, задачи и система // Закон и право. – 2021. – С. 218-224.
6. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 528 с.
7. Малиновский А.А. Способы осуществления права // Журнал российского права. – 2007. – С. 48-55.
8. Малько А.В. Теория государства и права в схемах, определениях и комментариях. – М.: Проспект, 2010. – 144 с.
9. Марченко М.Н. Источники права. – М.: Проспект, 2005. – 760 с.
10. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. – М., 2020.
11. Пьянов Н.А. Теория государства и права. – Иркутск, 2015. – 220 с.
12. Савельева М.В., Смушкин А.Б. Криминалистика. – М., 2009. – 229 с.
13. Сокол В.Ю. К вопросу о сущности криминалистики как прикладной науки // Российский следователь. – 2008. – С. 10-13.
14. Спирин М.Ю. Теория государства и права или теоретическая юриспруденция? (изменение смыслов фундаментальной юридической науки) // Вестник общей и отраслевой теории права. – 2021. – № 1. – С. 23–31.
15. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. – М., 2001. – 972 с.
16. Филиппов А.Г. Криминалистика: полный курс. – М.: Изд-во Юрайт, 2018. – 349 с.
17. Эксархопуло А.А. Прикладная криминалистика // Сибирский юридический вестник. – 2014. – С. 91–96.
18. Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник и практикум для вузов. – М.: Изд-во Юрайт, 2015. – 303 с.

DOI: 10.47905/9785604872161_280

РЕАБИЛИТАЦИЯ В СИСТЕМЕ МЕХАНИЗМОВ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРУШЕННЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В данной статье проанализирован институт реабилитации в Российской Федерации. Рассматривается порядок возмещения вреда, причиненного незаконными или необоснованными уголовными преследованием, обвинением. В статье определены основные подходы к определению «реабилитация», указываются достоинства и недостатки каждого подхода. Раскрывается соотношение реабилитации с иными механизмами восстановления нарушенных прав и проблемы их применения. Исследуется зарубежный опыт правового регулирования реабилитации в уголовном процессе.

Ключевые слова: реабилитация, возмещение вреда, восстановление прав, компенсация, уголовный процесс, Российская Федерация, зарубежные страны.

REHABILITATION IN THE SYSTEM OF MECHANISMS FOR THE RESTORATION OF VIOLATED RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. This article analyzes the institution of rehabilitation as a mechanism for restoring violated rights in the Russian Federation. The procedure for reparation caused by illegal or unfounded criminal prosecution, accusation is considered. The article defines the main approaches to the definition

* **Обухова Татьяна Николаевна**, студентка 5 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (г. Иркутск, Россия).

Научный руководитель: **Кузьмин Игорь Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (г. Иркутск, Россия).

Obukhova Tatyana Nikolaevna, 5th year student, Irkutsk law institute (branch) of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia).

Scientific curator: **Kuzmin Igor Alexandrovich**, Candidate of legal sciences, Associate professor, Irkutsk law institute (branch) of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia).

of "rehabilitation", indicates the advantages and disadvantages of each approach. The correlation of rehabilitation with other mechanisms for the restoration of violated rights and the problems of their application are revealed. The foreign experience of legal regulation of rehabilitation in criminal proceedings is studied.

Key words: *rehabilitation, reparation, restoration of rights, compensation, criminal proceedings, Russian Federation, foreign countries.*

Государство гарантирует защиту прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного процесса. Роль эффективного механизма признания и восстановления всех нарушенных прав личности призван выполнять институт реабилитации.

Реабилитация направлена на устранение негативных последствий совершенных юридических действий, отмену правонарушающих решений, что предполагает возвращение к первоначальному правовому положению лица, незаконно подвергнутых уголовному преследованию.

В результате реализации положений Конституции РФ [1; 7] (ст. 52, 52) и отражение их в соответствующих статьях уголовно-процессуального закона взаимоотношения между государством и лицом, указанным в частях 2, 2.1 статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18.12.2001 г. [4] (далее - УПК РФ) обусловлено их взаимной ответственностью. В таком случае, лицо, чьи права и законные интересы нарушены, может задействовать механизм государственного принуждения, добиваться восстановления нарушенного положения [11].

Процессуальный порядок реабилитации в уголовном судопроизводстве предполагает совокупность действий, совершаемых как лицом, заявляющее о реабилитации, так и уполномоченными органами, признающими данное право.

Раскрывая вопрос, касающийся субъектов правосстановительных отношений, можно согласиться с точкой зрения А.В. Кузьмина [10, с. 11], который выделяет субъектов-правообладателей и субъектов-правосстановителей. Первые имеют право на восстановление нарушенных прав в рамках реабилитации в уголовном судопроизводстве с надлежащим соблюдением оснований и условий. Вторые – это те лица, которые своими действиями и принимаемыми в соответствующей форме решения-

ми подтверждают основания реабилитации и принимают меры, связанные с реабилитацией. Согласно анализу взаимосвязанных положений УПК РФ, к таковым относятся следователь, прокурор и суд. Например, в соответствии со ст. 213 УПК РФ следователь вправе прекратить уголовное дело в связи с отсутствием события преступления (ст. 24 УПК РФ) или непричастностью подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ).

Законодатель также выделяет субъектов, на которых возложена обязанность самостоятельно восстановить нарушенное право. Государство подчеркивает первостепенное значение обязанностей, возложенных на уполномоченных лиц государственных органов, связанных с признанием, соблюдением и защитой прав человека и гражданина. Так, вследствие пережитых потрясений, связанных с необоснованным уголовным преследованием, неоправданными ограничениями прав, гражданин может рассчитывать на возмещение морального вреда, например, путем принесения прокурором официального извинения реабилитируемому от имени государства (ч. 1 ст. 136 УПК РФ).

В науке существует ряд спорных вопросов, среди которых особое место занимает термин «реабилитация», поскольку от его правильного толкования зависит решение многих юридических проблем (условия и причины реабилитации, порядок реабилитации, последствия и т.д.).

Согласно первому подходу реабилитацией признается реабилитирующее решение (приговор, определение, постановление), которые закрепляют право на реабилитацию (ч. 1 ст. 134 УПК РФ). Приравнять реабилитацию и реабилитирующее решение компетентного органа означает односторонность в определении этого понятия, что не раскрывает его истинной природы. Другая точка зрения соотносит реабилитацию только с правовыми последствиями реабилитирующего решения или правовыми последствиями признания невиновным. В настоящий момент данная позиция рассматривается законодателем как основополагающая, так как для реабилитируемого приоритетное значение имеет фактическая реабилитация. Государство должно не только обеспечить лицо правом на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда, но и восстановить его доброе имя и положи-

тельную репутацию. Третий подход признает за реабилитацией статус «восстановительного» решения с реализацией всех правовых последствий по нему. В частности, М.И. Пастухов полагает, что «реабилитация – это признание гражданина в соответствующем процессуальном решении и принятие во исполнение этого решения мер, которые призваны вернуть невиновному то, что он утратил в связи с необоснованным уголовным преследованием и осуждением» [12]. Такой комплексный подход включает в себя не только формально-юридический аспект, но и компенсационный, что соответствует самой цели института реабилитации.

Рассматривая особенности реабилитации, необходимо указать на ее тесную связь с иными механизмами восстановления нарушенных прав. В рамках восстановления конституционных прав Конституционный Суд Российской Федерации устанавливает нарушение конституционных прав граждан, но не нормой закона, а неконституционной практикой ее применения. Так, определением Конституционного Суда РФ от 16.02.2006 г. № 19-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мухина И.А. на нарушение его конституционных прав п. 1 ч. 2 ст. 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» был решен вопрос о признании права на реабилитацию за лицами, в отношении которых имело место частичное прекращение уголовного преследования. Однако, восстановление нарушенных конституционных прав граждан и, соответственно, исполнение постановлений, определений Конституционного Суда РФ прямо не предусмотрено в нормах отраслевого процессуального законодательства, что снижает правовосстановительный эффект в рамках реабилитации.

Основанием возложения юридической ответственности на публичные органы власти и их должностные лица является сам факт незаконного уголовного преследования гражданина независимо от наличия в действиях соответствующих уполномоченных субъектов формальной противоправности и вины. Соответствующие механизмы восстановления нарушенных прав в Российской Федерации закреплены в ст. 12 Гражданского кодекса РФ от 30.11.1994 г. [2] (далее – ГК РФ). В результате того, что институт реабилитации в уголовном законодательстве был закреплен позже принятия ГК РФ, основу для восстановительных и компенсационных мер в уголовном судопроизводстве составляют те самые гражд-

данско-правовые нормы, которые в ряде случаев выступают как альтернативная возможность восстановления нарушенного права за пределами реабилитации.

Помимо этого, право на реабилитацию включает восстановление трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав, что указывает на их взаимосвязь с отраслевым законодательством. Существуют пробелы в правовом механизме, позволяющего соблюсти права сотрудников – лиц, подвергнутых незаконному уголовному преследованию, «сокращенных», уволенных в результате ликвидации организации в период, когда гражданин не мог трудиться не по своей вине. Разрешение вопроса в судебном порядке является более предпочтительным способом восстановить трудовые права, однако не стоит умалять механизма правосознания, предусмотренного соответствующими главами Трудового кодекса РФ от 30.12.2001 г. [3] (например, гл. 59, гл. 60 ТК РФ).

Исследуя зарубежный опыт правового регулирования реабилитации в уголовном процессе, ее соотношение с институтом возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов предварительного расследования, прокурора, суда, следует заметить, что существует определенное различие в понимании указанных институтов. Так, в одних странах четко разграничиваются институт реабилитации и институт возмещения вреда, причиненного незаконными действиями должностных лиц государства (в частности, во Франции) [14, с. 49], а в других, например, в Республике Беларусь, возмещение вреда связывают с реабилитацией лица, но вместе с тем, ни в названии гл. 48 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, ни в ее нормах этот термин не используется, что порождает проблему определения содержания реабилитации и ее соотношения с институтом возмещения вреда от незаконных действий [13, с. 5-6].

В законодательстве США реабилитация означает возможность предъявления в претензионном суде исков о возмещении вреда, причиненного незаконным лишением свободы и осуждением, при этом на истце лежит бремя доказывания своей непричастности к вменяемому ему противоправному деянию. Стоит обратить внимание на различное понимание термина «реабилитация», в результате исторического развития государств. В западноевропейских странах во второй половине XVIII века под реабилитацией

понималось прекращение на будущее всех правоограничений, которые связаны с осуждением. Она не имела обратного значения и была направлена на восстановление правоспособности исправившихся преступников досрочно, или же лиц, отбывших наказание, по окончании определенного срока, а в законодательстве Российской Федерации, правовой институт реабилитации невинно осужденных возник и развивался из института помилования [5].

Анализ зарубежного опыта правового регулирования реабилитации и возмещения вреда в уголовном производстве дает возможность утверждать, что реабилитация имеет определенную обратную силу именно благодаря возмещению вреда, то есть совершению действий, которые компенсируют причиненный вред.

Учитывая специфику отношений восстановления нарушенных прав в уголовном процессе Российской Федерации, система мер защиты включает в себя как правосстановительные, так и компенсационные меры. Так, восстановление в трудовых правах (ст. 133 УПК РФ) и возмещение морального вреда в денежном выражении (ст. 136 УПК РФ) рассматриваются в качестве самостоятельных способов защиты нарушенных прав [6]. Независимо от того, в чем выражается вред, отношения, связанные с восстановлением или компенсацией – это заключительный этап уголовно-процессуальных отношений, которые берут начало от основания уголовного судопроизводства. Восстановительные и компенсационные отношения гармонично вытекают из центральных уголовно-процессуальных правоотношений, предопределяются ими, и есть, по сути, уголовно-процессуальными.

Указанные доводы позволяют сделать вывод о том, что институт реабилитации является самостоятельным отраслевым институтом уголовно-процессуального права, нормы которого имеют самостоятельный предмет правового регулирования правоотношений, возникающих между лицом, не признанным виновным в совершении преступления, и государством, которое отвечает перед лицом за незаконные процессуальные решения органа предварительного расследования и суда.

Из вышесказанного становится очевидным, что конституционный принцип ответственности государства перед личностью реализуется в предоставлении соответствующему лицу права на реабилитацию в уголовном судопроизводстве. Следовательно, про-

цесс реабилитации, с учетом анализа подходов к определению института, начинается с момента принятия решения компетентного органа, оправдывающее лицо, прекращающее уголовное дело и по другим реабилитирующим основаниям, в результате чего, восстановление нарушенных прав, и, что не менее важно, доброго имени и репутации лиц, подвергнутых необоснованному преследованию, осуществляется посредством правосстановительных и компенсационных мер, что отвечает принципам и назначению уголовного судопроизводства.

Источники и литература

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

2. Гражданский кодекс РФ от 30.11.1994 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.11.2022).

3. Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.11.2022).

4. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.11.2022).

5. Бойцова В.В., Бойцова Л.В. Реабилитация необоснованно осужденных граждан в современных правовых системах. – Тверь: Изд-во ТвГУ, 1993. – 104 с.

6. Евдокимов С.В. Правосстановительные меры в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 1999. – 218 с.

7. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 343 с.

8. Корчагина Л.И. К вопросу о понятии и сущности реабилитационных правоотношений в уголовном судопроизводстве России // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 7. – С. 33-46.

9. Корчагина Л.И. О некоторых аспектах содержания понятия «реабилитация» в отечественном законодательстве и юридической литературе // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 2.

10. Кузьмин А.В. Правовосстановление как правовой режим: теоретические основы // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2012. – № 5.

11. Морозова Л.А. Теория государства и права. – М., 2010. – 314 с.

12. Пастухов М.И. Реабилитация невиновных: основы правового института: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1993. – 18 с.

13. Рожко О.В. Право на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс. – Минск: Академия МВД РБ, 2016. – 135 с.

14. Яшина А.А. Правовой анализ института реабилитации и возмещения вреда, причиненного необоснованным уголовным обвинением во Франции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – № 2. – С. 44–50.

Д.А. Самко*

DOI: 10.47905/9785604872161_287

БЕЛАЯ МИЛИЦИЯ VS. КРАСНАЯ МИЛИЦИЯ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ СЛУЖБЫ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается развитие отечественной милиции (полиции) в период Гражданской войны в России. Выделяются организационные модели милиции, используемые белым движением и советской властью, проводится их сравнение. В ходе исследования был сформулирован вывод о сущности милиции в период 1917–1922 гг. и ее характерных признаках.

* *Самко Дарья Александровна*, студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (г. Иркутск, Россия).

Научный руководитель: Деревскова Валентина Михайловна, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (г. Иркутск, Россия).

Samko Darya Alexandrovna, 4th year student, Irkutsk law institute (branch) of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia).

Scientific curator: Derevskova Valentina Mikhailovna, Candidate of legal sciences, Associate professor, Irkutsk law institute (branch) of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia).

Ключевые слова: Гражданская война, милиция, белое движение, советская власть.

WHITE MILITIA VS. RED MILITIA: ORGANIZATIONAL MODELS OF SERVICE DURING THE CIVIL WAR IN RUSSIA

Abstract. The article examines the development of the national militia (police) during the Civil War in Russia. The organizational models of the militia used by the white movement and the Soviet government are highlighted, and their comparison is carried out. In the course of the study, a conclusion was formulated about the essence of the militia in the period 1917 – 1922 and its characteristic features.

Key words: Civil war, militia, white movement, Soviet power.

Гражданская война – это самое тяжелое время для любого государства. Она предполагает немислимые человеческие жертвы, ожесточенную борьбу за власть и экономическую разруху. Все перечисленное отрицательно сказывается на целостности государства и может привести к его распаду.

Ю.А. Поляков под гражданской войной понимает вооруженную борьбу между различными группами населения, имеющую в своей основе глубокие социальные, национальные и политические противоречия [18, с. 32–33].

В изучении вопросов, связанных с гражданскими войнами, большое значение имеет периодизация. Тем не менее, периодизация Гражданской войны в России до сих пор остается полем для дискуссий среди исследователей. Не вдаваясь в анализ дат, обсуждаемых в науке, согласимся с точкой зрения В.И. Ленина, современника тех событий, который отмечал, что война началась с 1917 г. и продолжалась до 1922 г. [11, с. 277].

Когда к власти пришел А. В. Колчак, перед ним встала проблема определения организационной структуры милиции, защищавшей его режим. Адмирал обратился к предшествующему опыту. Деятельность милиции стал контролировать департамент милиции. В губерниях и областях действовала городская и уездная милиция, которой руководили соответствующие комиссары (управляющие). Комиссарам подчинялись начальники отделов губерн-

ских и областных управлений. Финансирование органов внутренних дел было централизованным. Таким образом, в основу организации органов внутренних дел белых правительств легли начала как дореволюционной полиции, так и предшествующей милиции Временного правительства [9, с. 172, 238].

Однако попытки создания милиции белыми властями предпринимались и до объявления Колчака Верховным правителем. Так, в сентябре 1918 г. Административным советом Временного Сибирского правительства было принято Временное положение о сибирской милиции. Милиция находилась непосредственно в составе МВД, тем самым восстановив свой дореволюционный статус. Начальников назначало Министерство по представлению губернских комиссаров. По понятным причинам не могли служить в милиции ответственные работники при Советах [9, с. 170–171]. Контрреволюционная власть стремилась вывести милицию из ведения местного самоуправления (к ведению местного самоуправления милиция была отнесена Временным правительством) – это был необходимый шаг для укрепления вертикали власти и усиления контроля над ведомством. В состав сибирской милиции входили подразделения наружной, конной, уголовной, лесной милиции, а также отряд особого назначения и резерва [10, с. 50].

Временным положением на милиционеров также возлагалась традиционная обязанность охранять общественный порядок. Это было первостепенной задачей на всех территориях антибольшевистских правительств, однако кроме «традиционных» преступлений милиция также противодействовала довольно необычным в те времена деяниям. Так, милиция расследовала дела, связанные с наркотическими средствами, незаконным ношением оружия, неуплатой налогов. На милицию возлагались обязанности по обеспечению охраны государственных учреждений и должностных лиц, надзора за деятельностью общественных организаций, выполнению поручений военных властей, поручений санитарного характера и связанных с деятельностью культурно-просветительских учреждений [9, с. 226–238].

Беспокойла белых и проблема качества личного состава милиции. Высшие чиновники предлагали следующее. Во-первых, установить особые поощрения для отличившихся служащих, установить наказание за оскорбление сотрудников милиции, прирав-

нять их по ответственности к военнотружущим и установить порядок предания их военно-полевому суду [12, с. 4]. Во-вторых, набирать в штат лишь способных и желающих работать граждан, чтобы убедить население в том, что милиция не враг, а его защитник [9, с. 176]. Иногда обращалось внимание на политические взгляды кандидатов на службу, однако власть планировала отстранить милиционеров от участия в выборах путем издания избирательного закона. Также существовали иные требования к служащим. Сохранилась и дореволюционная практика, которая не допускала службы в подчинении близких родственников. В связи с этим, некоторые ученые утверждают, что при А.В. Колчаке кадровая политика имела одно важное отличие от советского подхода, которое являлось ее преимуществом – отказ от классового принципа комплектования [15, с. 42].

Работники милиции активно участвовали в боевых действиях на фронтах Гражданской войны. В конце февраля 1919 г. были учреждены отряды милиции особого назначения, которые Совет министров рассматривал как боевые части для восстановления государственного порядка и резерв для формирования штата милиции в освобожденных от Советов местностях [17, с. 1].

А.Н. Никитин утверждает, что правоохранительная политика А.В. Колчака, которая хотя и позволила добиться определенных результатов в борьбе с преступностью, коммунистическим подпольем и даже в некоторых случаях с повстанческим движением, все же оказалась бессильна против коррупции. Коррупция поразила весь государственный механизм, а колчаковский режим не смог ее пресечь. Высказываются мнения, что контрреволюция потерпела поражение не в последнюю очередь из-за коррупции [15, с. 310].

Параллельно с белой милицией существовала рабочая милиция, созданная Советами еще после Февраля 1917 г. и уже имевшая определенный опыт организации. ЦК РСДРП (б) на первом заседании исполкома Петросовета внес предложение организовать рабочую милицию на предприятиях из расчета 100 милиционеров на 1 тысячу рабочих. В марте был сформирован центральный орган – Главное управление милиции (Главмилиция), который осуществлял следующие функции: общее руководство милицией, издание нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность милиции, контроль за органами и учреждениями милиции и т.д.

[22, с. 5–6]. Эта милиция должна была стать опорой Советов и одновременно осуществлять охрану порядка на территории заводских районов. В сельской же местности для охраны порядка создавались вооруженные крестьянские отряды [13, с. 129].

28 октября 1917 г. НКВД РСФСР было издано Постановление «О рабочей милиции», которое носило учредительный характер. Издание данного акта было обусловлено исторической обстановкой. Советское государство только начинало свой путь, и компетенция некоторых органов еще не была определена. Самое главное – обстановка не позволяла медлить [14, с. 158–159]. Еще В.И. Ленин отмечал, что Советы не могут считаться ни с какими формальностями, когда обстановка требует решительных и срочных мер, даже если законы имеют недочеты [14, с. 159].

Ровесница Октября, советская милиция в начале своего пути базировалась на принципе двойного подчинения – она находилась в ведении местных Советов и подчинялась НКВД. Низшим звеном являлся участок милиции, которым руководил участковый начальник. Губернские управления являлись местными органами НКВД и органами губернского исполнительного комитета Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов [20, с. 93].

В рассматриваемый период получила популярность идея о замене армии и милиции всеобщим вооружением народа и милицейской повинностью, которая предусматривала формирование добровольных народных дружин для охраны порядка. Считалось, что институт милиции существует только временно, до введения всеобщей повинности, а потому ее рано или поздно придется упразднить [16, с. 202]. Курс на ликвидацию органов милиции проводился НКВД РСФСР до начала марта 1918 г. Тем не менее, после нарушения Германией Брестского мира началась массовая запись добровольцев в Красную Армию. Это были те самые рабочие и крестьяне, которые и защищали советскую власть. В результате охранять общественный порядок стало просто некому. В связи с этим было предложено отказаться от ликвидации милиции, поскольку условия того времени требовали скорого установления революционной законности, которую необходимо было еще и охранять.

Определенное значение в формировании штата милиции имел съезд председателей губернских Советов 30 июля – 1 августа

1918 г. В принятой на съезде резолюции подчеркивалась необходимость организации советской рабоче-крестьянской милиции на штатной основе. При формировании штата большое внимание уделялось классовому составу сотрудников милиции и их преданности Советам. На службу принимались рабочие и крестьяне, олицетворявшие новую власть, а также бывшие солдаты и матросы. НКВД даже был утвержден текст обязательства советского милиционера. Он призывал к защите интересов рабочих и крестьян, а также революционного порядка. За нарушение обязательства или декретов и законов новой власти служащий милиции подлежал высшей мере наказания [22, с. 6–9].

В вопросе дисциплинарных отношений в милиции, ответственности милиционеров и в целом их статуса Советы продвинулись намного дальше белогвардейцев. Первой попыткой оформления дисциплинарных отношений считается издание Дисциплинарного устава РККА 30 января 1919 г., который распространял свое действие и на милицию. Данный акт закрепил понятие воинской дисциплины и составляющие ее элементы [7, с. 91]. Предусматривались определенные виды наказаний, которые, с одной стороны, являлись традиционными (например, предостережение, выговор), а с другой – учитывали специфику военной службы (наряды вне очереди, помещение в казарму).

Однако перечень наказаний не был закрытым, т.к. командам предоставлялось право применять иные меры, которые по своему характеру не противоречат духу РККА и условиям военного времени [4]. Дисциплинарный устав регламентировал поведение милиционера, как на службе, так и в повседневной жизни. В связи с этим данный документ закрепил создание ротных товарищеских судов, которые рассматривали дисциплинарные дела по проступкам бытового характера [7, с. 92]. В дальнейшем для милиции был утвержден отдельный Дисциплинарный устав (22 августа 1919 г.) [7, с. 92].

В октябре 1918 г. НКВД и НКЮ приняли совместную инструкцию «Об организации рабоче-крестьянской милиции», в которой основными задачами ставились охрана порядка и борьба с преступностью. В части уголовного процесса на милицию возлагалась обязанность проведения дознания, осуществления розыска, выполнение поручений по задержанию, доставке в суд, допросу.

Также закреплялись требования по составлению актов и протоколов об обнаруженных преступлениях, протоколов задержания. В ходе производства дознания в неотложных случаях работники милиции могли самостоятельно проводить выемку и обыск, однако они должны были отчитаться об этом народному суду или следственной комиссии.

Подразделения уголовного розыска стали неотъемлемой частью рабочей милиции. Их единая система возникла в стране в 1918 г. после учреждения в составе Главного управления милиции НКВД Центрального управления уголовного розыска. Правовой основой формирования советского уголовного розыска стало Положение «Об организации уголовного розыска» от 5 октября 1918 г., в соответствии с которым подразделения уголовного розыска формировались в городах с численностью населения 40–45 тысяч человек для охраны порядка посредством негласного расследования преступлений. Отделения розыска учреждались при губернских и городских управлениях милиции [22, с. 8–11].

В дни, когда Гражданская война в России набирала обороты, а страна была объявлена единым боевым лагерем, ВЦИК постановил, что все граждане вне зависимости от занятий и возраста должны нести обязанность по защите советской власти. Это указание в полной мере распространялось и на работников милиции. Обязанности милиционеров, порядок привлечения их к участию в вооруженной борьбе в условиях Гражданской войны и новый статус милиции закрепил декрет СНК от 3 апреля 1919 г. «О советской рабоче-крестьянской милиции». В соответствии с этим правовым актом милиция представляла собой особую вооруженную организацию, призванную не только охранять порядок в тылу, но и наравне с Красной Армией участвовать в боевых действиях [22, с. 9]. Тем же документом НКВД направил в армию более 8 тысяч милиционеров [14, с. 159].

В столь суровое время аппарат милиции не прекращал своего развития, наоборот, потребности продолжающейся войны с белогвардейцами обусловили появление новых подразделений. К середине 1920 г. процесс становления советской милиции подошел к своему завершению. Она сложилась как структурно четко функционирующий орган, что было отмечено на законодательном уровне. 10 июня 1920 г. ВЦИК было издано Положение «О рабоче-

крестьянской милиции». Его историческое значение состоит в том, что этот акт по праву является первым полномасштабным законом о советской милиции. В соответствии с ним, состав милиции был определен следующим образом: а) городская и уездная милиция (территориальная); б) промышленная; в) железнодорожная; г) водная (речная и морская); д) розыскная [14, с. 160]. Положение определило место милиции в системе органов Советского государства, ее внутреннюю организацию и принципы.

Особую важность в сложившейся обстановке имела железнодорожная милиция. Участие в Первой мировой войне, упразднение жандармской железнодорожной милиции и многие другие обстоятельства привели к катастрофическому положению на объектах железнодорожной инфраструктуры [6, с. 87]. Еще в начале 1918 г. в целях борьбы с преступными проявлениями на территории железных дорог было принято «Положение о народной железнодорожной милиции», которое предполагало введение общей милицейской повинности работников железнодорожного транспорта, то есть, фактически учреждало собой железнодорожную милицию или же ее некий прообраз.

В феврале 1919 г. ВЦИК принял новые нормативные правовые акты: Положение «О рабоче-крестьянской железнодорожной милиции», Положение «Об организации железнодорожной милиции и железнодорожной охраны», Положение «О железнодорожной охране». Подразделения железнодорожной милиции формировались для поддержания революционного порядка и сохранения единства управления на всем протяжении сети железных дорог.

Структура железнодорожной милиции выглядела следующим образом. В Главном управлении милиции учреждался Железнодорожный отдел, состоящий из линейных управлений, которые делились на районы и участки. При формировании железнодорожной милиции использовался территориальный принцип [2]. В определенный момент полномочия по обеспечению социалистической законности на объектах железнодорожной инфраструктуры получила территориальная милиция. С этого момента железнодорожная и территориальная милиции более не имели различий, касающихся нормативно-правовой базы – она стала единой [6, с. 88]. По этой причине лишение самостоятельности железнодорожной милиции стало вопросом времени. 13 декабря 1921 г. было принято

решение об упразднении железнодорожной милиции. Весь штат патрульно-постовой службы переведен во внутреннюю охрану, а подразделения уголовного розыска переданы в подчинение транспортных отделов ВЧК [6, с. 89].

История органов милиции, осуществляющих охрану порядка на водном транспорте, берет свое начало с момента образования речной милиции 25 июля 1918 г. после издания СНК декрета «Об учреждении речной милиции». В свою очередь, он стал основой для проекта Положения о речной милиции, закрепившего функции, систему, структуру нового подразделения милиции, полномочия и статус милиционеров [19, с. 121–122].

В соответствии с данным проектом речная милиция была образована в целях поддержания порядка и организации безопасности граждан на водных путях, для охраны складов, бунтов, ссылок, элеваторов, а также для содействия судоходству и борьбы с мошенничеством [3]. Однако стоит заметить, что проект не был реализован вплоть до 1919 г., когда был принят декрет «О речной советской рабоче-крестьянской милиции». С этого момента началось формирование постоянного штата. В каждой губернии, каждом уезде, где располагались судоходные реки, организовывались отделы речной милиции. Речная милиция изначально строилась по территориальному принципу, однако данная система оказалось малоэффективной, в связи с чем, принцип построения был заменен на линейный, а она сама стала именоваться водной милицией [19, с. 121–123].

Первое упоминание о промышленной милиции встречается в Положении «О рабоче-крестьянской милиции» от 10 июня 1920 г., но этот документ лишь констатировал факт наличия такого подразделения в составе милиции РСФСР. Статус же ее не был определен. В течение 1920 г. отдел промышленной милиции НКВД РСФСР занимался разработкой проектов документов, регламентирующих деятельность данного подразделения, но так и не были приняты. В связи с этим промышленная милиция пользовалась общей нормативно-правовой базой милиции.

Начало формирования промышленной милиции было положено еще осенью 1919 г. Полностью или частично промышленная милиция функционировала лишь в нескольких губерниях – Московской, Казанской, Симбирской и некоторых других. Но она

так и не смогла оформиться должным образом, прекратив свою деятельность к 1922 г. [5, с. 198–199].

К концу Гражданской войны система милиции претерпела определенные изменения, которые были обусловлены исторической обстановкой. Так, милиция столкнулась с необходимостью максимальной экономии средств, которые Советской власти нужно было направить на восстановление разрушенной войной страны [22, с. 10–11]. Эти изменения были закреплены в Положении об НКВД РСФСР от 24 мая 1922 г. Указанный нормативный правовой акт оформил организационное построение, систему, задачи и основные направления деятельности милиции в условиях перехода к мирному социалистическому строительству.

Так же, как и в случае с белогвардейцами, советская милиция служила резервом для пополнения армии. Так, в начале 1918 г. в Петрограде был сформирован один отряд из 107 милиционеров, а в 1919 г. – еще семь. Общая численность отрядов составила более 1 тысячи человек [8, с. 37]. Милиционеры массово уходили на фронт, в результате чего проявилась нехватка кадров. Отдел управления Петросовета, учитывая, что в начале века положение женщин кардинально изменилось, возбудил ходатайство перед НКВД об организации в Петрограде женской милиции, которое было удовлетворено.

Серьезной проблемой для милиции была текучесть кадров среди командного состава. К 1922 г. сменилось более 70% губернских начальников милиции. В некоторых местах смены происходили по четыре и даже по пять раз в год [21, с. 145–146].

Несмотря на все трудности, вызванные участием советской власти в боевых действиях, именно в период Гражданской войны было положено начало формирования системы учебных заведений милиции. Еще в 1918 г. нарком внутренних дел Г.И. Петровский указал на необходимость создания академии для подготовки кадров высшей квалификации. Ввиду нестабильности, вызванной исторической обстановкой, эта идея будет реализована намного позднее, хотя первые шаги, направленные на организацию подготовки сотрудников милиции, все же были осуществлены [1, с. 325–326].

Таким образом, Гражданская война – это сложный и противоречивый период распада российской государственности, характеризующийся наличием многочисленных политических сил, когда

каждый стремится к независимости и стабильности. Для обеспечения своей стабильности власти и учреждают полицию (милицию), поскольку она располагает всеми средствами, необходимыми для защиты как населения от преступности, так и себя от враждебно настроенного населения.

Гражданская война не прошла бесследно для любого хоть сколько-нибудь важного ведомства. Полицейский аппарат России в исследуемый период подвергся определенным трансформациям, которые определили его дальнейшее развитие на многие годы вперед. Его особенной чертой являлось то, что каждый хоть сколько-нибудь значимый центр власти имел собственную полицию (милицию). Она служила их опорой, но социальный состав этой опоры был разный. Это теснейшим образом связано с исторической обстановкой и этим же обусловлено. Не имеет значения, как организована власть, важно лишь то, что место для милиции (или подобного органа) в аппарате любого государства всегда найдется. Так и произошло и с Советами, и с антибольшевистскими государственными образованиями. Тем не менее, этот короткий промежуток времени стал новым этапом развития отечественной полиции – власть даже сменила ее наименование, как бы показывая перерождение старого ненавистного ведомства в истинно народную «дружину».

С другой стороны, этот шаг был, можно сказать, «косметическим», поскольку суть милиции (или полиции) как правоохранительного органа неизменна – это внутренняя защита власти от посягательств, которые она сочла преступными и опасными для себя. Похожим образом работает и армия, однако она имеет противоположную направленность – это защита внешняя.

В ходе проведенного исследования можно выделить две основные модели милиции – белая милиция и красная (советская) милиция. Указанные модели неодинаковы в своем развитии и его темпах, и это объясняется многими факторами, но в первую очередь, силой власти.

Между ними прослеживается определенное сходство. И та, и другая милиция являлись военизированными структурами, защищавшими каждая свой режим. Сотрудники милиции имели статус военнослужащих, а их штат служил резервом для пополнения армии. Различия между названными нами моделями обусловлены

принадлежностью ведомств к противоположным политическим силам. Белая милиция, являясь порождением контрреволюции, несла в себе характерный ей дух бонапартизма. Данная модель представляет собой структуру, заимствующую опыт, как царской полиции, так и милиции Временного правительства. Все это и являлось ее главной слабостью. Милиция белых сил сама по себе не была лишена потенциала для развития, однако ввиду многих обстоятельств, связанных с белым движением, присущим ему бонапартизмом и другими противоречивыми чертами, постепенно утратила свою жизнеспособность.

Милиция Советов прошла большой путь развития за короткое время. В отличие от белого движения, лидеры революции четко понимали ситуацию, осознавали свое положение и имели прочную социальную базу. Вообще, они первое время были увлечены идеей замены вооруженных структур всеобщим вооружением народа, тем самым предполагалось, что милиция – лишь временный орган, необходимости в котором в будущем Советском государстве не будет. Однако все ожидания разбились о суровую реальность эпохи Гражданской войны, и милиция продолжила существовать и развиваться как одна из основ власти Советов.

Еще один вывод из проведенного исследования состоит в следующем. Любому министерству или ведомству, особенно в российских реалиях, необходимо длительное время для постепенного и равномерного развития. В 1917 – 1922 гг. Советская милиция, поскольку она была непосредственно втянута в Гражданскую войну, пережила мощный скачок в своем развитии. Как четко функционирующий орган она сложилась всего за 5 лет. В течение всего этого периода ее система и структура постоянно изменялись. Как неотъемлемая часть милиции быстро оформились подразделения уголовного розыска, учреждались и упразднялись специализированные подразделения.

Кроме того, советская милиция – это одно из первых ведомств, которое приняло в свой штат женщин, положение которых в стране существенно изменилось к тому времени. Пополнение штата вызвало потребность в создании системы учебных заведений, которые в последующем будут обучать молодых милиционеров делу охраны порядка и дисциплине.

Таким образом, милиция (полиция) в 1917 – 1922 гг. встала на новый путь развития. Грозный молот Гражданской войны выковал из советской милиции закаленную и верную Советской власти структуру.

Источники и литература

1. Беляева Л.И. Становление и развитие системы профессиональной подготовки сотрудников советской милиции (1918 – 1930 гг.) // Российская полиция: три века служения Отечеству: сборник статей Юбилейной международной научной конференции. – М., 2019. – С. 325–333.
2. Декрет «О Рабоче-Крестьянской милиции». – Текст: электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: сайт. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901974513> (дата обращения: 15.08.2022).
3. Декрет СНК РСФСР № 608 «Об учреждении речной милиции» от 25 июля 1918 г. – Текст: электронный // Исторические материалы: сайт. – URL: <https://istmat.org/node/30710> (дата обращения: 18.08.2022).
4. Дисциплинарные уставы органов внутренних дел: хрестоматия / Я.Л. Ванюшин. – Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2020. – 133 с.
5. Ерин Д.А. Промышленная милиция в системе специальных видов советской милиции РСФСР (1919 – 1921 гг.) // Вестник Владимирского юридического института. – 2009. – № 1. – С. 198–202.
6. Жигалов П.Н. Деятельность железнодорожной милиции в первые годы Советской власти // Безопасность дорожного движения. – 2021. – № 3. – С. 87–90.
7. Журавлев В.В. Становление дисциплинарных правоотношений в Советской милиции в 1917 – 1919 годах // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 2. – С. 90–93.
8. Засовенко А.Ю. О женщинах-милиционерах и проблемах кадрового обеспечения Петроградской милиции в первые годы Советской власти // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2018. – № 12. – С. 36–39.
9. Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. – 352 с.
10. Карпов Р.А. Становление милиции Временного сибирского правительства в 1918 – 1919 годах (на примере Алтайской губернии) // 300 лет на страже закона и правопорядка: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Хабаровск, 2018. – С. 49–52.

11. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. – М.: Изд-во политической литературы, 1975. – 718 с.
12. Меры к улучшению личного состава милиции // Голос Родины. – 1919. – 3 сентября.
13. История отечественных органов внутренних дел / под ред. Р.С. Мулукаева. – М.: Nota bene, 2005. – 336 с.
14. Мулукаев Р.С. К вопросу о правовом регулировании организации и деятельности советской милиции (октябрь 1917 – 1991 г.) // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 4. – С. 158–163.
15. Никитин А.Н. Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью. – М.: Московский институт МВД России, 1995. – 80 с.
16. Пионтковская Е.Е. Особенности процессов становления советской милиции // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции адъюнктов, курсантов и слушателей вузов МВД России, аспирантов и студентов образовательных организаций, посвященной 55-летию Ростовского юридического института Министерства внутренних дел РФ. – Ростов-на-Дону, 2016. – С. 201–204.
17. Положение об отряде особого назначения при Министерстве внутренних дел // Правительственный вестник. – 1919. – № 90.
18. Поляков Ю.А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. – 1992. – № 6. – С. 32–33.
19. Пономарева Ю.В. Организационно-правовые основы деятельности водной милиции в первые годы Советской власти // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 4. – С. 121–123.
20. Семенов А.И. Создание советской милиции // Правопорядок: история, теория, практика. – 2017. – № 3. – С. 91–96.
21. Семенов В.В. Проблемы становления огневой подготовки в подразделениях советской милиции и уголовно-исполнительной системы НКВД (1918 – 1935 гг.) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2013. – № 13-2. – С. 144–147.
22. Шахматов А.В. Организационно-правовые основы становления, организации и деятельности советской милиции в 1917 – 1934 годах // Мир юридической науки. – 2010. – № 11. – С. 4–14.

DOI: 10.47905/9785604872161_301

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, возникающие в процессе законотворческой деятельности в современной России. На основе проведенного анализа предпринята попытка выделить причины обозначенных проблем, а также сформулировать некоторые предложения по совершенствованию законотворческой деятельности в России.

Ключевые слова: правотворчество, законотворчество, юридическая техника, законодательный процесс, нормативный правовой акт.

PROBLEMS OF LEGISLATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article deals with the problems that arise in the process of legislative activity in modern Russia. Based on the analysis carried out, an attempt was made to identify the causes of the identified problems, as well as to formulate some proposals for improving lawmaking in Russia.

Key words: lawmaking, lawmaking, legal technique, legislative process, normative legal act.

Общеизвестно, что законотворческий процесс представляет собой деятельность компетентных органов по принятию, изменению или отмене норм права [3, с. 338]. Опыт человеческой цивили-

* *Сараева Екатерина Романовна*, студент 1 курса, Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк, Россия).

Научный руководитель: Горбуль Юлия Александровна, кандидат юридических наук, доцент, Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк, Россия).

Saraeva Ekaterina Romanovna, 1st year student, Kuzbass humanitarian pedagogical institute at the Kemerovo state university (Novokuznetsk, Russia).

Scientific curator: Gorbuly Yulia Alexandrovna, Candidate of legal sciences, Associate professor, Kuzbass humanitarian pedagogical institute at the Kemerovo state university (Novokuznetsk, Russia).

зации доказывает, что от качества действующего в государстве законодательства, зависит эффективность государственного воздействия на экономику, экологию, общественный порядок и все прочие важные сферы жизни общества.

Чаще всего ученые-правоведы, занимающиеся проблемами законодательства в современной России, концентрируют внимание на достаточно большом количестве нормативных правовых актов, которые ежегодно принимаются, но качество которых оставляет желать лучшего [2, с. 147].

О качестве нормативных правовых актов не может быть и речи, когда их принимается очень много. Так, Председатель Государственной Думы РФ Вячеслав Володин отмечал, что за 2020 год было принято 530 законов, а в период с 2016 по 2020 год 2.310 законов [1]. Ожидать при таком количестве принимаемых актов их проработанности и системности нормативных положений невозможно. Особенно если соотнести приведенное количество актов и количество реальных дней, предназначенных для работы законотворческих органов [2, с. 148].

Правоведы, занимающиеся теорией правотворчества, уже несколько десятилетий назад отмечали в качестве недостатков законотворческой практики российского парламента увлеченность количественными показателями [4, с. 3]. В порядке законодательной инициативы нередко вносятся законопроекты, принятие которых не вызвано реальной потребностью, или же по тем вопросам, которые вполне могли бы быть урегулированы на уровне подзаконных нормативных правовых актов [3, с. 24].

Важным условием формирования качественного массива законодательства как конечного результата законотворчества является профессионализм или компетентность субъектов законотворческого процесса. Субъект законотворчества – это должностное лицо, депутат. Недостаточный уровень компетенции депутатов – есть путь к несовершенству и краху законотворческого процесса [6, с. 199]. Если законодатель неверно определяет объект правового регулирования, если налицо различия с целями и задачами экономического и социального развития, бессистемность законодательства, то следует делать вывод о наличии серьезных проблем в этой важнейшей сфере государственного воздействия на общественные отношения.

Анализ литературы по данной теме позволяет сделать вывод, что многие авторы среди причин, порождающих серьезные недочёты в деятельности законодательных органов, отмечают некомпетентность субъектов законотворчества, слабый контроль за соблюдением качества и сроков написания законодательных актов, недостаточно глубокий анализ планирования законоподготовительной и законопроектной деятельности [5, с. 130].

Обозначенные проблемы, безусловно, напрямую сказываются, среди прочего, и на уровне правовой защиты населения. Особенно это ощутимо, когда законотворческий процесс развивается на фоне финансово-экономического, политического или иного кризиса, что влечет за собой не только финансовые и иные проблемы граждан, но и создает сложности в процессе правовой защиты их законных интересов.

Одним из способов решения обозначенных проблем является повышение компетентности депутатов и иных должностных лиц, участвующих в процессе создания законов, как нормативных актов высшей юридической силы, определяющих направления правового регулирования. Повысив их компетентность, можно ожидать значительных перемен и непосредственно в самом законодательстве.

Кроме того, не изжит такой недостаток правотворчества, как на федеральном, так и на региональном уровне, как «мелкотемье». Принятие законов по узким, незначительным вопросам приводит к неоправданно большому числу нормативных актов, громоздкости законодательства и затрудняет пользование им не только обычными гражданами, но и профессиональными юристами, государственными органами и должностными лицами. В целях преодоления подобной ситуации необходимо помещать нормы небольших по объёму и широте охватываемых отношений актов в качестве составных частей в более крупные законы, которые регулируют значительные сферы общественных отношений.

В условиях, когда наблюдается рост интенсивности законодательной деятельности, существенно возрастает роль и значение юридической техники. Соблюдение разработанных юридической наукой и апробированных практикой определённых требований и правил подготовки проектов будущих законодательных актов спо-

способствует принятию наиболее качественных по форме и содержанию законов.

Требования юридической техники касаются не только подготовки и оформления законопроектов, но и деятельности, связанной с внесением изменений и дополнений в действующее законодательство. Как совершенно справедливо отмечается в литературе, эффективность правового регулирования зависит не только от содержания законодательства, но также от структуры законов, стиля и логики изложения включенных в них предписаний [3, с. 13].

Логичность и полнота законодательного регулирования достигается, среди прочего, благодаря соблюдению принципа понятной определённости [3, с. 20]. Нормы права не могут быть сформулированы без четкой системы понятий, к которым предъявляется требование смысловой однозначности. В законах не допускается использование недостаточно определённых, неясных, размытых в смысловом отношении понятий. В противном случае появляются юридические коллизии, создаются условия для произвольного толкования и применения законов.

Важным направлением совершенствования законодательной деятельности является повышение внимания законодателей к участию населения в законотворчестве и общественному мнению. Такие процедуры как всенародное обсуждение законопроектов, народные опросы имеют важное значение в повышении легитимности принимаемых законов.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно заключить, что в качестве направлений совершенствования законодательной деятельности в современной России могут быть названы: повышение профессионального уровня субъектов законодательного процесса, расширение возможностей для участия в обсуждении проектов будущих законов как можно более широких слоев населения; обязательность проведения независимых научных экспертиз подготавливаемых законодательных актов.

Источники и литература

1. Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ [Электронный ресурс] // URL: <http://duma.gov.ru>

2. Абашина А.А. Вето президента в российском государстве // Молодой ученый. – 2020. – № 43 (333). – С. 147-148.

3. Законотворчество в Российской Федерации (научно-практическое и учебное пособие) / под ред. А.С. Пиголкина. – М.: Формула права, 2000. – 608 с.

4. Спирин М.Ю. Теоретические проблемы законотворческой деятельности в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2000. – 33 с.

5. Шульга Н.Е. Законотворчество и проблемы его совершенствования в Российской Федерации // Молодой ученый. – 2019. – № 41 (279). – С. 128-131.

6. Федякова Н.А. Профессионализм депутатов как фактор эффективности законодательства субъектов Российской Федерации // Интеграция образования. – 2008. – № 4. – С. 199-201.

Е.С. Сотникова*

DOI: 10.47905/9785604872161_305

СУД ПРИСЯЖНЫХ КАК ФОРМА НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей суда присяжных как формы прямой демократии в России и зарубежных странах. Проанализированы его достоинства и недостатки, раскрыто понятие «непосредственной демократии». Особое внимание уделено анализу исторических аспектов его становления и развития. Исследованы нюансы законодательного подхода в исследуемой области, мнения российских и зарубежных исследователей. Несмотря на свою противоречивость, суд присяжных остается необходимым правовым институтом.

* **Сотникова Елена Сергеевна**, студентка 5 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (г. Иркутск, Россия).

Научный руководитель: **Кузьмин Игорь Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (г. Иркутск, Россия).

Sotnikova Elena Sergeevna, 5th year student, Irkutsk law institute (branch) of the University of Prosecutor's office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia).

Scientific curator: **Kuzmin Igor Alexandrovich**, Candidate of legal sciences, Associate professor, Irkutsk law institute (branch) of the University of Prosecutor's office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia).

Ключевые слова: суд присяжных, присяжные, непосредственная демократия, уголовное судопроизводство, народовластие, вердикт, правосудие.

JURY TRIALS AS A FORM OF DIRECT DEMOCRACY IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Abstract. *The article deals with the peculiarities of jury trial as a form of direct democracy in Russia and foreign countries. Its advantages and disadvantages are examined and the concept of "direct democracy" is revealed. Special attention is paid to the analysis of historical aspects of its formation and development. The nuances of the legislative approach in the field under study and the opinions of Russian and foreign researchers are explored. Despite its controversy, jury trials remain a necessary legal institution.*

Key words: *jury trial, jurors, direct democracy, criminal procedure, democratic government, verdict, justice.*

Суд с участием присяжных заседателей представляет собой форму организации суда, при которой одно дело рассматривается двумя отдельными судебными составами: во-первых, присяжными, состоящими из народных представителей, и во-вторых, профессиональными судьями (судьей), первый из которых принимает решение относительно виновности подсудимого, а второй – о применении закона к этому делу на основании решения присяжных (вердикт) [3]. В этой связи данный институт можно охарактеризовать как разновидность особого производства, отличающаяся наличием коллегии присяжных заседателей и распределением полномочий между ними и судьями-профессионалами.

Начала указанного правового института можно проследить еще начиная с древних времен, во времена существования суда «гелиэя» (от греческого «солнце») в Древней Греции – высший судебный орган в Афинах, который являлся выражением суверенной воли народа. Гелиэя состояла из шести тысяч членов. Каждый гражданин по достижении 30-летнего возраста мог стать судьей. В компетенцию присяжных-гелиастов входило рассмотрение таких преступлений, как государственная измена, покушение на демократию, серьезные уголовные и должностные преступления. Кроме того, все заседания гелиастов были открытыми. Его создание было обусловлено борьбой народа (демоса) и аристократии, и предпола-

галась непосредственная возможность населения отправлять правосудие.

Тем не менее, классически местом зарождения суда с участием присяжных заседателей считается Англия. Некоторые исследователи определяют их возникновение в Британии в девятом веке, а именно, в эпоху правления Альфреда Великого, юридической основой для этого послужил англосаксонский юридический свод "Правда Альфреда". Официально же, суды присяжных в Англии берут свое начало с публикации в XII веке Кларендонской ассизы короля Генриха II, которая вводила в качестве альтернативы судебному поединку «обвинительные» жюри с участием 12 человек. Его образование и дальнейшее развитие растянуто на довольно долгий период. Институт присяжных продолжительное время был одним из символов английской системы уголовного правосудия. Британский судья, сэра Патрик Девлин говорил о нем как о «маленьком парламенте» и «лампе, которая показывает, что свобода живет» [11]. На современном этапе вопросы правового регулирования суда с участием присяжных в Англии регулируются Законом «О присяжных» (Juries Act) 1974 года, с соответствующими изменениями и дополнениями [2].

Формирование института суда присяжных в Соединенных Штатах Америки неразрывно связано со Второй Декларацией прав 1774 года, которая сформулировала положения, касающиеся конституционно-правового строя страны, например, гарантировалось право граждан на законное судопроизводство: «право народа быть судимым согласно закону». Одобренная и принятая в 1789 году Конституция США раскрыла указанное право, закрепив гарантию суда присяжных. Так, Томас Джефферсон отмечал: «Суд присяжных является единственным якорем, при помощи которого правительство можно удерживать от отступления от конституционных принципов». Впоследствии суд присяжных значительно повлиял на процесс развития и становления США как самостоятельного и независимого государства.

Что касается нашего государства, то институт суда присяжных достаточно давно знаком российскому уголовному процессу. Такая форма организации судебного разбирательства существовала с 1864 по 1917 годы. Возникновение в XIX веке было вызвано необходимостью обеспечить участие общественности в отправле-

нии правосудия и независимости суда при вынесении приговора. Вновь указанный институт был внедрен в 1993 году с момента принятия Конституции Российской Федерации, в которой Россия была признана демократическим правовым государством и под влиянием которой осуществлялись судебные реформы [1; 8]. В качестве одного из новшеств в рамках судебной системы стал суд присяжных, который реализует принцип непосредственного участия населения в осуществлении правосудия. Таким образом, в соответствии с Конституцией Российской Федерации каждый может участвовать в управлении государством, в том числе посредством содействия в уголовном судопроизводстве. И именно это право обеспечивает институт присяжных заседателей, позволяя российскому народу участвовать в отправлении правосудия по уголовным делам [1; 8].

Так, в частности, А.Д. Попова разъясняет: «Суд присяжных занимает важнейшее место в работе судебной системы, он действительно является отображением демократического духа правосудия, существенно воздействует на работу всей судебной системы и органов предварительного следствия, способствует изменению общественного сознания. Это один из важнейших элементов демократического механизма, без которого не может обойтись ни одно цивилизованное государство» [9, с. 21-28]. Установившаяся в наши дни система суда присяжных возникла в результате усовершенствования самой ранней российской модели суда. Ее наличие исторически и социально обусловлено. Однако не следует забывать о том, что Россия – огромная, многонациональная страна, многовековая история которой повлияла на ее структуру и территории. В ее состав входят земли Восточной Европы и Северной Азии, на которых географические факторы, традиции и особенности уклада жизни разнятся, в отличие от той же Англии. Поэтому, необходимо это учитывать.

Современный суд присяжных как орган народовластия реален только в государстве, движущемся по демократическому курсу развития, в этом случае он обретает настоящую социальную основу и может успешно выполнять свои функции [7]. В силу статьи 3 Конституции РФ, носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ [1; 8]. Так, В.М. Лебедев считает: «Участие пред-

ставителей народа в отправлении правосудия – это форма реализации суверенитета народа в осуществлении важнейшего вида государственной власти». Основываясь на мировом конституционном опыте, Конституция закрепляет следующие формы народовластия: непосредственную и представительную демократию.

Смысл непосредственной демократии заключается в том, что граждане имеют возможность прямо (без посредников) повлиять на решение вопросов общественной и государственной жизнедеятельности страны. На уровне основного закона закреплены разнообразные формы непосредственной демократии, в частности: референдум, выборы, митинги и т.д.

Среди них есть методы принятия общеобязательных решений, которые называются решающими, и методы выражения мнения, не имеющие общеобязательного значения, то есть консультативные. Помимо выборов и референдумов, к формам решающей прямой демократии относится также участие присяжных заседателей в отправлении правосудия [6].

Начиная с января 1993 года в современной России постепенно вводятся суды присяжных. Они заняли определенное место в демократизации уголовного правосудия, были четко оговоренные этапы введения суда присяжных на всей территории Российской Федерации, которые продолжались до 2010 года.

Более того, в 2016 г. был принят Федеральный закон от 23 июня 2016 г. о присяжных заседателях, который начал действовать с 1 июня 2018 года. Этот закон значительно расширил сферу применения суда присяжных в России. Он предусматривает три важнейших нововведения: предоставление права на рассмотрение дел судом присяжных в районных и приравненных к ним судах; предоставление доступа на рассмотрение дел женщинам и мужчинам в возрасте старше 65 лет (ранее они не имели такого права); увеличение количества статей Уголовного кодекса, рассмотрение дел по которым может осуществляться судом присяжных [4].

Присяжные в условиях тайного совещания, при отсутствии судьи, отвечают на вопросы о том, имело ли место преступное деяние, совершил ли его подсудимый и виновен ли он в совершении этого деяния. Это мнение учитывается не публично, а через вердикт присяжных. Соответственно, присяжные выносят решение о судьбе подсудимого независимо. Компетенция судьи в вынесении

приговора ограничивается лишь вопросами назначения наказания. При этом, если заседатели сочтут подсудимого заслуживающим снисхождения, в таком случае судья обязан руководствоваться их мнением и не может его не учесть.

Конституция США гласит, что все преступления, за исключением случаев импичмента, должны рассматриваться судом присяжных. Более того, в американских судах присяжных помимо уголовных дел рассматриваются и гражданские дела. Также, суд присяжных правомочен определять наказание. При рассмотрении уголовных дел важно понимать отношение законодательства штата к суду присяжных. В одних производство с участием присяжных проходит в рамках рассмотрения вопроса о виновности, а вердикт выносит судья.

В США нет единой модели суда присяжных, поскольку суды в каждом из пятидесяти штатов работают по-разному, а федеральные суды имеют свой собственный процесс. Основное различие заключается в численности присяжных, участвующих в рассмотрении уголовных и гражданских дел, а также в том, подлежит ли дело рассмотрению судом присяжных или нет. Суд присяжных в США является одной из фундаментальных основ судебной системы с XVIII века, которая нашла закрепление в Шестой поправке к Конституции. В настоящее время ежегодно в Соединенных Штатах Америки около трех миллионов присяжных заседателей рассматривают более 300.000 дел, а 85 процентов всех мировых судов присяжных проходят именно там [13].

Что же касается Англии, то там присяжные имеют право вынести вердикт о невиновности, основываясь на факте душевного расстройства, а также об изменении обвинения. Но если судья не согласен с таким решением, он вправе не признать его и по окончании процесса освободить присяжных от участия в рассмотрении дела. Более того, судья имеет право не включать вердикт в протокол и предложить присяжным повторно рассмотреть его. Также суд может не одобрить вердикт заседателей, если полагает, что обсуждение длилось достаточно мало времени, с учетом особых свойств судебного процесса и уровня сложности. В отличие от Российской Федерации, в Англии и США отказ от участия без уважительной причины карается большим штрафом [12].

Применение суда присяжных может рассматриваться как воплощение демократии в судопроизводстве. При этом ведутся различные обсуждения по поводу целесообразности его использования при рассмотрении уголовных дел. Самым главным изъяном является непрофессионализм людей, которые в нем представлены. Это представители разных профессий, зачастую не юридических, а значит, в процессе вынесения вердикта они ориентируются больше на свои чувства и впечатления. От степени сознательности граждан, которые в будущем могут стать присяжными заседателями, напрямую зависит эффективность отправления правосудия.

Сама идея формы судебного разбирательства с участием народных представителей с целью осуществления контроля за судебной системой и повышения общественного доверия к ней является удачной, так как приносит пользу государству и обществу [5]. Для государства это способ борьбы с необъективным рассмотрением дел, признак его демократичности и уважения к правам, свободам и интересам человека. Для общества это замечательная перспектива контролировать судебную власть, повысить доверие к ней и осуществить свое закрепленное в Конституции право на участие в государственном управлении.

Однако, по нашему мнению, не следует отождествлять институт присяжных заседателей с демократией. Он не представляет и не отражает общество в целом, разве что дает возможность некоторым гражданам участвовать в судебном процессе. Зачастую профессиональные судьи играют более важную роль в защите прав граждан, а порой суд присяжных для них – способ снять с себя часть ответственности. Более того, с течением времени усложняются существующие общественные отношения, появляются новые составы преступлений, и суд присяжных не может реализовываться в его прежнем виде, превращаясь в анахронизм. Недопустимы чрезмерная привязанность к суду присяжных, избыточное расширение компетенции. С учетом вышеизложенного, суд присяжных необходим, но приверженность ему должна сопровождаться открытостью к разумным изменениям, если мы хотим соответствовать современным условиям судебных процессов [10; 14].

Сами международные нормативы по осуществлению правосудия не оговаривают неперемennого участия граждан в рассмотрении уголовного дела. Например, Европейский суд по правам чело-

века высказал точку зрения, что «суд присяжных не есть неотъемлемый аспект законного и справедливого судебного разбирательства» [3, с. 95]. Тем не менее, участие общества в отправлении правосудия имеет многовековые истоки и органически связано с пониманием о демократической и независимой судебной власти.

Источники и литература:

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Закон «О присяжных» (Juries Act) 1974 года // Парламентские акты Соединенного Королевства 1974 года // https://wblog.wiki/ru/Juries_Act_1974/
3. Постановление ЕСПЧ от 23 сентября 2010 г. «Дело «Андрей Исаев против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2011. – № 6. – С. 91–96.
4. Официальный сайт Верховного суд РФ. – URL: <https://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 30.11.2022).
5. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf> (дата обращения: 30.11.2022).
6. Казанник А.И. Конституционное право. – Москва, 2015. – 412 с.
7. Киреева Е.А. Суд присяжных как особый социальный институт российской государственной власти (историко-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2006. – 23 с.
8. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 343 с.
9. Попова А.Д. Суд присяжных как атрибут демократического государства: история и современность // Российская юстиция. – 2015. – № 5. – С. 21–28.
10. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. – Москва: Инфра-М, 2020. – 410 с.
11. Цветкова Е.В. Становление суда присяжных. Зарубежный опыт // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 4. – С. 129–131.
12. Cotterill J. Trial by Jury: Legal Frameworks and Linguistic Consequences // Language and Power in Court. – London, 2003. – P. 75-92.
13. Duff P. Le jury dans le procès pénal au XXIe siècle // Revue internationale de droit pénal. – Paris, 2005. – P. 603–609.

14. Rose M.R. Real Jurors' Attention to the "Offstage" of Trials // Law and Human Behavior. – New York, 2010. – P. 310-323.

Н.Е. Спиридонова*

DOI: 10.47905/9785604872161_313

МАРКСИСТСКИЙ ТИП ПОНИМАНИЯ ПРАВА: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОЕ

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные особенности марксистского типа правопонимания, история его развития и современное состояние.*

***Ключевые слова:** типы правопонимания, марксизм, революционная законность, Е. Б. Пашуканис, А. Я. Вышинский, В. М. Сырых.*

MARXIST TYPE OF UNDERSTANDING OF LAW: PAST AND PRESENT

***Abstract.** The article discusses the main features of the Marxist type of understanding of law, the history of its development and its current state.*

***Key words:** types of understanding of law, marxism, revolutionary legality, E. B. Pashukanis, A. Ya. Vyshinskiy, V. M. Strykh.*

Одним из важных этапов в развитии философской мысли XIX века стало зарождение в 40-е годы нового политэкономического учения – марксизма. Основными источниками этого учения стали труды немецких философов, представителей английской классической политэкономии, а также французских утопических соци-

* ***Спиридонова Надежда Евгеньевна***, студентка 2 курса, Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королёва (г. Самара, Россия).

*Научный руководитель: **Спирин Михаил Юрьевич***, кандидат юридических наук, доцент, Юридический институт Самарского национального исследовательского университета им. С. П. Королёва (г. Самара, Россия).

Spiridonova Nadezhda Evgenievna, 2nd year student, Samara national research university named after S. P. Korolyov (Samara, Russia).

*Scientific curator: **Spirin Mikhail Yurievich***, Candidate of legal sciences, Associate professor, Samara national research university named after S. P. Korolyov (Samara, Russia).

алистов. Карл Маркс и Фридрих Энгельс пытались найти путь освобождения трудящихся от различных форм угнетения, эксплуатации, бесправия и неравенства. В своих работах ими были приняты попытки наметить контуры общественного строя, способного преодолеть отчуждение трудящихся от собственности и власти, а также наиболее грамотно организовать общественную жизнь.

Согласно постулатам марксизма, основой общества выступает материальное производство, от которого зависит надстройка, составляющая совокупность различных базовых сфер жизни, в состав которых входит и право. Хотя в работах марксистов был затронут широкий спектр вопросов государства и права, следует отметить, что ни Карлом Марксом, ни его ближайшими сподвижниками не было создано единой работы, посвящённой именно марксистскому пониманию права.

Данное положение вещей сложилось в связи с тем, что в своих трудах теории марксизма в первую очередь стремились к выработке нового взгляда на сложившиеся в обществе общественные отношения посредством описания различных процессов, происходящих в экономике. Объём и разнообразие вопросов экономической направленности, затронутых в работах Маркса, не позволил ему уделить должное внимание созданию работы, посвящённой непосредственно праву в рамках его учения. Однако данное обстоятельство не стало препятствием для научной деятельности достаточно большого количества советских правоведов, предпринимавших попытки обобщения разрозненных идей в единую правовую концепцию.

Следует отметить, что понимание права марксистами достаточно специфично вследствие применения при оценке различных отношений материалистического подхода. Материализм утверждает вторичность духовного мира по отношению к материальной стороне, что накладывает свои особенности на всю теоретическую основу. Маркс в своих работах отмечает вторичность гражданского общества по отношению к политической экономии, что показывает главенство экономического базиса над социально-политической надстройкой, выраженное в прямой зависимости права от экономических основ общественного устройства.

При этом теория классовой борьбы также имеет непосредственное влияние на понимание права в рамках марксистского

подхода. В своё время «Манифест Коммунистической партии» (1848 г.) давал такую характеристику: «право есть лишь возведённая в закон воля вашего класса (буржуазии – *Н. С.*), воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса» [2]. Следует отметить, что данное высказывание носило несколько позитивистский характер и современными учёными даётся несколько иная оценка понимания термина «право» К.Марксом и Ф.Энгельсом, что связано с представлением о праве как о некоем средстве, способном удержать индивида в рамках устойчивой структуры общества и экономических процессов, происходящих в нём. Поэтому сведение термина «право» к его позитивистскому пониманию в данном случае является не совсем корректным.

Можно также говорить о такой отличительной черте марксистского типа правопонимания как тесная связь государства и права. «Помимо того что господствующие при данных отношениях индивиды должны конституировать свою силу в виде государства, они должны придать своей воле, обусловленной этими определенными отношениями, всеобщее выражение в виде государственной воли, в виде закона, – выражение, содержание которого всегда дается отношениями этого класса...» [3, с. 322]. В силу этого данный тип правопонимания иногда отождествляют с юридическим позитивизмом, что не является верным.

В своей работе «Общая теория права и марксизм» марксистский юрист Е. Б. Пашуканис делал критическое замечание в отношении позитивистского учения Ганса Кельзена: «такая общая теория права, которая ничего не берётся объяснить, которая заранее поворачивается спиной к фактам действительности ... может, разумеется, претендовать на звание теории разве только в том смысле, в каком говорят, например, о теории шахматной игры» [4]. В какой-то мере разногласия между позитивистами и марксистами пролегают именно в сфере теоретической юриспруденции, что приводит к выводу о том, что данные теории лишь соприкасаются в некоторых вопросах [9].

Возвращаясь к такому понятию как теория классовой борьбы, необходимо затронуть вопрос об отмирании государства, а впоследствии – и права, освещённый в трудах классиков марксизма. Это утверждение носит дискуссионный характер в связи с тем,

что в своих работах ни Маркс, ни Энгельс не дали на него точного ответа, что открыло простор для различных интерпретаций. Так, в советской юриспруденции сложилось два основных подхода к пониманию перспектив права: революционный и государственный. Особенно ярко выделялось противостояние идей Е. Б. Пашуканиса и А. Я. Вышинского.

Представителем революционного подхода к праву был Е. Б. Пашуканис, который в своей работе «Общая теория права и марксизм (опыт критики основных юридических понятий)» (1924-1929) достаточно полно и системно изложил основные воззрения на сущность права и характер правовых категорий. Е.Б.Пашуканис выдвинул тезис об отмирании буржуазного права без замены его в будущем пролетарским правом, что означает постепенное исчезновение юриспруденции как таковой.

Впоследствии данный труд начал использоваться как учебное пособие юридическими вузами, хотя изначально работа для этого не предназначалась. Анализ правовой надстройки был проведён на основе суждений К.Маркса о политической экономии. Е.Б.Пашуканис вывел следующее положение: «те основные юридические абстракции, которые порождаются развитым юридическим мышлением и представляют собой ближайшие определения юридической формы вообще, отражают собой определённые и притом весьма сложные общественные отношения». По его мнению, с течением времени право, как и государство, должно отмереть. В некоторой степени можно сказать, что значение закона теряло свои позиции, также уменьшалась ценность законности; деятельность юристов начинала играть меньшую роль в общественной жизни. Одной из основных задач теории права считалось изучение процессов отмирания элементов частного права в юридической надстройке, а также обусловленное этим дальнейшее «выветривание» самой юридической надстройки [5, с. 168].

Прокурор СССР А. Я. Вышинский в этом вопросе противостоял Е.Б.Пашуканису. В статье «К положению на фронте правовой теории», критикуя оппонента, он писал: «сама форма закона, по Пашуканису, возможна только в обществе, где политическая власть противопоставляет себя экономической власти ... Так как в нашей стране власти денег нет, то, следовательно, закону у нас нет места...» [1, с. 31].

Главным предметом спора явилась юридическая законность: сторонники революционного подхода не признавали никаких форм законности, кроме революционной – т.е., направленной на продолжение дела революции. Представители государственнического подхода говорили о социалистической законности. Вопрос революционной законности в данном случае являлся предметом спора, так как мнения представителей революционной и государственнической идеологии были полярными.

В работе «Революционная законность и задачи советской защиты» А.Я.Вышинский отмечал: «задача законности всякого классового общества, как только она возникает, лежит в том, чтобы обеспечить устойчивость данного государственного строя, устойчивость тех социально-политических отношений, которые возникли на определённой базе общественно-экономического развития данной страны».

Таким образом, к 1930-ым годам сложились две оппозиционные научные силы, образованные на одних идеологических началах, при этом в теоретической части они оказались противоположны друг другу. Можно сказать, что одна, сохранив революционные начала, продолжила придерживаться постулатов марксистской доктрины, другая же сконцентрировала своё внимание на фактически сложившейся в стране государственной идеологии и обеспечении существующего политического строя.

К началу сороковых годов XX века данный спор утихает, и далее революционный подход уже не обладал такой популярностью, которой пользовался в начале, в связи с изменением политической обстановки. События, происходящие в стране, уже не позволяли идеям сторонников революционного подхода развиваться дальше наравне с последователями А.Я.Вышинского, что привело к значительному спаду популярности идеи отмирания права.

С изменением политического строя в конце 80-х – начале 90-х годов XX века вследствие различных процессов марксистский подход к пониманию права стал в достаточной степени непопулярным. Идеологический слом, произошедший в российском обществе, в значительной мере повлиял на дальнейшее развитие отечественной теоретической юриспруденции, что привело к резкой критике идей марксизма в науке достаточно большим количеством учёных.

Однако, следует отметить, что помимо такой критики сегодня также существует ряд учёных, активно развивающих данный тип правопонимания. Среди них ярко выделяется В. М. Сырых – один из ведущих российских теоретиков права, большое количество трудов которого посвящено материалистической теории права. В своих работах он затрагивает вопросы теории государства и права, социологии права, правовых проблем образования. Следует отметить, что в истории современной России именно он первым предпринял попытку полно и структурировано изложить содержание материалистического типа правопонимания в своей многотомной монографии «Материалистическая теория права». Работа учёного детально раскрывает предмет, структуру и содержание данного типа правопонимания.

В. М. Сырых понимает марксистскую теорию права несколько иначе, нежели Е. Б. Пашуканис и А. Я. Вышинский, в монографии он не поднимает вопрос об отмирании права, так остро интересовавший учёных-теоретиков в 20-е годы XX века. Однако, как и Е. Б. Пашуканис, В.М. Сырых разделяет марксистский тип правопонимания и позитивистскую доктрину. Говоря о полисемии термина «право» в трудах К.Маркса и Ф.Энгельса, которая была проигнорирована целым рядом советских учёных, он пишет: «приписывание советскими правоведами К. Марксу и Ф. Энгельсу позитивистской трактовки права как воли господствующего класса стало возможным благодаря тому, что смысл одного термина-омонима был неправомерно приписан другому, а именно использованный ими термин "право" в смысле позитивного буржуазного права был истолкован советскими авторами в смысле действительного, объективного права» [6].

С позиции материалистического подхода В. М. Сырых рассматривает сущность права как действенный способ сохранения и развития целостности общества, которым закрепляются общие условия взаимодействия индивидуумов и обеспечивается их фактическая реализация в правовых отношениях. Он считает, что экономические отношения лежат в основе закона, определяя его содержание, и именно закон должен приводиться в соответствие с теми общественными отношениями, на которых он базируется. Также одной из ошибок советских учёных В. М. Сырых считает неукоснительное следование предложению В. И. Ленина не при-

знавать в условиях советского общества наличие частного права, считая все действующие юридические нормы публичным правом.

Сравнивая марксистское понимание права с позитивистской юридической доктриной, сводящей право только к закону и законодательству, можно сказать, что марксистский подход рассматривает данное явление как диалектический процесс взаимодействия четырёх форм права: объективного, позитивного, индивидуального и конкретного. Материалистическая теория права рассматривает объективное право как совокупность всеобщих принципов права, таких как равенство, свобода воли, эквивалентность. В конкретных правоотношениях объективное право воплощается посредством механизма, состоящего из трёх стадий правообразования: позитивного, индивидуального и конкретного [5, с. 170].

В заключении следует отметить, что марксистский подход к пониманию права достаточно специфичен, так как основан на материалистических представлениях о мироустройстве. Он тесно переплетён с политэкономическим учением и в значительной степени от него неотделим. Специальная работа, в которой более подробно была бы рассмотрена именно современная марксистская точка зрения на право, так и не была создана, что в определённом смысле затрудняет процесс исследования.

Одной из отличительных черт данного подхода является определение права через теорию классовой борьбы, которая указывает на обязательные материальные основы права. Следует отметить, что, хотя марксистами и был достаточно подробно рассмотрен вопрос об отмирании государства, дискуссионной остаётся проблема отмирания права после исчезновения разделения общества на классы. В начале 30-ых годов XX века данный вопрос для советской юриспруденции стоял достаточно остро, однако не был решён окончательно.

После распада СССР марксистский подход к пониманию права подвергался резкой и часто необоснованной критике, в настоящее время существуют исследователи, активно развивающие данный подход к праву. Так, работы В. М. Сырых обосновывают материалистическую теорию права на современном этапе, что способствует развитию теоретической юриспруденции в России в целом [7].

Источники и литература

1. Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории // Социалистическая законность. – 1937. – № 5.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Избранные произведения в двух томах. – Т. 1. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1980. – С. 95 – 138.
3. Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология* // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 322.
4. Пашуканис Е.Б. *Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий.* – Изд. 3-е. – Москва: Изд-во Коммунистической Академии, 1929. – 136 с.
5. Спирин М.Ю. *Материалистическая юридическая доктрина о материальном истоке и волевом источнике права* // *Теория государства и права.* – 2019. – № 4 (16). – С. 166–172.
6. Сырых В.М. *Логические основания общей теории права.* – Т. 3. *Современное правопонимание.* – Москва: Изд-во Российской академии правосудия, 2007. – 512 с.
7. Сырых В.М. *Основы материалистической теории права.* В 4 томах. – Т. I. *Объективное право и формы его выражения.* – Москва: Изд-во «Юрлитинформ», 2022. – 568 с.
8. Сырых, В.М. *Материалистическая теория права [Текст] : избранное / В. М. Сырых; [Российское образовательное учреждение высш. проф. образования Российская акад. правосудия].* – М.: Российская акад. правосудия, 2011-2014. Т. 1-3: *Элементный состав; Сущность права; Действительность частного (позитивного) права.* Т. 1-3. – 2011. – 1259 с.; Т. 4: *Действительность индивидуального права.* Т. 4. – 2014. – 419 с.
9. Шепталин А.А. *Формирование квазимарксистского правопонимания в советской юридической науке в 1920 – 1930-е гг.* // *Lex Russica.* – 2022. – Т. 75. – № 4 (185). – С. 128–142.

DOI: 10.47905/9785604872161_321

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу о правовых проблемах информационной безопасности. Обеспечение безопасности в различных сферах, в том числе и информационной, является одной из значимых составляющих существования субъекта правовых отношений. Жизненно важными интересами являются потребности, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития как общества и государства, так и личности.

Ключевые слова: информационная безопасность, правовое обеспечение, информационная сфера, национальная безопасность, источники, угрозы.

LEGAL PROBLEMS OF INFORMATION SECURITY

Abstract. This article is devoted to the issue of legal problems of information security. Ensuring security in various spheres, including information, is one of the significant components of the existence of the subject of legal relations. Vital interests are the needs, the satisfaction of which reliably ensures the existence and opportunities for the progressive development of society and the state, as well as the individual.

Key words: information security, legal support, information sphere, national security, sources, threats.

В Российской Федерации одним из первых был принят закон «О безопасности», которым определено понятие безопасность -

* *Творонович Владислав Александрович*, студент 3 курса, Российский государственный университет правосудия (г. Иркутск, Россия).

Научный руководитель: Заиченко Яна Ивановна, кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный университет правосудия (г. Иркутск, Россия).

Tvoronovich Vladislav Alexandrovich, 3rd year student, Russian state university of justice (Irkutsk, Russia).

Scientific curator: Zaichenko Yana Ivanovna, Candidate of economic sciences, Associate professor, Russian state university of justice (Irkutsk, Russia).

состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. К основным объектам безопасности относятся: для личности - ее права и свободы; для общества - его материальные и духовные ценности; для государства - его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность. Именно государство является основным субъектом обеспечения безопасности, оно осуществляет функции в этой области через органы законодательной, исполнительной и судебной властей.

Также хочется отметить проблемы правового обеспечения информационной безопасности (далее – ИБ), которые нашли отражение в Концепции национальной безопасности, утвержденной указом Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24, а 9 сентября 2000 г. была утверждена Доктрина информационной безопасности РФ, в которой совершенствование правового обеспечения рассматривается как приоритетное направление государственной политики. В развитие Доктрины ИБ под эгидой Совета безопасности России подготовлен проект Концепции нормативного правового обеспечения ИБ РФ. Концепция призвана создать методологическую основу для согласованной деятельности всех субъектов законодательной инициативы в сфере совершенствования правового обеспечения ИБ.

Современный этап развития общества характеризуется возрастающей ролью информационной сферы, представляющей собой совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих оборот информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений. Информационная сфера, являясь системообразующим фактором жизни общества, активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной, социальной и других составляющих безопасности Российской Федерации. Национальная безопасность Российской Федерации существенным образом зависит от обеспечения информационной безопасности, и в ходе технического прогресса эта зависимость будет только возрастать.

Под информационной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства.

Выделяются четыре основные составляющие национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере:

- соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею;
- информационное обеспечение государственной политики Российской Федерации;
- развитие современных информационных технологий;
- защита информационных ресурсов от несанкционированного доступа.

По своей общей направленности угрозы информационной безопасности Российской Федерации подразделяются на следующие виды:

- угрозы конституционным правам и свободам человека и гражданина в области духовной жизни и информационной деятельности, индивидуальному, групповому и общественному сознанию, духовному возрождению России;
- угрозы информационному обеспечению государственной политики Российской Федерации;
- угрозы развитию отечественной индустрии информации, включая индустрию средств информатизации, телекоммуникации и связи, обеспечению потребностей внутреннего рынка в ее продукции и выходу этой продукции на мировой рынок, а также обеспечению накопления, сохранности и эффективного использования отечественных информационных ресурсов;
- угрозы безопасности информационных и телекоммуникационных средств и систем, как уже развернутых, так и создаваемых на территории России.

Источники угроз информационной безопасности Российской Федерации подразделяются на: внешние и внутренние. К внешним источникам относятся:

- деятельность иностранных политических, экономических, военных, разведывательных и информационных структур;
- стремление ряда стран к доминированию и ущемлению интересов России в мировом информационном пространстве, вытеснению ее с внешнего и внутреннего информационных рынков;
- обострение международной конкуренции за обладание информационными технологиями и ресурсами;

- деятельность международных террористических организаций;
- увеличение технологического отрыва ведущих держав мира и наращивание их возможностей по противодействию созданию конкурентоспособных российских информационных технологий;
- деятельность космических, воздушных, морских и наземных технических и иных средств разведки иностранных государств;
- разработка рядом государств концепций информационных войн, предусматривающих создание средств опасного воздействия на информационные сферы других стран мира, нарушение нормального функционирования информационных и телекоммуникационных систем, сохранности информационных ресурсов, получение несанкционированного доступа к ним.

К внутренним источникам относятся:

- недостаточная экономическая мощь государства, кризисное состояние отечественных отраслей промышленности;
- неблагоприятная криминогенная обстановка, сопровождаемая тенденциями сращивания государственных и криминальных структур в информационной сфере, получения криминальными структурами доступа к конфиденциальной информации, снижения степени защищенности законных интересов граждан, общества и государства в информационной сфере;
- недостаточная координация деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации по формированию и реализации единой государственной политики в области обеспечения информационной безопасности;
- недостаточная разработанность нормативной правовой базы в этой сфере, а также недостаточная правоприменительная практика;
- неразвитость институтов гражданского общества;
- снижение эффективности системы образования и воспитания, недостаточное количество квалифицированных кадров в области обеспечения информационной безопасности;
- недостаточная активность государственных органов в формировании общества о своей деятельности, в разъяснении при-

нимаемых решений, в формировании открытых государственных ресурсов и развитии системы доступа к ним граждан;

- отставание России от ведущих стран мира по уровню информатизации.

Общими методами обеспечения информационной безопасности страны являются - правовые, организационно-технические и экономические.

Жизнь общества и граждан многогранна, информационная безопасность должна обеспечиваться в различных сферах деятельности. В каждой из них имеются свои особенности обеспечения информационной безопасности, связанные со спецификой объектов обеспечения безопасности, степенью их уязвимости в отношении угроз. В каждой сфере жизнедеятельности общества и государства наряду с общими методами обеспечения информационной безопасности Российской Федерации могут использоваться частные методы и формы, обусловленные спецификой факторов, влияющих на состояние объектов.

Сфера экономики. Особо подвержены воздействию угроз в этой области система государственной статистики; кредитно-финансовая система; системы бухгалтерского учета предприятий, учреждений и организаций независимо от формы собственности; системы сбора, обработки, хранения и передачи финансовой, биржевой, налоговой, таможенной информации и информации о внешнеэкономической деятельности государства, а также предприятий, учреждений и организаций независимо от формы собственности.

Сфера внутренней политики. Наиболее важными объектами являются конституционные права и свободы человека и гражданина; конституционный строй, национальное согласие, стабильность государственной власти, суверенитет и территориальная целостность России; открытые информационные ресурсы государственных органов и средств массовой информации.

Сфера внешней политики. Наиболее важные объекты - информационные ресурсы государственных органов, предприятий, учреждений и организаций, реализующих внешнюю политику Российской Федерации; блокирование деятельности российских средств массовой информации по разъяснению зарубежной аудитории целей и основных направлений государственной политики

страны, ее мнения по социально значимым событиям российской и международной жизни.

В связи с вступлением человечества в эпоху глобализации, одной из черт которой является свободный международный оборот информации, влияние информации на состояния международной и национальной безопасности будет только возрастать. В России должны быть разработаны адекватные меры по парированию угроз в области информационной безопасности.

Источники и литература

1. Федеральный закон от 28.12.2010 N 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020) "О безопасности" // www.consultant.ru
2. Указ Президента РФ от 10.01.2000 № 24 "О Концепции национальной безопасности Российской Федерации" // www.consultant.ru
3. "Доктрина информационной безопасности Российской Федерации" (утв. Президентом РФ 09.09.2000 № Пр-1895) // www.consultant.ru
4. Воробьев С.М., Комаров С.А. Кибернетическая (информационная) цивилизация: постановка проблемы: статья // В сб.: Всероссийской научно-практич. конференции «Проблема муниципалитетов в разрезе правового обществоведения» (г. Уфа, 14 ноября 2019 г.) // Отв. ред. Ф. М. Раянов. – Уфа, 2019. – С. 43-50.
5. Воробьев С.М., Комаров С.А. Превентивная функция права в системе информационных рисков: статья // Теория государства и права. 2021. № 1 (21). С. 38–46.
6. Громов Ю.Ю. Информационная безопасность и защита информации. – Старый Оскол: ТНТ, 2017. – 384 с.
7. Ефимова Л.Л. Информационная безопасность детей. Российский и зарубежный опыт. – М.: ЮНИТИ, 2016. – 239 с.
8. Запечников С.В. Информационная безопасность открытых систем. В 2-х томах. – Т. 2. – Средства защиты в сетях. – М.: ГЛТ, 2018. – 558 с.
9. Семененко В.А. Информационная безопасность. – М.: МГИУ, 2017. – 277 с.
10. Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография /Под ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во МАТГиП, 2022. – 320 с.

DOI: 10.47905/9785604872161_326

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА РАЗВИТИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу внедрения искусственного интеллекта в юридическую деятельность, его месту и роли в данной деятельности, анализу отношения общества к такому ноу-хау, а также примеры его применения в практической деятельности в иностранных государствах. Проблематика его внедрения и наше мнение о том, почему не стоит полностью внедрять искусственный интеллект в юридическую деятельность, вытесняя труд человека.

Ключевые слова: юриспруденция, искусственный интеллект, цифровизация, судебная система, правосудие, судья.

THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON THE DEVELOPMENT OF LEGAL SCIENCE

Abstract. This article is devoted to the issue of the introduction of artificial intelligence in legal activity, its place and role in this activity. The atti-

* *Терентьева Дарья Петровна*, студентка 4 курса, Российский государственный университет правосудия (г. Иркутск, Россия).

Terentieva Darya Petrovna, 4th year student, Russian state university of justice Irkutsk, Russia

Научный руководитель: Заиченко Яна Ивановна, кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный университет правосудия (г. Иркутск, Россия).

Scientific curator: Zaichenko Yana Ivanovna, Candidate of economic sciences, Associate professor, Russian state university of justice (Irkutsk, Russia).

** *Ушакова Анна Алексеевна*, студентка 4 курса, Российский государственный университет правосудия (г. Иркутск, Россия).

Ushakova Anna Alexeevna, 4th year student, Russian state university of justice Irkutsk, Russia

Научный руководитель: Заиченко Яна Ивановна, кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный университет правосудия (г. Иркутск, Россия).

Scientific curator: Zaichenko Yana Ivanovna, Candidate of economic sciences, Associate professor, Russian state university of justice (Irkutsk, Russia).

tude of society to such know-how, as well as examples of its application in practice in foreign countries. The problems of its implementation and our opinion on why artificial intelligence should not be fully introduced into legal activity, displacing human labor.

Key words: *law, artificial intelligence, digitalization, judicial system, justice, judge.*

На любом этапе развития юридической науки ее главной движущей силой является желание узнать что-то новое. Технологические процессы уже проникли во все сферы жизни общества, не исключая и область юриспруденции. С одной стороны, технические инновации делают нашу жизнь проще, комфортнее. С другой стороны, в связи с появлением новых процессов происходит «умирание» некоторых профессий: так людей-фонарщиков, зажигающих ночью фонари, заменили на автоматически включающиеся и выключающиеся фонари.

Одной из обсуждаемых тем на сегодня является искусственный интеллект. Сможет ли он заменить живых юристов?

В 2018 году начал свою работу первый российский интерактивный робот-юрист Фёдор Нейронов, который и по сей день оказывает юридическую помощь в сфере защиты прав потребителей. На сайте, где можно получить ответ от данного робота, оставлено много положительных отзывов от клиентов, однако есть и замечания: «сказано много, а по существу ничего», «хотелось бы, чтобы ответы формулировались простым, понятным языком» [1].

Среди интерактивных роботов можно выделить и робот-помощник для юриста «Сутяжник». Загрузите документ, и интеллектуальный робот подберёт похожие решения, в которых рассматривался спор, аналогичный вашему [2].

А экспертная юридическая система RiskOver поможет вам составить юридические документы, например, иск к застройщику о взыскании пеней за просрочку передачи квартиры. Не нужно обращаться напрямую к юристу, достаточно ввести в бланк ваши данные, и система просчитает сумму неустойки и составит иск [3].

Среди плюсов таких роботов-юристов, электронных систем можно выделить следующие.

1. Обращение за юридической помощью возможно в любое время суток. Интерактивному роботу не нужен перерыв на обед, восьмичасовой рабочий день, выходные или отпуск.

2. Получить юридическую помощь можно и в отдаленной местности, главное - чтобы был доступ к интернету. Так людям, проживающим в сельской местности, не нужно тратить время, деньги на проезд в город для получения консультации.

Однако искусственный интеллект будет иметь и свои минусы.

1. Искусственный интеллект не даст полного ответа, а иногда и не сможет ответить на вопрос.

Следует учитывать, что искусственный интеллект работает на основе прописанных в нем алгоритмов, т.е. он не сможет дать ответ на вопрос, который будет написан иначе, чем прописанный в алгоритме вариант. В таком случае даже одно неправильно подобранное слово может грозить тем, что робот просто не поймет вас. Например, робот сможет дать ответ на вопрос о сроках исковой давности договора купли-продажи, но не сможет ответить на вопрос, когда истекает срок оспаривания по вашему договору продажи автомобиля.

Согласитесь, граждане не всегда могут четко сформулировать свою мысль или проблему ввиду отсутствия знаний в юриспруденции. В то же время адвокат может помочь обратившемуся лицу сформулировать вопрос и дать на него ответ.

2. Не все настроены на нововведения. Пожилые люди часто испытывают трудности при использовании техники. Зачастую им проще рассказать свою проблему при живом общении с человеком, чем осваивать новые и «недружелюбные» технологии.

3. За корректную в юридическом смысле работу ботов никто не несет ответственности. В случае если искусственный интеллект предоставит недостоверные сведения на консультации или некачественно составит документ, то привлечь к ответственности будет некого.

Цифровизация судебной системы произошла уже во многих государствах: Канада, Великобритания, Ирландия, суд Европейского Союза используют системы электронной подачи документов, онлайн-конференции и системы прогнозирования. Лидирует среди всех судебная система Китайской Народной Республики, у которой

уже есть несколько интернет-судов в городах Ханчжоу, Пекин и Гуанчжоу.

Например, интернет-суд Пекина может автоматически создавать юридические документы для судей, что в свою очередь делает процесс принятия решений более быстрым и последовательным. В июле 2019 г. в Пекинском интернет-суде появился судья с искусственным интеллектом, который мог ответить на 82 консультационных вопроса.

Все три интернет-суда являются судами первой инстанции в пределах юрисдикции своих городов и могут рассматривать споры, связанные с онлайн-продажей товаров и услуг, кредитованием, владением и нарушением авторских и смежных прав, и некоторые другие виды споров [5, с. 88]. Однако даже в этих интернет-судах процесс принятия решений лежит непосредственно на судьей-человеке, а система искусственного интеллекта лишь помогает справиться с повторяющимися стандартизированными задачами.

Таким образом, в настоящее время ещё не создан искусственный интеллект, способный в полной мере осуществлять правосудие. Как отмечает А.П. Иванова мозг судьи (человека) выполняет огромный объем когнитивной работы при разрешении спора. И часть этой работы заключается в том, чтобы забыть предвзятости или пересмотреть ценности для эффективного преодоления конфликта, либо для того, чтобы способствовать эволюции правовой системы и человечества в целом или, в некоторых случаях, для сохранения статус-кво [4, с. 93-94].

Судьи должны быть чувствительны к контексту, к смягчающим обстоятельствам в отдельных случаях и к изменениям социальных норм с течением времени, это позволяет им гибко применять правовые нормы. Хотя человеческая контекстуализация может быть внедрена в систему искусственного интеллекта во время проектирования или обучения, последняя все равно не сможет воспроизвести человеческую контекстуализацию во время применения алгоритмического правила, особенно если это применение должно происходить во временном, географическом и культурном контексте. Судьи-люди обладают уникальной способностью наблюдать за правовой эволюцией и обеспечивать, чтобы судебная система государства «шла в ногу со временем». Искусственный интеллект может быть последовательным, однако ему не хватает гибкости, при-

сущей людям, чтобы выйти за пределы своих инструкций и применить «здравый смысл» для адаптации к новым ситуациям [6, с. 238].

Поскольку судьи-люди живут в реальном мире и усваивают социальные нормы, эти нормы формируют и подкрепляют их рассуждения. Следовательно, в отличие от систем искусственного интеллекта, судьи-люди способны объяснить ход своих рассуждений, в результате которых они пришли к тому или иному решению. В связи с этим решения, принимаемые людьми, представляются более легитимными по сравнению с решениями алгоритмов.

Применение искусственного интеллекта для оказания юридических услуг будет иметь положительные и отрицательные тенденции. Наиболее оптимальный вариант, «золотая середина» – если искусственный интеллект будет работать не вместо судьи, адвоката, прокурора, а вместе с ними, решая несложные и однотипные вопросы. В таком случае человек получит больше свободного времени, которое сможет посвятить наиболее трудным вопросам.

Однако людям понадобится время, чтобы привыкнуть к повсеместному применению искусственного интеллекта и начать доверять ему решение своих проблем. В недалеком будущем в программе подготовки юристов появится отдельная дисциплина «применение искусственного интеллекта в юриспруденции».

Сильной стороной юридической профессии останется взаимодействие с людьми. До тех пор, пока судьями будут люди, другие люди будут нужны для представительства в суде.

Деятельность в сфере юриспруденции представляет собой не только формальные признаки, неотъемлемо присущие ей, но и особое мышление и его подача в практической деятельности, к таковым относятся: умение понимать и применять принципы права в практической деятельности, владение навыками практической психологии (проявление в нужный момент чувств, эмоций, что присуще только человеку, отнюдь не роботу), применять искусство риторики, уметь дифференцировать сведения, характеризующие человека с позитивной жизненной и ценностной ориентацией и сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию человека, видение таких различий на наш взгляд, не подвластны искусственному интеллекту. Нам всем известно, что речь адвоката в судебном заседании имеет огромное значение при защите чести, до-

стоинства, репутации и в целом для оправдательного приговора подсудимого. Блестящая речь адвоката в судебном заседании, которая бы затрагивала тонкие нюансы и психологический рисунок дела, оказывающий решающее воздействие на присяжных, играет основополагающую роль в решении по делу (например, речь адвоката А.Ф. Кони).

Таким образом, искусственный интеллект, учитывая огромные возможности электронных вычислительных машин, можно использовать для решения сложных задач научно-исследовательского характера, как вспомогательный элемент в деятельности ученых-юристов, но не стоит их труд делать первостепенным, ошибочно полагая, что он может полностью вытеснить человеческий труд из жизни юриспруденции.

Источники и литература

1. Консультация робота-юриста Нейронова Фёдора [электронный ресурс]. – URL: <https://pravoved.ru/lawyer/1577337/> (дата обращения: 18.11.2022).
2. Аналитическая система «Сутяжник» [электронный ресурс]. – URL: <http://sutyazhnik.garant.ru/> (дата обращения: 18.11.2022).
3. RiskOver [электронный ресурс]. – URL: <https://www.riskover.ru/> (дата обращения: 18.11.2022).
4. Иванова А.П. Искусственный интеллект в сфере права и юридической практике: основные проблемы и перспективы развития (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4. Государство и право: Реферативный журнал. – 2021. – № 1. – С. 90-98.
5. Arias P.C. Artificial intelligence & machine learning: a model for a new judicial system? // Revista internacional jurídica y empresarial. – 2020. – № 3. – P. 81-91.
6. Crotoft R. «Cyborg justice» and the risk of technological-legal lock-in // Columbia law review. – 2019. – Vol. 119. – № 7. – P. 233-251.

DOI: 10.47905/9785604872161_333

ПРАВОТВОРЧЕСТВО КАК СТАДИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

***Аннотация.** В статье анализируется место и роль правотворчества с точки зрения разных подходов к сущности права. Автором делается вывод о том, в каких случаях правотворчество является стадией правового регулирования. Проводится соотношение с правообразованием, вводится понятие жизненного цикла права, который включает в себя совокупность стадий правообразования, правотворчества и правового регулирования.*

***Ключевые слова:** правотворчество, правовое регулирование, правообразование, законотворчество, нормотворчество, правоустановление, жизненный цикл права.*

LAWMAKING AS A STAGE OF LEGAL REGULATION

***Abstract.** The article analyzes the place and role of lawmaking from the point of view of different approaches to the essence of law. The author concludes in which cases lawmaking is a stage of the legal regulation. The correlation with legal education is carried out, the concept of the life cycle of law is introduced, which includes a set of stages of legal education, law-making and legal regulation.*

***Key words:** lawmaking, legal regulation, legal education, lawmaking, rulemaking, legal establishment, the life cycle of law.*

* *Тользак Алексей Евгеньевич*, студент 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (г. Иркутск, Россия).

Научный руководитель: Кузьмин Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (г. Иркутск, Россия).

Tolzak Alexey Evgenievich, 4th year student, Irkutsk law institute (branch) of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia).

Scientific curator: Kuzmin Igor Alexandrovich, Candidate of legal sciences, Associate professor, Irkutsk law institute (branch) of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia).

В настоящее время можно констатировать, что существует непосредственная связь между правотворчеством и правовым регулированием [4, с. 63]. Некоторые ученые отмечают, что «являясь началом государственно-правового регулирования общественных отношений, правотворчество определяет и индивидуализирует эти отношения в качестве предмета правового регулирования, определяет способы, методы и типы правового регулирования, т. е. закладывает основу для результативного воздействия правовых предписаний на субъекты общественных отношений», следовательно, признают его в качестве первой стадии правового регулирования [2, с. 267]. Другие приходят к тому, что существует взаимосвязанный цикл правотворчество – правовое регулирование. Так, М. Ю. Осипов делает вывод «о наличии связи между правотворчеством и правовым регулированием, поскольку последнее осуществляется на основе норм права, являющихся результатом правотворчества; в свою же очередь правотворчество является объектом правового регулирования, и, в свою очередь предполагает наличие правотворчества» [7, с. 75].

Существующая полемика в соотношении понятий «правотворчество», «законотворчество», «нормотворчество», «правообразование», «правовое регулирование» и иных близких по смыслу терминов не позволяет разрешить проблему места правотворчества в стадиях правового регулирования [10, с. 3-23]. Право может трактоваться как в широком, общесоциальном, или естественном, смысле, так и в узком, то есть позитивном смысле. Следовательно, правовое регулирование можно также понимать в двух смыслах: регулирование, осуществляемое естественным правом (широкий смысл) и регулирование, осуществляемое позитивным правом (узкий смысл).

Однако естественное право существует независимо от законодателя, оно складывается на основе общественных интересов и потребностей и выражает истинную и общую волю людей. Поэтому в большинстве случаев правовое регулирование понимается с позиции позитивного права. Такой классический подход к правовому регулированию (например, нами оно понимается как государственное целенаправленное воздействие на общество и общественные отношения с целью создания и поддержания порядка, которое осуществляется с помощью норм позитивного права и других юри-

дических средств) не раскрывает широту понимания правотворчества и его места в системе правового регулирования. Чтобы сделать последовательный вывод о месте правотворчества, для начала рассмотрим разные подходы к сущности права.

К основным теориям, раскрывающим естество права относятся: 1) теория естественного права (основные представители: Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локк, Ш. Л. Монтескьё, Т. Гоббс); 2) юридический позитивизм (Дж. Остин, Г. Ф. Шершеневич); 3) теория нормативизма (Г. Кельзен); 4) социологическая теория (Р. фон Иеринг, Р. Паунд, Ф. Жени); 5) историческая теория (Г. Гуго, Ф. К. фон Савиньи, Г. Ф. Пухта); 6) психологическая теория (Г. Тард, Л. И. Петражицкий); 7) классовая теория (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин).

Сущность естественного права заключается в том, что в обществе наряду с позитивным правом, издаваемым государством, существует естественное право, которое никем не создается и вытекает из природы общества. Естественное право – это неписаное право, оно живёт в коллективном сознании людей и их представлениях о неких ценностях, свободе, справедливости, добре, должном и необходимом, о неотъемлемых правах. Соответственно, под правотворчеством стоит понимать процесс образования соответствующих ценностей и представлений, которые складываются объективно, независимо от воли законодателя. Деятельность государства по созданию позитивного права, т.е. закреплению данных норм и приданию им официального статуса носит производный от правотворчества характер и более уместным здесь будет термин, предложенный Вл. С. Нерсисянцем – правоустановление [5, с. 415]. Близкая к данной теории – историческая, которая под правом понимает существующие в обществе обычаи и традиции. Поэтому отличие от теории естественного права будет лишь в том, что происходит образование не ценностей и идеалов, а обычаев и традиций в ходе исторического развития, которые лежат в основе права и регулируют общественные отношения. Следовательно, правотворчество с точки зрения теории естественного права и исторической теории является стадией правового регулирования, поскольку в процессе поступательного развития (которое имеет непрерывный характер) ценностей, устоев, обычаев и традиций правовое регулирование осуществляется.

Схожая с исторической и теорией естественного права, но в то же время отличная от них – социологическая теория. Данная теория более тяготеет к другому источнику права – судебному и административному прецеденту и под правом понимает то, каким образом оно реализуется в конкретных отношениях, в конкретной деятельности. Закон может не выражать тот общественный порядок, который существует, но судьи и государственные работники вправе исправлять закон, корректировать, опираясь на живое право, на общественные отношения. Они вправе решать дела по своему усмотрению, они непосредственно работают с юридической практикой, поэтому могут этот закон оживлять. Их деятельность более важная, чем законотворчество, потому что, что бы ни было прописано в законе, важна его реализация. Право живёт в обществе и общественных отношениях. Соответственно, позитивное право также вторично, первично право, которое выражено в деятельности уполномоченных субъектов. Правотворчество будет заключаться в деятельности этих субъектов по созданию судебного и административного прецедента. Однако правовое регулирование без прецедента не может осуществляться, позитивное право само по себе «мертво» и ничего не регулирует, а служит лишь источником выражения, поэтому правотворчество не является стадией правового регулирования. Лишь в случае обжалования прецедента процедура правотворчества продолжится (факультативная процедура), но регулирование уже осуществлено, и поэтому правотворчество будет стадией правового регулирования.

Сущность юридического позитивизма и близкого к нему нормативизма заключается в том, что право – это официальное веление власти, нормы, которые установлены либо санкционированы государством и адресованы всем субъектам права. Поскольку большинство норм закрепляется в законодательстве, то право следует отождествлять с законом независимо от его содержания, от направленности нормы права, оно является таковым просто потому, что издано уполномоченным субъектом в официальном порядке и наделено юридической силой. Следовательно, с позиции данных теорий, правотворчество – это деятельность государства по созданию нормативных правовых актов. В таком понимании правотворчество ничем не отличается от законотворчества или нормотворчества. Однако важно, чтобы правотворец учитывал

объективно сложившиеся отношения. Как отмечает Конституционный Суд РФ в своем решении, «реализуя принадлежащие правотворческие полномочия, федеральный законодатель должен заботиться о предоставлении гражданам максимально широких возможностей...», тем самым указывая на значимость содержания издаваемых норм [8].

Здесь следует сделать оговорку относительно подходов к стадиям процесса правового регулирования, выделяемого в рамках позитивного права. С позиции узкого подхода, в процессе правового регулирования выделяют только стадии непосредственного действия норм права (общего действия; возникновение субъективных прав и обязанностей; их реализация; применение права). С точки зрения широкого подхода, или общего правового регулирования, помимо непосредственного действия норм права включается также правоустановительная деятельность, или правотворчество. Г. В. Мальцев в этой связи выделяет три стадии правового регулирования, на одной из которых можно обнаружить и правотворчество: «а) создание проекта идеального образа порядка, переложение его на «язык целей» с постановкой стратегических и тактических задач; б) выработка норм, правил (нормотворчество) на базе представлений о должном, соответствующем данному порядку; в) реализация норм в соответствии с целями, стратегическими и тактическими задачами упорядочения общественных отношений» [3, с. 27].

Поэтому правотворчество (законотворчество) не является стадией правового регулирования, исходя из узкого смысла процесса правового регулирования, поскольку нормы права как таковой еще не существует, а общественные отношения не упорядочиваются. С точки зрения широкого подхода к стадиям процесса правового регулирования, в него входит также правоустановительная деятельность, иными словами – правотворчество, поэтому допустимо говорить о правотворчестве как о стадии правового регулирования.

Очень близка с нормативизмом и юридическим позитивизмом классовая теория. Марксистское учение основывается на том, что право исходит от государства. Право – есть воля экономически господствующего класса, которая закреплена в законе. Экономический строй – базис, а право надстройка. Поэтому все эти три упо-

мянутые теории могут считаться позитивистскими. Право – то, что создано государством. А государство – подавление воли одного класса другим. Поэтому в данном случае под правотворчеством мы также понимаем деятельность уполномоченных органов по установлению нормативных правовых актов. Следовательно, вывод будет аналогичным с точки зрения нормативизма и юридического позитивизма, т.е. в зависимости от узкого или широкого подхода к процессу правового регулирования.

Психологическая теория исходит из того, что право – эмоции человека, имеющие правовое содержание, это его психические переживания, поэтому право делится на право позитивное, от государства, которое выражено во внешних источниках, законах, прецедентах, а интуитивное право – психические переживания каждого индивида или группы лиц. Право там, где переживания, которые связаны с представлениями одного человека, который пользуется правом. Интуитивное право – приоритетное, оно – источник позитивного права. Соответственно, правотворчество – это психологический процесс, выражающийся в переживаниях, эмоциях и заканчивающийся в формировании представлений, установок, т.е. права в психологическом смысле. Пока человек переживает, мыслит, уже происходят регулятивные процессы, соответственно в процессе «психического правотворчества» правовое регулирование осуществляется, а правотворчество является его стадией.

Кроме того, говоря о правотворчестве как о стадии правового регулирования, не стоит забывать об изменяющихся нормах и «негативном» правовом регулировании. Речь идет о тех нормативных правовых актах, которые вносят изменения или прекращают действие других соответственно. Важным в этой связи является Федеральный закон «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания», который регламентирует соответствующую процедуру [6]. По нашему мнению, никаких особенностей в принятии данных нормативных правовых актах нет, а правотворчество имеет лишь опосредованную связь с актами, в которые вносят изменения или которые отменяют. Объясняется это следующей системой описываемых правоотношений. Первое – у правового регулирования того акта, который вносит изменения или прекращает действие другого акта, правотворчество является

стадией с учетом всего вышеописанного (исходя из соответствующего подхода к процессу правового регулирования). Второе – регулирующее воздействие отменяющего или изменяющего акта заключается непосредственно во внесении изменений или отмене другого акта. Третье – изменяемый или отменяемый акт затрагивается лишь действием изменяющего или отменяющего акта. Следовательно, правотворчество касается лишь изменяющего или отменяющего акта, но напрямую никак не связано с изменяемым или отменяемым актом и не является стадией изменения или прекращения данного акта.

В этой связи необходимо также затронуть вопрос о соотношении правотворчества и правообразования. В дореволюционной литературе встречались точки зрения относительно равенства содержания данных понятий, однако в настоящее время большинство ученых сошлись на их различии. Под правообразованием в литературе понимают «процесс от возникновения потребности в правовом регулировании к первоначальному зарождению норм права в недрах общественных отношений и до их закрепления в законе» [1, с. 45]. Иными словами – это появление права в обществе. Поэтому правообразование можно также разделить на несколько этапов. Первый этап – это возникновение потребности в нормативно-правовом регулировании общественных отношений, т.е. возникновение общественных отношений, требующих правового регулирования. Второй этап заключается в осознании социумом необходимости в нормативно-правовом регулировании общественных отношений, речь идет о фиксации обществом такой потребности. Заключительный этап – сам процесс правотворчества, придание официального статуса правилам поведения. Следовательно, правотворчество можно рассматривать как конечную стадию правообразования [9, с. 13, 17].

На наш взгляд, в науку теории государства и права следует ввести понятие жизненного цикла права, которое бы охватывало в себе совокупность стадий правообразования, правотворчества и правового регулирования. Следовательно, жизненный цикл включает в себя следующие стадии.

Первая – возникновение потребности в нормативно-правовом регулировании общественных отношений, т.е. возникно-

вание общественных отношений, требующих правового регулирования, что обусловлено различными факторами.

Вторая – это осознание социумом необходимости в нормативно-правовом регулировании общественных отношений, т.е. фиксация обществом такой потребности.

Третья – это формирование под влиянием необходимости в урегулировании согласованной воли различных институтов гражданского общества с целью последующего придания ей нормативного, обязательного характера.

Четвертая – придание этой согласованной воле юридической формы посредством создания официальных источников со стороны уполномоченных на то субъектов – народа, органов государственной власти или местного самоуправления.

Пятая – общего действия права.

Шестая – возникновение субъективных прав и обязанностей у участников правоотношений.

Седьмая – реализация участниками правоотношений субъективных прав и обязанностей.

Восьмая – применение права уполномоченными субъектами (факультативная стадия).

Девятая – прекращение субъективных прав и обязанностей, прекращение самих правоотношений.

Десятая – прекращение общего действия права, которая включает его отмену или изменение.

По результатам проведенного исследования можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, правотворчество является стадией правового регулирования с позиции теории естественного права, исторической и психологической теории; правотворчество будет являться его стадией с позиций позитивизма, нормативизма и классовой теории лишь с точки зрения широкого подхода к процессу правового регулирования; с позиции социологической теории только в случае наличия факультативной стадии – обжалования прецедента – правотворчество будет стадией правового регулирования.

Во-вторых, изменяющее и «негативное» правотворчество не является стадией правового регулирования для того акта, в который вносятся изменения или действие которого прекращается.

В-третьих, предлагаем ввести в науку теории государства и права понятие жизненного цикла права, которое бы охватывало в себе совокупность стадий правообразования, правотворчества и правового регулирования.

Источники и литература

1. Бойко С.В. Понятие правотворчества // Colloquium-journal. – 2019. – № 15 (39). – С. 144-145.
2. Гавриков В.П. Теория государства и права. – М.: Изд-во Юрайт, 2019. – 454 с.
3. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2016. – 799 с.
4. Матвеева М.А. Теория правотворчества: методологические и концептуальные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – 226 с.
5. Нерсисянц Вл. С. Общая теория права и государства. – М.: Норма, 2014. – 547 с.
6. О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания: Федеральный закон от 14 июня 1994 г. [в ред. от 1 мая 2019 г.]. – Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
7. Осипов М.Ю. Понятие и соотношение правового регулирования и правотворчества. – М., 2010. – 220 с.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2014 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона "О некоммерческих организациях", части шестой статьи 29 Федерального закона "Об общественных объединениях" и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда "Костромской центр поддержки общественных инициатив", граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренского и В.П. Юкчева». – Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
9. Спиринов М.Ю. Теоретические проблемы законотворческой деятельности в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2000. – 33 с.
10. Спиринов М.Ю. Основные факторы эффективности и развития законотворческой деятельности // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия «Юриспруденция». – Вып. 13. – Тольятти: Изд-во ВУиТ, 2001. – С. 3–24.

DOI: 10.47905/9785604872161_342

ПУБЛИЧНЫЕ УСЛУГИ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены определение термина «публичная услуга» в российском законодательстве, соотношение понятий государственная, муниципальная услуга и функция государства. Анализируются основные и дополнительные критерии отграничения двух понятий. На основе анализа действующего законодательства и практики выделены основные проблемы правоприменения в рассматриваемой сфере, предложены способы их преодоления.

Ключевые слова: публичная услуга, государственная функция, российское законодательство, административный регламент, заявление, проблемы соотношения.

PUBLIC SERVICES AND STATE FUNCTIONS: LEGAL PROBLEMS OF DELINEATION

Abstract. The article considers the definition of the term "public service" in Russian legislation, the ratio of the concepts of state, municipal service with the function of the state. The article defines the main and additional criteria for delimiting the two concepts. Based on the analysis of the current legislation and practice, the main problems of law enforcement in the area under consideration are identified, and ways to overcome them are proposed.

Key words: public service, state function, Russian legislation, administrative regulations, application, problems of correlation.

* *Цветкова Дарья Александровна*, студентка 5 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (г. Иркутск, Россия).

Научный руководитель: *Кузьмин Игорь Александрович*, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (г. Иркутск, Россия).

Tsvetkova Darya Alexandrovna, 5th year student, Irkutsk law institute (branch) of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia).

Scientific curator: Kuzmin Igor Alexandrovich, Candidate of legal sciences, Associate professor, Irkutsk law institute (branch) of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia).

В силу конституционных положений Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1]. Наделение государства таким статусом подразумевает обязанность уполномоченных органов и должностных лиц своевременно и качественно предоставлять населению государственные, муниципальные услуги (далее – публичные услуги) на территории всей страны.

С начала проведения административной реформы, запустившей процесс развития института предоставления публичных услуг, и по настоящее время особое внимание ученых и правоприменителей сосредоточено не только на вопросе повышения качества предоставления публичных услуг, но и на определении правовой природы самого термина «услуга», отграничении его от схожих правовых явлений.

Стоит отметить, что в законодательстве РФ услуга раскрывается двояко. В одних источниках услуга понимается именно как материальный объект (ст. 74 Конституции РФ, ст. 13 Федерального конституционного закона от 6.11.2020 г. «О Правительстве РФ»). Однако, в ряде нормативно-правовых актах, под услугой подразумевается деятельность, результаты которой не имеют материально-го выражения (например, ст. 38 Налогового кодекса РФ).

С принятием Федерального закона от 27.07.2010 г. «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее – Федеральный закон № 210) введено законодательное определение понятия публичной услуги. Так, в силу ст. 2 вышеуказанного закона – это деятельность по реализации функций органов государственной власти, органов местного самоуправления, которая осуществляется по запросам заявителей в пределах, установленных нормативными правовыми актами [6].

На основании данного определения публичной услуге присущи следующие признаки: во-первых, услуги предоставляются органами власти, перечень которых исчерпывающе определен Федеральным законом № 210. Во-вторых, услуга предоставляется в соответствии с нормативными правовыми актами, это означает обязанность уполномоченных органов действовать в соответствии с требованиями действующего законодательства, соблюдать уста-

новленный законом порядок предоставления публичных услуг. И наконец, сущностный признак, отличающий услугу от схожих явлений – заявительный порядок. В силу этого признака, гражданин или юридическое лицо должно обратиться в компетентный орган с заявлением о предоставлении необходимой услуги. Соответственно, без волеизъявления заявителя процесс предоставления услуги не может быть запущен. К примеру, согласно положениям Федерального закона от 28 декабря 2017 г. «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей» назначению выплаты обязательно должно предшествовать обращение гражданина в течение трех лет со дня рождения ребенка с соответствующим заявлением [4].

Зачастую государственные услуги не разграничиваются с государственными функциями, поскольку в обоих случаях имеет место взаимодействие государственных органов, органов местного самоуправления с гражданами, организациями. Однако, по нашему мнению, такое смешение недопустимо, поскольку это разные категории.

Большинство правоведов под функциями государства понимают определенные направления его деятельности. Н.А. Пьянов отмечал, что в данных направлениях отражается сущность государства, его роль в общественной жизни [12, с. 283]. Таким образом, государство в лице органов, должностных лиц воздействует на общественные отношения в форме какой-либо деятельности, именно ее направления представляют собой функции государства. Что касается функций государственных органов, то это производное явление, поскольку они формируются на основе функций государства и не должны им противоречить. Анализируя признаки функций органов государственной власти, С.Е. Нарышкин и Т.Я. Хабриева выделяют территориальный, временный (постоянный характер) и нормативный признаки [3, с. 6].

Обращаясь к упомянутому законодательному определению публичной услуги, можно сделать вывод о том, что предоставление государственных, муниципальных услуг является формой реализации функций государства.

В подтверждение этой позиции обратимся к Указу Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти», где выделяется четыре вида функций органов исполнительной власти, к которым относит-

ся принятие нормативных правовых актов; контроль и надзор; управление государственным имуществом; оказание государственных услуг [5].

Исходя из анализа данного указа, понятие «функция» более широкое по отношению к «услуге», то есть услуга это – частное проявление функций. А.А. Шулакова указывает, что государственной функции присуща реализация властных полномочий органов власти на постоянной основе. В свою очередь для публичной услуги характерны такие признаки, как адресность и заявительный характер, поскольку получателем услуг выступает конкретное и заинтересованное в их получении лицо [15]. Соответственно, публичные услуги всегда являются реализацией функций государства, однако далеко не все функции могут быть реализованы через государственные и муниципальные услуги.

В связи с этим, именно заявительный характер и адресность являются основными признаками публичных услуг, позволяющими отграничить одну категорию от другой. Действительно, государственная функция трансформируется в публичную услугу посредством заявительного порядка ее предоставления, а также адресности, то есть распространения результата исключительно на заявителя. М.В. Рубцова особо обратила внимание, что обозначенные признаки позволяют государственной функции перейти из общего правоотношения в конкретные, в котором присутствуют субъекты с вполне определенными субъективными правами и обязанностями [13, с. 52]. Что касается иных функций государства, не связанных с предоставлением публичных услуг, заявление в этих случаях не требуется, а взаимодействие органа власти, как правило, осуществляется с неопределенным кругом лиц.

Так, приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 12 апреля 2016 г. № 233 утвержден Административный регламент исполнения государственной функции по осуществлению федерального государственного лесного надзора [8]. Проанализировав положения регламента, можно прийти к выводу о том, что он посвящен вопросам одной из функций государства, а именно, контрольно-надзорной деятельности в области охраны лесов. Исполнение данной государственной функции осуществляется как в плановом, так и во внеплановом порядке на постоянной основе вне зависимости от наличия заявлений граждан, организаций.

Еще один пример разграничения анализируемых категорий можно рассмотреть в Административном регламенте, утвержденном приказом Минприроды РФ от 31.10.2007 г. № 282 [7] (далее – приказ № 282). Им предусмотрено ведение государственного лесного реестра (сбор, систематизация информации о лесах, их использовании, охране, защите и т.д.) в качестве государственной функции. Данный регламент также содержит положения, детализирующие процесс предоставления выписки из государственного лесного реестра (государственная услуга), сформированной по запросу заявителя.

Проанализировав судебную практику, можно прийти к выводу о том, что суды разграничивают публичные услуги и государственные функции. К примеру, Четвертый арбитражный апелляционный суд в своем постановлении отметил следующее. Органы миграционного учета по заявлению иностранных граждан предоставляют им государственную услугу (выдача / продление вида на жительства в РФ). Однако, уже в качестве исполнения государственной функции в силу нормативного закрепления их обязанности, органы миграционного учета ведут соответствующие реестры, а также предоставляют указанные сведения в налоговые органы в установленные сроки [9].

В научной литературе встречаются иные основания отграничения публичной услуги от функции государства.

Так, Н.В. Путило пишет о том, что государственные функции характеризуются наличием публичного интереса, то есть государство действует в интересах неограниченного круга лиц, общества в целом. При предоставлении публичных услуг ситуация иная, здесь на первый план выходит частный интерес, где государство действует в интересах конкретного гражданина, организации [10]. Исследователь дополнительно обращает внимание на финансовое обеспечение. Так, реализация функций государства является расходной частью бюджетов бюджетной системы РФ. В свою очередь, за предоставление публичных услуг законодатель установил возможность взимания с заявителей государственной пошлины [11, с. 82]. В качестве примера можно привести п. 1.7 приказа № 282, где указывается, что предоставление выписки из государственного лесного реестра физическим, юридическим лицам является платной государственной услугой.

А.Е. Шаститко выделяет в качестве критерия добровольность. По мнению исследователя, публичная услуга имеет место тогда, когда заявитель обращается в компетентный орган за предоставлением ему необходимого блага в связи с осознанием личной необходимости в этом. Если же благо не вытекает из индивидуальных нужд лица, присутствует элемент принуждения, что характерно, в частности для контрольно-надзорной деятельности, то налицо государственная функция [14].

По нашему мнению, в связи с тем, что не все государственные функции могут быть реализованы через соответствующие услуги, необходимо усовершенствование законодательной базы с целью установления нормативных механизмов, которые будут препятствовать подмене реализации функций государства исключительно предоставлением публичных услуг по заявлениям граждан и организаций.

М.С. Матейкович и А.М. Вергун, анализируя данную проблему, приводят следующий пример. На территории РФ действует Положение о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания и МКД аварийным и подлежащим сносу или реконструкции (утверждено постановлением Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47). Согласно данному Положению для решения вопроса о непригодности помещения для проживания необходимо заключение межведомственной комиссии. Однако, правом обращения в комиссию обладают, в частности, физические и юридические лица, являющиеся собственниками имущества. В чем здесь проблема? Важно понимать, что начало деятельности по признанию помещений непригодными для проживания не может инициироваться исключительно по заявлению граждан. Поскольку это напрямую противоречит положениям Конституции (ст.ст. 7, 40). Кроме этого, обеспечение безопасного состояния жилого фонда является одной из важнейших функций государственных органов, неисполнение которых не может быть оправдано отсутствием обращений заинтересованных лиц, чем, к сожалению, часто пытаются оправдаться должностные лица в случае возникновения аварийных ситуаций [2].

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, «публичная услуга» и «государственная функция» не являются тождественными понятиями. Предоставление публичной услуги всегда есть реализация функции государства, однако не все функции могут быть реализованы посредством предоставления услуг. Таким образом, предоставление государственных, муниципальных услуг является одной из разновидностей функций государства.

Во-вторых, основными отграничивающими признаками публичных услуг являются заявительный характер и адресность, что означает необходимость обращения заявителя в компетентный орган с соответствующим заявлением для инициирования процесса предоставления услуги, и в дальнейшем распространение результата исключительно на заявителя, что не характерно для государственной функции. Кроме этого, в науке выделяются дополнительные критерии, к которым относят: разовый, заявительный, компенсационный характер, добровольность, частный интерес заявителя.

В-третьих, несмотря на то, что в нормативно-правовых актах, в частности Административных регламентах, категории «государственная функция» и «публичная услуга» разграничиваются, на практике нередко возникают ситуации, когда государственные органы в лице должностных лиц бездействуют в той или иной сфере, мотивируя это тем, что отсутствует соответствующее заявления гражданина, организации. В связи с этим, считаем необходимым с целью исключения подмены, ввести на законодательном уровне понятие «государственной функции», а также в дальнейшем определить перечень государственных функций в социально значимых сферах общественной жизни по аналогии с перечнем государственных, муниципальных услуг, утвержденным постановлением Правительства РФ.

Источники и литература

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>; Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 343 с.

2. Матейкович М.С., Вергун А.М. Государственные, муниципальные услуги и функции органов публичной власти: соотношение понятий // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 5. – С. 5–10.

3. Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я. Административная реформа в России: научно-практическое пособие. – Москва: ИНФРА-М, 2006.

4. О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей: Федеральный закон от 28 декабря 2017 г. [дейст. редакция]. – Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

5. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 9 марта 2004 года № 314 [дейст. редакция]. – Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

6. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. [дейст. редакция]. – Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

7. Об утверждении Административного регламента исполнения государственной функции по ведению государственного лесного реестра и предоставления государственной услуги по предоставлению выписки из государственного лесного реестра: приказ Минприроды России от 31 октября 2007 г. № 282 [дейст. редакция]. – Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

8. Об утверждении Административного регламента исполнения государственной функции по осуществлению федерального лесного надзора (лесной охраны): приказ Минприроды России от 12 апреля 2016 г. № 233 [дейст. редакция]. – Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

9. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 8 июля 2019 г. № 04АП-3054/2019 по делу № А58-1322/2019. – Текст: электронный // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: база данных. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/7mQQft3eiIxw/> (дата обращения: 18.12.2022).

10. Путило Н.В. Публичные услуги: между доктринальным пониманием и практикой нормативного закрепления // Журнал российского права. – 2007. – № 6. – С. 3–10.

11. Путило Н.В. Публичные услуги: между доктринальным пониманием и практикой нормативного закрепления (10 лет спустя) // Журнал российского права. – 2017. – № 8.

12. Пьянов Н.А. Теория государства и права. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2011.

13. Рубцова М.В. Правовые проблемы разграничения государственных услуг и государственных функций в российском законодатель-

стве при осуществлении прокурорского надзора // Российская юстиция. – 2017. – № 11.

14. Шаститко А.Е. Принципы разграничения функций государственного управления и публичных услуг в деятельности органов исполнительной власти и их учреждений. – Москва, 2001. – 100 с.

15. Шулакова А.А. Проблемные аспекты разграничения государственных услуг с государственными функциями // Юридическая наука. – 2014. – № 3. – С. 239–241.

Н.С. Шуплецов*

DOI: 10.47905/9785604872161_350

РАЗУМНОСТЬ В ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ И В ПРАВОРЕАЛИЗАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УДОВЛЕТВОРЕНИЮ МАТЕРИАЛЬНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ГОСУДАРСТВА

***Аннотация.** В настоящей статье автором изучается сущность разумности с позиции философско-правовых категорий в сфере удовлетворения потребностей государства в товарах, работах и услугах. Приводятся соответствующие примеры из международной и отечественной практики.*

***Ключевые слова:** контрактная система, критерий, принцип, разумность, связь.*

REASONABLENESS IN LAW-MAKING AND IN LAW- REALIZATION ACTIVITIES TO MEET THE MATERIAL NEEDS OF THE STATE

* ***Шуплецов Никита Сергеевич***, магистрант, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (г. Иркутск, Россия).

*Научный руководитель: **Фирсова Ольга Анатольевна***, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (г. Иркутск, Россия).

Shupletsov Nikita Sergeevich, Undergraduate, Irkutsk law institute (branch) of the University of Prosecutor's office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia).

*Scientific curator: **Firsova Olga Anatolievna***, Candidate of legal sciences, Associate professor, Irkutsk law institute (branch) of the University of Prosecutor's office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia).

***Abstract.** In this article, the author studies the essence of rationality from the position of philosophical and legal categories in the sphere of meeting the needs of the state in goods, works and services. Relevant examples from international and domestic practice are given.*

***Key words:** contract system, criterion, principle, reasonableness, connection.*

Критерий разумности, как базис эффективности любого правового механизма, обладает огромной ценностью для всех участников этих отношений и необходим при правотворческой и в правореализационной деятельности для определения границ потребностей государства, что позволяет нам рассматривать этот вопрос, в том числе, с позиции аксиологии права (раздел философии права, занимающийся исследованием ценностей как базисом человеческого существования) [1, с. 84].

Разумность, «качество, свойство, состоянье разумного» [2, с. 647], и право имеют различные формы связи. Главным является то, что право есть продукт разума человека (должное в разумном порядке вещей). В связи с этим, разумность – это и ключ к правопониманию, и универсальный принцип права, его системы, и начало правосудия, и важнейшая для многих отраслей права, в том числе и по удовлетворению потребностей государства своих потребностей в товарах, работах и услугах, презумпция разумения и неразумения и др. [3, с. 124]

Разумность, как разновидность философских начал, предполагает наличие ее и в правовой действительности. Речь идет как о правотворчестве, так и о реализации права. Разумность есть условие «выстраивания» в систему определенных мыслительных операций. Кроме того, в процессе правотворчества усмотрение невозможно вне установления связи предмета (например, интерес, срок, действие и др.) с ситуативными явлениями и объектами. Это важно для универсальности и сходства связей в реальной действительности.

Право и разумность – взаимосвязанные во многих аспектах явления. Право с позиции естественно-правового подхода следует понимать, как феномен разума. Между категориями разум и право, как социального регулятора, можно определить, как синонимичные равные понятия. Право, как феномен разума, выражает ценности

объективного и субъективного бытия и представляет собой источник и критерий человеческих установлений.

Заметное влияние на связь разума с правом оказало учение Канта, разделявшего «чистое учение о праве» и эмпирическое учение о позитивном праве. «Чистое» рациональное право – это система априорных максим (велений, долженствований), вытекающих из требований разума. Эти максимы выступают как категорические императивы, то есть требования должного. Правовой императив гласит: «поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом» [4, с. 95].

Г.Гегель считал, что только философия права является подлинной наукой о праве. По его мнению, право – это действительность свободы, «наличное бытие свободной воли», постижение основ которого возможно лишь с помощью правильного мышления, философского познания права. «В праве, – отмечает философ, – человек должен найти свой разум, должен, следовательно, рассматривать разумность права, и этим занимается наша наука в отличие от позитивной юриспруденции...». Такой подход обусловлен представлениями Г.Гегеля о тождестве бытия и мышления [5, с. 57].

Создание права, направленного на создание механизма по удовлетворению потребностей государства, обеспечивает определенные принципы, среди которых есть принцип разумности. Разумность выделяется в качестве универсальных принципов права. Так, Е. В. Скурко пишет: «Универсальные принципы права задают формат, позволяющий праву выполнять свое предназначение» [6, с. 83]. При правотворческой деятельности законодатель должен руководствоваться разумностью, как универсальным критерием права, так как принцип разумности является общеобязательным исходным нормативно-юридическим положением и выступает критерием правомерности поведения и деятельности участников, регулируемых правом отношений [7, с. 117].

Соответственно, в рамках правотворческой деятельности в сфере удовлетворения потребностей государства в товарах, работах и услугах законодатель ограничен универсальным критерием разумности, который подразумевает возможность реального, необхо-

димого и достаточного исполнения в реальности («в жизни») принимаемых норм права [8].

Разумность как критерий оценивания характеризуется таким качеством как объективность, применяемый фактически, и имеет определенные внешние критерии, о чем свидетельствуют материалы практики и подразумевает оценку с позиции «вести себя таким образом, как положено абстрактному субъекту гражданского права, как мы ожидаем от всякого нормального человека, с учетом интересов других лиц» [9]. Этот критерий закреплен в американском акте о закупках, в котором говорится, что контрактный офицер должен делать подборку товаров в рамках цены, разумно отражающий базовые функции того или иного агентства. В соответствии с положениями 7.2 Planning for the Purchase of Supplies in Economic Quantities: «контракт с поставщиком не заключается при низкой цене, так как это может свидетельствовать о ложной экономии, что в будущем может привести к последующему дефолту контрагента, задержкам поставки, или другим негативным последствиям, возникающим в результате заключения дополнительных соглашений или несения дополнительных расходов. В связи с этим, контрактному офицеру необходимо учитывать личность поставщика» [10, с. 160].

Контрактная система способствует участию государства в лице его органов и организаций в гражданско-правовых отношениях, основанных на равенстве контрагентов. предусмотренный ст. 10 ГК РФ принцип добросовестности участников гражданских правоотношений и разумности их действий распространяется на закупочные отношения по удовлетворению государственных нужд, позволяя в целях повышения его значимости, как правового института [11].

Примером реализации критерия разумности в правореализационной практике может служить результат анализа сложившейся практики Иркутского УФАС России, которым было выявлено нарушение требований законодательства РФ при принятии решения об отмене реализуемой закупки заказчиком.

При изучении обстоятельств выявленного нарушения, антимонопольным органом установлено, что заказчик отменил закупку в связи с изменениями размеров базовых ставок и коэффициентов страховых тарифов, устанавливаемых указанием ЦБ РФ. При-

веденные обстоятельства препятствовали направлению заявок от участников конкурса в соответствии с положениями конкурсной документации, так как участники закупки были неправомочными заключать контракты относительно оказания услуг по страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств не в соответствии с указаниями ЦБ РФ.

В результате контролирующий орган сослался именно на неразумность проведения торгов на основании предписаний более не действовавшего акта. При данных обстоятельствах, если критерием оценки квалифицированности и обоснованности проведения закупки будет выступать разумность, то неразумность стоит считать именно продолжение осуществления договорных процедур.

Критерий разумности использует и другое подразделение ФАС, однако, в ином контексте. По одному из дел, заявитель жалобы в ФАС, имевший намерение участвовать в выборе исполнителя по конкретному договору, указывал, что неразумный (нереальный) срок поставки товара, установленный заказчиком, не соответствует требованиям добросовестности, разумности и справедливости (п. 2 ст. 6 ГК РФ) и приводит к недопущению, ограничению или устранению конкуренции.

В удовлетворении предъявленного требования было отказано, так как «в соответствии с законодательством РФ о контрактной системе в сфере закупок заказчик вправе установить любой срок поставки товаров в зависимости от своих потребностей».

Следовательно, отечественный контролирующий орган пришел к принципиальной возможности установления заказчиком произвольных условий в описании госзаказа, не исследовав существо предусмотренного срока и его характеристику с точки зрения исследуемого нами ограничителя в деятельности субъектов контрактной системы. Подобное упущение наличия основных принципов правового регулирования, их значения для существующих правоотношений по функционированию системы заключения контрактов, направленных на удовлетворение государственных и муниципальных нужд, может негативно сказываться на реализации норм одноименного института, уменьшив ценность и сущность самого механизма, как для государства, так и для общества в целом.

В рамках правореализационной деятельности по удовлетворению материальных потребностей государства критерий разумно-

сти понимать, как внешнее, относительно объективное, ограничение функционирования и направленной деятельности участников конкретных отношений, которое соотносится с критериями нормального существования и функционирования данных правоотношений, обозначенных ранее. Объективность разумности измеряется и оценивается в качественных и количественных конкретных критериях. Так, Д. В. Грибанов указывал: «Сущность и содержание разумности образует сочетание и разделение рационального и нравственного оснований человеческой деятельности, что обуславливает общегуманистическую роль и общеправовое значение» [12, с. 113].

Источники и литература

1. Горобец К.В. Аксиосфера права: философский и юридический дискурс. – Одесса: Фенікс, 2013. – 218 с.
2. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах / под редакцией В. Даля. – 8-е изд. – М.: Русский язык, 1981–1982. – Т. 2. – 1981. – 699 с.
3. Власенко Н.А. Разумность, право, правотворчество // Юридическая техника. – 2012. – № 6. – С. 121–125.
4. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
6. Скурко Е.В. Принципы права в современном нормативном понимании. – М.: Юрлитинформ, 2008. – 197 с.
7. Коваленко К.Е. Формы проявления принципа разумности в праве // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 117–129; Мусабинова Д.А. Принцип разумности в сфере удовлетворения государственных и муниципальных нужд // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 3 (45). – С. 95–96.
8. Спиринов М.Ю. Специфика законодотворческого познания // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия «Юриспруденция». – Вып. 10. – Тольятти: Изд-во ТолПИ, 2000. – С. 199–205.
9. Адвокатская газета: официальный сайт. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti-partnerov/pmyuf/razumnost-kak-printsip-grazhdanskogo-prava/> (дата обращения: 20.06.2022). – Текст: электронный.
10. Мусабинова Д.А. Категория «разумность» в законодательстве об удовлетворении государственных и муниципальных нужд в контрактной системе России и США // Инновационное развитие науки и образования. – 2018. – С. 157–163.

11. Гражданский кодекс РФ: принят 30 ноября 1994 г. [в ред. от 28 июня 2021 г.]. – Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

12. Грибанов Д.В. Разумность как принцип правового регулирования // Бизнес, менеджмент и право. – 2015. – № 1. – С. 112–115.

IV. ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ВЗГЛЯД МОЛОДОГО УЧЁНОГО

О.А. Голубева*
П.О. Мерзлякова**

DOI: 10.47905/9785604872161_357

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Аннотация. В современном мире туризм выступает в качестве социально-экономического явления, связанного как с различными сторонами жизни отдельного человека, так и с различными государственными институтами. Удовлетворяя рекреационно-туристские потребности людей, он также играет определенную роль в познавательных, воспитательных, пропагандистских процессах, является инструментом общечеловеческого диалога и оказывает существенное влияние на развитие соответствующей государственной структуры и экономики государства. Экологический туризм – одно из активно развивающихся сегодня направлений туризма.

* *Голубева Олеся Александровна*, студентка 3 курса, Московский государственный строительный университет (г. Москва, Россия).

Golubeva Olesya Alexandrovna, 3rd year student, Moscow state university of civil engineering (Moscow, Russia).

Научный руководитель: Бернюкевич Татьяна Владимировна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный строительный университет (г. Москва, Россия).

Scientific curator: Bernyukevich Tatiana Vladimirovna, doctor of philosophical sciences, professor, Moscow state university of civil engineering (Moscow, Russia).

** *Мерзлякова Полина Олеговна*, студентка 3 курса, Московский государственный строительный университет (г. Москва, Россия).

Merzlyakova Polina Olegovna, 3rd year student, Moscow state university of civil engineering (Moscow, Russia).

Научный руководитель: Бернюкевич Татьяна Владимировна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный строительный университет (г. Москва, Россия).

Scientific curator: Bernyukevich Tatiana Vladimirovna, doctor of philosophical sciences, professor, Moscow state university of civil engineering (Moscow, Russia).

Ключевые слова: туриндустрия, экологический туризм, экотурист, научный экотуризм, приключенческий экотуризм, охрана окружающей среды.

ECOLOGICAL TOURISM: GENERAL CHARACTERISTICS AND LEGAL REGULATION

Abstract. *In the modern world, tourism acts as a socio-economic phenomenon associated with various aspects of an individual's life, as well as with various state institutions. Satisfying the recreational and tourist needs of people, it also plays a certain role in cognitive, educational, propaganda processes, is an instrument of universal dialogue and has a significant impact on the development of the relevant state structure and the economy of the state. Ecotourism is one of the actively developing areas of tourism today.*

Key words: *tourism industry, ecotourism, ecotourist, scientific ecotourism, adventure ecotourism, environmental protection.*

Экологический туризм в России, как и во всем мире, рассматривается как неотъемлемый элемент устойчивого развития современного туризма. Отдых среди первозданной природы становится все более популярным во всем мире и привлекает все большее количество туристов. Это свидетельствует о том, что бережное отношение к природе и окружающей среде является одним из привлекательных элементов туризма, отдыха и гарантом развития экологического туризма [2].

Термин «экотуризм» был введен в обиход в начале 80-х годов XX в. Единое определение экотуризма отсутствует. Существует множество определений, схожих по смыслу, но различающихся по формулировке и контексту.

Международный Союз охраны природы (МСОП) определяет экологический туризм как путешествие с ответственностью перед окружающей средой по отношению к ненарушенным природным территориям с целью изучения и наслаждения природой и культурными достопримечательностями, которое содействует охране природы, оказывает «мягкое» воздействие на окружающую среду, обеспечивает активное социально-экономическое участие местных жителей и получение ими преимуществ от этой деятельности» [3].

По определению Международной организации экотуризма TIES (The International Ecotourism Society), «экологический туризм – это ответственное путешествие в природные зоны, области, сохраняющие окружающую среду и поддерживающие благосостояние местных жителей». Для более глубокого понимания данного вида путешествий Международной организацией экотуризма было выработано 10 заповедей экотуриста:

- помнить об уязвимости земли;
- оставлять только следы, уносить только фотографии;
- познавать мир, в который попал: культуру народов, географию;
- уважать местных жителей;
- не покупать изделия производителей, подвергающих опасности окружающую среду;
- всегда следовать только протоптанными тропами;
- поддерживать программы по защите окружающей среды;
- использовать методы сохранения окружающей среды;
- поддерживать организации, содействующие защите природы;
- путешествовать с фирмами, поддерживающими принципы экотуризма [5].

Отсюда можем сформулировать *признаки экологического туризма*.

1. Нормы права об экологическом туризме занимают двойственное положение в системе экологического права, поскольку он является как видом экологического предпринимательства, так и способом экологического просвещения. Это налагает свою специфику на его правовое регулирование.

2. Экологический туризм выполняет ряд важных социальных функций, связанных с поддержкой жизнедеятельности местных общин, нередко проживающих на депрессивных территориях. Социальная функция экотуризма заключается в производстве экологически чистых продуктов питания; увеличении инвестиций как в инфраструктуру и сервис, так и в охрану природы; росте благосостояния местного населения и развитии специального образования, направленного на приобретение туристических и природоохранных профессий; развитии ремесел, местного самоуправления и т.д.

3. Охрана природы наиболее эффективна не посредством установления запретов и наказаний, а посредством создания эффективной экономической системы, направленной на обеспечение устойчивого развития не отдельных земельных участков, а больших территорий. В этом случае решаются не только экологические задачи (местные жители не устраивают свалок мусора на туристических маршрутах, не сливают ядовитые вещества в реки и т.д.), но и экономические. Последнее важно потому, что многие экологические правонарушения происходят от бедности (граждане не покупают мусорные контейнеры и не оплачивают вывоз мусора не потому, что им не жалко природу, а в силу нехватки денежных средств. Поэтому в России многие овраги в сельской местности – это одна большая свалка). Если же охранять природу становится выгодно всем (поскольку в районах массового экологического туризма большинство местных жителей участвует в торговле, питании, гостиничном бизнесе и т.д.), то загрязнений земель и иных природных объектов будет меньше.

4. Экологический туризм - это совершенно не обязательно предпринимательская деятельность, осуществляемая туристическими фирмами или иными специализированными предпринимательскими структурами. Любая поездка граждан на автомобиле за город для знакомства с природными достопримечательностями уже есть экологический туризм и природопользование.

Таким образом, экологический туризм – это преимущественно эколого-предпринимательская деятельность, направленная на ознакомление граждан с природными достопримечательностями в границах особо охраняемых природных территорий или вне таковых в целях реализации экономических, социальных, образовательных и иных общепользовных целей при участии местного населения и гарантиях прав коренных малочисленных народов.

В настоящее время выделяют 4 вида экотуризма и экотуров.

1. *Научный туризм.* В ходе научных экотуров туристы участвуют в различного рода исследованиях природы, ведут полевые наблюдения. Например, широко известны экотуры, связанные с наблюдением за поведением птиц, подсчетом численности популяций китов в Тихом океане. Как правило, туристскими дестинациями (географическая территория, имеющая определенные границы, которая может привлекать и удовлетворять различные потребности

широкой группы туристов) в таких турах выступают особо охраняемые природные территории.

2. *Туры истории природы.* Это путешествия, связанные с познанием окружающей природы и местной культуры. Как правило, такие туры представляют собой совокупность учебных, научно-популярных и тематических экскурсий, пролегающих по специально оборудованным экологическим тропам. Чаще всего они так же организуются по территориям заповедников и национальных парков. Сюда же относятся походы школьников, в ходе которых преподавателем, гидом проводятся экскурсии и беседы о природе. Этот вид экотуризма особенно популярен в Германии, поэтому его еще называют «немецкой моделью развития экотуризма».

3. *Приключенческий туризм.* Данный вид объединяет все путешествия, связанные с активными способами передвижения и отдыха на природе (outdoor), имеющие своей целью получение новых ощущений, впечатлений, улучшение туристом физической формы и достижение спортивных результатов. Сюда относятся такие виды туризма, как альпинизм, горный и пешеходный туризм, водный, лыжный и горнолыжный туризм, конный туризм, дайвинг, и т.д.

4. *Путешествия в природные резерваты, ООПТ (Особо охраняемые природные территории).* ООПТ привлекают множество туристов. Руководство многих национальных парков, заповедников превращают экологические экскурсии в настоящее шоу. Примером может служить Йеллостоунский национальный парк США, где продолжительность экскурсий рассчитана по минутам и связана с периодами активности гейзеров. Очень часто показ природных объектов, особенно в пещерах, сопровождается цветовой подсветкой, музыкой, театрализованными представлениями, демонстрирующими сцены из жизни аборигенов. Этот вид экотуризма наиболее развит в Австралии, поэтому его отождествляют с «австралийской моделью развития экотуризма» [4].

Формирование техногенной цивилизации на нашей планете в целом закрепило негативное воздействие человека на природу. Общеизвестно, что и туризм по-разному влияет на окружающую среду. Туриндустрия использует природные ресурсы, производит отходы, загрязняет воздух, воды и почву, оказывает сильное антропогенное воздействие на природу.

Проблемы экологии находятся сейчас в центре общественной и научной мысли. Человечеству необходимо обретение новых взаимоотношений с биосферой, природой, чтобы обеспечить право человека на жизнь и на экологический отдых.

В настоящее время большинство стран Европы провели паспортизацию природных и исторических ценностей, что позволило наметить правильные пути развития туризма и охраны национальных богатств. Принятие в последние годы в ряде стран строгих мер, направленных на охрану природы, создание новых национальных парков и заповедников, попытки научного определения допустимых нагрузок на природу в значительной степени отразили стремление нейтрализовать негативные стороны бурно развивающегося международного туризма и создать для него наиболее благоприятную обстановку, сохранить и улучшить природно-географическую обстановку. Озеленение городов, борьба против шума и наведение чистоты тоже в известной степени результат требований развития туризма [1].

Экологическая ситуация в России, по мнению многих ученых, имеет реальные возможности для улучшения. Средняя плотность населения в стране (8,3 человека на 1 кв. км) значительно ниже мировой средней плотности (40 человек на 1 кв. км). Россия имеет около 20% лесных ресурсов планеты, занимает второе место в мире по запасам водных ресурсов, обладает значительным биоразнообразием.

Приоритетным фактором оптимизации отношений общества и природы для России являются соответствующие законодательные меры, приведение их в соответствие с европейской практикой, в том числе, правовое оформление экологических методов управления предприятиями туристской индустрии в России.

В России создание особо охраняемых природных территорий является традиционной и весьма эффективной формой природоохранной деятельности. При этом правовая основа регулирования особо охраняемых природных территорий включает в себя весьма обширную часть российского законодательства:

- Конституция РФ,
- Федеральный закон от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды»,

- Федеральный закон от 14 марта 1995 г. «Об особо охраняемых природных территориях»,
- Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов»,
- Федеральный закон от 7 мая 2001 г. «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»,
- Федеральный закон от 1 мая 1999 г. «Об охране озера Байкал»,
- Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. «О животном мире»,
- Федеральный закон от 23 февраля 1995 г. «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» и другие.

Конституция РФ, принятая 12 декабря 1993 г., в частности, устанавливает, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (п. 1 ст. 9). Это положение может оцениваться как конституционное закрепление экологической функции государства и субъектов-природопользователей. Оно содержит их обязанность обеспечивать охрану окружающей среды и отдельных природных ресурсов.

Знаменательным событием в развитии российского экологического законодательства стало принятие 19 декабря 1991 г. Закона «Об охране окружающей природной среды». Этот закон явился главным актом экологического законодательства. Однако в настоящее время действует новый закон, заменивший прежний, Федеральный закон от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды». Данный Федеральный закон регулирует отношения в сфере взаимодействия общества и природы, возникающие при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, связанной с воздействием на природную среду как важнейшую составляющую окружающей среды, являющуюся основой жизни на Земле, в пределах территории Российской Федерации, а также на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации. Указанный Федеральный закон в соответствии с нормами

международного права и федеральными законами направлен на обеспечение, в том числе, сохранение морской среды.

Следующим по значимости в области правового регулирования такого важного объекта экотуризма, как особо охраняемые природные территории, является Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» от 14 марта 1995 г.

Названный Федеральный закон дает понятие особо охраняемых природных территорий, определяет, что особо охраняемые природные территории относятся к объектам общенационального достояния, а также регулирует отношения в области организации, охраны и использования особо охраняемых природных территорий в целях сохранения уникальных и типичных природных комплексов и объектов, достопримечательных природных образований, объектов растительного и животного мира, их генетического фонда, изучения естественных процессов в биосфере и контроля за изменением ее состояния, экологического воспитания населения. Закон также определяет задачи, порядок образования и устанавливает правовой режим особой охраны указанных территорий.

На территории Забайкальского края, помимо вышеупомянутых НПА, действуют также:

- Закон Забайкальского края от 9 марта 2010 г. «Об особо охраняемых природных территориях в Забайкальском крае». Настоящий Закон края регулирует отношения в области организации, охраны и использования особо охраняемых природных территорий в Забайкальском крае в целях прямого и превентивного сохранения уникальных и типичных природных комплексов и объектов, естественной среды обитания человека, изучения естественных процессов в биосфере и контроля за изменением ее состояния, экологического воспитания населения Забайкальского края и оптимизации природопользования в интересах настоящего и будущих поколений;

- постановление Правительства Забайкальского края от 3 апреля 2015 г. № 148 «Об утверждении Порядка осуществления государственного надзора в области охраны и использования особо охраняемых природных территорий регионального значения».

Кроме указанных актов, в систему законодательства об особо охраняемых природных территориях России входят: Лесной

кодекс РФ от 4 декабря 2006 г., Водный кодекс РФ от 3 июня 2006 г., Земельный кодекс РФ от 25 октября 2001 г. и другие законы и подзаконные нормативно-правовые акты федерального, регионального и местного уровней.

Рассмотренные нормативные правовые акты имеют главенствующее значение в регулировании отношений по экотуризму в России и свидетельствуют о том, что немалая часть российского законодательства посвящена правовой основе регулирования особо охраняемых природных территорий. Однако, что касается правового оформления экологических методов управления туристкой индустрии России, то ситуация на сегодняшний день не вполне соответствует европейской практике и европейским стандартам, поскольку является для российского туризма сравнительно новым делом.

Так, Закон РФ «Об основах туристской деятельности», государственные стандарты Российской Федерации по туристско-экскурсионному обслуживанию практически не затрагивают вопросы экологии и уменьшения отрицательного воздействия турпредприятий на окружающую среду.

В стандартах ГОСТ Р 50690-94 «Туристско-экскурсионное обслуживание. Туристские услуги. Общие требования», ГОСТ Р 50644-94 «Туристско-экскурсионное обслуживание. Требования по обеспечению безопасности туристов и экскурсантов», ГОСТ Р 50645-94 «Туристско-экскурсионное обслуживание. Классификация гостиниц» обозначены лишь общие требования о неухудшении окружающей среды туристскими предприятиями и вовсе отсутствует указание на какие-либо конкретные меры защиты природы [1].

Таким образом, экотуризм в настоящее время становится одной из наиболее заметно развивающихся отраслей туристкой индустрии во всем мире. Развитие экотуризма способно не только поднять экономику нашей страны на новый уровень, но и обеспечить лучшее содержание главного объекта экотуризма – особо охраняемых природных территорий России. Но следует отметить, что именно создание правового оформления экологического туризма является насущной и необходимой перспективой развития туристской индустрии в России.

Источники и литература

1. Анисимов А.П. Международное экологическое право. Экологический туризм в пределах особо охраняемых природных территорий: правовые аспекты. – URL: https://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=7598:2015-08-17-06-04-52&catid=369:2013-04-22-07-46-43 (дата обращения: 03.09.2022).
2. Лапшина А.Е. Экологический туризм и законодательство России // Сервис в России и за рубежом. – 2008. – № 2. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskij-turizm-i-zakonodatelstvo-rossii> (дата обращения: 03.09.2022).
3. Понятие, принципы и современная концепция экотуризма. – URL: <http://www.ecoedu.ru/index.php?r=10&id=13> (дата обращения: 02.09.2022).
4. Храбовченко В.В. Экологический туризм. – URL: http://studbooks.net/712952/turizm/klassifikatsiya_ekologicheskogo_turizma (дата обращения: 03.09.2022).
5. Экологический туризм. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ТИЭС. – URL: <http://www.ecotourism.org/> (дата обращения: 04.09.2022).

Г.Е. Ким*

DOI: 10.47905/9785604872161_366

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ГУБЕРНАТОРА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. Губернатор как глава региона является главным политическим институтом, вовлеченным в региональный политический процесс. В силу своего положения губернаторы в регионах являются той

* *Ким Герман Евгеньевич*, магистрант, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия).

Научный руководитель: Рыбалко Михаил Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия).

Kim German Evgenievich, Undergraduate, Irkutsk state university (Irkutsk, Russia).

Scientific curator: Rybalko Mikhail Leonidovich, candidate of historical sciences, associate professor, Irkutsk state university (Irkutsk, Russia).

фигурой в региональной политике, через которую в федеральный Центр идет трансляция интересов жителей региона и региональной элиты, а в самом регионе происходит реализация задач, поставленных федеральным правительством. Этот институт за последние десятилетия подвергался значительной трансформации. Таким образом, очень важным является вопрос о месте главы региона в государственной системе и его юридическом статусе.

Ключевые слова: губернаторы, регионы, государство, правовое регулирование, законодательные акты.

REGULATORY AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE DEVELOPMENT OF THE GOVERNOR'S INSTITUTE AT THE PRESENT STAGE

Abstract. *The Governor, as the head of the region, is the main political institution involved in the regional political process. By virtue of their position, regional governors are the figure in regional politics through which the interests of the residents of the region and the regional elite are transmitted to the federal center, and the tasks set by the federal government are being implemented in the region itself. This institution has undergone a significant transformation over the past decades. Thus, the question of the place of the head of the region in the state system and his legal status is very important.*

Key words: *governors, regions, the state, legal regulation, legislative acts.*

Несмотря на продолжительный срок существования института губернаторства в современной России, стоит указать на то, что в Конституции РФ нет четкой регламентации правового статуса высших должностных лиц субъектов РФ, а специального Федерального конституционного закона о статусе глав субъектов РФ и сфере разграничения их полномочий, относительно полномочий руководящих исполнительных органов федерального Центра, также нет [14, с. 23]. Федеральный закон от 6.10.1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», в котором регламентированы положения, относящиеся к организации исполнительной власти в субъектах Федерации, но он не является конституционным [3].

Если говорить об определении, то первым губернатором в

новой истории России стал Б. Е. Немцов, издавший после своего назначения главой администрации Нижегородской области указ о официальном наименовании главы региональной области губернатором [10]. Официальный юридический термин, принятый в РФ для обозначения главы региональной власти закреплен в Федеральном законе от 6.10.1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и вводит понятие высшее должностное лицо [1]. По данному закону высшее должностное лицо субъекта РФ – руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, представляющий субъект [1].

Но кроме официального термина, приняты и другие обозначения региональных лидеров. Так как ввиду федеративного устройства в составе Российской Федерации находятся 89 субъектов, где в законодательных актах может быть предусмотрено дополнительное наименование должности регионального руководителя: губернатор, глава республики, председатель правительства республики, глава, мэр, президент (для Республики Татарстан). До недавнего времени Республика Татарстан являлась единственным субъектом, в котором глава региона носил наименование, совпадающее с обозначением высшего государственного лица в РФ.

В остальных регионах ситуация складывается следующим образом: в 18 регионах принято наименование глава республики; в трех республиках, входящих в состав СФО (Тыва, Хакасия, Алтай) принято обозначение – глава-председатель правительства; в 59 субъектах принято обозначать главу региональной власти – губернатор; в Тамбовской и Липецкой областях – глава администрации; в Москве глава субъекта носит название должности – мэр; Краснодарский край единственный из всех регионов носит обозначение руководителя – глава администрации (губернатор).

Наименование высших должностных лиц имеет на данный момент только одно ограничение. Согласно внесенным в Федеральный закон № 184 поправкам от 24 декабря 2010 г., название ВДЛ субъекта РФ не может содержать в себе слов и словосочетаний, составляющих основу наименования должности главы государства – Президента РФ [1]. Принятый 21 декабря 2021 г. Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной вла-

сти в субъектах Российской Федерации» вводит общее для всех региональных глав – наименование должности руководителя региона – «глава субъекта РФ» [3]. Дополнительно название должности определяется регионами самостоятельно, но оно не может содержать слов и словосочетаний, составляющих наименование должности главы государства. Данные изменения вступили в силу с 1 июня 2022 г.

Рассматривая вопрос о статусе губернаторов, надо сказать о том, что на уровне республик существует несколько моделей закрепления статуса ВДЛ. Э.А. Орлова на основе анализа регионального законодательства выделяет следующие виды [11, с. 48-49]:

- высшее должностное лицо республики является главой республики, не возглавляет систему исполнительной власти, но обладает значительными полномочиями в отношении исполнительной власти;

- высшее должностное лицо республики является главой республики, возглавляя систему исполнительной власти и одновременно высший исполнительный орган государственной власти (характерно для Республики Бурятия);

- высшее должностное лицо республики является главой республики и главой исполнительной власти при наличии должности председателя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ.

Согласно действующему законодательству, существуют два вида наделения полномочиями губернатора: первый – избрание гражданами РФ проживающими на территории данного субъекта и обладающими активным избирательным правом, на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании; второй – главы регионов избираются депутатами законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ, при этом кандидатуры представляет Президент РФ по предложениям политических партий с учетом того, что каждая партия может предложить не более трех кандидатов.

При действии модели прямых выборов, кандидат в губернаторы должен пройти муниципальный фильтр, то есть предоставить доказательства поддержки его кандидатуры депутатами муниципальных образований, при этом процент депутатов варьируется в зависимости от региона в пределах от 5 до 10% и прописывается в

региональном законодательстве. Самовыдвиженцы также должны предоставить подписи избирателей, количество которых определяется региональным законодательством.

Таким образом, в РФ представлены две модели губернаторов: модель выборного губернатора и модель назначаемого губернатора. При этом модель выборного губернатора характерна для президентских республик и отличается сильной и персонифицированной властью [13, с. 262]. Модель назначаемого губернатора характерна для федераций с высоким уровнем централизации. Характерной особенностью данной модели является дуализм региональной власти, сочетающей элементы регионального самоуправления и централизованного управления [13, с. 268-269].

Законодательство также устанавливает следующие требования и ограничения к кандидату на должность ВДЛ региона: наличие гражданства РФ и отсутствие иностранного гражданства, либо вида на жительство в другой стране; возраст от 30 лет; глава региона не имеет права состоять в руководстве иностранных некоммерческих организациях; также он не имеет права совмещать занимаемую должность с любой деятельностью, кроме научной, преподавательской или творческой; также ограничением является наличие судимостей перечисленных в статье 18 пункте 3.3 ФЗ № 184 [1].

Что касается сроков наделения полномочий, то срок полномочий определялся законодательством регионов, но при этом не мог превышать более пяти лет. До 2021 г. существовал запрет для губернаторов на занятие должности в течении более двух сроков подряд. Данный запрет несколько раз законодательно изменялся при изменении систем рекрутирования, и сроки отсчитывались по-новому. В результате чего в Российской Федерации можно выделить группу глав регионов с самыми продолжительными сроками пребывания у власти.

Если говорить о конкретных примерах, то здесь можно выделить: бывшего губернатора Белгородской области Е.С. Савченко, который является рекордсменом по пребыванию регионального лидера у власти – 323 месяца, или почти 27 лет; губернатора Калужской области А.Д. Артамонова, чей срок пребывания у власти составил 231 месяц – около 20 лет; действующего губернатора Ульяновской области – С.И. Морозова занимающего свою долж-

ность с 6 января 2005 г., то есть более 15 лет [7, с. 37]. Рассматривая Сибирский Федеральный округ, также можно выделить губернаторов-долгожителей: А.Г. Тулеев в Кемеровской области, чей срок пребывания у власти составил 249 месяцев; бывший Глава Республики Алтай А.В. Бердников, занимавший свой пост 158 месяцев; глава Республики Тыва – Ш.В. Кара-оол [7, с. 37]. Но по введенным 21 декабря 2021 г. изменениям данный запрет снимается, а регионы получили право самим решить вопрос о максимальном числе сроков, которые может занимать глава региона. Этот закон установил единый для всех регионов срок полномочий – 5 лет.

Рассматривая полномочия губернатора, то здесь их можно разделить на несколько групп [9, с. 64]:

1) полномочия, связанные с законодательной властью. В данную группу полномочий входят следующие права ВДЛ: отклонять или обнародовать законы субъектов РФ, принятые парламентом субъекта РФ; право созвать на внеочередное заседание региональный парламент; обладает совещательным голосом в региональном парламенте; информирование парламента региона по определенным вопросам;

2) полномочия в сфере исполнительной власти. В эту сферу входит: обязанность главы региона по формированию высшего органа исполнительной власти субъекта, а также право по решению об отставке этого органа; обязанность координации деятельности и взаимодействия региональных органов власти с органами власти федерального уровня, а также с органами местного самоуправления и общественными организациями и объединениями;

3) представительские. Эти функции реализуются ВДЛ в виде некоего дуализма: во-первых, глава региона представляет свой субъект перед федеральными и региональными органами, а также вправе от имени субъекта подписывать договоры и соглашения, а во-вторых, представляет интересы федерального Центра в своем регионе.

Еще одними полномочиями, осуществляемыми главами регионов, является возможность отстранения от должности глав муниципальных образований своего региона. Такое право предусматривается законодательством, в частности, пункт 1 статьи 74.1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного

самоуправления в Российской Федерации» дает возможность по инициативе ВДЛ субъекта Федерации представительному органу муниципального образования удалить мэра в отставку [2]. Эта процедура может состояться при условии издания мэрами противоправных актов, нецелевом расходовании средств бюджета, а также совершении действий, несущих: угрозу территориальной целостности, национальной безопасности, обороноспособности, экономическому и правовому пространству страны.

Существенным ограничением данной возможности является то, что вышеперечисленные факты должны быть установлены судом. Но благодаря изменениям в законодательстве от 7 мая 2009 г. произошедшими по Федеральному закону «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» была введена возможность удаления мэра в отставку без судебной процедуры, через осуществление противоправной оценки деятельности самим ВДЛ субъекта РФ [12].

2020 год в связи с эпидемией COVID-19 создал ситуацию временного расширения полномочий региональных лидеров. Так, в апреле 2020 г. Президент РФ В. В. Путин в связи с эпидемиологической ситуацией в стране временно передал главам регионов дополнительные полномочия для введения мер по борьбе с эпидемией COVID-19, с учетом региональных особенностей [5]. Так губернаторы получили право: ограничивать передвижения граждан и транспорта; приостанавливать работу предприятий на территории субъекта. Но при этом определять режим работы научных, образовательных и системообразующих организаций региона ВДЛ могут только по согласованию с Правительством. Эти полномочия введены указом Президента «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» от 2 апреля 2020 г. в дальнейшем сроки действия данных полномочий продлевались [5].

Отражена в российском законодательстве и процедура досрочного прекращения полномочий региональных глав. Основой здесь служит Закон № 184-ФЗ, этот закон является рамочным для регионального законодательства, где уже, в свою очередь, в соответствии с федеральным законодательством закреплена данная

процедура. Согласно данному закону, прекращение полномочий происходит: в случае смерти ВДЛ субъекта; в связи с добровольной отставкой; истечением срока полномочий; признание результатов выборов недействительными либо сами выборы несостоявшимися; в случае отрешения от должности Президентом России; в связи с выражением недоверия (в связи с утратой доверия) законодательного органа субъекта Федерации [1].

Еще одна возможность отстранения ВДЛ от власти определяется Федеральным законом от 2 мая 2012 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [4]. Согласно ему, возможность прекращения полномочий главы региона дается гражданам при помощи процедуры референдума. Для созыва такого референдума необходимо собрать подписи не менее 25% жителей региона. А для вступления решения в силу необходимо, чтобы за него проголосовало не менее 50% избирателей, зарегистрированных в регионе. Данная процедура хотя и прописана в законодательстве, но прецедентов её использования на данный момент не имеется.

В процедуре отстранения ВДЛ от власти большая роль отведена федеральной власти, и тут при решении данного вопроса ключевая роль отведена законодательством Президенту РФ, так как он сразу в нескольких случаях принимает решение об отставке главы региона: первый – отставка по собственному желанию; второй – отставка в связи вынесением недоверия законодательным органом исполнительной власти субъекта главе региона; третий – отставка в связи с утратой доверия Президента губернатором. Другое право Президента в этой области – это временное отстранение ВДЛ от исполнения обязанностей.

Если рассматривать механизм исполнения данного права Президента, то в случае добровольной отставки губернатора, на имя Президента пишется обращение с просьбой, а глава государства, в свою очередь, рассматривает данное прошение и выносит по нему решение. В случае отстранения в связи вынесением недоверия законодательным органом исполнительной власти субъекта, то

для проведения данной процедуры необходима инициатива не менее одной трети депутатов законодательного органа региона, которую поддержали две трети депутатов, после чего решение передается на рассмотрение Президенту РФ, который и принимает решение об отставке ВДЛ.

Что касается права Президента отстранять губернаторов от власти в связи с утратой доверия Президента, то здесь процедура менялась с течением времени. Так, изначально, с момента введения данного права, отстранение проходило в связи с тем, что глава региона издавал нормативный правовой акт, который противоречил Конституции или федеральному законодательству, при этом этот факт устанавливался при помощи суда, а губернатор не исполнял судебного решения по отмене данного правового акта, в таком случае Президент был уполномочен вынести ему предупреждение. После вынесения такого предупреждения, если глава региона в течение месяца не устранял несоответствие, Президент мог отстранить его от должности при помощи своего указа [6, с. 34].

В 2004 г. норма претерпела изменение теперь глава региона мог отстраняться от власти в связи утратой доверия Президента за ненадлежащее исполнение своих обязанностей, а также, в случаях, указанных Законом № 184-ФЗ [1]. Что характерно, теперь глава государства мог отстранять губернаторов и без вынесения предварительного предупреждения. В 2012 г. основания утраты доверия дополнились случаем выявления фактов коррупции или конфликта интересов [8, с. 23].

С 2021 г. ВДЛ может быть отрешено от должности Президентом РФ в связи с утратой доверия по любым основаниям. Что касательно процедуры временного отстранения от должности, то она применяется, если губернатору предъявлено обвинение в совершении преступления и генеральный прокурор вынес соответствующее представление [6, с. 35].

Подводя итог, можно заключить, что в сфере нормативно-правового регулирования института губернаторов РФ за период с 2000-2022 гг. происходит процесс упорядочивания и регламентации данного института: в законодательстве происходит унификация и стандартизация единого законодательного пространства. Хотя в этот период сложившуюся систему на региональном уровне можно назвать сильно персонифицированной на ВДЛ, но основной

тенденцией происходивших изменений стало усиление полномочий Президента РФ по отношению к губернаторам.

Источники и литература

1. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 21.12.2021, с изм. от 14.07.2022) "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2022) // www.consultant.ru

2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 06.02.2023) "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" // www.consultant.ru

3. Федеральный закон "Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации" от 21.12.2021 № 414-ФЗ (d редакции Федеральных законов от 14.03.2022 № 60-ФЗ, от 14.07.2022 № 271-ФЗ, от 19.12.2022 № 519-ФЗ, от 28.12.2022 № 560-ФЗ, от 06.02.2023 № 12-ФЗ) // Справочно-правовая система «Гарант».

4. Федеральный закон от 2.05.2012 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Гарант».

5. О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): указ Президента РФ от 2.04.2020 г. № 239 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

6. Иванов В. Глава субъекта Российской Федерации. Историческое, юридическое и политическое исследование (История губернаторов). В 2 тт. – М., 2020. – Т. 1. – Кн. 2. – 640 с.

7. Ким Г.Е. Феномен политического долгожительства губернаторов // 30 лет без Союза: потери, удаchi, перспективы: материалы Всероссийской студенческой конференции. 27 марта 2021 г. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2021. – С. 36-39.

8. Кондрашев А.А. Отрешение от должности губернатора Президентом Российской Федерации в связи с утратой доверия за коррупционные правонарушения и ненадлежащее исполнение им своих обязанностей: проблемы теории и практической реализации // *Lex Russica*. – 2020. – № 3

(160). – С. 20-32.

9. Магомедова Н.Р. Общая характеристика полномочий главы субъекта Российской Федерации в системе разделения властей // Закон и право. – 2019. – № 2. – С. 63-65.

10. Немцов Борис Ефимович [Электронный ресурс] // ТАСС – URL: <https://clck.ru/ekYae> (дата обращения: 02.12.2022).

11. Орлова Э.А. Конституционно-правовые основы статуса высшего должностного лица субъекта Российской Федерации // Вестник Прикамского социального института. – 2015. – № 1 (69). – С. 45-50.

12. Основные положения закона об организации публичной власти в субъектах РФ [Электронный ресурс] // ТАСС – URL: <https://clck.ru/ekZMC> (дата обращения: 02.12.2022).

13. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. – М.: Издат. дом ВШЭ, 2006. – 787 с.

14. Урусова И.О. Конституционно-правовой статус высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и их роль в системе федеральных и региональных органов власти: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – 225 с.

А.А. Лунченкова*

DOI: 10.47905/9785604872161_376

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ РАКУРС

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты нормативно-правового регулирования сферы здравоохранения Российской Федерации на федеральном и региональном уровнях – на примере Иркутской области

* *Лунченкова Анастасия Анатольевна*, магистрант, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия).

Научный руководитель: Зуляр Раксана Юрьевна, кандидат политических наук, доцент, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия).

Lunchenkova Anastasia Anatolievna, Undergraduate, Irkutsk state university (Irkutsk, Russia).

Scientific curator: Zulyar Raksana Yurievna, candidate of political sciences, associate professor, department of political science, history and regional studies at the Irkutsk state university (Irkutsk, Russia).

на современном этапе. На сегодняшний день изучение сферы здравоохранения становится особенно актуальным, это обусловлено многими факторами, основными из них являются серьезные проблемы в отрасли, новые вызовы, брошенные системе здравоохранения в виде пандемии новой коронавирусной инфекции, а также условиями санкций против России с февраля 2022 г. В связи с чем в сфере здравоохранения, как на федеральном, так и на региональном уровне необходимо своевременное развитие нормативно-правовой базы, регулирующей отрасль и обеспечивающей ее эффективное развитие.

Ключевые слова: здравоохранение, социальная политика, государство, правовое регулирование, законодательные акты.

REGULATORY AND LEGAL BASES OF REGULATION OF THE HEALTHCARE SECTOR OF THE RUSSIAN FEDERATION: FEDERAL AND REGIONAL PERSPECTIVES

Abstract. *The article discusses aspects of the regulatory and legal regulation of the healthcare sector of the Russian Federation at the federal and regional levels - on the example of the Irkutsk region at the present stage. Today, the study of the healthcare sector is becoming especially relevant, this is due to many factors, the main ones are serious problems in the industry, new challenges to the healthcare system in the form of a pandemic of a new coronavirus infection, as well as the conditions of sanctions against Russia since February 2022. In this connection, the healthcare sector, both at the federal and regional levels, needs timely development of the regulatory framework regulating the industry and ensuring its effective development.*

Key words: *healthcare, social policy, state, legal regulation, legislative acts.*

Состояние здоровья населения является одним из важных условий благополучия и развития любого государства. На сегодняшний день уровень оказания медицинской помощи и рациональная политика государства служат главными критериями качества жизни граждан страны. В компетенции государства находится регулирование социально значимых процессов, которые влияют на здоровье и на уровень благосостояния общества. На современном этапе мы можем констатировать, что концентрация внимания законодателей развитых стран сосредоточена вокруг обеспечения правового регулирования в отрасли охраны здоровья населения. Этому

способствуют существующие вызовы в сфере здравоохранения и повышение внимания общества к вопросам качества политики в данной отрасли и состоянию здоровья, а также развитие общественных отношений в области охраны здоровья, что сказывается на национальной безопасности.

В Российской Федерации вопросы здравоохранения в последнее время находятся на актуальной политической повестке, это вызвано как внутренними, так и внешними факторами, влияющими на развитие отрасли. В рамках данной статьи будут рассмотрены нормативно-правовые акты РФ, регулирующие систему охраны здоровья населения в современных условиях.

Законодательное регулирование здравоохранения является одним из основных условий успешного развития отрасли, с его помощью контролируются административные, общественные и иные вопросы в отрасли, и закрепляются основные положения функционирования сферы здравоохранения на территории государства. Для того, чтобы структурировать систему здравоохранения и сформировать ее эффективное функционирование, необходимо совершенствовать нормативно-правовую базу, связанную с охраной здоровья населения.

В Российской Федерации законодательное обеспечение в сфере здравоохранения ориентировано на достижение поставленных целей государственной политики в отрасли охраны здоровья, так, основная цель заключена в укреплении и сохранении здоровья нации [12]. Законодательство придает системе здравоохранения ориентированность и целенаправленность, служит базисом в создании необходимых условий для разработки долговременной стратегии и программы развития отрасли и совершенствует методы и формы руководства системой здравоохранения.

Исследователи выделяют различные подходы и средства по улучшению состояния сферы здравоохранения в РФ с помощью законодательства. Так, например, А.Н. Пищита выделил ключевые, по его мнению, средства улучшения состояния сферы здравоохранения, к ним были отнесены:

1) практический уровень, в котором необходимо обеспечить совершенствование законодательной базы отечественного здравоохранения;

2) теоретический уровень, суть которого заключается в

обосновании необходимости модификации правового сопровождения медицинской деятельности, как одного из направлений научных исследований [15, с. 3].

После распада СССР в конце XX в. во многих сферах государства происходили кардинальные изменения. В первом десятилетии XXI в. в России социальная политика государства становится одним из важных направлений во внутренней политике страны. Сфера здравоохранения как отрасль социальной политики оказывается в центре внимания органов государственной власти. В первом десятилетии XXI в. в отрасли происходит активное совершенствование нормативно-правовых актов в сфере здравоохранения страны, принимаются поправки в законах, создаются правовые основы для возможности модернизации и реформирования отрасли, в рамках законодательства реализовывался национальный проект «Здоровье» (2006 - 2014 гг.). На сегодняшний день с 2019 г. на территории страны реализовываются два крупных национальных проекта «Здравоохранение» и «Демография» [10].

Законодательную базу здравоохранения условно можно поделить на два уровня: федеральное законодательство и законодательство субъектов Российской Федерации. Как в федеральном законодательстве, так и законодательстве субъектов РФ выделяют различного рода нормативные правовые акты органов законодательной и исполнительной власти. Законы РФ в сфере охраны здоровья являются высшим исполнением воли народа в здравоохранении. Отметим, что в целом нормативно-правовые акты в отрасли представляют совокупность источников, посвященных регулированию отношений в системе здравоохранения согласно юридическим нормам.

Современное законодательство представлено довольно обширной нормативно-правовой базой. В первую очередь отметим Конституцию РФ, в которой закреплены принципы государственной политики и общественной жизни в России. В ст. 41 главы 2 Конституции РФ зафиксировано, что граждане имеют право на охрану здоровья и оказание бесплатной медицинской помощи в государственных и муниципальных медицинских учреждениях, также в статье закреплено положение о финансировании федеральных программ в здравоохранении и о мерах, предпринимаемых для развития государственной, муниципальной и частной систем здра-

воохранения [1; 14].

В законодательстве выделяют ряд базовых нормативно-правовых актов, особое место среди которых занимает Федеральный закон, регулирующий отношения в отрасли здравоохранения, «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», вступивший в силу в ноябре 2011 г. Закон определяет основополагающие установки здравоохранения, к ним относятся: правовые, организационные и экономические основы здравоохранения; права и обязанности гражданина по вопросам охраны здоровья; а также определяет полномочия и ответственность исполнительных органов государства в сфере здравоохранения; деятельность медицинских учреждений в рамках законодательства [4].

С помощью опыта издания данного федерального закона удалось выявить важность масштабного обсуждения вопросов, связанных со здравоохранением, не только на уровне государства, научного и медицинского сообщества, но и на уровне граждан, т.к. это приводит к усовершенствованию нормативно-правовых актов, регулирующих медицинскую деятельность [13, с. 2]. В соответствии с рассматриваемым законом принимаются иные федеральные законы и нормативно-правовые акты РФ, в том числе и в субъектах РФ, регулирующие безопасность граждан и охраны здоровья населения страны, закрепляющие мониторинг государства в области оценки и эффективности системы здравоохранения в целом.

В законодательной базе существует практика разработки специальных федеральных законов в сфере здравоохранения, как правило, такие законы имеют узконаправленный характер и рассматривают отдельные важнейшие вопросы в отрасли.

Также в законодательстве необходимо рассмотреть вопрос о принятии Стратегии развития здравоохранения, который занимает важное место в развитии отрасли. Так, Стратегии развития здравоохранения принимаются в соответствии с Федеральным законом от 28.06.2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Данный закон устанавливает и регулирует правовые основы стратегического планирования в РФ, в том числе и в вопросах здравоохранения [3].

В системе охраны здоровья населения актуальным является направление, связанное с оценкой качества оказываемой медицинской помощи и всей системы здравоохранения. Поскольку вопрос о

качестве медицинской помощи и всей системы здравоохранения занимают важное место в жизни государства и общества, в связи с этим государством осуществляется контроль качества и безопасности медицинской деятельности, происходит это посредством соблюдения требований, закрепленных в законодательной базе здравоохранения.

Государственный контроль качества и безопасности медицинской деятельности осуществляется Росздравнадзором на основе постановления Правительства РФ от 30.06.2004 г. № 323 «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере здравоохранения» [7] и рядом иных постановлений, закрепляющих отдельные вопросы охраны здоровья.

В рамках законодательства РФ в сфере здравоохранения существует ряд законов, постановлений Правительства, приказов Министерства здравоохранения РФ и региональных министерств и указов Президента, регламентирующих методы оценки и качества здравоохранения и медицинской помощи в стране.

В 2017 г. Министерством здравоохранения РФ был выпущен приказ, закрепляющий методики оценки эффективности государственной программы РФ по развитию здравоохранения. Основными критериями такой оценки служат уровень достижения целей и выполнение поставленных задач, оценка реализации мероприятий, оценка полученных результатов, уровень затрат и эффективность использования ресурсов федерального бюджета [6].

В 2017 г. вышел приказ Министерства здравоохранения РФ, в котором были утверждены критерии оценки качества медицинской помощи, действующих в тех медицинских организациях, где имеется лицензия на медицинскую деятельность. В приказе закрепляются критерии оценки по категориям заболеваний и по условиям оказания медицинской помощи [10].

Здравоохранение нуждается не только в контроле за медицинской помощью и всей системой охраны здоровья, но и внедрении определенных технологий, которые бы заложили основу правил и установок в работу медицинских кадров и органов государственной власти.

В 2020 году мир столкнулся с пандемией новой коронавирусной инфекции, которая выявила множество проблем в отрасли здравоохранения разных государств. В РФ также сложилась слож-

ная эпидемиологическая ситуация, пандемия выявила новые и обострила уже имеющиеся проблемы в отрасли, требовавшие срочного решения со стороны органов государственной власти, научного и медицинского сообщества. Изменения и дополнения требовались и в законодательстве в сфере здравоохранения страны для эффективной борьбы с новым заболеванием.

Так, пандемия COVID-19 внесла существенные коррективы в законодательство здравоохранения, и в реализацию национальных проектов в отрасли. В постановлении Правительства РФ от 31 января 2020 г. № 66 пандемия новой коронавирусной инфекции была внесена в перечень заболеваний, которые представляют особую опасность для окружающих [11].

В апреле 2020 г. принят Федеральный закон № 98, в котором уточнялись положения о чрезвычайной ситуации, закреплено право Правительства РФ на введение режимов повышенной готовности, а также введены полномочия Правительства, направленные на урегулирование обращения лекарственных препаратов, медицинских изделий и т.д. [2].

В марте Министерством здравоохранения РФ был выпущен приказ, в котором утверждался временный порядок организации работы медицинских учреждений, направленный на борьбу с инфекцией [10], данный приказ регулярно обновляется с периода его принятия. Коррективы были внесены и в реализацию масштабных национальных проектов.

С февраля 2022 года РФ столкнулась с экономическими санкциями в связи со специальной военной операцией на Украине. Санкции бросили вызов многим сферам, в том числе в новых условиях оказалась и система здравоохранения. Соответственно, на данном этапе государству необходимо обеспечивать эффективное функционирование отрасли без существенных перебоев в работе. В марте 2022 г. были изменены принципы поставки медицинских препаратов, пересмотрены процедуры закупок препаратов и иных медицинских изделий в РФ. Изменялись и законодательные инициативы в отрасли охраны здоровья, так, согласно постановлению Правительства РФ от 14 апреля 2022 г. российские фармацевтические компании смогут получить возможность в грантовой поддержке от органов государственной власти, направленные на создание образцов необходимых лекарственных препаратов [11].

Законодательство о здравоохранении оказывает влияние и на развитие законодательной базы регионов Российской Федерации, стоит отметить, что законы и иные нормативно-правовые акты субъектов РФ в области охраны здоровья не должны противоречить Конституции РФ и основным федеральным законам. В субъектах РФ законодательная система в сфере здравоохранения является многоуровневой, как и на федеральном уровне. Нормативно-правовые акты регионального уровня отражают ключевые принципы в сфере охраны здоровья населения в соответствии с нормативно-правовыми актами федерального уровня, указами глав субъектов РФ, постановлениями региональных законодательных и исполнительных органов власти.

В законодательстве о здравоохранении регионального уровня, как правило, рассматриваются вопросы об административном регулировании системы здравоохранения, бюджета субъектов в области охраны здоровья, в регионах могут устанавливаться специальные законы, регулирующие отдельные вопросы отрасли, а также нормативно-правовые акты о целевых программах и концепциях.

На территории Иркутской области управление сферой здравоохранения регулируется согласно вышеуказанным нормативно-правовым актам, кроме того, в регионе действуют региональные законы, приказы и постановления. В качестве примера базовых нормативно-правовых актов на региональном уровне может служить Закон Иркутской области от 5.03.2010 г. «Об отдельных вопросах здравоохранения в Иркутской области» [5]. В данном законе закреплены основы деятельности Законодательного собрания Иркутской области в осуществлении и организации политики в области здравоохранения на территории Иркутской области, решение вопросов в реализации территориальной программы государственных гарантий в оказании медицинской помощи на бесплатной основе, вопросы ОМС, также в законе предусмотрены положения о разработке и реализации региональных программ и научных исследований в области здравоохранения и т. д.

В регионе действует постановление Правительства области от 6 ноября 2018 г., в котором утверждается государственная программа Иркутской области по развитию отрасли здравоохранения на период с 2019 по 2024 гг. В частности, на территории региона

утверждена «Территориальная программа», закрепляющая гарантии бесплатной медицинской помощи в Иркутской области для граждан в соответствии с постановлением Правительства Иркутской области от 29 декабря 2020 г. [9].

Согласно постановлению Правительства региона, в Иркутской области в 2020 г. была утверждена региональная программа модернизации первичного звена здравоохранения на 2021 - 2025 гг., направленная на повышение качества и доступности первичной медико-санитарной помощи в сельской местности, поселках городского типа, а также в малых городах области [8]. Данный вопрос является приоритетным и находит отражение в задачах Министерства и заседаниях комитета по здравоохранению и социальному развитию.

Наряду с федеральным уровнем существуют региональные нормативно-правовые акты, оценивающие и регулирующие эффективность здравоохранения в регионе, согласно приказу Министерства здравоохранения Иркутской области, вышедшего в 2017 г. и утверждающего показатели эффективности деятельности руководителей медицинских и образовательных организаций, подведомственных Министерству здравоохранения Иркутской области [9]. Но оценка деятельности медицинских и образовательных организаций не позволит оценить в полной мере эффективность реализации государственной политики в сфере охраны здоровья населения на уровне Иркутской области, поэтому подходы к оценке эффективности системы здравоохранения требуют дальнейшего развития.

Во время пандемии на территории области вводились указы и постановления о введении ограничительных мер, а также о работе государственных медицинских учреждений в условиях распространения новой коронавирусной инфекции. Необходимо отметить, что в период распространения пандемии коронавирусной инфекции субъекты РФ постепенно вводили ограничительные меры по борьбе с распространением COVID-19. С учетом региональной специфики Иркутской области 18 марта 2020 г. указом врио губернатора И.И. Кобзева был объявлен «режим функционирования повышенной готовности» [9].

При анализе нормативно-правовой базы здравоохранения в Иркутской области стало очевидным, что на территории региона

действует большое количество правовых документов, регулирующих отдельные вопросы здравоохранения региона и деятельности регионального Министерства здравоохранения Иркутской области, согласно которым осуществляется региональная политика в сфере охраны здоровья населения.

Таким образом, мы можем констатировать, что механизмы правового регулирования сферы здравоохранения имеют важное значение для успешного развития отрасли. Исходя из изучения нормативно-правовой базы в сфере здравоохранения Российской Федерации на федеральном и на региональном уровне, на примере Иркутской области можно сделать вывод, что правовая система охраны здоровья довольно обширна.

Развитие законодательства здравоохранения проходит с каждым годом, однако, в условиях модернизации законодательства и системы здравоохранения в частности, государству стоит заниматься усовершенствованием механизмов норм и правил, развивать новые законопроекты по вопросам здравоохранения для повышения эффективности отдельных вопросов, например, касающихся частной медицинской практики, защиты прав пациентов, доступности первичного звена здравоохранения и др., в соответствии с современными тенденциями. Некоторые проблемы и несовершенства законодательства и сферы здравоохранения во многом были выявлены в период серьезных вызовов.

Источники и литература

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: Федеральный закон от 1.04.2020 г. // URL: <https://clck.ru/NQiTM> (дата обращения: 19.10.2022).

3. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 г. // URL: <https://clck.ru/ЖКЕb4> (дата обращения: 19.10.2022).

4. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 г. // URL: <https://clck.ru/DNwu9> (дата обращения: 20.10.2022).

5. Об отдельных вопросах здравоохранения в Иркутской области (с изменениями на 21.12.2021 г.): Закон Иркутской области от 5.03.2010 г. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/469414064> (дата обращения: 20.10.2022).

6. Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи: приказ Министерства здравоохранения РФ от 10.05.2017 г. № 203н // URL: <https://clck.ru/hcJJb> (дата обращения: 20.10.2022).

7. Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере здравоохранения (редакция от 25.01.2022 г.): постановление Правительства РФ от 30.06.2004 г. № 323 // URL: <https://clck.ru/32WqD5> (дата обращения: 19.10.2022).

8. Об утверждении региональной программы модернизации первичного звена здравоохранения Иркутской области на 2021 - 2025 гг. (с изменениями на 07.07.2022 г.): постановление Правительства Иркутской области от 15.12.2020 г. № 1053-пп // URL: <https://docs.cntd.ru/document/573338461> (дата обращения: 19.10.2022).

9. Официальный сайт Министерства здравоохранения Иркутской области. – URL: <https://www.minzdrav-irkutsk.ru/> (дата обращения: 20.10.2022).

10. Официальный сайт Министерства здравоохранения РФ. – URL: <https://minzdrav.gov.ru/> (дата обращения: 20.10.2022).

11. Официальный сайт Правительства РФ. – URL: <http://government.ru/> (дата обращения: 21.10.2022).

12. Ерохина Т.В. Нормативно-правовое регулирование реформы здравоохранения // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2006. – № 5 (34). – С. 255-262.

13. Ковелина Т.А., Марухно В.М., Собянин А.В. Новеллы законодательства в сфере здравоохранения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 6. – С. 159-162.

14. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 343 с.

15. Пищита А.Н. Исторический опыт, современное состояние и перспективы правового обеспечения здравоохранения в России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006. – 52 с.

DOI: 10.47905/9785604872161_387

ПРАВОВОЙ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ОТБОРА КАНДИДАТОВ НА ПРОХОЖДЕНИЕ СЛУЖБЫ В ОВД

Аннотация. Для выполнения сложных государственных функций требуются профессионалы, соответствующие требованиям, предъявляемым соответствующей профессией и ее задачами. Служба в органах внутренних дел предполагает высокую степень ответственности, сложность задач, требует особых интеллектуальных и психологических характеристик. Поэтому отбору кандидатов на прохождение службы в ОВД уделяется повышенное внимание. Качественный профессиональный отбор кандидатов является основой кадровой безопасности всей системы ОВД.

Ключевые слова: профессиональный отбор, органы внутренних дел, служба, личные качества, психологическая характеристика, социальная фильтрация.

* *Мерзлякова Полина Олеговна*, студентка 3 курса, Московский государственный строительный университет (г. Москва, Россия).

Научный руководитель: Бернюкевич Татьяна Владимировна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный строительный университет (г. Москва, Россия).

Merzlyakova Polina Olegovna, 3rd year student, Moscow state university of civil engineering (Moscow, Russia).

Scientific curator: Bernyukevich Tatyana Vladimirovna, doctor of philosophical sciences, professor, Moscow state university of civil engineering (Moscow, Russia).

** *Голубева Олеся Александровна*, студентка 3 курса, Московский государственный строительный университет (г. Москва, Россия).

Научный руководитель: Бернюкевич Татьяна Владимировна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный строительный университет (г. Москва, Россия).

Golubeva Olesya Alexandrovna, 3rd year student, Moscow state university of civil engineering (Moscow, Russia).

Scientific curator: Bernyukevich Tatyana Vladimirovna, doctor of philosophical sciences, professor, Moscow state university of civil engineering (Moscow, Russia).

LEGAL AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE SELECTION OF CANDIDATES FOR SERVICE IN THE INTERNAL AFFAIRS AGENCIES

***Abstract.** Complex government functions require professionals who meet the requirements of the respective profession and its tasks. Service in the internal affairs agencies implies a high degree of responsibility, the complexity of tasks, and requires special intellectual and psychological characteristics. Therefore, the selection of candidates for service in the Department of Internal Affairs is given increased attention. High-quality professional selection of candidates is the basis of personnel security of the entire system of internal affairs agencies.*

***Key words:** professional selection, internal affairs agencies, service, personal qualities, psychological characteristics, social filtration.*

Система отбора кандидатов на прохождение службы в ОВД включает в себя несколько мероприятий, направленных на установление профессиональной пригодности потенциальных кандидатов. При этом социально-психологический анализ является одним из основных залогов эффективности профессионального отбора кандидатов.

Одной из задач деятельности психологических служб системы МВД России – это прогнозирование успешности освоения профессиональных компетенций и эффективности принятия решений в различных ситуациях. Правильное использование результатов социально-психологического обследования характеризует действенность итогового заключения о профессиональной пригодности.

Согласно статье 17 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», на службу в органы внутренних дел вправе поступать граждане не моложе 18 лет независимо от пола, расы, национальности, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, владеющие государственным языком Российской Федерации, соответствующие квалификационным требованиям, способные по своим личным и деловым качествам, физической подготовке и состоянию здоровья

выполнять служебные обязанности сотрудника органов внутренних дел [3].

Кандидат на службу в ОВД должен являться личностью, имеющей цель постоянное самосовершенствование и непрерывный профессиональный рост. Также ему необходимо изучить перечень профессиональных компетенций, определяющих содержание профессиональной служебной деятельности в ОВД, и соответствовать требуемым параметрам.

Возрастные параметры предполагают возраст кандидата, который должен быть не менее 18 и не более 40 лет. Предельный возраст поступления на службу в органы внутренних дел устанавливается: для замещения должностей рядового состава и младшего начальствующего состава – 35 лет, должностей среднего, старшего и высшего начальствующего состава – 40 лет; для поступления в образовательные организации высшего образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел для обучения по очной форме – 25 лет.

Социальные параметры отображаются положительной характеристикой по месту проживания, работы, отсутствием судимости и привлечения к уголовной ответственности за умышленные преступления и так далее.

Физические параметры устанавливаются способностью выполнять различные нормативы в этой области.

Рассмотрим подробнее профессиональный отбор кандидата на службу в ОВД. Он представляет собой совокупность мероприятий, которые осуществляются посредством комплексного анализа всех психологических характеристик человека.

В соответствии с Правилами профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел РФ, утвержденными постановлением Правительства РФ от 6 декабря 2012 г. № 1259, профессиональный психологический отбор гражданина на службу в ОВД проводится с целью определения способности кандидата по своим личным и деловым качествам выполнять служебные обязанности сотрудника ОВД и для выявления факторов риска девиантного поведения [4].

Гипотезой исследования является предположение о психологических особенностях лиц, условно рекомендованных или,

наоборот, не рекомендованных к прохождению службы в органах внутренних дел вследствие выявленных факторов риска.

Обследованию подлежат такие личные и деловые качества как:

- уровень общего интеллектуального развития, способностей к логическим суждениям и умозаключениям, а также к четкому изложению информации в устной и письменной формах;
- эмоциональная устойчивость, уравновешенность, контроль своего поведения и внешних проявлений эмоций, эмоциональная зрелость;
- уровень волевой регуляции поведения, выдержки, смелости, решительности, настойчивости, целеустремленности, работоспособности;
- внутренняя организованность, исполнительность, дисциплинированность, ответственность за порученное дело;
- уровень правосознания и нравственных убеждений, честность, принципиальность, соблюдение норм общественной морали;
- зрелость личности, способность брать на себя ответственность за свои решения, действия и поступки, умение определять приоритеты и последовательность в решении проблем, самостоятельность, уверенность в своих силах и уровень самокритичности;
- самооценка, особенности мотивационной сферы личности.

Также немаловажным является изучение следующих факторов риска:

- злоупотребление алкоголем или токсическими веществами;
- потребление без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ;
- участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ;
- противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость;
- участие в незаконном обороте оружия;
- участие в деятельности запрещенных общественных объединений;
- совершение уголовно наказуемых деяний;

– сокрытие или искажение анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера;

– попытка поступления на службу в интересах деятельности запрещенных общественных объединений, преступных и иных организаций;

– склонность к злоупотреблению должностными полномочиями;

– склонность к совершению суицидальных действий.

Для проверки личных и деловых качеств кандидатов, выявления факторов риска используются методики, утвержденные МВД РФ, в перечень которых, в частности, входят прогрессивные матрицы Дж. Равена, аналогии, тест «Мотивационный профиль» Ш. Ричи и П. Мартина, краткий отборочный тест В.Н. Бузина, Э.Ф. Вандерлик, многомерный метод исследования личности Ф.Б. Березина, методика изучения локус-контроля Дж. Роттера.

Психологическое обследование проводится путем тестирования и собеседования. По данным исследования Д.В. Деулина и Д.Е. Алексеева, специалисты опираются в основном на неформализованные методы диагностики кандидатов, так из числа опрошенных психологов 86% отдают предпочтение собеседованию, в рамках которого проводится беседа и наблюдение. Респонденты отметили, что при использовании тестологии, проявляется ориентированность кандидатов на социально одобряемые ответы, кроме того, при сопоставлении результатов формализованных и неформализованных методов возникает несоответствие между ними [1, с. 16]. При этом, наиболее эффективным методом собеседования большинство опрошенных психологов (84%) считают беседу, которая, по их мнению, более информативна, нежели наблюдение [1, с. 18].

В пользу результативности неформализованных методов, а именно беседы, следует отнести и то, что в ходе собеседования психолог точно и гораздо быстрее может установить психопатические, психастенические и социально-интровертированные черты личности, которые характеризуют категорию кандидатов с низкой профессиональной психологической пригодностью.

К психопатическим чертам относятся вспыльчивость, импульсивность поведения, безответственность, склонность к совершению аморальных и противоправных действий. Такие люди не-

способны заниматься монотонной работой.

Психастеническими проявлениями являются нерешительность, неуверенность в себе, тревога со слабой рецессией.

Социальная интроверсия характеризуется замкнутостью, социальной отстраненностью, скрытностью.

Однако преуменьшать значение и важность использования тестологии при психологическом обследовании не стоит, поскольку в ходе тестирования изучается умение кандидата анализировать ситуацию. К тому же, качественный психологический отбор кандидатов возможен благодаря применению разных методов обследования, которые в совокупности позволяют психологу сделать правильный вывод.

Психологическое заключение должно содержать ряд характеристик личности кандидата с указанием отдельных психологических особенностей, факторов риска, а также один из следующих выводов:

а) рекомендуется в первую очередь (первая категория профессиональной пригодности);

б) рекомендуется (вторая категория профессиональной пригодности);

в) рекомендуется условно (третья категория профессиональной пригодности);

г) не рекомендуется, не способен выполнять служебные обязанности сотрудника органов внутренних дел РФ (четвертая категория профессиональной пригодности).

Вывод «не рекомендуется» выносится в отношении кандидатов, у которых выявлены признаки дезадаптации с высокой вероятностью развития заболеваний, с наличием одного или нескольких факторов риска. При отборе кандидатов на службу в ОВД необходимо сделать акцент на тех, кто более активно проявляют способность адаптации к быстро меняющимся экономическим, социальным, правовым, культурным и другим условиям общественных отношений.

Нужно также брать во внимание, что вопрос повышения эффективности отбора кандидатов на службу в ОВД напрямую зависит от уровня развития всех сфер общества, который и определяет качественный и количественный состав будущих сотрудников ОВД. По мнению некоторых авторов, главное назначение социаль-

ной фильтрации – отбор лучших для выполнения наиболее сложных государственных функций [2, с. 417]. Но если общество регрессирует до степени отсутствия выбора подходящих кандидатов на службу в ОВД, то любые системы их отбора не будут функционировать. Качественный профессиональный психологический отбор кандидатов является основой кадровой безопасности всей системы органов внутренних дел.

Источники и литература

1. Деулин Д.В., Алексеев Д.Е. Факторы личностно-профессиональной пригодности кандидатов на службу в органы внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2020. – № 1 (80). – С. 14-18.

2. Иншаков С.М. Системное воздействие на преступность в Вооруженных Силах России: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1997. – 467 с.

3. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/

4. Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 6 декабря 2012 г. № 1259 [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138821/ (дата обращения: 14.12.2022).

DOI: 10.47905/9785604872161_394

РОЛЬ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В ФОРМИРОВАНИИ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Аннотация. В статье анализируется то, как избирательная система как совокупность правовых норм оказывает влияние на формирование и институционализацию партийной системы. Здесь рассмотрены некоторые нормативно-правовые акты, которые стали причиной к изменениям политических процессов, формирующих партийную систему. Были изучены различные элементы и факторы, регулирующие правом, такие как типы партий и их возможности по участию в выборах, избирательные системы, процедуры организации и регистрации партийных структур.

Ключевые слова: партия, партийная система, избирательное право, закон.

THE ROLE OF THE ELECTORAL LAW IN THE FORMATION OF THE PARTY SYSTEM OF RUSSIA

Abstract. The article analyzes how the electoral system as a set of legal norms influences the formation and institutionalization of the party system. Here, some of the legal acts that have become the reason for changes in the political processes that form the party system are considered. Various elements and factors regulated by law were studied, such as the types of parties and their ability to participate in elections, electoral systems, procedures for organizing and registering party structures.

Key words: party, party system, suffrage, law.

* *Мурашов Руслан Юрьевич*, магистрант, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия).

Научный руководитель: Рыбалко Михаил Леонидович, канд. ист. наук, доцент, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия).

Murashov Ruslan Yurievich, Undergraduate, Irkutsk state university (Irkutsk, Russia).

Scientific curator: Rybalko Mikhail Leonidovich, candidate of historical science, associate professor, Irkutsk state university (Irkutsk, Russia).

Фундаментом выборов, как политического института, безусловно является избирательное право. Процессы подготовки, голосования, подсчета, распределения мандатов, не могут обходиться без должного нормативно-правового регулирования, опирающегося на законодательную базу. К тому же, отдельные элементы избирательного права могут являться важным технологическим инструментом, который определяет «правила политической игры» [7, с. 47]. Условно, определение избирательной системы, способно склонить преимущество в электоральном процессе тем или иным политическим элитам, определяя их взаимоотношение и методы формирования правящего класса. Сами выборы и регулирующие их избирательное право является в свою очередь базисом для формирования публичной власти, в условиях развития демократического политического процесса, что весьма актуально в продолжающейся складываться российской демократии.

В истории российского избирательного права, на своем современном этапе, оно претерпело не мало изменений. Каждое из них так или иначе имело влияние на избирательную систему, ход голосования и главное на результаты выборов. Этим подтверждается актуальность тематики, особенно в условиях, когда законодательство довольно гибко подвергается правкам и изменениям. Ключевой рамкой, которая ограничивает возможные преобразования избирательного права, должны оставаться основополагающие принципы, закрепленные в основном законе, учреждающем правовую базу государства. Как отмечает профессор В. Т. Кабышев: «Конституция РФ 1993 г. есть высшая правовая ценность. Преодолеть правовой нигилизм, нетерпимость, воспитать глубокое уважение к правам и свободам человека в одночасье нельзя. Реализация положений Конституции России – многогранный процесс, в основе которого лежит неуклонное соблюдение конституционных норм и принципов» [4, с. 37]. Тем не менее, избирательное право – это отрасль, которая динамично развивается в России со всеми вытекающими отсюда последствиями. Основой для законодательных преобразований являются политические реформы, которые в условиях становления нового государства интенсивно проводились не одним правительством. Однако это не означает того, что ожидать новых трансформаций не стоит. Наоборот, предсказав грядущий политический кризис, можно предполагать о возможных реформах в из-

бирательном праве. Благодаря тому, что оно позволяет создать условия для благоприятного проведения выборов, в интересах правящей элиты.

Современные тенденции развития общества и государства свидетельствуют о расширении инструментов реализации активного избирательного права. Появляются такие механизмы, как голосование по месту нахождения избирателей, электронное голосование, цифровые избирательные участки и т.д. При проведении голосования в течение нескольких дней устанавливаются дополнительные формы голосования, а именно: голосование вне помещения для голосования, голосование на придомовых территориях; голосование с использованием дополнительных возможностей; голосование в населенных пунктах, где отсутствует помещение для голосования. Возможность применения конкретных форм голосования, алгоритм избирательных действий определяется избирательной комиссией, организующей выборы. К примеру, в преддверии выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ было принято Положение от 1 июля 2021 года № 13/103-8. «Об особенностях голосования, установления итогов голосования при проведении голосования на выборах, референдумах, назначенных на 19 сентября 2021 года, в течение нескольких дней подряд».

Однако само голосование является отнюдь не последней формой влияния избирательного права на результаты выборов. Подведение итогов голосования – это лишь первый этап в процессе распределения мандатов среди соискателей должностных мест, далее вступают в силу методы их перераспределения, которые также регулируются нормативно-правовыми актами. К примеру, в большинстве субъектов федерации, изначально региональные парламенты формировались на основе мажоритарной избирательной системы, в следствии чего в регионах имелось широкое представительство различных групп интересов, включающее беспартийных представителей, которые избираются в одномандатных и многомандатных округах и не контролируются политическими партиями. Это происходило благодаря тому, что в новом государстве не были четко определены федеральные требования к границам дозволенного в формировании органов государственной власти в регионах. Однако с приходом к власти В. В. Путина государственная политика по отношению к регионам изменилась. После длительной либе-

рализации при администрации Б. Н. Ельцина, региональная политика которого исторически сформировалась в идиоме «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить», началось укрепление власти федерального центра при Владимире Путине. Жесткая позиция Кремля по теме регионов была определяющей в контексте регионального сепаратизма для установления территориальной стабильности. В том числе это касалось и политической централизации основных рычагов воздействия на общественные массы для проведения эффективной региональной политики. Таким образом проводимые преобразования имели влияние на функционирование партийной системы в российских регионах и были частью политики укрепления политической вертикали власти.

Во-первых, федеральной властью в 2001 году были ликвидированы региональные, межрегиональные и местные политические партии и переведены в статус общественных объединений Федеральным законом от 11.07.2001 г. «О политических партиях» [1]. Эта мера была направлена на сокращение возможности бесконтрольно, со стороны федерального центра лоббировать интересы региональных элит. На фоне теряющих власть региональных партий, в первую очередь из-за отсутствия возможности участвовать в выборах, укрепляют свои властные позиции региональные отделения федеральных партий. Соответственно увеличивается влияние и вес политических решений, принимаемых партийными функционерами в Москве, распространяя их не только через государственные органы, но и через сеть региональных штабов партий по всей Федерации.

Во-вторых, в соответствии, с принятой в 2002 году редакцией Закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» к 14 июля 2003 г. региональное законодательство должно было быть приведено в соответствие с новыми требованиями [3]. Так как в российских регионах на выборах в парламенты была распространена избирательная система мажоритарного типа, и большинство депутатов имели право пользоваться независимым от партий выдвижением, федеральным центром было решено ограничить эту практику. По данному закону, в региональных парламентах не меньше половины от численности депутатов представительного органа власти, должны набираться из партийных списков федеральных политических партий. Ис-

ключения составляют города федерального значения, что Сибирский федеральный округ не касается, поэтому здесь практически все регионы вынуждены прибегнуть к изменению своего избирательного законодательства. Избирательные блоки, как средство объединения различных кандидатов различных партийных организаций, и как инструмент объединения представителей в законодательном органе власти лоббистов определенного политического субъекта запрещаются. Исключения составляют только выборы на муниципальном уровне власти, соответственно в региональных парламентах избирательные блоки постепенно уходят в прошлое. В общем данный закон также направлен на популяризацию всероссийских политических партий и возрастанию политического веса их региональных отделений по всей России.

В-третьих, принятые в 2004 году поправки в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 6.10.1999 г. [2]. Согласно которым отменялись выборы глав субъектов федерации, окончательно закрепили власть центра над регионами. Однако на функционирование партийной системы данный ход повлиял не столь односторонне как могло показаться на первый взгляд. Губернаторов и других глав регионов с 2004 года по представлению Президента РФ утверждал региональный законодательный орган. Позже право предложения кандидатур на должность появилось и у представленных в местном парламенте партий. В результате чего увеличилось влияние у ведущих в регионе партий.

В-четвертых, серьезным ударом по небольшим партийным структурам и соответственно по политическому плюрализму стал Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» [1]. Так как этот закон весьма серьезно ужесточил требование к формальному существованию политических партий по принципу численности членов. Для всероссийских партий был установлен минимальный порог в 50 тыс. человек, что в 5 раз превышало предыдущий параллельно с этим, для региональных отделений всероссийских партий требование к минимальной численности увеличилось со 100 до 500 человек, а для отделений партий не имеющих представительство в более чем половине субъектов федерации, этот порог увеличился с 50

до 250 членов. Таким образом это привело к повышенной конкуренции за политически активных граждан готовых стать членом той или иной партии. Эту конкуренцию могли выигрывать по большому счету только крупные партии с сильной структурой и грамотно выстроенным партстроительством. Учитывая эти обстоятельства совершенно закономерным, стал тот факт, что в избирательных циклах 2007 и 2008 гг. в большинстве регионов на выборах, включающих пропорциональную избирательную систему, принимали участие только федеральные парламентские партии: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия». К тому же перечисленные партии получают дополнительное преимущество благодаря возможности регистрации их избирательных списков без сбора подписей. Более мелкие партии, не имеющие достаточного уровня финансовой поддержки, необходимой для конкуренции в условиях новых правил политической игры, перестали претендовать на получение власти, соответственно партийных спектр политической системы России был значительно сужен.

В-пятых, в последствии был еще раз пересмотрен Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», принятые в июне и июле 2005 г. поправки в этот закон задели и сферу, напрямую касающуюся избирательной системы, а также подверглись изменениям принципы регистрации в предвыборный период. К предыдущему учреждению смешанной системы голосования, законом был установлен серьезный заградительный барьер для избирательных списков на уровне 7%. К тому же ужесточен подход к сбору подписных листов в процессе регистрации партийных списков к выборам. Таким образом расширяется круг возможностей для избирательных комиссий по регулированию путем отказов в регистрации, пула кандидатов или партийных списков на выборах.

Подводя итоги, современная партийная система России формировалась именно в данных условиях, по крайней мере в первом этапе ее развития. С начала XXI в. в строительстве партийной системы был сделан акцент на том, какое воздействие это будет иметь на структуре политической системы, на эффективности проводимой политики; говоря в целом это касалось в прежде всего исполнительной власти, что в свою очередь заслонило развитие вла-

сти законодательной. Основой федеральной политики в отношении к строительству будущей партийной системы, стали административные меры по регулированию партогенеза и правил участия партий в выборах, с целью усиления влияния федерального центра на политические процессы в регионах. К тому же в тех сферах, что небыли подконтрольны правящей элите, подобные методы расширяли возможности для двухсторонних договоренностей с партийными структурами и региональной элитой. Укрепление вертикали власти, что стало следствием проводимых политических реформ, для власти считалось необходимостью, которая способствовала стабильности и эффективности развития политической системы России в условиях посткризисного периода. Сюда же можно и отнести процесс блокирования свободного общественно-политического развития в либерально-демократическом русле, и плавный переход к патримониальному типу взаимодействия общества с властью.

Именно в данном контексте в первом десятилетии XXI в. формировалась партийная система современной России, а также политический режим и в целом политическая система. Однако, по мнению автора, это был лишь первый этап в становлении стабильной и эффективной для правящего класса партии, которая характеризовалась как централизующая, укрепляющая вертикаль власти и формирующая узкий партийно-плюральный спектр системы. К тому же необходимо уточнить, что именно в этот период развития политической системы России происходит институционализация партийной системы, в качестве важного фактора преобразования или же перехода из хаотичной энтропии партийной системы к структуре и регулированию политических процессов.

По мнению многих политологов, система политических партий, в рамках одного государства, является институционализированной моделью взаимодействия и конфронтации различных интересов и представляющих их элит, а также в целом политического плюрализма в обществе.

В связи с этим, ключевым источником образования и развития партийной системы государства являются его институты и само государственное устройство. Соответственно государство также по отношению к партийной системе определяет рамки политиче-

ского плюрализма, «отсеивая» партии, которые не вписываются в политический ландшафт страны.

Институционализация партийной системы, по большому счету связана не с количественным характером ее измерения, а с качественным внедрением партийной жизни определенного количества организаций, постоянно участвующих в выборах, в политическую жизнь государства.

Таким образом, на первый план выходит стабильность участия партии в политике, выраженная в устойчивом получении партией примерного числа голосов. Постоянное появление новых партий в системе, возникающее благодаря конкурентным и плюральным выборам различных политических сил, которые приходят к власти и заставляют электорат перетекать от одной партии к другой, свидетельствует о нестабильности и изменчивости партийной системы. Это также приводит к отсутствию четкого и устойчивого идейно-политического выбора у электоральных слоев общества. В обратном случае, когда изменение долей голосов партий на выборах стремится к минимуму, мы можем говорить о высоком уровне институционализации партийной системы в государственную структуру.

Таким образом реформа политической власти в начале 2000-х годов с ее регулирующим влиянием на деятельность партий и формы участия их в политике, посредством законодательного повышения требований к партиям. Действительно создают предпосылки для институционализации партийной системы России, в особенности вокруг формирования «партии власти» в лице «Единой России». В целом реформы озаменованы так называемым «укреплением вертикали власти», необходимые федеральному центру для контроля политических процессов в регионах. Сюда же можно отнести и учреждение федеральных округов, реорганизацию Совета Федерации и создание Государственного Совета. Все это также, по меньшей мере, оказывает влияние на формирование партийной системы.

Тем не менее, выборы в Государственную Думу 2011 г. и Президента РФ 2012 г., а в особенности – протестные движения, после которых последовали реформы по ослаблению давления и контроля над субъектами федерации, озаменовали конец первого этапа развития партийной системы России.

Источники и литература

1. Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О политических партиях» // www.consultant.ru.
2. Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 93-ФЗ (ред. от 14.03.2022) «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://base.garant.ru/12141178/> (дата обращения: 23.11.2022).
3. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // URL: <https://base.garant.ru/184566/> (дата обращения: 15.11.2022).
4. Кабышев В.Т. О фактической и юридической Конституции России 1993 года // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 1 (96). – С. 33–37.
5. Любарев А.Е. Российская партийная система после реформы 2012 года. – Текст: электронный // Электоральная политика: сайт. – URL: <http://electoralpolitics.org/ru/articles/rossiiskaia-partiinaia-sistema-posle-reformy-2012-goda/> (дата обращения: 29.11.2022).
6. Муниципальный фильтр. Анализ практики применения. – Текст: электронный // Российский общественный институт избирательного права: официальный сайт. – 2017. – URL: <https://cazi.me/cdcob> (дата обращения: 07.12.2022).
7. Мурашов Р.Ю. Основные факторы формирования избирательной системы Иркутской области // 30 лет без Союза: потери, удаchi, перспективы: материалы Всероссийской студенческой конференции / науч. ред. Ю.А. Зуляр. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. – С. 47-51.
8. Орлов А.Г. Избирательное право и избирательные системы // Конституционное право зарубежных стран / под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо и Л.М. Энтина. – 2-е изд. – М.: Норма, 2005. – С. 235–1056.
9. Троицкая Т.В. Современные тенденции развития избирательного законодательства в России и проблемы конкретизации принципов избирательного права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 4. – С. 94-100.

Подписано в печать 07.04.2023.
Формат 90x60 1/16. Печать трафаретная. Усл. печ. л. 23,42.
Тираж 100 экз. Заказ № 198.

Издательство Межрегиональной ассоциации теоретиков
государства и права
Отпечатано в ООО «Типография «ИРКУТ»
664020, г. Иркутск, ул. Новаторов, 3,
664007, ул. Франк-Каменецкого, 24, офис 204, тел. 203-523